

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были отданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как минимум о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 06899905 5

INDEXED

Н О В А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

Д Л Я

Ч Т Е Н І Я.

L'art d'adoucir sa destinée
Est l'art d'occuper son loisir

Ч А С Т Ъ І.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРИЧА.

1824.

П Е Ч А Т А Т Ъ П О З В О Л Е Н О

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Пешербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуешь, на основаніи узаконеній. Санктпешербургъ, Декабря 28 дня 1823 года.

*Цензоръ Статскій Соеѣтникъ и Кавалеръ
А. Красовскій.*

З Е Л Е Н Ы Й П Л А Щ Ъ. *)

Въ коншорѣ богатаго купца Меллингера водились духи; въ эпомѣ нельзя было разувѣрить стараго дворника Товію. Часто, но всегда шайкомъ и подъ условіемъ ненарушаемаго молчанія, рассказывалъ онъ дѣвицѣ Герезѣ, пожилой ключницѣ, какъ нерѣдко въ глухую полночь слышитъ онъ тамъ шумъ, какъ кто-то расхаживая взадъ и впередъ, постукиваетъ шуфлями, переворачиваетъ листы въ большихъ купеческихъ книгахъ, а иногда бренчитъ и деньгами.

Кто зналъ коншору Меллингера, тотъ конечно согласился, что она какъ бы нарочно устроена была для того, чтобы служилъ убѣжищемъ ночнымъ привидѣніямъ.

Домъ, въ коншорѣ жилъ Меллигеръ, принадлежалъ когда-то уничтоженному Кармелитскому женскому монастырю. Меллигеръ купилъ его не очень давно. Такъ называемый бель-эшажъ отдѣлалъ онъ великолепно для своего жилища; а весь нижній и самую наружность дома оставилъ въ прежнемъ

*) Сочинитель Г. Клауренъ выдаетъ описываемое здѣсь происшествіе за совершенно справедливое. Мы съ своей стороны просимъ читателей не произносить рѣшительнаго приговора до прочтенія всей повѣсти.

ихъ видѣ, безъ малѣйшей перемѣны, частію поному что боялся большихъ издержекъ — скажемъ мимоходомъ, что Меллигеръ, какъ говоряшь, *умѣлъ жить съ расчетомъ*, по еспь былъ скупъ до невѣроятности — частію изъ угожденія Эммелинъ, единственной своей дочери, которая находила что-то романтически - прекрасное въ томъ, чтобы сіи древнія, отъ времени почернѣлыя списны сохранять въ ихъ первоначальномъ, почтенномъ видѣ.

Назначенныя ей отъ отца кельи, убрала она съ изящнѣйшимъ вкусомъ, но все въ нихъ показывало особенную наклонность молодой, любезной хозяйки къ небольшой мечтательности. Не подумайте однако жъ, чтобы это было одно жеманство, спрасъ чѣмъ нибудь отличилась — напротивъ: не было дѣвушки искреннѣе, просодушнѣе, невиннѣе Эммелины. Но все ея воспитаніе, какъ бы нарочно успремлено было къ тому, чтобы удалишь ее отъ свѣта: мудрено ли же, что эта дѣвушка съ пылкимъ воображеніемъ создала для себя новый? Матери лишилась она еще въ младенчествѣ, а отецъ шакъ занятъ былъ своими двумя милліонами палеровъ, что вовсе не имѣлъ времени заботиться самъ о единственной своей дочери. Для того отдалъ онъ ее на воспитаніе въ мона-

опырь Урсулинской. Тамъ, въ мирныхъ спѣнахъ, между тихими, крошкими монахинями, жила она до восемнадцати-лѣтняго возраста. Обучась всему, что нужно дѣвушкѣ ея званія, съ ея соспоянiемъ, она сохранила шакую чистую непорочность сердца, что для нее неспоило бы ни малѣйшей жершвы посвящшсь себя навсегда монашескому званию.

Но Меллигеръ взялъ ее изъ монастыря, чшобъ смотрѣть за домашнимъ его хозяйствомъ. Старая его управительница была капризна, упряма и слишкомъ неискусно его обманывала; потому согналъ онъ ее со двора и взялъ къ себѣ Терезу, добрую, честную пожилую дѣвушку; главный же надзоръ надъ всею поручилъ своей дочери.

Слава о красотѣ Эммелины скоро распространилась по всему околотку. До сихъ поръ у Меллингера не видашь было ни одного человека; шеперь ежедневно стали собиращься къ нему изъ опдаленнѣйшихъ концевъ города дяди и шешки, свашы и свашьи, и горѣли желанiемъ познакомиться короче съ милою, умною, любви доспойною его дочерью; потому что у каждой и у каждаго изъ нихъ былъ какой нибудь старой или молодой сынъ или братъ, родственникъ или чрiансель, для кошораго дѣвица Меллигеръ

съ своими двумя милліонами палеровъ, была весьма недурною паршіею.

Эмелина очаровывала всѣхъ ласковою привѣтливостію, съ которою принимала сшарыхъ дядюшекъ, цѣловала руки у сшарыхъ шепушекъ: думали найши въ ней гордую, шщеславную дѣвушку, и рады были обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ. Такіе визиты шребовали обрашнныхъ визитовъ. Спали приглашашъ сшарика Меллингера съ пригошею дочкою на обѣды и ужины, на балы и концершы. Отець не хотѣлъ отшказывашъся отъ нихъ по своимъ видамъ, и такимъ образомъ Эмелина, привыкшая къ мирной зашворнической жизни, вдругъ переселилась въ шакъ называемый свѣшъ. Нельзя сказашь, чтошбъ его удовольствія не понравились ей; но не смошря на шо, она осталась чѣмъ была: изъ вихря блестящихъ праздниковъ, шумныхъ собраній, она охотно возвращалась въ свою тихую, просшую комнату и всѣ жершвы въ разныхъ видахъ и образахъ прелешпямъ ея приносимыя, не дѣлали на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія. Эмелина вовсе не думала о томъ, что она хороша, что она богата. Она смѣялась надъ пришорнымъ вниманіемъ и неловкими угожденіями молодыхъ и сшарыхъ холостяковъ, которые желали съ нею сблизиться, но чшобы подъ шѣмъ кры-

лись какія нибудь особенныя намѣренія, того ей и въ мысль не приходило.

Спарикъ опець ея видѣлъ ясыѣе. Опъ него не укрывались жадные взоры поклонниковъ, которые на каждомъ шагу преслѣдовали его прелеспную дочку или ея полновѣсные червонцы: но онъ зналъ особенное и едва ли не лучшее средство держать ихъ опъ себя и опъ Эммелины въ опдаленіи. Проникая однимъ взглядомъ въ душу каждаго, онъ умѣлъ, не оскорбляя никого, пошчасъ ихъ опбояривать, какъ только полагалъ, что кто изъ нихъ можеть сдѣлаться опаснымъ его дочери. Для этого была у него особенная тактика. Каждый разъ, возвращаясь изъ общества, имѣлъ онъ обыкновеніе выкуривать еще трубку, ходя около часа взадъ и впередъ по комнатамъ, пока дочь его раздѣвалась. Въ это время перебиралъ онъ съ нею всѣхъ, кого они въ этотъ день видѣли, прибавляя къ каждому свои крипическія замѣчанія, и умѣлъ такъ хорошо осмѣивать и передразнивать всякого, что дочь его помирала со смѣху, и этотъ часъ почти всегда проводила съ бѣльшимъ удовольствіемъ, нежели цѣлый вечеръ въ обществѣ. Разумѣется, что сирѣлы его наиболее были усмремляемы на шѣхъ, къ кому замѣчалъ онъ въ Эммелинѣ хотя малѣйшее предпочтеніе.

Что жь мудренаго, когда Эммелина, которая не разь слыхала, какъ отца ея называли умнѣйшимъ, проницапельнѣйшимъ человекомъ во всемъ городѣ, вѣрила ему ошъ всего сердца, и что такимъ образомъ сѣмена, имъ бросаема, падали не на бесплодную землю, но принимались, пускали ростки и приносили пышущекрапные плоды? Всякой разь, послѣ шакого вечера, видя осмѣяннаго, замѣчала и она сама или по крайней мѣрѣ думала замѣчать все достойное порицавiя, что лукавый спарикъ въ немъ находилъ; она смѣялась и отецъ ея выигрывалъ. Не прошло полугода и Эммелина смѣялась уже надо всѣми. Въ комъ оставалась хошя капля ума, хошъ удалялся; одни тѣ, которые совершенно ослѣплены были или блескомъ ея красоты, или блескомъ ея золота, не преславали влечь порожественную ея колесницу, и Эммелина была шакъ жестокосерда, что давала имъ полную волю, не заботясь о шихихъ и громкихъ прозамческихъ и пошическихъ вздохахъ песирой своей упряжи изъ людей разнаго званiя и сосноянiя.

Какъ быстро сначала разнеслась молва въ пользу Эммелины, шакже скоро она шеперь и умолкла. Первыя воспали на нее дѣвушки и женщины, которыхъ большей части она со своимъ прелестнымъ личикомъ,

съ своими большими выразительными глазами, съ своимъ гибкимъ станомъ, съ своимъ богатымъ разнообразнымъ гардеробомъ, съ своими блестящими дорогими уборами, была пышущеугольнымъ камнемъ прешкновения. Но еще съ большою желчью напали на нее всѣ осмѣянные и пренебреженные, всѣ получившіе явные или скрытые опказы.

Эмелина не знала о томъ ничего, по-тому что въ ея присущихъ женщины были вѣжливый, дѣвушки жеманны, мужчины предупредительны; при всемъ томъ начала она чувствовать недосышокъ искренности, довѣренности, душевнаго расположенія, къ которымъ съ юности привыкла въ кругу крошечныхъ, добрыхъ Урсулинянокъ. Въ ихъ высокихъ, оны свѣта отдѣленныхъ снѣгахъ никто ей не завидовалъ, ни кого не представляли ей смѣшнымъ, тамъ ее любили всѣ, она любила все: мудро ли же, что она опять только тамъ и въ своей уединенной комнатѣ начала находить себя на своемъ мѣстѣ?

Того-то и хотѣлось Меллингеру. Планъ его удался. Съ умысломъ показалъ онъ образованной дѣвушкѣ самыя скучныя общества, съ умысломъ окружилъ ее толпою глушцовъ и пустомелей, чтобы тѣ и другіе скорѣе заскучили ей. Теперь она опять принадле-

жала ему, своимъ домашнимъ занятіямъ, своимъ книгамъ, своему піано, своимъ цвѣшамъ.

О будущемъ зящъ онъ нисколько не безпокоился. Меллигеръ состоялъ въ коропкихъ торговыхъ сношеніяхъ съ богатымъ домомъ банкира Спонсери въ Венеціи. Молодой, единственнй сынъ его, который современемъ могъ не меньше положить золота на вѣсы, какъ и сама Эммелина, обучась въ опеческомъ дому шорговль, долженъ былъ теперь продолжашъ свое ученіе на какой нибудь иностранной конпорѣ. Спарый Спонсери, также человекъ разсчешливый, смышленный, зналъ соснояніе Меллингера, зналъ что у него одна только дочь, по лѣшамъ настоящая невѣста для его сына. А какъ обширная шорговля Меллингера могла быть самою настоятельною школою для молодого начинающаго купца, и подъ руководствомъ его дѣйствительно образовались уже многіе отличные между купечествомъ люди, то Спонсери и просилъ у него для своего Гильельмо позволенія опредѣлится на годъ въ коншору его волоншеромъ. Меллигеръ принялъ это предложеніе съ особеннымъ удовольствіемъ, какъ пошому, что такая довѣренность льстила его самолюбію, такъ и пошому, что на первый разъ сберегалъ уже жалованье для одного коншорщика, а въ послѣдствіи — такъ

льшиль онъ себя шайною надеждою — изъ молодого Спонсери и его Эммелины можешь выдти прекрасная пара съ четырью милліонами шалеровъ имѣнія, а съ такимъ капиталомъ какихъ нельзя дѣлать оборотовъ, предпринимать плановъ? Онъ спустиль для того одного изъ своихъ коммиссіонеровъ и вскорѣ получилъ изъ Венеціи извѣстіе, что молодой Спонсери не замедлиль имѣть честь лично ему представиться.

Человѣкъ предполагаешь, а Богъ располагаетъ.

На сей разъ расположилъ Онъ совсѣмъ иначе, нежели какъ думали Меллигеръ и Спонсери.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ то время, какъ Тереза съ убѣдительнѣйшими просьбами о молчаніи, сообщила Эммелинѣ слышанное отъ Тови о спранныхъ ночныхъ приключеніяхъ въ конторѣ.

Эммелина изумилась. Съ самаго дѣтства получила она сколько понятій о сверхъестественномъ, что при всей образованности ума, слушая рассказъ Терезы, не могла удержаться отъ невольной боязни. Разсудивъ спокойно, она представила себѣ, что шупь легко можешь крыться какое нибудь бездѣльничество. Горница, въ которой находилась контора, была прежде молебною Насто-

лпельницы монастыря. Она примыкала къ часовнѣ, въ которой и теперь еще иногда происходила служба, и въ которую вела желѣзная дверь, запершая прѣмь толстыми задвижками и прѣмь огромными замками.

Одна задвижка и два замка ошворялись со стороны конторы, прочія со стороны часовни. Въ случаѣ согласія одного изъ служителей конторы со сторожемъ часовни, не было ничего легче какъ пройти изъ послѣдней въ первую и дѣлать шамъ что угодно. Эту дверь давно уже предполагалось заложить кирпичемъ; но какъ при покупкѣ Меллингеромъ монастырскаго зданія не было въ условіяхъ именно обозначено, на чей счетъ это сдѣлать, то исполненіе и замедлилось, пошому что Меллигеръ не выдавалъ ни гроша, если не былъ принужденъ къ шому самою необходимостію.

Эммелина хоша и дала слово Терезѣ не говорить никому о духахъ, поселившихся въ конторѣ, но, обдумавъ хорошенько, сочла обязанностію предупредить о шомъ опца, чтобы изслѣдовать, что это въ самомъ дѣлѣ значить.

Однако же опецъ смѣялся надъ нею. Ему хорошо было смѣяться, пошому что духъ, которій внизу въ конторѣ похаживалъ и пошукивалъ шуфлями былъ не кто другой, какъ

онъ самъ. Изъ его комнашы, прежняго жилища Настоятельница, сдѣлана была пошайная дѣсница въ модельню, шеперещию коншору, о чемъ никто въ домѣ, кромѣ самаго хозяина, не зналъ. Въ коншорѣ, въ небольшой нишѣ сшояла вырѣзанная изъ дерева спашуя, Эпа нишѣ была скрышная дверь къ пошайной дѣсницѣ.

Богашые люди рѣдко спашь хорошо. Такъ уже положено въ совѣшѣ Предвѣчнаго, для шого, чшобъ блага земныя раздѣлены были сколько возможно равнѣе. Когда все бѣдныя сосѣди мирнаго зданія мощашырскаго наслаждались ошдохновеніемъ въ объашіяхъ благошворнаго сна, шогда юный, маками увѣчанншй богъ лешѣлъ далеко ошъ пуховаго доша богашаго Меддингера: шю скрышѣлъ маленькой флюгеръ на башнѣ его дома, и онъ думалъ о прошивномъ вѣшрѣ, кошорый могъ кошощинѣ богашо нагруженныя его корабли; шю вершѣлся у него въ головѣ послѣдншй курсовой листокъ; шю ужасала его мысль о быспромѣ пониженіи цѣны на хлѣбъ и о его несмѣшныхъ запасахъ; шю дежали у него на душѣ новѣйшшя извѣштя о худомъ положеніи шого или другаго изъ ошдаленныхъ купеческихъ домовъ, съ кошорыми находился онъ въ шѣснош связи; шю мечшались ему призракш людей, кошорые ошъ него пошши кошору;

то устрашало его процвѣшаніе какого нибудь новаго дѣятельнаго и смѣшливаго торговаго дома; однимъ словомъ: Меллигеръ часто чувствовалъ бессонницу. Въ такое время спускался онъ обыкновенно въ контору, повѣрялъ деньги и книги, поворачивалъ и осматривалъ каждой листокъ бумаги на мѣстахъ, гдѣ сидѣли его служители; потому что былъ недоувѣрчивъ, какъ и всѣ скупые люди и старался не только развѣдывать поlixоньку о всѣхъ поступкахъ своихъ конторщиковъ, но даже узнавать ихъ мысли. Наказаніе за сію недоувѣрчивость слѣдовало по пянамъ, ибо когда случалось ему находить нѣсколько цифръ написанныхъ невзначай, или нѣсколько словъ, безъ мыслей набросанныхъ на бумагу, то часто по цѣлымъ часамъ мучился онъ отгадываніемъ шайнаго ихъ значенія.

Меллигеръ не сказалъ Эммелинѣ о своихъ ночныхъ прогулкахъ ничего, но успокоилъ ее своимъ смѣхомъ и увѣреніемъ, что старому Тови вѣроятно пригрѣзилось во снѣ. Онъ не предчувствовалъ, что въ скоромъ времени самъ будетъ мыслить о томъ совсѣмъ иначе.

Я уже сказалъ, что по предварительному согласію Меллигеръ ожидалъ къ себѣ въ скоромъ времени молодаго Спонсери. По по-

лученнымъ извѣстіямъ, онъ находился уже болѣе чешырехъ недѣль въ дорогъ. Такое замедленіе было непонятно. Опасаясь, не случилось ли съ нимъ чего нибудь, Медлингеръ писалъ о томъ къ его отцу.

Вечеромъ того же самаго дня, легши въ постель не могъ онъ опять заснуть. Повертѣвшись нѣсколько времени съ одного бока на другой, онъ вспалъ, отправился въ свою коншору и началъ рыться въ книгахъ и счетахъ. Вдругъ кто-то дернулъ три раза сильно и скоро одинъ за другимъ за жельзный крестъ, кошорый еще со временъ монастырскихъ служилъ рукояпкою звонка, и дребезжащій пронзительный звонъ колокольчика раздался въ обширныхъ съ высокими сводами сѣняхъ, такъ что старый Товія вскочилъ со сна, не зная что такое случилось. Онъ отворилъ поспѣшно дверь, выставилъ фонарь, кошорый едва успѣлъ засвѣтити отъ ночной лампы, и хопѣлъ только съ досадою спросишь: кто тамъ? какъ пощее блѣдное лицо, высунувшееся изъ большого зеленого плаща устремило на него безжизненные неподвижные глаза, и онъ ужаснулся, думая видѣть предъ собою живаго мершвеца.

Зеленый плащъ вспунилъ въ сѣни, не говоря ни слова; попомъ медленными шагами пошелъ, какъ будто бы ему извѣстны

были всѣ коды и переходы, прямо къ черной желѣзной двери въ контору и ударилъ по ней три раза такъ сильно, что во всемъ домѣ простонало.

Меллингеръ зашрепетаъ. Уже прежній проекрапный звонъ колокольчика въ глухую полночь, испугалъ его и онъ поспѣшно бросился на верхъ въ свою комнату, чѣмобъ взявъ ключи отъ конторы и посмотрѣвъ, кто пришелъ въ такое необыкновенное время; но только что повернулъ ключъ въ замкъ, какъ раздались при тяжелой удара по черной, толстой желѣзной двери. Дрожь пробѣжала по всѣмъ его членамъ, и первое, что пришло ему на мысль, былъ рассказъ Эммеины о ночныхъ духахъ.

Зеленый плащъ услышавъ, что дверь изнутри отперта, отворилъ ее, вошелъ молча и подаль письмо Меллингеру, у контораго, при одномъ взглядѣ на мертвое лице привидѣнія, въ глазахъ померкнѣло.

Дрожащею рукою открылъ онъ письмо: оно было отъ стараго Спонсери, котораго вручишея рекомендовалъ какъ своего сына Гильельмо.

Во время чтенія Меллингеръ нѣсколько ободрился и смѣлся внутренно, что такъ сильно испугался безвременнаго посѣщенія, страннаго пощупковъ и блѣднаго лица мо-

лбдаго челоуька. Складывая письмо, привѣщивовала онь, въ кудрявыхъ купеческихъ выраженіяхъ, споль давно уже ожидаемаго сына стараго своего друга. Но только что хошья онь обняль новаго госпя и избраннаго имь во глубинь сердца своего зятя, какъ молодой челоуькъ опшупилъ назадъ и сказаль прощяно глухимъ голосомъ: „Не прикасайшесь ко мнѣ: я мертвъ. Сегодня поупру я умерь. Теперь возвращаюсь шуда, ошкуда пришелъ. Прощайте.“

У Меллингера кровь застыла въ жилахъ, когда *Зеленый плащъ* произнесъ сіи слова, не обращая неподвижныхъ глазъ своихъ. Когда же онь, подавая ему изъ-подъ плаща холодную, окоспешьяую руку, коснулся его руки, то Меллигеръ вскрикнуль ошъ ужаса; волосы у него спали дыбомъ и морозъ оковаль всь чувшва.

Но *Зеленый плащъ* спояль подобно мражорному испукану. Ни капли крови въ лицъ, ни малъйшаго знака жизни во всемъ шьяль: одна способность говорить и сила медленно передвигать свои ноги.

„Завшра“ — сказаль мершвецъ — „являюсь ошцу своему въ Венеціи. Дайте мнѣ росписку въ исправномъ полученіи эшого письма: я ее вручу ему. Возьмише на себя попеченіе о моемъ погребеніи: я здьсь въ

споронѣ чужой, не знаю никого, кромѣ васъ. Если желѣзные заклепы гроба не препяшшвуютъ пѣнямъ умершихъ изъ мирнаго жилища ихъ возвращаться въ сію юдоль печали, то я скоро увижусь съ вами. Дополѣ прощайше. О каждомъ изъ дѣяній вашихъ возвѣщу я Предвѣчнымъ Судьбамъ, которыя судяшъ насъ, какъ мы судили. Не забудьте сего и сообразуйше съ шѣмъ ваши поступки. Я иду. Спокойствіе могилы призываешь меня. Ожидаю только росписки.“

Дрожащею рукою написалъ Меллигеръ свидѣшельство въ полученіи письма и опдалъ неизъяснимому, который положилъ его за отворотъ рукава зеленого плаща своего. Послѣ шого блѣдное привидѣніе двинулось медленными шагами къ дверямъ. Меллигеръ за нимъ.

Товія споялъ съ фонаремъ въ сѣняхъ, и поблѣднѣлъ какъ полошно, увидя, что его господинъ едва держитъ свѣчу отъ сильнаго шрепета. Молча отворилъ онъ двери на дворъ. Мершвецъ, медленно проходя мимо его, устремилъ ему въ глаза швердый, неподвижный взоръ, такъ что морозъ пробѣжалъ по всѣмъ жиламъ старика; пономъ вышелъ, не сказавъ ни слова, изъ дому.

„Слушай за нимъ“ — прошепсала Мел-

лингеръ испуганному Товіа — „посмотри, куда пойдешь эпошь прівзжій.“

Но Товіа покачалъ головою и опвѣчалъ попихоньку: „Какой эпо прівзжій баринъ; эпо мершвецъ, духъ или привидѣніе, если не самъ дьяволь.“

„Любезный Товіа!“ сказалъ опять Меллингеръ слабымъ голосомъ: „поди, сдѣлай милосъ поди за нимъ; я дамъ тебѣ червонецъ на водку, шолько поди, узнай, гдѣ онъ живешъ. Эпо прівзжій: молодой Спонсери изъ Венеціи; я позабылъ спросить у него, гдѣ онъ ошановился.“

Любезный Товіа! Такъ никогда еще не говорилъ Меллингеръ доброму, вѣрному слугѣ своему, и червонца никогда еще не обѣщаль ему за такую маловажную услугу.

Товіа пріободрился, прочиталь попихоньку молитву и пошелъ. Лишь шолько вышелъ онъ изъ дому, какъ по шихой узкой улицѣ раздался бой часовъ съ ближней колокольни: ударило двѣнадцать и *Зеленый плащъ* поворошилъ за ошдаленный уголь.

Товіа шелъ за нимъ издали, но когда непонятный приближась къ оградѣ Августинскаго монашья, въ кошорой находилось кладбище, подошелъ къ маленькой черной желѣзной двери, ударилъ въ нее сильно при разѣ и дверь сама собою ошворилась, и ког-

да *Зеленый плащъ* вошелъ въ нее и дверь за нимъ съ шумомъ захлопнулась, тогда испуганный Товія не могъ больше выдержашь. Онъ обернулся поспѣшно назадъ, пустился бѣжать домой неоглядываясь, и разсказалъ изумленному господину своему все, что видѣлъ и слышалъ.

„Не разглашай, Товія, что здѣсь случилось“ — сказала Меллигеръ и далъ спарикку обѣщанный червонецъ — „завтра я самъ постараюсь выправиться, гдѣ Спонсеръ остановился. Ложись покойно спать и, пожалуйста, не говори объ этой исторіи никому ни слова.“

При сихъ словахъ заперъ Меллигеръ контору снаружи, и пошелъ въ свою комнату по обыкновенной лѣсницѣ.

Но ни Меллигеръ, ни Товія не могли сомкнуть глазъ цѣлую ночь. Безпрестанно видѣлся имъ загадочный *Зеленый плащъ*, съ его блѣднымъ, помершвѣлымъ лицомъ, съ его неподвижными глазами. Сколько Меллигеръ ни опширалъ по мѣсто руки своей, къ кошорому прикоснулась окоспенѣлая рука ужаснаго ночнаго духа, не могъ никакъ согрѣшь.

Со спѣсненнымъ сердцемъ прочишалъ онъ еще разъ письмо, врученное ему мертвецомъ. Оно было писано собственною рукою

спараго Спонсери, который съ нѣжною родителскою заботливостію рекомендовалъ ему сына своего Гильельмо въ особенное благо-расположеніе. Далѣе упоминалъ Спонсери, что шокмо изъ отличнаго уваженія къ Меллингеру, рѣшился онъ оппустить опъ себя единственнаго сына своего такъ далеко для того, чтобъ подъ его надзоромъ могъ усовершенствоваться въ познаніяхъ купеческихъ оборотовъ. Въ заключеніи просилъ онъ, шопчасъ по полученіи письма, увѣдомишь его о прибытіи сына, и потомъ время опъ времени извѣщать о его успѣхахъ и поведеніи. Наконецъ назначалъ ему на мѣлочныя издержки тысячу червонныхъ, кошорые и просилъ выдавать ему, спавя на счетъ дома Спонсери.

По числу, выставленному на письмѣ, оно опправлено было еще за пять недѣль предъ шьмъ.

Въ дорогъ могъ провести молодой Спонсери не болѣе семи дней, слѣдовашельно онъ промедлилъ чепыре недѣли.

По его словамъ, умеръ онъ въ шопъ самый день и не былъ еще погребень. Опъ Полиціи надѣялся Меллингеръ узнать завтра о жилищѣ покойнаго. До шого времени не хотѣлъ онъ писать въ Венецію о случившемся.

Слова непонятнаго лежали какъ тяжельный горячій камень на руди его. „О каждомъ дѣяніи вашемъ“ — сказалъ онъ — „возвѣщу я Предвѣчнымъ Судьбамъ, которыя судяшь, какъ мы судили.“ Чшо разумѣль подь симъ эшошь блѣдный обшпатель гроба? Меллингеру казалось, какъ будто послѣдній спрашный судъ начинаешся надъ нимъ еще при жизни. Онъ проходилъ въ мысляхъ всѣ дѣла и поступки свои; видѣлъ блѣдныхъ, опшвергнушыхъ имъ съ жестокостію, вопіющими прощиву него; слышалъ жалобы притѣсенныхъ имъ въ шорговль. Напрасно старался онъ успокоивашъ себя пустыми извиненіями, чшо милосшныя умножаешъ шолько празднлюбцевъ и чшо кунецъ не всегда можешъ поступашъ по шпрогимъ правиламъ нравшвенности: совѣсть его была пробуждена; онъ сдѣлался крошокъ, какъ дшпя. Въ груди его опзывалось чшо-то, напоминавшее ему, чшо два милліона шалеровъ своихъ пріобрѣлъ онъ не всегда безукоризненными средшвами. Такъ никогда еще не давалъ онъ себѣ опчета въ дѣлахъ своихъ, но и никто не проницалъ шакъ въ его душу, какъ эшошь неизъяснимый жшшелъ могильный.

Едва успѣлъ онъ на другое утро позавшракашь, какъ и побѣжалъ въ Полицію, чшобъ освѣдомшться о жшлицѣ молодого

Спонсери. „Гильельмо Спонсери изъ Венеція?“ спросилъ его Секретарь, развернувъ шолстпый списокъ жителей города.

„Да, да!“ подхватилъ съ нетерпѣніемъ Меллигеръ. „Его-то я и ищу.“

„Остановился въ пракширѣ подь вывѣскою *Солнца* въ No. 14, но вчерашній день поупру скончался. Какъ изъ пашпортовъ видяю 25-ти лѣтъ, средняго роста, лице блѣдное, очень нѣжное, волосы черные курчавые, орлиный носъ, на подбородкѣ ямка, высокая грудь и широкія плечи.“

„Такъ, точно такъ!“ — сказалъ глубоко пораженный Меллигеръ, закрылъ глаза рукою и пошелъ, едва переступая, изъ комнаты.

„Должно быть такъ!“ — проворчалъ въ слѣдъ ему съ досадою Секретарь. „На то пашпорты и Полиція!“

Меллигеръ пришелъ въ пракширѣ *Солнца* и спросилъ комнату молодого Спонсери. Его привели въ No. 14. Тамъ на столѣ посреди горницы лежалъ ужасный человекъ, посѣщавшій его въ прошедшую ночь. На немъ накинутъ былъ зеленый плащъ; изъ за отворота рукава торчала бѣлая сложенная бумага.

У старика подкосились ноги, замерло сердце.

Эшо былъ пощъ молодой человекъ, ко-

который въ прошедшую ночь при разе дернул за желѣзный крестъ, служащій рукояткою его звонка; который съ мертвымъ, неподвижнымъ взглядомъ, вошелъ въ его домъ; который съ необыкновенною силою при разе ударилъ по черной, тяжелой желѣзной двери его конторы; который оледенилъ его своею холодною рукою; который съ твердо-спію и полною увѣренностію оставляющаго міръ сей сказалъ: „о каждомъ изъ дѣяній вашихъ возвѣщу я предвѣчнымъ Судьбамъ, которые судятъ, какъ мы судили; сообразуйте съ тѣмъ ваши поступки.“

Спарикъ залился слезами. Можетъ быть въ первый разъ въ печеніи пятнадцать лѣтъ, но есть въ печеніи цѣлой своей жизни. „Это что за бумага у него за рукавомъ?“ спросилъ онъ боязливо прислужника, который ввелъ его въ комнату.

Тотъ вынулъ бумагу, развернулъ и показалъ. Меллигеръ едва могъ устоять на ногахъ отъ ужаса: это была его собственная росписка, которую въ предшествовавшую ночь вручилъ онъ Гильельмо. „Положи ее опять на мѣсто, положи опять!“ сказалъ Меллигеръ, отворотясь. Лице его покрылось смертною блѣдностію: онъ вспомнилъ слова покойнаго, что эту росписку хочешь вручить отцу своему для доказательства

вѣрной отдачи письма. У ногъ бездушнаго шрупа прочель онъ тихо молитву и спѣшилъ выдти изъ комнаты. Спранныя чувствованія волновали его душу; мысли были въ совершенномъ разспройствѣ.

По лицу, съ какимъ встрѣшила его дома Эммелина, видѣлъ онъ, что она все знаетъ. Товія не могъ утерпѣть, чпобы ужасныхъ происшествій послѣдней ночи не пересказать Терезѣ, а Тереза почла обязанностію перенести все Эммелинѣ.

Сшарику было пріятно, что онъ могъ говорить о томъ съ своею дочерью; но безпрестанные вопросы любопытной Эммелины, желавшей знать, что́ значить это странное происшествіе, привели его въ новое замѣшательство. Она думала свидѣать отъ него что нибудь, служащее къ развязкѣ споль непонятнаго приключенія, но все, что онъ видѣлъ и слышалъ, служило единственно къ тому, чпобъ покрыть его еще болѣе непроницаемою завѣсою.

„Въ Воскресенье, милая Эммелина“ — сказалъ Меллигеръ — „мы отслужимъ молебень, и всякую Субботу будешь ты получать отъ меня десять талеровъ для раздачи нуждающимся. Впрочемъ если и кромѣ того узнаешь, что кто терпитъ незаслуженную бѣдность, то скажи мнѣ, а гошовъ

помогашь. Можешь также старому Тови и Терезь давашь по вечерамь масла къ хлѣбу и раза два въ недѣлю пива, а если хочешь, то даже и опредѣлишь имь мясную пищу къ обѣду всякой день — я на все согласенъ. Вообще прошу тебя напоминать мнѣ, если покажусь иногда слишкомъ жестокимъ или скупымъ. За мной право нѣшь вшихъ пороковъ, но люди Богъ знаешь съ чего считають меня такимъ, и я готовъ все дѣлать, чшобъ избѣжашь даже и наружнаго вида.“

Все это сильно пронуло Эммелину, но она искренно радовалась переменѣ, происшедшей въ ея оицѣ: она теперь только завѣшила, что онъ не всегда былъ такъ нѣженъ и добръ, какъ въ эту минушу.

Меллигеръ велѣлъ позвать къ себѣ своего Бухгалтера, и рассказавъ въ короткихъ словахъ, что молодой Спонсери, котораго, какъ извѣстно, ожидали изъ Венеціи, вскорѣ по прибытіи своемъ умеръ, поручилъ сдѣлать ему на счепъ торговаго дома оица его самое пынное погребеніе. „Любезнѣйшій Сшипсъ!“ — такъ говорилъ Меллигеръ старому своему Бухгалтеру — „прошу васъ проводить завтра шло вмѣсто меня до кладбища и пригласить на выносъ знаменнѣшія фамиліи въ городѣ. Меня такъ поразило это происшествіе — я разумью внезапную

смерть сына спараго моего друга — что чувствую себя очень нездоровымъ, да, очень нездоровымъ, и не могу ни подь какимъ видомъ бытъ на похоронахъ, ни подь какимъ видомъ, хотя бь это мнѣ и жизни спомло.“

„Будьте покойны, я все сдѣлаю, что нужно и что должно. Позвольте только спросить васъ, Г. Меллигеръ, кто жь займешь у насъ въ конпоръ мѣсто, конпоре назначено было для молодого Спонсери? Здѣсь шрудно найши человекъ, конпорый бы шакъ хорошо зналъ Англійскій и Ишаліанской языки, чтобь вести на нихъ переписку. Тахіе люди рѣдки, а если и найдушся, шо пошребуюшь не бездѣлицу.“

„Да, а Спонсери исправляя бы намъ эту должность даромъ. Истинное несчастіе, что эшотъ человекъ умеръ! Ну, что жь дѣлать! Припечатайте въ газетахъ, чтобь желающіе и способные для шого люди являлись ко мнѣ; только велише объявленіе набрашь мѣлкимъ шрифтомъ: плата за припечатаніе шакая ужасная — впрочемъ конечно и издашелямъ газетъ надобно жь жить; ну, шакъ велише набрашь обыкновеннымъ шрифтомъ, шолько написашь покороче, какъ можно покороче.“

Сшицъ пошелъ, а Меллигеръ принялъ

лекарство, пошому что во всемъ шёлъ чувствовалъ необыкновенную дрожь.

Молодаго Спонсери похоронили великодушнѣйшимъ образомъ, и старый Спипсъ долженъ былъ рассказать Меллингеру подробно, что какъ происходило. Меллингеръ лежалъ при томъ въ постель, пошому что, для сохраненія приличія, притворился больнѣе, нежели какъ былъ въ самомъ дѣлѣ, чтобы только не быть на вынось.

„Какъ вы одѣли бѣднаго Спонсери, любезнѣйшій Спипсъ?“ спросила Эмелина, которая во всемъ происшествіи принимала видимое участіе. „Безъ сомнѣнія въ черное платье?“ — „Мы хотѣли было“ — отвѣчала Бухгалтеръ — „одѣть его въ черное платье, и цвѣты, которые вы для него прислали, вопкнуть ему въ щеки на груди, но въ бумагахъ его нашлись записки, гдѣ онъ именно приказывалъ похоронить себя въ зеленомъ платьѣ, который всегда носилъ.“

„Ужасный зеленый плащъ!“ — вырвалось у старика; но Спипсъ продолжалъ: „поэтому цвѣты ваши положилъ я ему просто на сердце. Въ рукавъ торчала какая-то бумажка, но я ее оставилъ: прислужникъ въ трактирѣ сказалъ мнѣ, что вы Г. Меллингеръ читали ее и велѣли положить опять за рукавъ плаща.“

„Каковъ онъ былъ собою?“ спросила опять любопытная Эмелина.

„При жизни вѣроятно не дурень, но шеперь — впашіе глаза, худъ и блѣдень, холодень и спрашенъ — въ шакомъ положеніи, сударыня, нельзя бышь пригожимъ. Впрочемъ спранно! — эштошь молодой Спонсери чшо-шо очень для меня непоняшенъ; не знаешь, чшо о немъ подумашь!“

„Какъ такъ?“ спросили отецъ и дочь почти въ одинъ голосъ.

„Не сочтите Г. Меллингеръ, чшобъ я думаль о немъ чшо нибудь худое; я сказала шолько, что не знаешь, чшб о немъ подумашь. Молодой Спонсери скончался поупру; его положили на споль, накинули на него зеленый плащъ, покрыли сверхъ всего бѣлой проспыней и замкнули двери. Въ шотъ же вечеръ ровно въ II часовъ возишся чшо-шо удверей—эшо слышаль очень явственню при-служникъ шракшира. Дворникъ, который спитъ внизу въ сѣняхъ, пробуждается отъ эшого, думаетъ, что кто-нибудь стучитсся съ улицы, и вспадаетъ. Въ эшу минушу мелькнулъ мимо его въ пошемкахъ *Зеленый плащъ* и сказала глухимъ голосомъ, какъ будшо изъ пусшой могилы: „Ошвори!“ Дворникъ частію со сна, частію отъ ужаса, опвораетъ, и *Зеленый плащъ* исчезаетъ на ули-

цѣ. Чшо вы объ этомъ скажете?“ — „Миръ его праху!“ сказала со вздохомъ сшарикъ.

„Что жъ на другое ушро?“ спросила удивленная Эммелина.

„На другое ушро лежишь покойникъ опять на сполѣ, зеленый плащъ на немъ, а въ отворощѣ рукава записка, кошорая, по приказанію вашему, Г. Меллигеръ, погребена съ нимъ. Никшо не видалъ, какъ онъ возвратился; никто не слыхалъ, чшобъ отворяли двери; замокъ оспался невредимъ, а прислужникъ гоповъ кляссья, чшо наканунѣ не было за отворощомъ рукава никакой записки. Онъ вынималъ ее и развертывалъ: глупецъ ушверждаетъ будто бы внизу сполла ваша подпись, но содержанія онъ никакъ не могъ разобрать, потому чшо она писана самою нечесшкою рукою.“ — Рука у меня немножко дрожала“ — сказала мадоушно Меллигеръ.

„Какъ? что вы говорите?“ — вскричала старый. чесшный Сшисъ — „неужели эта записка въ самомъ дѣлѣ была ваша? Какимъ же образомъ, гдѣ — если смѣю спросить — сошлись вы съ этимъ неизьяснымъ *Зеленымъ плащемъ*? Это не могло быть иначе, какъ ночью. Не прогнѣвайшесь на меня, почщеннѣйшій Г. Меллигеръ, только шущъ кроушся спшанныя, очень спшанныя,

ужасныя вещи. Этого Спонсери я понять не могу!“

„Оставимъ это, любезнѣйшій Спипсъ!“ возразилъ Меллингеръ слабымъ, почти плачевнымъ голосомъ. „Я не могу и не хочу о томъ говорить. И вы также, добрый Спипсъ, не говорите и вы. Спанемъ молишься Богу, чшобъ сдѣлаться добрыми людьми, потому что всѣ, всѣ мы бѣдные грѣшники. А объ Зеленомъ плащѣ не хотѣлъ бы я вѣкъ свой ничего больше слышать!“

„Да конечно и не услышите. Сводъ, въ которъй поставленъ гробъ, крѣпко на крѣпко заложень. Изъ него не вырвется и живой, не только что мертвой!“

По сдѣланному въ газетахъ объявленію явилось нѣсколько желающихъ занять мѣсто въ коншорѣ Меллингера; между прочимъ молодой человекъ, по имени Вильмсеиъ, изъ Бремена. Его рекомендацельныя письма, отъ одного изъ первѣйшихъ торговыхъ домовъ въ Базель, при которомъ онъ долгое время находился, отсызвались объ немъ съ великою похвалою. По его словамъ, имѣлъ онъ приглашеніе въ Неаполь, гдѣ обѣщали ему весьма хорошее мѣсто въ одной купеческой коншорѣ, но ему пріятнѣе было бы, если бы

могъ онъ оспашься въ конторѣ Г. Меллингера, пошому что эшошъ домъ давно уже извѣсненъ ему какъ одинъ изъ опличнѣйшихъ по своимъ шорговымъ оборонамъ, и онъ надѣшся шупъ разширить и усовершенствовашъ купеческія свои познанія. Онъ говорилъ эшо съ такою скромношю, что комплиментъ его очень понравился спарому Меллингеру. Онъ ласково посмошрѣвъ на молодого, весьма пригожаго челошъка и сказалъ, что охотно приметъ его къ себѣ, если онъ возьмешся исполняшъ все, чего шребуешъ его должность, и если они согласяшся въ цѣнѣ.

„Не знаю въ подробности“ — отвѣчалъ молодой Вильмсень съ необыкновеннымъ чистосердечіемъ: „чего шребуешъ должность, которую вы мнѣ поручитъ намѣрены, но скажу вамъ, что у прежняго своего Принципада велъ я Нѣмецкую, Французскую, Англійскую и Испаліанскую перелиску; я говорю на эшихъ языкахъ — если позволено сказашъ что нибудь въ свою собственную пользу — довольно бѣгло, даже могу, въ случаѣ нужды, изъясняшся на Русскомъ; а для показанія почерка моего, имѣю честь представить вамъ небольшой образецъ — онъ былъ какъ выгравированъ. Что же касаешся до условій, шо надѣюсь имѣшъ счастье

пріобрѣсть подъ руководствомъ вашимъ но, чего еще недостаешь мнѣ, я охотно отка- зываюсь отъ всякаго жалованья. До сихъ поръ, откладывая ежегодно по возможности изъ того, что получалъ, скопилъ я себѣ порядочную сумму денегъ, такъ что лишь нѣсколько могу обойтись безо всего; одно только желаніе имѣлъ бы я, почтеннѣйшій Г. Меллингеръ — то, чтобы вы позволили мнѣ жить въ вашемъ домѣ и имѣть у васъ столъ. Изъ служащихъ въ вашей конпорѣ, какъ я слышу, никто здѣсь не живетъ и не обѣдаетъ: чрезъ это молодому человѣку — не всегда удержишься! — легко можно войти въ неприличныя и вредныя связи. До сихъ поръ въ домѣ своего Принципала я всегда былъ почитаемъ принадлежащимъ къ нему и считалъ себя весьма счастливымъ. Въ Неаполь общаюсь мнѣ поже — признаюсь, и здѣсь, не хотѣлъ бы я этого лишиться.“

Меллингеръ нахмурился и думалъ было уже отказать, пошому что съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ его домъ, ни одинъ изъ его конпорциковъ не видалъ у него ни куска хлѣба, кромѣ какъ въ Свѣтлый Праздникъ, когда онъ давалъ большой обѣдъ, къ которому приглашались обыкновенно и всѣ его помощники. Однако желаніе удержишь у себя столъ образованнаго молодого человѣка и за

шакою маловажною цѣну, превозмогло. Онъ ошвѣчалъ, что поговорить о томъ съ дочерью, кою которой совершенно предоставилъ домашнее свое хозяйство, и на другой день дастъ ему отвѣтъ.

Онъ сказалъ Эммелинѣ о желаніи Вильм-сена. „Надобно прежде его видѣть“ — ошвѣчала дочь богатаго Меллингера, нѣсколько съ купеческою гордостію. — „О! онъ безъ сомнѣнія тебѣ понравится!“ — возразилъ отецъ, забывъ на эпошъ разъ объ опасности, кою могла произойти для Эммелины ошъ сближенія съ молодымъ человѣкомъ и имѣя въ виду только искуснаго работника, кою который за споль и кварширу хотѣлъ продать ему свои познанія, свое прилежаніе, даже самую свою жизнь. — „Онъ очень образованъ, не жеманенъ, какъ нынѣшніе наши молодые люди, но скромнъ и не дуренъ собою; говоришь пріятно и будешь намъ хорошимъ компаньономъ за споломъ, за кою которымъ мы часто скучаемъ. Двое скорѣе переговаривать все, нежели трое.“

„Если вамъ угодно, батюшка“ сказала Эммелина ушупая: „то это легко сдѣлать. Мы отдадимъ ему зеленую комнату; вѣдь для него она довольно хороша, не правда ли?“ — Зеленая комната была одна изъ лучшихъ во всемъ домѣ.

„Какъ не хороша, милая Эммелинушка ! да на что ему лучше? Споль намъ не много будеть споншь, а вино, пожалуйста, наливай ты ему сама : всякой день по спакану—для такого молодого человека, какъ онъ, больше и негодится. Поупру молочной супъ, или кашницу; кофе только горячить, наспоящій ядъ для молодежи; а вечеромъ пусть ужинаеть въ своей комнашь — это ему припнве будеть, потому что шамъ онъ самъ себя господинъ: кусокъ бутшерброду и спакакъ полпива — обыкновенное кушанье эшихъ господчиковъ. Я знаю это изъ опыта, какъ бывало въ старину и со мною.“

Вильмсень явился на другой день. Онъ не могъ скрыть своей радости, когда услышалъ, что на всъ его условія согласны. Въ шопъ же еще день вступель онъ въ свою должность и первымъ порученіемъ ему было написашъ къ старому Спонсери въ Венецію о кончинъ его сына. Меллигеръ рассказалъ Вильмсену изъ всего происшествія только то, что для сочиненія письма было нужно, и велълъ засвидѣтельствовать Спонсери живѣйшее участие свое въ споль горестной пошеръ. Разумѣеться, что о ночномъ происшествіи въ коншоръ не было даже и намека.

По словамъ Меллингера, молодой Спонсери присылалъ за нимъ изъ пракшира, но хопя онъ и опправился къ нему пошь же часъ; однако не заспалъ уже его въ живыхъ. Всъ возможные усилія, возвращишь его къ жизни, остались щещны, почему на шрепій день и погребенъ онъ со всѣми приличными поче- сшями. Во чщо же все сіе обошлось, прила- галъ счетъ. Въ эшомъ счетъ не было забышо ни одного крейцера. Даже обыкновенная про- визія, куршажъ и проч. исчислены были со всею купеческою точностію. „Прошу васъ, любезный Вильмсень“— присовокупилъ Мел- лингеръ — „въ эшомъ письмъ нѣсколько оп- ступишь опъ обыкновеннаго нашего спила. Напишише его какъ можно прогашельнѣе, жалосплавѣе, вы понимаеше'меня. Старый Спонсери любишь эшо, а у него болѣе двухъ милліоновъ падеровъ наличныхъ денегъ: та- кому человекъ почему не сдѣлашь удоволь- ствія, кошорое ничего неспоишь?“

Вильмсень написалъ письмо бѣглою ру- кою по-Италіянски и подадъ Меллингеру первую работу свою съ замѣшною ро- бостію. Спарикъ читалъ письмо съ возра- спающимъ удовольствіемъ и не могъ удер- жашься, чшобъ не пробормошашъ про себя нѣсколько разъ: „Хорошо, очень хорошо, со- вершенно какъ я думалъ, прекрасно!“ Онъ

внупренно признавался себѣ, что споль искусно сочиненнаго письма не выходило еще никогда изъ его конпоры.

Попомъ даны были новичку многія другія письма. Онъ приготоовилъ на нихъ опъвпы на разныхъ языкахъ и заслужилъ равное одобрение.

Наступилъ полдень и Меллигеръ взялъ любезнаго Вильмсена — слово любезный придалъ онъ ко всѣмъ именамъ своихъ конпорщиковъ — въ споловую, гдѣ представилъ его своей дочери.

Эммелина покраснѣла, когда онъ ей поклонился; она вспомнила, что видала его въ церкви и на гуляньяхъ. Образъ прекраснаго молодаго человѣка сохранился въ ея памяти, хотя она не думала, какъ глубоко онъ въ нее врѣзался. Какъ же изъяснишь ея чувства, когда онъ самъ вдругъ предспалъ предъ нею!

За споломъ Вильмсень сидѣлъ прошиву милой дѣвушки. Пламенный взоръ его безпрестанно обращался на прелестную, и когда вспрѣчался съ ея взоромъ, то Вильмсень пошуплялъ его и устремлялъ въ шарелку, погруженный въ самого себя.

„Молодой человѣкъ немножко неловокъ“ — сказала Меллигеръ послѣ обѣда Эммелинѣ: „онъ два раза ронялъ вилку и опрокинулъ рюмку съ краснымъ виномъ, когда шы пода-

вала ему пирожное: этого пашна ничѣмъ не выведешь изъ скаперши.“

„Недостаюкъ воспитанія, любезный бапюшка!“ ошвѣчала Эммелина, желая сколько нибудь защитишь Вильмсена. „Боже сохрани!“ возразилъ отецъ: „онъ имѣеть прекрасныя, основательныя познанія, пишеть не хуже самаго Геллерта, и припомъ наспоющій купецъ; эпомъ Вильмсень мнѣ нравишся, но пашна бѣсяшь меня: ихъ никогда не отшоешь. Лучше бы давашь ему споловыя деньги, шѣмъ больше, что и бесѣда его не очень-шо занимашельна. Ошъ него почти слова не добьешся. Я долженъ былъ два раза спрашивать его о Базельскомъ курсѣ, пока онъ собрался съ отшѣпомъ.“

„Ну, што со временемъ пройдетъ!“ ошвѣчала Эммелина, кошорая видѣла яснѣе, нежели отецъ ея. Ошъ нее не скрылось, что вилку уронилъ онъ въ шо время, когда наливала она ему вино; что вино опрокинулъ тогда, какъ она замѣшила, что ему вѣрояшно не нравишся ихъ споль. Въ самомъ разсѣяннн его читала она нѣжнѣйшее къ себѣ вниманіе, потому что въ шо самое время, какъ отецъ началъ говоришь о курсѣ, она смошрѣла на него. Въ невинную грудь ея заронилось чувство, кошорого она не знала прежде. Душа ея находилась въ неизъясни-

момъ состояніи: ей хотѣлось по плакать, но смѣяться безъ всякой къ тому причины. Она одержала первый пріумѣкъ надъ опцемъ своимъ: молодой человекъ слушалъ ее болѣе, нежели Меллингера. Это льстило ея тщеславію; въ сердцѣ ея поселилось особенное невыразимое благорасположеніе къ Вильмсену, въ кошоромъ всякое слово, всякое движеніе ясно показывало, что онъ къ ней равнодушенъ.

Вечеромъ Вильмсенъ отослалъ назадъ принесенный ему бутшербродъ и спаканъ подлива: онъ давалъ пирушку въ первой рестораціи въ городѣ, на кошорой угощалъ всѣхъ конторщиковъ Меллингера. На другой день поупру Бухгалтеръ Спинсъ подробно описалъ сему послѣднему вчерашнее празднество.

Что только въ городѣ можно найлучшаго, все было собрано у Вильмсена. Заужиномъ пили три тоста: за здравіе Меллингера, за благополучіе дѣвицы Эммелины и за разширеніе и процвѣтаніе торговли. Вильмсенъ провозглашалъ ихъ; трубы и литавры сопровождали. Спинсъ, какъ старѣйшій изъ служителей конторы, сидѣлъ за столомъ въ почешномъ мѣспѣ. Вино, и въ особенноти Шампанское, лилось рѣкою; но едва ударило десять часовъ, какъ Вильмсенъ вспалъ и извинился, что долженъ осшавить общество:

ему нехотѣлось, говорилъ онъ, нарушить принятаго порядка въ домѣ почтеннаго его Принципаала. Между шѣмъ общество осматривалось долго за полночь и хозяинъ рестораціи имѣлъ строгое приказаніе, чѣмъ ни въ чемъ не было недостатка. Даже и старый Товія не былъ забытъ.

Меллигеръ изумился. Такого конторщика ему не случалось еще у себя имѣть. Его и дочери его здоровье пили при звукѣ трубы и лишавръ. Такой чести ему не дѣлалъ еще никто. Онъ снялъ колпакъ, когда Сшипсъ ему рассказывалъ. Эмелина опвернулась, чѣмъ скрытъ пламень щекъ своихъ.

„Сегодня ты можешь налишь ему два спакана вина“ — сказалъ Меллигеръ по выходѣ Сшипса. „Этому чловѣку спалъ чего нибудь вчерашній праздникъ въ честь нашу. Сегодня вѣрно по всему городу разнесешся, какъ пируютъ и какъ уважаютъ меня мои конторщики.“

Въ эпошъ день за обѣдомъ Вильмсенъ былъ нѣсколько развязнѣе; но при всемъ томъ не говорилъ ничего, кромѣ того, о чемъ спрашивалъ шарикъ. Эмелина со всѣмъ не разговаривала съ нимъ, а только съ ошцемъ своимъ; но взоръ ея, прошивъ воли, часто по нѣскольку минушь покоилася

на молодомъ чужеземцѣ. Меллингеръ благодарилъ его за вчерашнее вниманіе. Вильмсенъ просилъ извиненія, что осмѣлился провозгласить его здоровье; „но“ — присовокупилъ онъ — „наша пирушка, которою хотѣлъ я ознакомить съ поварицами, имѣющими счастье прудиться подъ вашимъ руководствомъ, наша небольшая пирушка тогда только сдѣлалась наспоющимъ веселымъ праздникомъ, когда мы съ пѣнющимися поклами въ рукахъ, произнесли сердечныя желанія наши о продолженіи вашего и семейства вашего благополучія.“ При сихъ словахъ Меллингеръ, въ непришворной радости, собственною своею рукою началъ искусному разекащику прешій спаканъ вина. Эммедина также охотно поблагодарила бы его за то, что онъ въ кругу новыхъ своихъ знакомыхъ не забылъ и о ней; но, не смотря на всѣ свои усилія, не могла найти словъ. Она бранила себя, обкусала себя въ досадъ всѣ губы; но минуша, въ которую могла бы сказать ему что нибудь привѣтливое, прошла, и ей не возможно уже было начать снова о томъ говорить. Что подумаетъ объ ней Вильмсенъ? Не заключитъ ли, что она не имѣетъ вовсе никакого понятія о свѣтской ловкости? Пришомъ же онъ, если она не ошиблась, смотрѣлъ на нее, какъ будто ожидая чего-

шо, а она промолчала. Цѣлой день сердилась она сама на себя.

Тощій бушшербродъ, приготовленный руками приученой къ бережливости Терезы, вившсь съ полливомъ, былъ ояншь опосланъ назадъ. И сего дня Вильмсень ужиналъ не дома. Такимъ образомъ прошло нѣсколько дней шьмъ же самымъ порядкомъ.

Однажды вечеромъ прибыла изъ Венеціи дшпафела. Спонсери, ошець, писалъ къ Меллингеру:

„Я въ чрезвычайномъ безпокойствѣ. Вче-
 „ра вечеромъ получаю ваше письмо, въ ко-
 „шоромъ увѣдомляете меня, что все еще
 „ожидаете моего сына. Нынѣшнюю ночь сннш-
 „ся мнѣ, что мой Гильельмо въ зеленомъ
 „плащѣ своемъ, которъй обыкновенно носилъ
 „здѣсь, спомнш, блѣдный какъ смерть, у
 „моей кровати и шепчешъ мнѣ на ухо: „Я
 „умеръ, башюшка; но письмо швое доставилъ
 „къ Г. Меллингеру вѣрно. Росписку его кла-
 „ду здѣсь на споль. Окъ похоронилъ меня
 „самымъ приличнымъ образомъ. Поблагодари.
 „его за послѣднюю честь, мнѣ оказанную.
 „Теперь прощай! Скоро ударнш полночь,
 „мнѣ пора въ свою шемную, хладную могилу
 „Родитель! въ гробъ ужасно! Вскорѣ услы-
 „шнш обо мнѣ больше.“ — Я просыпаюсь.
 „Образъ сына моего исчезъ. Черезъ нѣсколь-

„ко минушь я начинаю смѣлаться надъ со-
 „бою. Можешь ли бышь, думаю я, ушѣшая
 „себя, чшобъ мой Гильельмо, свѣжій, цвѣшу-
 „щій юноша, могъ такъ скоро сдѣлаться
 „добычею смерти? Такимъ образомъ хопѣлъ
 „я разсѣять печаль, кошорой невольнo пре-
 „давалось мое сердце. Тутъ пришли мнѣ въ
 „голову слова его о вашей роспискѣ. Бросаю
 „робкой взглядъ на споль, кошорый спойтъ
 „недалеко ошъ моей кровати. На немъ лежишь
 „какая-шо бумага, споль бѣлая, чшо каза-
 „лось, какъ будшо бы она свѣшилась. Я едва
 „могу дышашъ, звою изо всѣхъ силъ въ
 „колокольчикъ, какъ будшо бы весь домъ
 „былъ въ огнѣ. Холодный потъ выспунилъ
 „у меня изъ всѣхъ поровъ: сердце мое гошо-
 „во было разорвашъ ошъ неизьяснимой
 „шоски. Свѣчу, свѣчу! Ради Бога, свѣчу! за-
 „кричалъ я вошедшему слугѣ. Онъ спѣшилъ
 „за нею. Я складываю руки, молю Бога о
 „подкрѣпленіи меня, ужасаюсь мысли, чшо
 „видѣніе мое было не сонъ.

„Слуга входилъ со свѣчею.

„Я велю подашъ себѣ со стола бумагу.

„Слуга взялъ ее въ руки и бросилъ
 „опяшь. сказавъ мнѣ съ невольнымъ ужасомъ:
 „эшу бумагу?— она совсѣмъ сыра и пахнешъ
 „мускомъ.

„Спрахъ опияль у меня языкъ, но я
 „показаль ему зн комъ, чшобъ подалъ мнѣ.
 „Эшо была росписка вашего почерка — нѣ-
 „сколько дрожащею рукою написанная. Чув-
 „ства мнѣ измѣнили.

„Не могу болѣе писать. Но заклинаю
 „васъ, почтенный другъ, уведомишь меня,
 „чшбъ все эшо значить? Я бы самъ прѣхаль
 „къ вамъ, но лежу въ постели болѣнь; такъ
 „поразило меня эшо происшествіе. Не ска-
 „зываете никому о помъ, чшбъ пишу къ
 „вамъ. Только отвѣчайте пошъ же часъ съ
 „эсшафешю и будьте опкровенны: я го-
 „повь на все — на все! Ахъ, мой другъ! —
 „Прощайте.“

Эшо письмо совершенно свело съ ума
 спараго Меллингера. Онъ думаль и переду-
 мываль, и не могъ ничего согласить. Въ та-
 кое корешкое время не только эсшафешъ,
 или курьеру, но даже шищъ невозможно бы-
 ло долешъшъ шуда.

„О каждомъ дѣяніи вашемъ возвѣщу я
 Предвѣчнымъ Судьбамъ“ — сказалъ ему не-
 изьяснимый *Зеленый*, а что ему способствую-
 юшъ сверхъестественныя силы, шому не-
 споримымъ доказательствомъ служило полу-
 ченное письмо.

Меллигеръ собственноручно описалъ будущъшнему отцу все происшествіе ужаснаго явленія отъ слова до слова. На себя же наложилъ онъ строгое покаяніе, и къ удивленію всѣхъ его окружающихъ и всего города, превратился въ споль шихаго, крошчаго, соспрадашельнаго чловѣка, что шъ; которые знали прежнюю его жадность къ деньгамъ, его жестокосердіе прошиву бѣдныхъ ремесленниковъ; его безчеловѣчіе прошиву кредиторовъ, находившихся не въ состояніи заплашишь ему немедленно — часто приходили въ искушеніе думашъ, что какое нибудь необыкновенное происшествіе повредило его разумъ. Меллигеръ во всѣхъ отношеніяхъ сдѣлался совершенно другимъ, лучшимъ чловѣкомъ, хошя швердое намѣреніе сдѣлалъ лучшимъ спойло ему часно сильныхъ съ самимъ собою бореній. Бывало, когда бѣдный селянинъ, вынуждаемый неумолимымъ сборщикомъ подашей, долженъ былъ продавашъ послѣдній запасъ свой, и обращался къ нему съ просьбою о покупкѣ, шо онъ зналъ дьявольскія уловки выманивашъ у него за ничшо скудные плоды шрудовъ, въ пошъ лица пріобрѣтенные. Сперва упрекалъ онъ его худымъ хозяйствомъ, которое доводитъ до шого, что для плашежа бездѣльной подаши должно продавашъ послѣдки хлѣба, вмѣ-

что того, чтобы всегда иметь в запасе лишній шалеръ на непредвидимый случай. а хлѣбъ беречь до времени, когда можно сбыть его за лучшую цѣну. Пошомъ начиналъ хулить привезенное. „Да что и за шоварь!“ кричалъ онъ: „однѣ выскѣвки, мышьи объѣдки, грѣхъ право и назвашь хлѣбомъ!“ Наконецъ сулилъ половинную цѣну прошивъ просимой, и если продавецъ претовалъ хотя малѣйшей прибавки, то съ презрѣніемъ захлопывалъ дверь у него передъ носомъ. Теперь совсѣмъ напрошивъ: онъ принималъ искреннее участіе въ положеніи бѣдныхъ, говорилъ ласково съ сѣшующими, развеселялъ ихъ спаканомъ вина, ушѣшалъ надеждою на лучшія времена, никогда не хулилъ ихъ шовара и плашилъ что только могъ безъ собственнаго убышка; даже иногда, если имѣлъ дѣло съ людьми надежными, ласково и дружески говорилъ имъ: „оставьте у себя хлѣбъ свой; я охотно сеужу васъ шѣмъ, что вамъ надобно, а когда цѣны подымутся, то вы продадите запасъ свой и мнѣ заплашите.“

Недоспашочнымъ ремесленникамъ плашилъ онъ заслуженное безъ всякаго сокращенія: учредилъ для осиротѣвшихъ неимушихъ дѣшей школу, въ которой могли они учиться безъ всякой платы, и опредѣлилъ значи-

шельные пенсіоны многимъ вдовамъ, копорыхъ мужа служили у него въ конпорь.

Молодымъ начинающимъ купцамъ помогалъ онъ своимъ кредитомъ, и до того преодолѣлъ себя, что искренно радовался слыша, какъ прилежаніе ихъ не осмается безъ награды.

Сколь ненавидимъ былъ эпопъ чловѣкъ еще незадолго предъ тѣмъ, сполько любимъ и уважаемъ сдѣлался шеперь. Въ городѣ шолько и слышно было, что рассказы о новыхъ благородныхъ его поступкахъ и все купеческое сословіе единогласно признало его за честнѣйшаго, почтеннѣйшаго изъ своихъ собратій.

Вскорѣ послѣ сей достопримѣчательной переменны постигли Меллингера многія несчастья. Въ одномъ извѣстномъ торговомъ городѣ сгорѣлъ у него анбаръ съ шоварами, болѣе нежели на 50,000 шалеровъ. Въ одной изъ Остзейскихъ гаваней запасено у него было слишкомъ на 80,000 шалеровъ дровъ: ихъ взялъ въ секвестръ непріятельскій корпусъ. Назначенный въ Англію богатый грузъ съ пшеницею достался въ руки морскихъ разбойниковъ; а два значительныя банкротства въ Гамбургѣ и Амстердамѣ лишили Меллингера весьма немаловажныхъ суммъ. Все это случилось въ печеніи не болѣе двухъ мѣсяцовъ. Какъ бла-

*

горазумный купецъ, не говорилъ онъ о шомъ никому, шолько предъ его конторщиками вырывались у него иногда шихія, легкія жалобы на несчастіе, его преслѣдующее. Бухгалшеръ Спипсъ пожималъ въ шакомъ случаѣ плечами и ушъшалъ его обыкновенными поговорками, что не надобно опчалвашься, что за горемъ слѣдуетъ радость, что пошерявъ сегодня, выиграешь вдвое завтра, и прочее, шому подобное. Вильмсенъ шаже пожималъ плечами и говорилъ: „Если бы я не былъ ежедневно свидѣтелемъ шоль многихъ, благороднѣйшихъ посшупковъ, кошорыми вы, Г. Меллингеръ, пріобрѣтаете себѣ полное право на благословеніе Небешное, шо бы можешъ бышъ иногда подумалъ, что несчастія, постигающія васъ, сушь не что иное, какъ Божешкое наказаніе; но шеперь напропивъ иногда находяшъ на меня ужасныя сомнѣнія въ вѣчномъ правосудіи. . . .“

„Не сомнѣвайшесь въ немъ, любезнѣйшій Вильмсенъ, не сомнѣвайшесь въ немъ!“ — прерывалъ его съ безпокойшвомъ старшій Меллингеръ. „Въ шакомъ случаѣ“ — продолжалъ Вильмсенъ значишельно — „остаешся мнѣ шолько думать, что Всемогущій съ намѣреніемъ испышуетъ шого, кого любишь болѣе прочихъ. Но Меллингеръ качалъ въ молчаніи головою и ошворачивался, чтошбы

молодой человекъ не видалъ выраженія душевной печали на лицѣ его: сердце его сильно шрепешало, и угрызения совѣсти представляли воспоминанію его ужасные призраки, когда Вильмсенъ говорилъ о Божескомъ наказаніи.

Сии-то угрызения совѣсти неумолимо преслѣдовали его, не давали ему покоя, и не смотря на значительныя пошери, понесенныя имъ въ своемъ имуществѣ, не смотря на счастливую перемену, происшедшую въ его характерѣ и поведеніи, не хотѣли примириться съ нимъ. Они пребывали еще большей жертвы — самой жизни и лишенія добраго имени въ обществѣ.

Въ это время — эпоху совершеннаго уничтоженія Германіи, спонавшей подъ тяжкимъ и пошуднымъ игомъ чужеземцевъ — находился въ памошной споронѣ большой опщвальный корпусъ непріательской арміи. Незадолго предъ тѣмъ пропалъ курьеръ съ весьма важными депешами, котораго съ непервнѣемъ ожидали. Онъ былъ уже на послѣдней станціи и опправился опшуда въ городъ, но далье не могли опкрышь ни малѣйшаго слѣда, куда онъ дѣвался. При всеобщемъ негодованіи жишелей на непріательскія войска, къ кошорымъ принадлежалъ пропавшій курьеръ и при дерзкомъ, неприличномъ

обращеніи сихъ послѣднихъ весьма вѣроятно было, что какой нибудь рѣшительной чело- вѣкъ, изъ патріотизма или изъ мщенія за личное оскорбленіе, указалъ ему дорогу въ другой лучшей свѣщъ. Въмѣстѣ съ курьеромъ пропалъ и почпальонъ, который повезъ его съ послѣдней спанціи, и всѣ усилія опыскашь того или другаго оспавались тщетны. Дѣ- ятельность Полиціи была усилена, повсюду разосланы жандармы для развѣдыванія, и не прошло недѣли, какъ среди бѣла дня, къ ужасу всего города, опрядъ ненавистной не- пріятельской арміи окружилъ домъ Меллин- гера, вломился въ двери и заключивъ хозяи- на въ оковы, отвелъ въ шюрму какъ винов- ника убійства курьера.

Правда, что почти всѣмъ извѣстно бы- ло, какъ спарый Меллингеръ въ глубинѣ сер- дца своего ненавидѣлъ непріятеля, обрѣзавша- го крылья шорговымъ его предпріятіемъ и удручавшаго ошечество его неисчислимыми бѣдспвіями; но чтобы ненависть его про- спиралась до такой степени, и чтобы могъ онъ покуситься на убійство, этому никто не хотѣлъ вѣрись. Правда и то, что у Меллингера было много враговъ въ городѣ, въ особености ошь прежнихъ временъ, но чтобы кто нибудь изъ нихъ рѣшился на ужасное прѣступленіе оклеветашъ Меллин-

гера и доведши его до позорной смерти на эшафотъ или заставитъ выкупить жизнь и свободу свою значительною частію имѣнія, это казалось также несбыточнымъ.

Самъ обвиненный въ первыя минуты взятія подъ стражу былъ такъ пораженъ и лишенъ присутствія духа, что окружающіе не знали, что подумашъ о снражныхъ его рѣчахъ и поступкахъ. О томъ, что показывалъ онъ въ послѣдствіи, неизвѣстно было ни одному человѣку, ибо никому недозволено было не только съ нимъ говорить, ни даже къ нему приближаться.

Въ это время горести и опчаянія въ домъ Меллингера, молодой Вильмсень дѣйствовалъ съ такимъ благоразуміемъ и съ такимъ видимымъ участіемъ, что невольно привлекъ къ себѣ любовь Эммелины, которая и прежде уже начинала чувствовать къ нему привязанность, пѣмъ болѣе, что не знала истинной причины столь очевидной и внезапной переменъ, происшедшей въ опцѣ ея, она приписывала ее главнѣйше Вильмсену. И въ самомъ дѣлѣ, когда старикъ показывалъ какую нибудь, хотя сама малѣйшую склонность къ доброму дѣлу, то Вильмсень съ радостною готовностію спѣшилъ привести его въ исполненіе, и своими свѣдѣніями, своею ловкостію, своимъ благоразуміемъ и

убѣдительною словъ своихъ умѣлъ приоб-
рѣсти шаковую власшь надъ Меллингеромъ,
что сей мало по малу привыкъ во всемъ
его слушахся и слѣдовать его совѣтамъ,
самъ того не замѣчая. Крошкая дѣвушка
шмыщекратно благословляла его за то втай-
нѣ и съ каждымъ днемъ чувствовала къ не-
му въ глубинѣ сердца своего большее и
большее уваженіе. Одно только оскорбляло
ее до сихъ поръ — мысль, что Вильмсенъ
послушаешь такъ единственно по чувству
своего долга, безъ всякой особенной привя-
занности къ опцу ея, не принимая ника-
кого участія собственнаго въ ней.

При всей скромности своей, она не мо-
гла не признахся себѣ, что была одна
изъ прелестнѣйшихъ дѣвушекъ въ городѣ. Чув-
ство собственнаго достоинства говорило
ей, что ея образованіе стоило наравнѣ съ
природными способностями. Сотни моло-
дыхъ мужчинъ лежали у ногъ ея и жаждали
ласковаго ея взгляда; одинъ онъ до сего вре-
мени осмѣивался въ помѣ же почтительномъ
опъ нея опдаленіи, какъ и въ первый день
ихъ знакомства; одинъ Вильмсенъ, казалось,
былъ глухъ и слѣпъ къ ея достоинству:
ни одно ласковое, дружеское слово не выры-
валось у него до сихъ поръ. Правда, что во
взглядъ его — такъ шептало ей часто

неугомонное самолюбіе — замѣчала она болѣе нежели холодное вниманіе, нежели должное благорасположеніе, но при всемъ томъ онъ молчалъ. Теперь взаимныя отношенія ихъ совершенно измѣнились. Вильмсенъ былъ пораженъ неожиданнымъ происшествіемъ въ домъ его Принципала. Въ глубинѣ души своей онъ былъ увѣренъ въ невинности Меллингера и случившееся считалъ не чѣмъ другимъ какъ хитро-сплешеннымъ планомъ, чтобы воспользоваться его, не смотря на всѣ потери, еще весьма значительнымъ имѣніемъ. Собравшись нѣсколько съ духомъ, онъ тотчасъ спѣшилъ къ Эммелинѣ, чтобы утѣшить ее въ причиненной ей печали и успокоить на счетъ будущаго. Онъ общалъ ей спасеніе ея отца, во чтобы то ни стало, и просилъ дозволишь ему между шѣмъ управлять дѣлами по своему усмотрѣнію. „Имѣйте ко мнѣ довѣренность!“ — присовокупилъ онъ съ необыкновенною искренностью: — „я докажу вамъ на опытъ, что умѣю оправдать ее.“

„Въ довѣренности моей, Вильмсенъ, вы никогда сомнѣвались не можете“ — сказала глубоко потрясенная внезапными происшествіями дѣвушка и сама не помня какъ, подала ему руку. Онъ прижалъ ее къ устамъ своимъ, и если бы жестокая печаль не вод-

новала грудь Эммелины и горькія слезы о неизвѣстности предстоящаго ей и ошцу ея не пошемяли ея взоровъ, она бы ясно прочла въ его глазахъ неизьяснимый восторгъ, кошорый, не смощря на участіе, принимаемое имъ въ ея горести и въ судьбѣ ошца ея, озарялъ все лице его какою - то неземною радостію.

Въ эту минушу старый Спилсъ принесе извѣстіе, что преспушеніе ошца Эммелины ошкрышо дыяпей.

Меллингеръ часто ѣзжалъ прогуливаться по окрестностямъ въ небольшой однокolkѣ, кошорою правилъ самъ. Обыкновенно ѣздилъ оня одинъ; но въ послѣдній разъ взялъ съ собою дѣвочку лѣтъ шести, дочь одного изъ своихъ конпорщиковъ, кошорую любилъ за говорливость и называлъ всегда *болтушкой Лизой*.

Болпушка Лиза, ворошаясь домой, рассказывала маленькому сыну сосѣда, у ворошѣ кошораго сидѣлъ непріательской жандармъ, какъ они ѣздили прогуливаться по большой ивовой алеѣ, въ сторону ошѣ почшовой дороги, вокругъ мѣльничной площади; какъ Меллингеръ издалека еще завидѣлъ курьера, кошорый былъ весь зеленый, сверху какъ бы въ бархашѣ, съ большою свѣшлою какъ спалъ бляхою, и никакъ проворень, что они было

выпустили его из виду; и какъ Меллингеръ выскочилъ поспѣшно изъ одноколки успѣлъ его догнашь и, чѣмъ не заспавишь долго мучишься, прокололъ прямо сквозь сердце. Жандармъ вслушивался въ эшошь разговора съ особеннымъ вниманіемъ и пошчасъ донесъ своему начальству.

Эммелина бросилась ту же минушу къ родителемъ дѣвочки, чѣмъ поговорить съ нею самой; но ее уже тамъ не было: жандармы опхвели ее къ Комменданшу города для допроса. Никому, даже родителемъ, не позволено было идти шуда съ нею.

Безушьяная Эммелина возвратилась домой и нашла Вильмсена въ полной дѣяшельности. Онъ перебиралъ, перечисывалъ всѣ бумаги Меллингера. Наличныя деньги, векселя на значительнѣйшія суммы, однимъ словомъ: все, что имѣло цѣну, было уже имъ спряшано.

Тутъ пришло ужасное извѣстіе, что Меллингеръ завтрашній день преданъ будетъ военному суду. Кто не знаетъ, что въ шѣ несчастныя времена подпастъ военному суду и выслушашъ смершній приговоръ свой значило одно и шже?

По первому, у бѣдной, испуганной дѣвочки вымученному опхвѣшу на вопросъ, кошорый она едва ли поняла вполнину,

оправлены были жандармы для изысканій на мѣсто, къ мельничной площадѣ. И въ самомъ дѣлѣ тамъ найденъ былъ шрупъ пропавшаго курьера. По свидѣтельству лѣкарскому оказалось, что онъ дѣйствительно былъ убитъ, но не кинжаломъ въ сердце, а нѣсколькими ударами шупаго орудія по головѣ.

Всѣ усилія Эммелины видѣвша и переговоры съ несчастнымъ опцемъ своимъ оказались тщетны.

Пикетъ, содержавшій карауль у пюреры, въ кошорой сидѣлъ Меллингеръ, состоялъ изъ Нѣмцевъ. Эммелина думала склонити ихъ просьбами и деньгами, — напрасно. Она рѣшилась возбудити ихъ совѣсть, упрекала ихъ, что они служатъ чудовищу, кошорое навлекло бѣдствіа на ихъ любезное опечесиво, кошорое раззоряетъ и опустошаетъ всю землю, и что они помогаютъ злодѣю совершити несправедливостъ, какой неслыхано еще примѣра — напрасно. Тюремщикъ сказалъ ей въ полголоса: „пише, сударыня, ради Бога пише! Вы наговорите еще бѣду себѣ на шею!“ и вывелъ ее пѣхоньку изъ караульни. Спарый, честный Товія, кошорый былъ знакомъ съ пюремщикомъ, сержанпомъ и солдатами, и пивалъ съ ними нерѣдко вмѣстѣ, просилъ ихъ убѣди-

мельнѣйше оказатьъ ему единственную милость и позволить съ добрымъ господиномъ поговорить минушь пашь хотя въ ихъ присутствіи — напрасно.

Эммелина возвратилась домой съ расщербаннымъ сердцемъ.

Вильмсень былъ мраченъ и безпокоенъ.

Отъ него, отъ его благоразумія, отъ его сердца надѣялась она утѣшенія; но онъ молчалъ и съ намѣреніемъ избѣгалъ ея нещербливыхъ вопросовъ: думаешь ли онъ, что еще возможно спасти ея отца? не должна ли она предложить Комменданшу полковнику, все свое имѣніе за его освобожденіе? не нужно ли ей скакать въ эту же ночь къ Маршалу, находившемуся въ ближнемъ городѣ, и упасъ къ ногамъ его?

Такимъ образомъ наступила ужасная ночь, а еще ничего не было предпринято къ спасенію несчастнаго, по всей вѣроятности невиннаго шарика, отъ позыдной смерти, предшоявшей ему на другой день. Уже очень поздно вечеромъ послала Эммелина къ родителямъ Лизы; огорченные отвѣчали ей, что дочь ихъ не возвращалась еще домой, и что они вовсе не знаютъ, гдѣ она и въ какомъ положеніи находится. Мать на колѣняхъ просила, заклинала Комменданша отдать ей дочь, или позволить оспашься съ нею. Зле-

дѣй смѣлся и съ холодною презрительною ужимкой отвѣчалъ: „вы напрасно о ней безпокоишесь; она въ добрыхъ рукахъ.“

Всю ночь не могла горестная Эммелина сомкнуть глазъ. Едва сила сна закрывала ея вѣжды, какъ она вдругъ опять пробуждалась: по видѣлся ей отецъ, блѣдный, искаженный, спящій на песчаномъ бугрѣ съ сложенными накрестъ руками и очами, воздѣшными къ небу; по слышался его послѣдній, прощальный призывъ, и въ шоке мгновеніе свиссъ пуль, раздирающихъ сердце и грудь несчастнаго.

Она бросилась на колѣни предъ образомъ Искупителя, и излилась въ теплой, сердечной молитвѣ. Подкрѣпленная святымъ упованіемъ на Всемогущаго, она заснула около ушра; но едва благотворный сонъ пролилъ цѣлебный бальзамъ свой въ сердечныя ея раны, какъ вдругъ пробудилъ ее сильный шумъ въ домѣ.

Тереза, ея ключница, сломя голову вбѣжала въ комнату и кричала изо всѣхъ силъ; „Слава Богу! слава Богу! Г. Меллингеръ скрылся. Онъ свободенъ!“

Эммелина, трепеща отъ внезапной радости, вскочила съ постели и въ ночномъ планіи выбѣжала въ комнату, гдѣ уже собрался цѣлый домъ. И Вильмсена призывали

шуда. Его насилу могли достучаться: онъ спалъ какъ полумертвый и не хопьль никакъ въришь справедливости новой въспи. Однако жь ее принесла Лошпи, дочь шюремщика. Проходя по улицъ и увидя Терезу, которая также не могла спать цѣлую ночь и около утра съла у раствореннаго окошка, Лошпи сказала ей о помъ.

Не прошло полчаса, какъ явился отрядъ солдатъ, окружилъ домъ, и нѣсколько офицеровъ, вошедъ въ оный, начали обыскивать по всѣмъ угламъ съ макимъ спараміемъ и почностью, что если бы Меллигеръ былъ и не больше перочиннаго ножичка, то и тогда они вѣрно бы его нашли.

Коммандантъ самъ былъ въ числѣ тѣхъ, копорые искали.

Когда наконецъ все ихъ понски оснались бесполезны, сказалъ онъ, что извъ силъ подобныхъ арестантовъ у него ни одинъ еще не уходилъ и что побѣгъ Меллингера, чѣмъ больше онъ о помъ думаешь, тѣмъ неизьяснимѣ ему кажется.

„Требую отъ васъ“ — продолжалъ онъ швердымъ, пронцашельнымъ голосомъ — „сказашъ мнѣ по совѣспи, безъ малѣйшаго заирапельства: знаешь ли кто изъ васъ что-нибудь про Зеленый плащъ изъ Венеци?“

Непригошовленные къ сему вовсе неожиданныму вопросу Эммелина, Тереза и старый Сшипсъ измѣнились въ лицѣ такъ очевидно, что одинъ только съѣпой, а не Коммендантъ, кошорый смошрѣлъ на всѣхъ орлиными глазами, могъ бы этого не замѣшишь. Надежда развѣдать ошъ нихъ ошомъ, что ему нужно, мелькнула въ головѣ его.

„Вонъ всѣ опсюда!“ — закричалъ онъ прочимъ, кромѣ сказанныхъ шрехъ, опвелъ пораженнаго нечаянносшью Сшипса и блѣдную обомлѣвшую ошъ спраха Терезу въ особыя боковыя комнашы, и просилъ Эммелину, разсказать ему прямо и чистосердечно, что извѣсно ей о *Зеленомъ плащѣ*. Трепещущая Эммелина спросила: какую связь имѣешь это шаннсшвенное привидѣнiе съ освобожденiемъ ея опца? Коммендантъ покачалъ головою, не скрывъ своего удивленiя, что она — одна изъ образованнѣйшихъ двушекъ въ цѣломъ городѣ — считаешь *Зеленый плащъ* дѣйствительнo за существо безшълесное, однакоже просилъ ее вспоминишь, что не она, а онъ долженъ спрашивашъ, и повшорилъ желанiе свое слышашъ, что извѣсно ей объ этомъ, весьма сомнишельномъ для него существѣ.

Эмелина, перевозимая неизъяснимою шоскою, рассказала все, что о томъ слышала.

По ея словамъ *Зеленый плащъ* былъ не кто другой, какъ молодой Спонсери изъ Венеціи.

Коммендантъ покачалъ въ молчаніи головою, посмошрѣвъ сомнишельно на сподшихъ вокругъ Офицеровъ, не менѣе удивленныхъ слышаннымъ, и позволилъ выдти Эмелинѣ, которая шакъ была слаба, что едва держалась на ногахъ.

Позвали Спипса. Его показаніе было совершенно сходно съ показаніемъ Эмелины. Коммендантъ, котораго изумленіе возрастало съ каждымъ словомъ, захошѣвъ видѣшь письма, полученныя Меллингеромъ въ то время ошъ дома Спонсери. Спипсъ, въ сопровожденіи одного Офицера, пошелъ въ коншору и принесъ связку подъ лишерою С., въ коншорой находилось между прочимъ неизъяснимое письмо, извѣстное уже моимъ чшпашельямъ.

Коммендантъ прочель его съ двумя старшими Офицерами и сказалъ въ полголоса: „Если это шакъ, то шюремщикъ, сержантъ и караульные не совсѣмъ виновны. Ошкровенно сказать, я самъ не знаю, чтобы сдѣлалъ на ихъ мѣстѣ.“

Старый Спипсъ долженъ былъ показать на кладбищѣ мѣсто, гдѣ погребенъ молодой Спонсери.

„Узнаете ли вы прупъ, если я велю его выкопать?“ спросилъ Комменданшъ съ весьма важною миною, сквозь кошорой однако же замѣшно было, что и имъ овладѣваетъ невольная боязнь.

„Если черныя лица не слишкомъ измѣнились ошъ времени, то конечно узнаю“ — отвѣчала Спипсъ, и морозъ пробѣжалъ по жиламъ его при мысли, что еще разъ въ жизни своей долженъ увидѣшь это блѣдное, шощее лицо, кошорое и тогда сдѣлало на него споль спранные впечатлѣнiе.“

„Велише вскрышь гробъ!“ — сказала Комменданшъ одному изъ Адьюпаншовъ: „возмите съ собою“ — указывая на Спипса — „эшого господина — и заставъте его присягнуть по совѣспи, что найденный прупъ естъ дѣйствительно шощъ самый, кошорый былъ имъ погребенъ. Пошомъ велише позовашъ шюремщика и сержанша, покажише имъ прупъ и запишише ошъ слова до слова въ протоколь, что они говоришь будушь. Пусшь шюремщикъ принесешъ съ собою и пуговицу.“

Между шѣмъ позвали Терезу. Она разсказала, что знала.

Показанія всѣхъ прехъ были согласны между собою, только никто изъ нихъ не видалъ Зеленаго плаща лично, кромѣ стараго Спипса; но и пошъ видѣлъ его не какъ привидѣніе, а какъ бездушный трупъ.

На вопросъ: ошъ кого слышала она о явленіи Зеленаго плаща, Тереза показала на стараго Товію. Послали и за нимъ; но его нигдѣ не нашли. Всюду, гдѣ только могли его предполагать, отправлены были гонцы, но всѣ они возвратились ни съ чѣмъ. „Этого бездѣльника вы должны мнѣ сыскашь“ — кричалъ Коммендантъ — „хотя бы по и всего вашего имѣнія спѣило. Въ залогъ подайте мнѣ сей часъ сюда 10,000 шилеровъ, и если, по послѣдней мѣрѣ въ чешыре недѣли, Товія не будетъ мнѣ предсавленъ живой или мертвой, деньги ваши пропали.“

Вильмсенъ возразилъ съ принужденной улыбкой, что дряхлаго, больнаго спарика, котораго изъ милосши кормили хлѣбомъ, потому что онъ уже ни къ чему не былъ способенъ, до сихъ поръ не цѣнили такъ дорого, и что впрочемъ ключъ ошъ денежнаго сундука осался у Меллингера, а потому они не въ состояніи предсавить требуемой суммы, да и не знаютъ даже еспъ ли сполько въ наличности въ его кассѣ.

„Ключъ у меня!“ ошвѣчалъ Коммендантъ

съ поржеспвующимъ видомъ; вынулъ его, къ неопisanному ужасу Вильмсена, изъ кармана и вершълъ съ насмѣшливою улыбкою передъ его глазами. „У насъ старая привычка, молодой человекъ, обыскивать арестантовъ и опбиграть у нихъ все, прежде нежели ихъ засаждать. Ну, поворачивайся же, покажи, гдѣ касса. Посмотримъ, чшо у шарика шамъ за сокровища!“

Вильмсень пакъ смѣшался въ эту минуту, чшо Коммендантъ съ злобною радостью воскликнулъ: „Чшо? сполько ума въ Коммендантъ вы не предполагали? Я знаю вашу брашью бездѣльниковъ, но дайше мнѣ срокъ я васъ проучу, проучу шакъ, чшо въ жизнь свою не забудеше.“

Успуная силъ, Вильмсень повелъ Комменданша съ нѣсколькими Офицерами въ коншпору, и показывая на большой, желѣзомъ окованный сундукъ, сказалъ: „Вашъ касса!“ На лицѣ его ясно изображался подавляемый гнѣвъ.

Коммендантъ самъ опнеръ замѣкъ, поднялъ тяжелую крышку, и опскочилъ въ ужасѣ нѣскольکو шаговъ назадъ: при первомъ взглядѣ въ сундукъ, представился жаднымъ къ деньгамъ глазамъ его — зеленый плащъ.

„Туть самъ сапана спроишь проказы!“ вскричалъ онъ, обьяшый холоднымъ ужасомъ,

и спросил Вильмсена, видалъ ли онъ когда нибудь эпопъ плащъ въ сундукъ?

„Ключъ отъ кассы“ — ошвѣчалъ эпопъ — „былъ всегда у одного Г. Меллингера; какъ могли мы, его коншорщикъ, знашь, что у него шупъ лежало!“

„Выньше эпопъ проклятый плащъ!“ закричалъ Комменданшъ, какъ бы не рѣшаясь прикоснуться самъ къ эпоп одеждѣ неизъяснимаго привидѣнiя.

Вильмсенъ повиновался. „Что? что эпопамъ выпало?“ сказалъ Комменданшъ, показывая палкою на бумагу, кошоралъ вывалилась изъ кармана плаща.

Вильмсенъ поднялъ и хошлъ прочесъ.

„Эпо не для тебя писано!“ заревѣлъ Комменданшъ и вырвалъ у него изъ рукъ бумагу. — Нѣсколько минушь смошрѣлъ онъ на нее въ молчанiи.

Эпо былъ лоскушъ, оторванный отъ листа и весь исписанный. Комменданшъ вынулъ изъ бумажника своего другой такой же; на лицѣ его изобразилось изумленiе, и онъ, съ обыкновенною площадною бранью, признался, что отъ бумаги писаны одной рукой. Пошомъ составилъ оба лоскушка вмѣстѣ и — о верхъ удивленiя! — они пришлись шакъ, что не было сомнѣнiя, чтообъ они не принад-

лежали вмѣстѣ; только для сославленія цѣлаго недоспавало еще прешьяго лоскушка.

„Кажется, это писано по-Итальянски?“ спросилъ Коммендантъ, котораго смущеніе часъ опъ часу увеличивалось. „Разумѣешь ли что нибудь изъ васъ эпошь языкъ?“

„Если позволите“ — сказала Вильмсень, и хотѣлъ взять бумагу. „Немножко и я разумѣю“ — подхватила одинъ Офицеръ.

Коммендантъ опдалъ оба лоскушка послѣднему.

Офицеръ читалъ :

— — *свою совесть, неვნемлешь*

— — *Небесное Правосудіе ожидаетъ*

— — *ужасенъ будетъ конецъ твой*

— — *въ бездну тяжкихъ золь*

— — *послѣднему суду; трепещи*

— — *Вѣчная ночь смерти есть*

„Вотъ еще!“ сказала Коммендантъ, желая казаться равнодушнымъ; но судорожное движеніе подбородка, не позволившее выговорить болѣе ни одного слова, ясно доказывало, какое дѣйствіе произвели надъ нимъ сіи, почти никакой связи между собою не имѣющія рѣченія.

„Гушь ещъ еще что-шо!“ сказала другой Офицеръ, показывая на оборотъ записки.

Первый Офицеръ оборонилъ оба лоскушка бумаги: на одномъ не было ничего; на

другомъ, выпавшемъ изъ плаща, найденнаго въ сундукъ, стояло:

„Паллашъ и Вольмаръ — —“

„Гс!“ закричалъ Коммендантъ, услышавъ эти имена. „Прочтите мнѣ одному.“ Офицеръ подошелъ ближе и читалъ пошухоньку:

„Паллашъ и Вольмаръ невинны. Божеское наказаніе да постигнетъ того, кто сдѣлаетъ имъ хотя малѣйшее оскорбленіе.“

„Послушай, дружокъ! переведи-ка ты мнѣ, что шупъ написано“ — сказала Коммендантъ въ себя, и подалъ записку Вильмсену. Вильмсенъ прочелъ:

„Паллашъ и Вольмаръ совершенно невинны. Ужасное наказаніе Божіе да постигнетъ того, кто которому нибудь изъ нихъ сдѣлаетъ хотя самома-лѣйшее оскорбленіе.“

„Такъ пущь же гнѣвъ небесный...“ — Коммендантъ ошпановился: слова замерли на языкъ его — „покажише мнѣ почеркъ.“

Вильмсенъ сличилъ его со словамъ на оборотъ: та же самая рука.

Поднося ближе къ лицу, чтобы лучше разсмотрѣть, Вильмсенъ сдѣлалъ ужимку, которая показывала омерзѣніе.

Коммендантъ спросилъ о причинѣ.

„Оба доскушка пахнушъ“ — ошвѣчалъ

Вильмсенъ, отворопя нѣсколько лице свое, на кошоромъ изображался невольный ужась — „сыроспью и гнилью. Какъ будпо бы бездушный трупъ имѣлъ ихъ въ рукахъ своихъ.“

И Коммендантъ отворопился ошъ ужасной бумаги, кошорая опзывалась могилою. И ему показалось, какъ будпо видны еще на ней слѣды праха, въ кошорый превращается все живущее.

Сколько наглъ и наспойчивъ былъ онъ сначала, сполько шихъ и усшупчивъ сдѣлался шеперь.

Одинъ изъ Офицеровъ напомнилъ, что они пришли въ контору за шѣмъ, чтошобъ получить 10,000 шалеровъ въ залогъ за старато Товію.

„Г. Коммендантъ“ — сказалъ Вильмсенъ съ укоризною — „счель себя въ правъ опкрышь чужую кассу; слѣдспвенно ему уже нечего ожидать *полученія*, ему остаешся шодько *взять*. Я не знаю, много ли въ кассѣ, но если въ ней ешть сполько, и если Г. Коммендантъ находитъ согласнымъ съ своею *совѣстью* и неподлежащимъ опчешу *Небеснаго Правосудія*, кошорое *ожидаетъ* насъ на концѣ нашего поприща, то можетъ взять самъ что ему будетъ угодно и сколько угодно.“

„Ужасенъ будетъ конецъ“ — проворчалъ Коммендантъ сквозь зубы, понявъ намекъ Вильмсена на выразительные гіероглифы Зеленаго плаща. — „Послѣдній судъ! Я не шрону самъ изъ этого сундука ни одного пфеннига. И охотно готовъ услунить изъ моего требованія половину; но другую половину“ — примолвилъ онъ, бросивъ взглядъ въ сторону на Офицеровъ — „долженъ я необходимо получитьъ для блага общаго.“ Вильмсень пересмотрѣлъ кассу, счелъ деньги и нашедъ въ наличности 4000 шалеровъ, предложилъ Комменданту взять половину подъ обязательство возвратиць деньги, какъ скоро получицца удостовѣреніе въ смерти Товіи, или онъ самъ предсавленъ будетъ живой.

Коммендантъ согласился, далъ пребуемое обязательство и Офицеры приняли 2000 шалеровъ.

Между тѣмъ возвратился съ кладбища и Сшипсъ съ шюремщикомъ и сержаншомъ. Провожавшій его Адъютантъ предсавилъ сосавленный имъ протоколь.

По содержанію онаго, Сшипсъ призналъ вырытое тѣло за трупъ молодаго Спонсери изъ Венеціи. Равнымъ образомъ шюремщикъ Паллашъ и сержаншъ Вольмаръ признали его за шо существо, которое въ прошедшую

ночь являлось въ караульню и освободило Меллингера изъ оковъ и заключенія.

„Вы удивляешься“ — сказала Коммендантъ Вильмсену, которъй слыша это не хотѣлъ вѣришь ушамъ своимъ. „Теперь объяснися вамъ недоумѣнїе и удивленїе мое при видѣ адскаго зеленого плаща, найденнаго нами въ сундукъ. Во всемъ этомъ происшествїи есть что-то сверхъ-естественное, чего я никакъ понять не могу.“

Всѣ присутствующіе ошояли какъ окаменѣлые; даже два Офицера, которымъ извѣстно было происшествїе предъидущей ночи, сдѣлались внимательнѣе и показывали небольшое смущенїе.

„Зеленый плащъ“ — присовокупилъ Адьюшантъ — „везлъ я сняшь съ покойника.“

При сихъ словахъ, къ ужасу всѣхъ предшющихъ, солдатъ внесъ въ комнату полушлѣвшій зеленый плащъ.

„Пуговицы“ — продолжалъ Адьюшантъ нѣсколько робкимъ голосомъ — „которая ошпада нынѣшнею ночью ошъ плаща привидѣнїя, недосшаетъ также и на этомъ, изъ гроба взяшомъ, и она, какъ Г. Коммендантъ сами удосновѣришья изволише, шочно шакого же образца, какъ и прочїя на плащъ изъ могилы.“

Коммендантъ невольно вздрогнулъ и не отвѣчалъ ни слова.

Сличили оба плаща: найденный въ сундукъ и взятый изъ могилы — оба были изъ одного и того же сукна; на обоихъ одинаковыя пуговицы; у обоихъ недоставало одной.

„Провались вся эта исторія“ — вскричала Коммендантъ. „Не хочу и слышать объ ней. Чѣмъ больше желаешь узнать, тѣмъ дальше заплываешься въ непонятномъ.“

„Только еще позвольте мнѣ, Г. Коммендантъ“ — присовокупилъ Адьюпантъ, окончивая свое донесеніе — „представишь вамъ этошъ лоскутъ бумаги. За опворощемъ рукава зеленого плаща найдена росписка въ полученіи письма, кошорая, по показанію Бухгалтера Спипса, почерка руки Меллингера. Въ карманъ же лежала вошъ эта бумага.“

Развернули ее и — кто представишь всеобщее изумленіе? — этошъ лоскутъ оказался принадлежащимъ къ двумъ прежнимъ, изъ кошорыхъ одинъ найденъ въ плащъ, лежавшемъ въ сундукъ, а другой пошерянь привдѣниемъ въ караульнѣ.

Письмо сдѣлалось очень неразборчиво; но нельзя было сомнѣваться, чтообъ почеркъ ю всѣхъ шрехъ лоскутахъ не былъ одинъ и шошъ же. Офицеръ, чивавшій прежніе два лос-

кушка, вмѣстѣ съ Вильмсеномъ, долго спарались разобрать содержаніе цѣлаго, и наконецъ съ великимъ трудомъ прочли сѣдующее:

Несчастный! ты заглушилъ свою совѣсть, не внемлешь ея угрызеніямъ, но Небесное Правосудіе ожидаетъ тебя на пуши порока: ужасенъ будешь конецъ твой. Вопли низринутыхъ побою въ бездну шажкихъ золь зовушь уже тебя къ послѣднему суду; шрепещи злодѣй, воздаяніе близко! Вѣчная ночь смерти есть начало адскаго наказанія.

„Кто говоритъ это?“ вскричала Комменданшь, скрежеща зубами.

„Гробъ!“ ошвѣщивоваль значительно и съ особенною важностью Вильмсенъ.

Нѣсколько минушь молчанія.

„Вѣчная ночь смерти есть начало адскаго наказанія!“ повшорилъ медленно Комменданшь. „Ужасная мысль! Начало? Когда жь его конецъ? Какъ продолжиселень промежутокъ?“

„Ваши гробы, господа ученые не говорятъ о номъ ничего?“

„Обо всемъ, что здѣсь случилось“ — продолжалъ онъ съ поржеспвенною важношю — „наблюдайше глубокое молчаніе. Можешъ бышь, время объяснишь намъ, чего ограниченный разумъ нашъ не можешъ шеперь постигнушь.“

При сихъ словахъ вышелъ онъ со всею своею свшшою, вручивъ ключи ошъ кассы

Бухгалтеру Спинсу, какъ старѣйшему изъ саудингелей коншоры. Оба плаща велѣвъ онъ нести за собою.

Оспавшись наединѣ съ Вильмсеномъ, старый, честный Спинсъ залился слезами.

„Другъ мой!“ воскликнулъ онъ, бросясь на шею къ молодому человѣку: какой ужасной день пережили мы! — Я шакъ, усталъ, шакъ ослабѣлъ, шакъ распривожень! Что сдѣлалось съ добрымъ нашимъ Г. Меллингеромъ? гдѣ онъ шеперь?“ — „Всемогуцій да направишь шпопы его!“ сказала Вильмсенъ, воздвѣвъ боязливо руки свои къ Небу. „Я очень за него опасаюсь.“

„Но кто, кто освободилъ его?“

Въ эту минушу вошла въ комнапу Эмелина, держа за руку Лопши Палашъ, дочь пюремщика. „Ну, шеперь говори“ — сказала она — „разскажи намъ подробно все, что ты знаешь. Здѣсь мы безопасны: насъ никшо не подслушаетъ. Денегъ получишь ты за эшо, и всего чего хочешь, шолько говори правду и не забудь ничего.“

„Извольше, сударыня, я разскажу вамъ всю правду“ — начала Лопши съ шайнштвеннымъ видомъ, озираясь боязливо во всѣ стороны. „Вы услышите спрашныя дѣла. Чувшь ли не самъ сапана шущъ замѣшанъ; то чшо вѣрно, шо вѣрно, чшо старый Товиа

былъ шупъ учасшникомъ. Въ этомъ меня
 никто не разувѣришь, пошому что я сама
 была свидѣтельницаю, какъ онъ вчера вече-
 ромъ ошъ 10 до 11 часовъ все поилъ сол-
 дакъ виномъ, до шѣхъ поръ, пока они на но-
 гахъ стояшь не могли, да еще не проспымъ
 виномъ, а подливалъ туда рому или араку,
 или какъ онъ эту дрянъ называлъ, шакого
 крѣпкаго, что я однажды только понюхала,
 шо меня шакъ и ошибло. Онъ говорилъ, шо
 ешь Товія, чшобъ они пили за здоровье его
 господина, копорый далъ ему на шо денегъ,
 а когда изъ шюръмы освободился, шо и еще
 вшрое больше обѣщался дать. На это они
 ему смѣялись въ глаза и говорили, что го-
 сподину его завпрашняго дня не пережишь,
 а пошому лучше имъ пить шо, чшбъ у нихъ
 въ рукахъ не дожидаясь богатыхъ обѣщаній.
 Тупъ Товія вышелъ вонъ и не могъ удер-
 жаться ошъ слезъ. Прощаясь, пожелалъ онъ
 мнѣ доброй ночи и сказалъ: „Прощай, Лоп-
 ши! Если все шакъ пойдетъ, какъ я думаю,
 шо намъ невидаться больше.“ Я проводила
 его, замкнула за нимъ дверь на дворъ и при-
 несла ключи бапюшкѣ; но послѣднія слова
 Товія и рѣчи солдакъ навели на меня шакой
 спрахъ и безпокойшво, что я не могла
 лечь въ постель, пошому что гдѣ ни стоя-
 ла, гдѣ ни ходила, безпрешанно чудилось мнѣ,

какъ спараго барина разспрѣливающъ, и какъ Товія со мною прощается, чшобъ бѣжать далеко, далеко. Я осшалась подлѣ башюшки, кошорый сидѣлъ съ сержаншомъ и расшабарывалъ о прежнихъ войнахъ, объ убійствахъ и другихъ ужасахъ. Ошъ эшого еще больше овладѣла мною шоска, и морозъ безпрешанно подиралъ меня по кожѣ. Въ жизнь свою не запомню, чшобъ когда нибудъ я шакъ боялась. Сержаншъ нѣсколько разъ выходилъ пошморѣшь на свою команду: всѣ спали какъ убитые. Башюшка дважды приказывалъ мнѣ ложишься спать, но я никакъ не могла рѣнишься на шо ошъ невольной шрусосши. Наконецъ, когда онъ въ шрешій разъ напомнилъ мнѣ о шомъ, легла я на скамейку и пришворилась какъ будто сплю. Башюшка хопѣлъ - было опяшь послалъ меня въ свою постель, но сержаншъ сказалъ, чшобъ не шрогалъ, пошому чшо ночи и шакъ ужъ не много осшалось, при шомъ же можешъ бышь и лучше, чшо я шупъ и дѣлаю имъ компанію. Послѣ шого приложилъ онъ ухо къ шюремной двери, за кошорою сидѣлъ спарый баринъ, пошучался въ нее раза при пошохоньку, и сказалъ шопошомъ: „У добраго Меллингера должна бышь совѣшь чисша: онъ спитъ препокойно.“ Едва успѣлъ онъ эшо выговорить, какъ вдругъ ударило двѣ-

надцать часовъ, и съ послѣднимъ ударомъ двери пюрмы расшворились и опшуда вышло пощее, блѣдное привидѣнїе, закутанное въ зеленый плащъ, держа за руку Г. Меллингера. Мы всѣ шрое вскочили отъ ужаса; я, сама себя не помня, вскрикнула изо всѣхъ силъ. Мершвое лице успремїло на насъ свои черные, какъ уголь, глаза и сказало: „Имя мое *Зеленый Плащъ изъ Венециї!* Жилище — гробъ! Я пришелъ сюда, чшобъ освободить его. Горѣ, горе шому, кшо дерзнешъ къ нему прикоснушься!“

„Сказавъ эшо, вышли они оба медленными шагами изъ маленькой нашей комнашы, прошли чрезъ караульню, гдѣ спали солдашы, въ сѣни и исчезли!“

„Башюшка! чшо эшо было шакое?“ вскричала я, ломая себя руки отъ шоски, и ужаса, и радости. „Видѣлъ ли шы эшо лице? Ни кровинки во всемъ, одна кожа и кости, У! эшо была сама смерть или ужаснѣйшее привидѣнїе!“

„Башюшка шпоялъ какъ окаменѣлый. „Эшо мечта, дшпя мое, одна мечта, шпанная, непоняшная, сказала онъ: „Можешъ ли эшо бышь въ самомъ дѣлѣ? Г. Меллингера заключень въ шяжкія оковы.“

„Трепещущою рукою взялъ онъ лампаду и вошелъ въ шемницу. Оковы лежали на по-

ду, комната была пуста. „Боже великій! мы погибли!“ закричал онъ сержанту: „эшо былъ самъ дьяволъ, эшо его работа! мы несчастны навѣкъ. — Гей, вы! къ ружью! къ ружью! Скорѣе къ ружью!“

„Но никто изъ караульныхъ не шевелился. Прошло съ добрую четверть часа времени, пока наконецъ полчками и пинками могли поднять ихъ на ноги.

„Дверь на дворъ была замкнута. Подлѣ нее лежалъ зеленый плащъ.

„Бросились пошчасъ обыскивать все зданіе. Съ чердака до подземелья, во всякомъ уголкѣ было обшарено и осмолрено. Нигдѣ нѣтъ слѣда ни привидѣнія, ни Г. Медлингера.

„Надобно было опрапортовать Комменданту. „Если Коммендантъ услышитъ, что вы пили“ — сказалъ сержантъ солдатамъ, которые съ похмѣлья не могли еще совершенно придти въ себя — „шо бытъ вамъ всѣмъ разспрѣяннымъ. Мнѣ же кажешся, что крѣпкой сонъ, который обуялъ васъ, былъ не что иное какъ наведеніе проклятаго *Зеленаго Плаща изъ Венеціи*. Развѣ не случилось, что вы и прежде пивали, но вы при шомъ всегда оставались бравыми ребятами и никогда не забывали своей должности.“

„Солдаты были рады, слыша, что сержантъ.
Нов. Библ. Ч. I.

жаншъ самъ ихъ оправдываетъ. Всѣ въ одинъ голосъ клялись и утверждали, что въ жизнь свою никогда еще того не чувствовали что сегодня, и что и теперь еще насилу глядѣшь могущъ, такъ ошуманены были ихъ головы. Одинъ изъ нихъ съ тысячкою кляшвѣ и ругательствъ увѣрялъ, что самъ видѣлъ, какъ *Зеленый плащъ* шелъ медленнымъ шагомъ черезъ караульню съ арешанкомъ; что онъ хотѣлъ закричать и разбудить своихъ товарищей, однако жъ не только не могъ произнести ни одного звука, но даже и пошевелилъ ни однимъ членомъ: что-то невидимое и неизъяснимое его удерживало.

„Этого самого послалъ сержаншъ къ Комменданшу съ рапортомъ.

„Комменданшъ былъ съ вечера на большомъ пиру, и подгулялъ, какъ рассказывали его лакеи, преисправно. Его не могли добу-дисься.

„Прошло около двухъ часовъ, пока смѣнили пикешъ.

„Часовой передъ дверьми у входа пропалъ. Его не могли нигдѣ найти.

„Сержаншъ, банюшка, я и всѣ солдашны представлены были Комменданшу. Онъ самъ насъ допрашивалъ.

„Мы должны были присягнуть въ справедливости показаній своихъ о томъ, что

мы видѣли и слышали. Солдаты клялись теперь всё до одного, что собственными своими глазами видѣли, какъ *Зеленый плащъ* провелъ арестанта черезъ караульню: они хотѣли схватить ихъ, спрѣлзать по нимъ, но ни одинъ не могъ тронуть ни мизинца; а рты ихъ какъ будто замышы были распорченными оловомъ. У *Зеленаго плаща*, по ихъ показанію, была большая лошадиная нога и длинный, красный хвостъ; дверь передъ нимъ сама собою распворилась прежде, нежели онъ къ ней прикоснулся, а когда онъ вышелъ, то по всей караульнѣ разнесся несносный сѣрный запахъ.

„Я очень хорошо знала, что все это неправда, и что клятва ихъ ложная, но какъ скоро замѣтила, что Коммендантъ началъ приходиться въ недоумѣніе, и отецъ мой не казался уже ему сколько виновнымъ, то рѣшилась молчать и дала имъ свободу, продавая душу свою дьяволу. Въ этихъ негодяяхъ и то мало пусти: шуда и дорога. Я не говорю этого о сержантѣ, о! онъ совсѣмъ не шаковъ. Онъ пригожій, добрый, честный малой, о которомъ никто не скажетъ ничего дурнаго. Когда принесли зеленый плащъ, найденный у дверей, то Коммендантъ и всѣ Офицеры опшвернулись: онъ него пахло гнилью, и сукно при легкомъ прикосновеніи

распадалось. Верхняя пуговица отпала и покатилась къ ногамъ Комманданта. Въ карманѣ нашель сержантъ опорванный лоскутъ писаной бумаги; только слова едва можно было разбирашь.

„Башюшку и всѣхъ прочихъ посадили подъ карауль; одну только меня отпустили и я побѣжала къ Терезѣ, сказавъ ей, что Г. Меллингъ освобожденъ. Между шѣмъ Коммандантъ собралъ военный совѣтъ.

„Маленькую Лизу еще разъ допрашивали и выпустили изъ-подъ ареста съ шѣмъ, что ежели она хотя намекнетъ кому нибудь о томъ, что ея спрашивали и что она отвѣчала, то ея непременно разстрѣляютъ. Бѣдное дитя не смѣетъ шепеть никому, боясь проговориться.

„Слышно, что Коммандантъ не знаетъ что и подумавъ объ исторіи съ *Зеленымъ плащемъ*. Онъ сдѣлался чрезвычайно задумчивъ; въ особенности, говоря, то, что написано было на бумажкѣ, сильно на него подѣйствовало.

„Товію ищутъ вездѣ. Оспашокъ вина, кошорымъ поилъ онъ солдатъ, посылали въ аптеку для изслѣдованія; въ немъ найдены ядъ.“

„Можешь бышь опиумъ?“ спросилъ Вильгельмъ.

„Да, шакъ они его называли“ — продолжала Лопши. „Солдашы и шеперь еще лежатъ какъ шальные и жалуются на ужасную дурношу. Я чаю, ни одинъ изъ нихъ не доживетъ до вечера. Богъ съ ними! Нечего жалеть! И прежде добраго въ нихъ не было ни на волосъ, а послѣ сегодняшней ложной кляшвы, имъ шолько и мѣста, что въ аду.“

„Жаль шолько бѣднаго Товію. Если онъ попадется въ руки, то не свѣковашь ему въку: бышь разстрѣляннымъ.“

Эммелина щедро наградила Лопши. По ея уходъ, всѣ шрое долго думали и передумывали, и шерялись въ догадкахъ и заключеніяхъ о *Зеленомъ плащѣ изъ Венеци*. Наконецъ шарый Спипсъ сказалъ: „что пользы въ пуспыхъ и неосновательныхъ нашихъ разсужденіяхъ? Г. Меллингеръ свободенъ, онъ спасенъ; шанемъ радоваться, а прочее предоешавимъ премудрости Всемогущаго.“

Но Вильмсенъ примолвилъ въ полголоса, поширая себѣ лобъ: „покуда не получимъ мы ошъ него извѣстія, не могу я бышь спокоенъ.“

„Не оставляйте меня!“ сказала Эммелина печально, и съ дружескою довѣренностью подала имъ обомъ руки. „Всевышній

наложили на меня тяжелое испытание: мне нужна помощь таких друзей, какъ вы.“

Оба прижали руки ея къ устамъ своимъ. Вильмсенъ чувствовалъ легкое пожатіе. Кровь закинула въ его жилахъ ошь внезапнаго восторга и сердечнаго умиленія; губы его нѣсколько секундъ покоились на нѣжной рукѣ дѣвушки, впивая въ себя неизъяснимую сладость поцѣлуя; вдругъ мысль, что это пожатіе было одно изліяніе чувства безпомощнаго ея положенія, пробѣжала въ головѣ его. Въ то же мгновеніе оставилъ онъ руку Эмmeliны и перешелъ опять въ почтительное отношеніе служителя конторы къ дочери своего Принципала. Эмmeliна въ молчаніи посматрѣла на него внимательно, покачала, не будучи имъ замѣчена, головою, и не сказавъ ни слова, вышла изъ комнаты со спѣшеннымъ сердцемъ.

Приличіе пребовало, чтобы Эмmeliна не оспавалась шеперь жить одна; она взяла къ себѣ въ домъ старую шешку. Шписпу отдана была на руки касса, Вильмсену поручено управленіе дѣлами.

Такимъ образомъ все въ домѣ Меллигера пришло въ прежній порядокъ, кромѣ сердца бѣдной Эмmeliны. Съ каждымъ днемъ

увеличивалась любовь ея къ молодому, пригожему Вильмсену, ибо каждый день слышала она онь другихъ объ усердіи, съ какимъ управлялъ онь торговыми ея дѣлами; о неусыпной заботливости, съ какою наблюдалъ пользы ея дома; о нѣжномъ обращеніи его съ прочими служителями конторы; о всеобщей любви, которую снискалъ онь себѣ въ цѣломъ городѣ своею честностію, своею благошворительностію, своею шихою, скромною жизнью; о любезности его въ обхожденіи; о веселомъ его характерѣ и о тысячь другихъ достоинствъ его прекраснаго, благороднаго сердца; — только въ отношеніи къ ней былъ онь холоденъ и нѣмъ, только въ ея присутствіи скрытенъ, оспороженъ въ словахъ и поступкахъ и такъ несносно пошпенденъ, что съ нимъ невозможно было завести никакого дружескаго, онокровеннаго разговора.

Тетка Эммелины безъ воли и намѣренія еще болѣе усиливала спрасъ ея. Молодой человекъ понравился ей и понравился не на шутку, такъ, что она безпреспанно хвалила по кудрявую, прелеспную его голову, по его тонкое, чистое бѣлье, по его свѣжія розовыя губы, звонкой голось, пламенные глаза, здоровый цвѣшь лица, по его щегольскую, опрашную одежду; однимъ словомъ, каждый

день находила она въ немъ что нибудь особенное, ошличное. Такими опзывами раздувала она, вовсе о шомъ не думая, пламень въ сердце Эммелины. Бѣдная дѣвушка часшо по цѣлымъ часамъ слушала, какъ болтливая шешка перебирала ей достоинешва. Вильмсена, и ша не примѣчала, какія сладкія, но пришомъ глубокія раны наносила она любящему ея сердцу; пошому что Эммелина при шакихъ разговорахъ сидѣла обыкновенно наклонясь на свою работу, шакъ, чтошобъ шешка не могла видѣшь, какое восхищеніе рисовали слова ея на пылающемъ лицѣ предешшой дѣвушки.

Боллушка Лиза, какъ уже намъ извѣшно, была выпушена. Въ шомъ же самой день, какъ привели ее опъ Комменданша, родишели оширавили бѣдную малюшку въ деревню къ своимъ родшвенникамъ, вѣрояшно для шого, чтошобъ укрьшь ее опъ распросовъ любопытной публики. По прошествіи нѣсколькихъ недѣль, она возврашлася опяшь въ городъ. Эммелина спаралась найши случай переговорить съ нею наединѣ, чтошобъ узнать подробнѣе объ убійствѣ курьера, въ кошоромъ обвиняли ея опца: малюшка, кошорая бошала прежде какъ заведенные часы, была

теперь нѣма, какъ рыба. Ужасы того несчастнаго времени сильно подѣйствовали на бѣдное дитя. „Не смѣю сказать ни слова“ — говорила малюшка, складывая боязливо руки на грудь свою — „Коммендантъ велитъ разспрѣлять меня. Бапюшка думаетъ, что эти люди не вѣчно здѣсь останутся. Какъ скоро ихъ не будетъ, расскажу вамъ все, все безъ малѣйшей утайки.“

„По крайней мѣрѣ скажи мнѣ одно, милое дитя!“ — говорила Эмелина, прижимая шрепещущую опъ спраху Лизу къ своему кровью обливающемуся сердцу: „клянусь тебѣ всемъ, что для меня свято, никогда и никому о томъ не разглашать; но скажи мнѣ только одно: точно ли опецъ мой закололъ курьера?“ — „Закололъ“ — отвѣчала Лиза, качая, какъ бы въ знакъ отрицанія своею маленькою головкой — „точно закололъ, и совсѣмъ тѣмъ онъ не убійца.“

Въ пошъ же самый день выпущенъ былъ изъ рѣки прунъ ушопленника. Лѣкаръ, свидѣльствовавшій его, узналъ въ несчастномъ стараго Товію. Съ нимъ согласились чиновникъ и служители Земской Полиціи, равно какъ и многіе, случайно при томъ находившіеся. Позвали Вильмсена, чтобы о

смотрясь пруть и сдѣлать свое показаніе, которое надлежало записать въ протоколь. И его показаніе было согласно: это двѣшвительно былъ старый Товія.

Трупъ, который начиналъ уже приходиться въ поврежденіе, поспѣшили похоронить, а составленный протоколь представили Комменданшу, которому надлежало доносить о всѣхъ подобныхъ происшествіяхъ.

На слѣдующее же утро Вильмсенъ вручилъ ему опись лица своего торговаго дома просьбу, о возвратѣ извѣстныхъ 2000 талеровъ, ссылаясь на письменное его обязательство, отдашь деньги обратно, какъ скоро представлены будутъ неоспоримыя доказательства о смерти Товія. Коммендантъ вспыхнулъ и заревѣлъ какъ разсвирѣпѣлый воль. „Протоколь фальшивъ!“ — кричалъ онъ. „Я знаю васъ: вы *всѣ здѣсь заодно* бездѣльники.“

„Протоколь составленъ судебнымъ порядкомъ, Г. Коммендантъ“ — отвѣчалъ скромно и почтительно Вильмсенъ — „и вы здѣсь Коммендантъ не надъ бездѣльниками, но надъ городомъ, котораго жители принадлежатъ къ вѣрнѣйшимъ и благороднѣйшимъ гражданамъ государства.“

„Кто призналъ“ — продолжалъ Коммендантъ, ошановленный словами Вильмсена,

гораздо умереннѣе — „прупъ уполненника за шѣло вашего Тови? Вы. Кто имѣетъ опшюго неопложную и несомнѣнную выгоду? Одни вы. Двухъ тысячъ шалеровъ я вамъ не плачѹ, хошь вы себѣ разпроситесь. Да у меня и нѣшь денегъ. Ихъ раздѣлили между собою господа, кошорые погда со мною были.“

„Этому позволше мнѣ“ — отвѣчалъ Вильмсень — „къ чести вашей не повѣришь. Деньги получены были вами не какъ подарокъ, но какъ *залогъ* для *всякаго* неприкосновенный. Если бы другіе и осмѣлились воспользоваться чужими деньгами, шо ваша обязанность найши средсшво возвратишь ихъ. Когда же вы не вѣрише судебному свидѣтельству и моимъ показаніямъ, шо прикажите вырыть прупъ, и пысячи постороннихъ людей, знавшихъ спараго нашего Товію, подтвердяшь это.“

„Все вырыть, да вырыть!“ ворчалъ про себя Комменданшъ. „Это ужъ другой, кошораго я по вашей милосши долженъ тревожить въ могиль. Мнѣ ужъ это наскучило. Дорого бы я заплашилъ, чшобъ никогда и не знашь вашего дома.“

„Заплашите принадлежащія намъ 2000 шалеровъ, и вы не услышите объ насъ“ —

подхватилъ Вильмсенъ , чпобъ напомнимъ ему ояшь о своей просьбѣ.

„Да, какъ бы не пакъ! Прежде надобно хорошенько освидѣтельствовашъ шѣло покойника! Пусть ояшь вытащашъ его изъ могилы!“ ошвѣчалъ Коммендантъ съ видимымъ омерзѣніемъ и досадою , и велѣлъ Вильмсену выдти.

Черезъ нѣсколько часовъ исполнено было непріятное приказаніе Комменданша. Толпы людей, знавшихъ спараго, чеспнаго Товію спекались частію по приглашенію, частію изъ любопытства. Между ними находилось по распоряженію Комменданша нѣсколько Офицеровъ. Самъ окружный Судья соспавлялъ прошоколь показаніямъ. Всѣ единогласно признали ушопленника за спараго Товію — только одежда на немъ была не его обыкновенная. При почнѣйшемъ изслѣдованіи лѣкаря, кошорое въ первый разъ, по причинѣ сильного поврежденія шѣла, произведено было не съ надлежащею спрогостью, оказалось, что у шрупа перерѣзано горло.

Невольный ужасъ обялъ всѣхъ присущствующихъ.

Сшарый Товія былъ шихій, богобоязливый человекъ, кошораго всѣ любили и кошораго одно совершенное ошчаяніе могло довести до самоубійства.

Начался ропотъ. „Вопъ еще одинъ изъ шѣхъ, кошорыхъ смершь у Комменданша на душѣ“ — слышно было въ полкъ съ разныхъ споронъ. Находившіеся шупъ Офицеры, предспавивъ Комменданшу прошоколь вшоричнаго свидѣтельства, перенесли ему отъ слова до слова рѣчи раздраженнаго народа. Взбѣшенный такими извѣстіями и раждающеюся изъ того необходимостію все таки заплапиль извѣстныя 2000 шалеровъ, закричалъ онъ виѣ себя: „подъ висѣлицей похоронишь бездѣльника!“ — Но приказаніе его не могло бытъ исполнено: народъ явно шому воспропивиляся. „Товія“ — говорили всѣ — „былъ честный старикъ, истинный Христіанинъ. Гдѣ доказательства, что онъ дѣйствительно самъ на себя поднялъ руки? Не скорѣ ли должно полагать, что другой нанесъ ему смертельный ударъ? Теперь, когда Религія, нравшвенность и всѣ права забышы и попраны, такіе ужасы случаются не рѣдко.“ Чернь неотшупно и съ угрозами пребоваля, чшобы несчастному сдѣлано было прилично погребеніе, и Коммендантъ — обшоятельства шого времени начинали уже становишься не столь благопріятны его повелителю и ширану — за лучшее призналъ не вооружать слишкомъ общаго мнѣнія про-

шиву себя, а пошому въ молчаніи согласяся.

Вильмсень опяшь напомнилъ письменно о возвратѣ предсшавленныхъ въ залогъ 2000 палеровъ. Комменданшъ ошвѣчалъ, что онъ переговоритъ о шомъ лично съ Эммелиною, госпожею дома.

Онъ дѣйствительно прѣхалъ къ ней, и съ обыкновенною ловкостью своихъ соошественниковъ намекнулъ о желаніи своемъ, чтобъ она ошказалась опъ насшоянія возврата ей означенную сумму. Эммелина уклонила опъ рѣшительнаго ошвѣта, ошславъ его къ Вильмсену и Совѣшнику Плоссу: первый управлялъ торговыми ея дѣлами; второй назначень былъ ей опъ правительсшва опекуномъ.

Комменданшъ перемѣнилъ разговоръ, перешель къ совершенно постороннимъ предметамъ и хопѣлъ уже расшощаться, какъ горничная дѣвушка Эммелины принесла письмо, ошданное ей какимъ-шо незнакомымъ мальчикомъ.

Эммелина, съ легкимъ поклономъ Комменданшу, ошкрыла письмо, и вдругъ покраснѣла и побѣднѣла, улыбулась и прослезилась, зашрешчала и забылась до шого, что

сложивъ руки, какъ бы къ молишвѣ, радостно вскрикнула: „онъ живъ!“

Комменданшъ, которой съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ каждое изъ странныхъ ея движеній, спросилъ, какъ бы пріемля участіе, кто та особа, которой жизнь по видимому такъ для нее драгоценна. Въ эту минуту выпалъ изъ рукъ Эмелины маленькій, узенькой лоскупокъ бумаги. Комменданшъ поднялъ его съ привычною дерзостію и прочелъ :

„Я живъ, свободенъ и счастливъ;
„Вскорѣ надѣюсь увидѣшь и прижать къ
„своему сердцу любезнѣйшую дочь мою,
„Эмелину.“

„Огъ вашего башюшки?“ спросилъ Комменданшъ съ удивленіемъ. „Вы предъ симъ сказали, что не знаете гдѣ онъ; что съ самаго побѣга его не слышали объ немъ ничего; признаюсь опкровенно: я не вѣрилъ вамъ. Теперь по непришворной радости вашей вижу, что вы говорили правду. Но гдѣ — гдѣ онъ теперь находится? Въ кувертѣ лежишь еще листокъ. Можешь бышь, онъ разрѣшишь наше недоумѣніе.“

Эмелина вынула листокъ, которой теперь только замѣтила, окинула его бѣглымъ взглядомъ и сложила опять въ явное смущеніе.

„Что ж . . .?“ спросил Комменданшъ съ величайшимъ неперѣвнѣемъ.

„Извините меня, Г. Комменданшъ“ — сказала она съ примѣшнымъ замѣшательствомъ и сдѣлала видъ, что хочетъ оставить комнату — „содержаніе сей довольно спиральной записки таково, что не заслуживаетъ быть сообщеннымъ.“

„Но мнѣ бы весьма желательно было прочесть эту спиральную записку“ — прервалъ ее Комменданшъ довольно рѣшительнымъ пономъ. „Банюшка вашъ скрылся опъ преслѣдованія закона. Образъ его побѣга, мѣсто переперешняго его пребыванія —“

„Обо всемъ этомъ не найдете вы шупъ ни слова“ — возразила препенущая Эммелина.

„Но я хочу прочесть эту записку. Я долженъ ее прочесть. Съ вами говоритъ Комменданшъ. Я приказываю вамъ опдать мнѣ эту записку или я вынужденнымъ найдусь принудить васъ къ тому силою.“

Блѣдная, испуганная дѣвушка подала ему листокъ. Комменданшъ едва бросилъ на него взглядъ, какъ, пораженный ужасомъ, вскричалъ: „Чоршъ меня возьми, это опъ Зеленаго плаща изъ Венеци. Тотъ же самый почеркъ, что и на проклятыхъ прехъ лоскушкахъ бумаги изъ прехъ разныхъ плащей.“

Коммендантъ началъ чинать вслухъ, попомъ пише и пише, наконецъ про себя. Вдругъ кинулъ онъ записку съ ужасною бранью на полъ, заскрипѣлъ зубами, захопалъ, бросился изъ комнаты и хлопнулъ за собою дверью шакъ сильно, что въ цѣломъ домѣ задрезжало.

Эммелина едва могла придти въ себя въ первыя минуты послѣ сего бурнаго явленія. Прежде она едва пробѣжала эту загадочную записку, но, замѣшивъ, что тамъ говорится что-то о Коммендантѣ и не въ его пользу, не хотѣла показать ему. Теперь, отдохнувъ не много, подняла она съ полу бумагу и прочла:

„Отецъ твой въ безопасности. Въ до-
казательство прилагаю нѣсколько строкъ
его руки. Въ убійствѣ, которое взвели на
него, онъ совершенно невиненъ. Все происше-
ствіе есть слѣдствіе глупости и злобы
того, кто велѣлъ его арештовать. Но это-
го безчеловѣчнаго изверга предоставилъ я
своему мщенію. Онъ боится духовъ под-
земныхъ. Я заставлю его трепещать ихъ.
Мнѣ извѣстны всѣ его каверзы, и какъ ско-
ро возможно мнѣ будетъ оставить прахъ
могилы, я не замедлю найти и ужасно на-
казать его.“

Зеленый плащъ изъ Венеціи.

Черезъ часъ времени прислалъ Коммендантъ къ Эммелинѣ за извѣстною запискою, съ просьбою — доставишь ее за печашью.

Онъ опрѣзаль начало до нѣхъ словъ, которыя относилась къ нему, и послалъ по эспафелѣ въ Венецію, съ просьбою къ шамошнему Правительству, опобращъ опъ шорговаго дома Спонсери свидѣніе: извѣспіенъ ли ему опшошь дочеркъ и чей онъ именно.

Въ скоромъ времени прибылъ опвѣшь. Старый Спонсери призналъ, что присланныя спрочки писаны его сыномъ Гильельмо, не задолго предъ тѣмъ скончавшимся, какъ видно изъ предшавленнаго имъ свидѣшельства о смерти; но что однако же онъ не можешь удостовѣришь, въ которое точно время онъ писаны и къ чему именно опноспяща.

Туть Коммендантъ вошелъ въ себя, признался внушренно, что не можешь поспигнушь неизьяснимаго, и увѣренный въ свержьеспешивенности всего происшеспвія, равно какъ и въ шомъ, что ужасный *Зеленый плащъ* знаешь всъ его дѣянія и не оставишь до смерти или послѣ смерти наказашъ его по заслугамъ, если онъ не поспѣшишь исправишься, принялъ швердое намѣреніе загладишь по возможности шю, что сдѣлалъ до сихъ поръ худаго.

Прежде всего успѣшили онъ безъ всякаго дальнѣйшаго претребованія заплатить извѣстные 2000 талеровъ, и сдѣлался такъ уступчивъ, внимашеленъ, крошкоть, чедовѣколюбивъ, что никто въ цѣломъ городѣ не могъ довольно надивиться, оцъ чего произошла вдругъ такая непоспизжимая перемѣна.

Большая часть приписывала это вліянію полипическихъ происшествій. Въ самое это время возшедшая на Сѣверъ звѣзда начала дѣлать положеніе войскъ Корсиканца въ Германіи весьма сомнительнымъ.

Уже зарево Москвы освѣщало обратный путь бѣгущимъ со стыдомъ и срамомъ разсѣяннымъ ордамъ пришельцовъ; уже герои Рускіе преслѣдовали по пятамъ злобнаго ширана, мечшавшаго порабощить могущеспвенное ихъ отечество. Тогда благородный Король Пруссіи воззвалъ къ войнолюбивому юношеству мужеспвеннаго своего народа, и опголосокъ его воззванія раздался во всѣхъ концахъ Германіи. Вдругъ въ тысячѣ мѣстъ запылалъ долго - шавшійся подъ пенломъ огонь, и пламя его взвилось къ небесамъ. Со всѣхъ споронъ, изъ всѣхъ земель хлынули къ Бреславлю шопы неустрашимыхъ юношей, чшобы подъ знаменами Пруссіи, въ битвѣ

*

на жизнь и смерть, въ борьбѣ за независимость и спокойствіе Европы, стяжашъ себѣ неувядаемую славу.

Ежедневно тайными путями приходили восхитительнѣйшія вѣсти объ усердіи, съ какимъ юные сыны Пруссіи и другихъ земель Германіи, сотнями и тысячами спекались въ древній Бреславль.

„И я туда же!“ — вскричалъ однажды Вильмсенъ, сидя въ кругу нѣсколькихъ молодыхъ друзей, собравшихся за веселымъ ужиномъ — „и у кого сердце на своемъ мѣстѣ, кто не разучился любить дорогое опечесство, пошь слѣдуй за мною.“ Въ, какъ бы мгновеннымъ электрическимъ ударомъ потрясенные, встали, подали ему руки и поклялись вѣхашъ вмѣстѣ съ нимъ и вступишь въ корпусъ Прусскихъ волонтеровъ. Нѣмецкаго рейнвейну выпили они за здоровье Короля и новыхъ своихъ сотоварищей по оружію, условились во времени и мѣстѣ соединенія, и дали другъ другу обѣщаніе скрывать до шѣхъ поръ предпріятіе свое отъ всѣхъ, кому знать о томъ не должно. При разставаньи, Шшаркъ, крошчайшій изъ воспламененныхъ юношей, вышелъ на средину со спяканомъ въ рукъ и провозгласивъ: „вѣрнеспъ до гроба нашимъ любезнымъ, сердечный поцѣлуй прощальный и радостное свиданіе по

возвращеніи!“ выпилъ до дна. Всѣ выпили за нимъ по послѣдному покалу за здоровье прелестныхъ, и Вильмсенъ, спраннымъ образомъ потрясенный, прижалъ любезнаго орашора къ сильно-волнующейся груди своей.

У стараго Сшипса отъ горести и ужаса подкосились ноги, когда Вильмсенъ на сладующее утро, подъ печашью молчанія, опкрылъ ему о своемъ намѣреніи—вступилъ въ военную службу.

„Ради Бога, любезный Вильмсенъ!“ — сказалъ онъ, положивъ обѣ руки на плеча его: „кто внушилъ вамъ эту несчастную мысль? Всякое состояніе имѣетъ свои обязанности, и нѣтъ возможности соединить въ себѣ всѣхъ. Воинство защищаетъ опечество, торговля питаетъ его; но купецъ не можетъ и не долженъ быть солдатомъ. Если хотите способствовать къ пользѣ общей, какъ и всѣ мы готовы къ тому въ случаѣ нужды, то помогайте деньгами; но берегите кровь свою и здоровые члены. Вы теперь на дорогѣ составили счастье цѣлой жизни своей; зачѣмъ же безъ нужды и безъ пользы бросаетесь на штыкъ?“

„Составилъ счастье своей жизни?“ спросилъ сомнишельно Вильмсенъ.

„Безъ сомнѣнiя!“ — отвѣчала Спипсъ доврѣчиво. „Я прежде не хотѣлъ говорить о томъ, пошому чшо не люблю мѣшашься не въ свое дѣло, но шеперь долженъ все выска-
зашь. Наша Эммелинушка — чшо жь вы из-
мѣняешесь въ лицѣ, любезнѣйшiй Вильмсень?
Вамъ нечего шупиь спыдисься. У дѣвушки,
не смошря на всѣ потери, кошорыя пошер-
пѣлъ нашъ домъ, вѣрныхъ полшора миллiона
шалеровъ. Приданое хопь куда! А припомъ
чшо и за дѣвушка? Скажите мнѣ, знаеше ли
вы въ цѣломъ городѣ хопь одну, кошорая
была бы ее пригожѣ, лучше, добрѣ?“

„Переспаньте шупишь!“ сказала Вильм-
сень въ замѣшашельствѣ. „Намъ нужно пого-
воришь о важнѣйшихъ дѣлахъ. Богашой дѣ-
вушкѣ суждена лучшая паршiя. Повѣрьте, ме-
ня не ослѣпила красоша ея, а если бь это
и было, шо сполько разума, любезнѣйшiй
Спипсъ, останешся еще у меня, чшобъ раз-
мыслишь, чшо всякое предложенiе съ моей
спороны, со спороны бѣднаго, полунищаго
Вильмсена, не иначе можешь бышь сочшено,
какъ за сумасбродство.“

„Неправда, говорю я вамъ, неправда!“
закричала Спипсъ съ досадою и попнуль но-
гою. „Я гошовъ прозакладовашь все неболь-
шое свое имущество, если она вамъ опка-
жешь. Ужь я не разь говорилъ о томъ со

спарою шепкой, и очень знаю мысли объ вась Эммелины.“

Чистосердечіе Спинса, открывшаго Вильмсену, сокровеннѣйшія чувства Эммелины, сдѣлало на сего послѣдняго сильное впечатлѣніе; но онъ скрылъ радостное волненіе своего сердца и сказалъ: „чему бышь, тому не миновашь. Я рѣшился и долженъ спѣшить привести намѣреніе свое въ исполненіе; иначе все можеть открыться и намъ помѣшающь. Нынѣшній же вечеръ увѣжаю я съ друзьями своими скрытнымъ образомъ и предоставляю вамъ управленіе торговлею. Самъ я сѣшу шеперь къ Совѣшнику Плоссу: онъ не можеть и не спанеть меня удерживашь. Вась прошу поговорить между шѣмъ съ Эммелиною. Больше же никому ни полслова.“

Спинсъ покачалъ въ молчаніи головою. Вильмсенъ пошелъ.

Когда Вильмсенъ возвратился опъ опекуна Эммелины, она прислала просить его къ себѣ.

У ней были заплаканные глаза. Пламенно любящему Вильмсену пріятно было видѣть безмолвное подтвержденіе того, что узналъ онъ въ первый разъ изъ устъ спарого Спинса.

Эммелина подала ему руку и сказала съ невыразимою нѣжностью: „Вы хопите оставивить насъ, любезный Вильмсень. Я было думала, что изъ любви къ нашему дому вы этого не сдѣлаете; но будьте увѣрены, что я умно цѣнишь благородное ваше намѣреніе. Общее благо должно бытъ для васъ и для всѣхъ теперь предпочтительнѣе блага частнаго. Настаетъ великое, ужасное время. Тысячи погибнуть“ — присовокупила она печально и слезы брызнули изъ глазъ ея — „тысячи сокрушатся шокую прежде, нежели высокая цѣль будетъ достигнута. . . . Вы опправляешесь“ — продолжала она послѣ краткаго молчанія, собравшись нѣсколько съ духомъ — „шуда, гдѣ любовь великодушнаго народа къ Королю и опеческву воздвигла себѣ прекрасной алтарь положише на опшопъ священный алтарь и мой учаспокъ.“ — Она подала Вильмсену весь богатый уборъ свой изъ драгоценныхъ камней и весьма значительную сумму золота. — „Того, что вы, благородный человекъ, приносите въ жертву: кровь и жизнь, я, слабая, конечно не могу; но когда женщины и дѣвушки будутъ опѣишь въ церковь, къ алтарю Всемогущаго, чтобы молитъ за своихъ мужей и . . .“ Она остановилась въ смущеніи. Вильмсень схватилъ ея руку, прижалъ къ губамъ сво-

имъ и восклицуль : „такъ благочестивая , богоблзненная дѣвушка, молишь за меня и Богъ меня не оставишь! Эна минуша , Эммелина“ — онъ никогда еще не говорилъ съ нею такимъ тономъ дружеской довѣренности — „миришь меня , за все время пребыванія моего въ вашемъ домѣ , съ вами , съ самими собою , съ судьбою моею. Мнѣ остаешся еще только немногія минушы провести здѣсь. Прежнія отношенія мои къ вамъ уже рушились. Вы для меня уже не дочь моего Принципала, вы только Эммелина, несравненная, спраспно любимая мною Эммелина. Съ первой минушы, — хочу говорить теперь свободно, для того, чтобы испустивъ духъ свой подъ непріятельскими пулями, если такъ суждено мнѣ, не взять съ собою тайны, которую до сихъ поръ скрывалъ во глубинѣ своего сердца — съ той незабвенной минушы, когда я въ первый разъ преклонилъ колѣна подлѣ васъ предъ алтаремъ Вседгущаго въ кафедральной церкви, испощилъ я все, чтобы заслужить ваше къ себѣ благорасположеніе. Иногда щеславное самолюбіе мое щептало мнѣ, что вы не равнодушны ко мнѣ, но слишкомъ скоро моя бѣдность, жалкій жребій мой прудами рукъ сзсикъ снцскивать для себя пропитаніе, и гордая ваша холодность, указывали мнѣ гра-

ницы, изъ копорыхъ я выходишь не долженъ. Въ послѣднюю минушу моего здѣсь пребыванія, слезы ваши пысящекрапно вознаграждаютъ меня за все то, что я сдѣлалъ по чувству моей обязанности, изъ любви моей къ вамъ.“

„Гордая моя холодность?“ — повпоркала медленно Эммелина, улыбаясь сквозь слезы и покачавъ прелестною своею головою. — „Какъ худо понимаете вы женское сердце! Позвольте же и мнѣ въ минушу разлуки нашей говорить съ вами опкровенно и опъ сердца. Можешь бышь, мы не увидимся больше въ сей жизни, пусть же исчезнешь всякое между нами недоразумѣнїе. Если бы вы знали образъ первоначальнаго воспитанія моего въ монастырѣ, если бы вамъ извѣстно было, какъ бапюшка умѣлъ внушить въ меня подозрѣнїе ко всѣмъ молодымъ мужчинамъ, то конечно нашли бы извинительнымъ нѣсколько странное обхожденїе мое съ вашимъ поломъ, всегдашнее желанїе мое уклоняться опъ сближенія съ нимъ. Не имѣя мащери, копорая бы дружески руководила моею неопытносшю; живучи съ опцомъ, копорый все время посвящалъ своимъ занятїямъ, я и въ послѣдствїи, можешь бышь слишкомъ строга, наблюдала правило, держашь молодыхъ людей опъ себя въ опдаленїи; но если

бы вы были снисходительнѣе, по конечно оказали бы мнѣ болѣе справедливости ахъ, почтенный другъ мой! — услуги, вами мнѣ оказанныя, даюшъ мнѣ право называющъ васъ симъ именемъ — богашая дѣвушка въ моемъ возрастѣ есть часто, очень часто самое несчастное швореніе. Гдѣ я ни была, куда ни обращалась, вездѣ окружала меня пестрая шолпа людей всякаго званія и сословія, съ прямыми и околичными, скрышными и слишкомъ явными пребываніями руки моей. Но бѣдная дѣвушка знаетъ уже, что она любима, какъ скоро любящій предлагаетъ ей свою руку; *богатал* еще весьма далека отъ шого.

„Сопни богашыхъ дѣвушекъ оспались бы незамѣчены и уснули мѣсто прелестнѣйшимъ, добрѣйшимъ, если бы сіяніе золотпа не прикрывало ихъ недоспашковъ. Первое слово о любви, свашающагося жениха богашой дѣвушкѣ, есть почти всегда ложь, и потому оспашается она по болѣшей часпи отъ брачнаго до погребальнаго вѣнца обманушою въ сладчайшихъ надеждахъ своей жизни. Это видѣла я на опытѣ съ нѣкоторыми изъ подругъ своихъ, и тысячу разъ желала счастье богашства промѣнять на счастье чистѣйшей, никакими побочными видами неруководимой любви. — Есть ли въ этомъ,

почтенный другъ мой, что нибудь общаго съ упрекомъ вашимъ въ гордой холодности? . . . Со вступленія вашего въ домъ нашъ, какъ вамъ безъ сомнѣнія извѣстно, искади руки моея многіе почтенные люди, къ которымъ прежде я могла бы чувствовала привязанность. Мнѣ легко было ошклонить ихъ предложенія: но если вы и это назовете гордою холодностію, потому только, что нѣкоторые изъ нихъ были не только облагодѣшествованы богинею счастья, какъ я, но сдѣлаете мнѣ большую, чувствительную несправедливость. Я имѣла на то“ — присорвакупила она тихимъ голосомъ, погудивъ глаза въ землю — „другія причины.“

Эммедина умолкла и положила руку на снѣженную грудь свою. Вильсемъ взялъ и прижалъ ее къ своему сердцу. „Другія причины?“ спросилъ онъ значительнымъ голосомъ. „Выобѣщали предъ разлукой нашей говорить ошкровенко и ошъ сердца. Я — странное положеніе! — именно потому, что вы сказали о богатыхъ и бѣдныхъ дѣвушкахъ, не смѣю говорить — ахъ, Эммедина! если бѣ вы были бѣдны — никакая сила въ свѣтѣ не ошпановила бы меня упасть къ ногамъ вашимъ.“

„Если бы излишняя скромность не препятствовала вамъ видѣть яснѣ“ — сказала

Эмелина съ неописанною пріятностію ; — „по вы бы не стали спрашивать о другихъ причинахъ; вы бы нашли ихъ“ — присовокупила она едва внятно, съ Ангельскимъ смиреніемъ опустивъ глаза — „въ самомъ себѣ.“

„Эмелина!“ воскликнулъ Вильмсенъ и прижалъ прелестную двушку къ груди своей: „скажи мнѣ последнее рѣшительное слово и сдѣлай меня счастливейшимъ изъ смертныхъ!“

„Вильмсенъ!“ отвѣчала Эмелина тихо, трепещущимъ голосомъ: „тебѣ должно произнести первое слово любви.“

„Моя Эмелина!“ снова воскликнулъ Вильмсенъ въ неизъяснимомъ восторгѣ счастливой любви и, казалось, хотѣлъ чинить въ глазахъ несравненной подтвержденіе того, что произнесли уста. „Мой милый, пламенно любимый Вильмсенъ!“ прошептала Эмелина и поцѣлуй запечатлѣвъ союзъ счастливой четы.

Любящіяся такъ много имѣли сказать другъ другу и не могли довольно наговориться. Каждый изъ нихъ казался другому совершенно въ иномъ необыкновенномъ свѣтѣ. Вильмсенъ: кошорый до сихъ поръ не выхо-

диль изъ границъ снрогой почтншельности, была сама любезность, сама непрннужденность. Каждую минушу Эммелнна откнрываета новыя сокровнща его пламеннаго сердца, его благороднаго характера. Она упнвалась восхищеннемъ, играла съ его длинными локонами, прнжимала руку его къ груди своей, и въ большихъ, полныхъ души глазахъ ея отражалась надежда будущаго благополучня. Вдругъ лице счастливаго Внльмсена помрачилось. Эммелнна замъшнла это и спросила поскливо: что ему? — „Ты любишь меня, Эммелнна“ — сказалъ Внльмсень въ задумчивости и прнмъшномъ безпокойствъ — „но отецъ пвой: одобришь ли онъ любовь нашу? У меня нтъ ничего, кромъ головы и сердца. Последнее прннадлежншь тебъ; первая должна заботнться о моемъ прокормленнн. Но отецъ пвой захочеть большаго.“

„Отецъ мой“ — прервала нжно улыбаясь Эммелнна — „захочеть счастья своей дочери, а безъ тебя нтъ для меня счастья на свътъ. Ты или нкшо!“ — прнсовокупила она важнымъ, шоржесшвеннымъ голосомъ, и смотръла ему въ глаза съ выраженнемъ незьяснмой нжности. Казалось, какъ будто бы въ эту минушу хотъла она испнть полную чашу наслаждення чнспън-

шей любви. Ахъ! она знала, что за эпою ми-
нушою можешь послѣдовать цѣлая жизнь го-
рести, что шешь, къ кошорому сердце ея
давно уже спремилось съ шайною, но шѣмъ не
менѣ сильною любовію, скоро долженъ бу-
детъ ее покинуть и, можеть быть, на-
всегда.

„Ты привыкла“ — началъ опять Вильм-
сенъ съ важнымъ испышующимъ взоромъ —
„ты привыкла, любезная Эммелина, вполне
наслаждаешься жизнью, не зная ни заботъ, ни
недоспашка. Въ послѣднее несчастное время,
когда отецъ твой поперялъ около чешвер-
шой части своего имѣнія; узнала ты пре-
мѣнчивость земнаго счастья. По этому не
трудно тебѣ представить себѣ возможность,
при настоящемъ положеніи политическихъ
обстоятельствъ, лишиться и остальныхъ
шрехъ чешвертей.“

„Пусть все, все погибнетъ“ — пре-
рвала Эммелина, угадывая смыслъ его словъ—
„лишь бы ты остался мнѣ, Вильмсенъ. Отецъ
мой знаешь о моей любви и одобряетъ ее.
И онъ, со времени послѣднихъ происшествій,
научился знать цѣну и вѣщность денегъ,
и мысли его въ семъ отношеніи весьма пе-
ремѣнились. Умѣренность, дружба и любовь
суть шри столпа семейшвеннаго благопо-

лучія. Кипо ихъ пріобрѣлъ, шому не много нужно ничтожнаго мешалла.“

„Опецъ швой знаешь и одобряешь швою любовь?“ спросилъ изумленный Вильмсеиъ.

„За нѣсколько дней до несчастнаго пріключенія съ курьеромъ“ — отвѣчала Эммелина — „посѣпиль опца моего Графъ Блютенштейиъ, и сваталъ меня за своего сына, Каммергера. Такое предложеніе польспило шщеславію опца моего: онъ описалъ мнѣ всѣ преимущесшва молодаго человекка со всею подробностію, и присовокупилъ, что ему весьма пріятно будешь, если эиотъ выборъ сообразенъ съ моими мыслями, въ чемъ онъ почти не сомнѣвается, зная таланты, любезность и душевныи достоинствва молодаго Графа, котрымъ я конечно опдамъ полную справедливостъ. Отвѣпль мой, что я весьма уважаю и дорого цѣню опличныи качества Графа, но при всемъ шомъ не могу любить его, огорчилъ добраго моего родишеля. „Ты никого не любишь!“ сказалъ онъ съ примѣпною досадою и хопль меня оставилъ. Эшо придало мнѣ смѣлоспи: съ дѣпскою довѣренностію призналась я ему, что люблю себя. Сначала онъ удивился, попомъ сказалъ, что и ему самому нѣсколько разъ казалось, какъ будшо я особенно къ шебѣ расположена. Далѣе онъ говорилъ, что хопя

шы — не осердись! — и полунищій, однако же. . . . но зачѣмъ повпоряшь тебѣ въ глаза все хорошее, все похвальное, что рассказывалъ онъ о тебѣ, о твоей примѣрной честности, о рѣдкихъ твоихъ способностяхъ, о необыкновенныхъ познаніяхъ? Последнія слова его были, что если любовь моя къ тебѣ такъ сильна, что я предпочитаю тебя Графу, и если ты равнымъ образомъ чувствуешь ко мнѣ привязанность, то ему весьма пріятно будешь утвердишь нашъ союзъ.“

„Да благословишь же насъ Всемогущій!“ вскричалъ Вильмсенъ, внѣ себя отъ восхищенія.

Они провели одинъ изъ счастливейшихъ часовъ, какими только смертные въ жизни сей наслаждаются.

Можешь бышь это былъ послѣдній. Никто не хотѣлъ говорить о близкой разлукѣ. Наконецъ Эммелина, напечатлавъ сердечный поцѣлуй на устахъ его, сказала: — „Ты говорилъ передъ этимъ о поѣздкѣ въ Бреславль? Не правда ли, теперь ты останешься?“ — „Эммелина!“ — отвѣчалъ Вильмсенъ съ горестнымъ видомъ и отворочилъ лице свое — „Не раздирай мнѣ сердца этимъ вопросомъ. Я долженъ ѣхать: я далъ честное слово въ то время, когда жизнь не имѣла

для меня никакой цѣны, потому что я сомнѣвался въ любви твоей. Теперь я долженъ сдержашь его, когда только начинаю жить.“

„Ты хочешь сдержашь слово, данное дружбѣ и нарушаешь слово, которымъ обязанъ любви!“ воскликнула Эммелина и залившись слезами, упала назадъ въ кресла. Но Вильмеенъ внушилъ ей какъ важна обязанность, повелѣвающая ему не оставяшь со товарищей, которыхъ самъ онъ возбудилъ поднять оружіе, и она, особливо когда онъ отъ чистаго сердца съ горячностью признался, что теперь охотнѣе бы желалъ оспащьяся, нежели идти подвергать себя опасностямъ, послѣшшо вскочила, бросилась къ нему на шею и сказала: „нѣтъ! спускай, я не хочу тебя удерживать. Сердце мое обливается кровью, но я чувствую: что ты не можешь, не долженъ оспащьяся. Ты стоишь между двумя обязанностями. Та, которая зоветъ тебя туда, священнѣе, неоплажнѣе. Я укрѣплюсь; Всемогущій подасъ мнѣ къ тому силы. Я ли одна несу это тяжкое бремя? Тысячи матерей, сестръ, женъ, невѣстъ разделяють его со мною. Молитвы мои будутъ тебѣ соупшествовать. Я всегда буду съ тобою неразлучно.“

„Перестанемъ говорить о разлукѣ!“ — прервалъ ее Вильмсенъ, дорожа временемъ. — „Намъ оспѣаються только минушы. Станемъ наслаждаться ими вполне, моя милая, несравненная Эммелина!“

„Но и сіи минушы имъ почти не принадлежали. Опекуны, Спипсы, спутники, окончаніе дѣлъ, пригошоваенія къ опѣзду такъ занимали все время, что имъ не удавалось почти поговорить другъ съ другомъ безъ свидѣтелей, и потому предложеніе Эммелины, подъ предлогомъ прогулки, проводить любезнаго за городъ, принято было Вильмсеномъ съ восхищеніемъ.“

Тракширъ подъ вывѣскою *Незабудки*, въ разстояніи прехъ часовъ отъ города, назначилъ Вильмсенъ мѣстомъ соединенія для своихъ товарищей, которые согласились сойтись туда съ разныхъ сторонъ къ четирыремъ часамъ вечера. Тамъ спояли въ гостовности лошади и повозки, чтобы какъ можно скорѣе перебраться за границу, потому что при безпрестанной убыли молодыхъ людей, которые спѣшили къ Сѣверу, подъ знамена Прусскія, началъ Коммендантъ обращать на нихъ особенное вниманіе. До *Незабудки* провожала Эммелина возлюбленнаго

своего воина, съ шепкой, кошорой въ короткихъ словахъ объяснила все дѣло.

Вечеръ былъ прелестный. Пробужденная изъ усыпленія Природа торжествовала первыя ясныя минушы по своемъ возрожденіи. Безоблачное небо сплалось лазоревымъ шапромъ. Цвѣшущій яворъ, орѣшникъ и осинникъ стянулись по краямъ прекраснѣйшей дороги; въ прилежащихъ садахъ благоухали гіацинты, шацеты и шюльпаны; на поляхъ начиналъ цвѣсти бѣлокопышникъ, и дяплина раскрывала свои чашечки. Радостныя насѣкомыя кружились вокругъ пышнаго шафрана, и холмы величались лазорью и розами прелестной въпреницы. Въ кустахъ раздавались смѣшанные голоса зябликовъ, дроздовъ, пѣночекъ и малиновокъ, и маленькія коноплянки порхали вслѣдъ за коляскою. Но все это видѣла и слышала одна шепка. Любящіеся видѣли и слышали только другъ друга. Наконецъ шепка, въ досадѣ на безпреспанное ихъ перешепшыванье, толкнула изсохшимъ локтемъ своимъ выше всѣхъ мѣръ счастливаго Вильмсена и сказала: „Вопшь шо-шо молодые люди! Цѣлую зиму только и разговоровъ было что о веснѣ, какъ будто вѣкъ ее не видали. Пришла весна, день какого нельзя и желать лучше, а они и не выгладнушь изъ коляски.“

Пропивъ воли выпавилъ онъ пылающее лице свое и смотрѣлъ на чистое, голубое небо.

„Ну, да памъ вверху ничего не цвѣтеть!“ сказала смѣясь шешка.

„А! вошь они — вошь они шянущя длиною рядомъ!“ вскричалъ Вильмсень какъ бы внѣ себя. „Посмотрите, шешушка, эшѣ когоршы; они плывущъ высоко въ воздухѣ, удивительнымъ порядкомъ отъ Юга къ Северному полюсу. Но вамъ, дерзновеннымъ, не доплышь шуда, не доплышь!“ — Тешка не знала, что подуманъ. Ей точно казалось, что онъ видить въ облакахъ Французскія войска. Глаза ея слѣдовали за его взорами: вдругъ она захохотала. „Право, кажется, у него голова не совсемъ въ порядкѣ“ — прошептала она Эммелинѣ, кошорая теперь тоже оставивъ шайную засаду свою внутри коляски, выпавила прекрасную головку, чтобы посмотрѣшь на чистое небо. „Послушай-ка какъ онъ разговариваетъ со спадомъ журавлей, летящихъ по воздуху, какъ будто бы это были непріятельскія войска.“

Въ Незабудкѣ ожидали уже Вильмсена шесшнадцать человекъ, молодыхъ храбрыхъ его поварищей, кошорые встрѣтили его радостнымъ ура!

Но едва вышелъ онъ изъ коляски, какъ посыпались на него со всѣхъ сторонъ упреки за его медленность. Все просило спѣшить какъ можно опправленіемъ. Боялись, что Коммендантъ догадается и пошлетъ за нимъ въ погоню.

Почти всѣ спутники Вильмсена прѣехали изъ города съ друзьями, подругами и родственниками. До сихъ поръ все было весело и радостно. Теперь ударилъ часъ разлуки. Безъ поцѣлуи и прощанья; всѣ грудь съ грудью въ горестномъ объятіи — шихія слезы, громкія всхлипыванія.

Въ эту роковую минушу Эмелина, окладивъ руку вокругъ шеи Вильмсена и положивъ голову на грудь его, омывала ее горькими слезами. Они казались другъ другу въ неизмѣнной вѣрности до гроба. Положеніе горестной Эмелины было ужасно: она близка была къ совершенному безчувствію. „Тогда, въ восторгѣ счастья быть любимымъ такою дѣвушкой, расширилось желѣзное сердце Вильмсена, распались цѣпи глубочайшей тайны, споль долго въ немъ скрывавшейся. Онъ приложилъ губы свои къ уху любезной и сказалъ едва слышнымъ шопотомъ: „Эмелина! я не Вильмсець; я — Гильельмо Спонсери, Зеленый плащъ изъ Венеціи.“

„Жандармы! Жандармы!“ закричали вдругъ двадцать, тридцать голосовъ, и глаза всѣхъ обратились къ городу. Въ самомъ дѣлѣ вдали, сквозь облаковъ пыли, видѣнь былъ скачущій опрядь. Молодые воины кинулись въ гошевыя повозки. Шаркъ силою вырвалъ счастливаго Гильельмо изъ объятий пораженной и изумленной послѣдними его словами Эммелины, бросился съ нимъ въ почтовую коляску и быспрые кони помчались съ шакою поспѣшностью, что въ нѣсколько минушь путешественники скрылись изъ виду плачущихъ друзей своихъ и родственникововъ, и были безопасны отъ преслѣдованія Жандармовъ и ушомаяенныхъ лошадей ихъ.

Эммелина лежала въ сильномъ обморокѣ.

Крики и ругательства Жандармовъ, упустившихъ изъ рукъ своихъ добычу, возвращали ее къ печальной, одинокой жизни.

„Гильельмо Спонсери“ — повпоряла она себя нѣсколько разъ, какъ бы пробуждаясь изъ глубокаго сна, и мечтада въ ужасъ видѣнь прежняго неизьяснимаго пришельца изъ за предѣловъ гроба — попомъ представляла себя опять его свѣжіе уста, огонь его полныхъ любви глазъ, пламень его поцѣлуевъ, силу рукъ его, на которыхъ еще за нѣсколько секундъ предъ нѣмъ она въ невыразимомъ благополучіи покоилась — и старалась ус-

миришь поскливое воображеніе свое, увѣряя себя, что ея прелестный Гильельмо не можешь бышь одна и та же особа съ шѣмъ, кошорый такимъ непоняшнымъ образомъ вмишался въ близкія къ ней происшествія.

Возвращаясь въ городъ, нашли они всѣхъ жишелей въ шайномъ восхищеніи. За полчаса предъ шѣмъ войска, находившіяся тамъ и въ окрешнрспяхъ, получили приказаніе на другой же день выспушиться, и скорыми маршами спѣшиться къ Сѣверу, чшобы посшавишь оплошь идущимъ въ соединеніи Русскимъ и Прусакамъ. Самъ Коммендантъ уже укладывался, и съ раннею упреннею зарею весь городъ былъ совершенно очищенъ ошъ незваныхъ гостей.

„Вошь журавли, на кошорыхъ намекалъ Вильмсенъ“ — сказала съ улыбною шешка, сідя съ Эммелиною у окна, передъ кошорымъ шянулись безчисленныя массы непріятельской пѣхошы, и сдѣлала въ слѣдъ за ними прикреша. Но Эммелина смолрѣла на нихъ съ робосшію: мысль, что всѣ эшѣ тысячи ружейныхъ шволовъ, по кошорымъ сверкали первые лучи восходящаго солнца, будущъ устремлены на грудь ея любезнаго Гильельмо, шерзала ея сердце.

Цѣлый день не могла она успокоишься. Вечеромъ, ушомденная слезами и безпрерыв-

нымъ волненіемъ распаленнаго своего воображенія, сидѣла она въ сумеркахъ одна и слѣдовала мыслями за своимъ возлюбленнымъ. Вдругъ кто-то тихонько постучался въ дверь: она опворилась, и вошелъ — старый Товія.

Въ ужасъ вскочила Эммелина съ своего мѣста. Сердце ея замерло, волосы спали дыбомъ. Товія, который перерѣзалъ себѣ горло и жизнь свою окончилъ въ волнахъ; Товія, котораго выпашили изъ воды полунсхлѣвшаго, который былъ признанъ судомъ и многими посторонними, и пономъ погребень — эпомъ Товія споялъ теперь передъ нею, живъ и здоровъ, въ хорошей опрятной одеждѣ, и съ низкимъ поклономъ говорилъ прежнимъ своимъ дребезжащимъ голосомъ: „Не пугайтесь, сударыня! Это я, я, вашъ старый слуга!“

„Но скажи, Христа ради, какъ это возможно?“ вскричала Эммелина не вѣря глазамъ своимъ. Тупъ въ немногихъ словахъ разсказалъ ей Товія все, что съ нимъ случилось.

„Господина швоего обвинили въ убійствѣ“ — сказалъ ему пайкомъ Вильмсень въ шопъ несчастный день, когда опца Эммелины посадили въ темницу. „Завтра преданъ онъ будетъ военному суду, шо есть,

завтра его распрѣляюшь. — Я знаю шебля, ты вѣрный слуга, и любишь своего господина. Мы все полагаемся на тебя. Солданы *** роты споднѣ на караулѣ у шюрмы. Ты съ ними знакомъ. Спупай къ нимъ, попопчуй ихъ эшимъ виномъ, сказавъ, что получилъ его опъ своего господина. Только самъ не пей ни капли, и въ одиннадцать часовъ непременно уйди опшуда. Умерешь изъ нихъ не умрешь никшо, а шолько будунъ спать покрѣче. Когда господинъ швой увидишь, что караульные спашъ, не безъ сомнѣнїя не оставишь энимъ воспользовашься; а если ему удастѣя бѣжашъ, то ты можешь ожидать славнаго награжденїя. Самъ ты ночью домой не возвращайся, а спупай за городъ, къ дому, гдѣ живешъ палачъ. Тамъ ожидай дальнѣйшихъ опъ мевя приказанїй.“

Дочь палача, Ревекка, вѣроятно знала о этомъ, что придетъ Товїя, пошому что ожидала уже его ночью на бугрѣ, гдѣ спавишъ висѣлица, повела въ своей домъ, спряшала въ заднїй чуланъ, гдѣ пригошовлено было для него госпепрїимное ложе изъ лошадиныхъ и коровьихъ кожъ, и усмирила большихъ собакъ, чшобъ не лаяли.

„Уже около ушра“ — продолжалъ Товїя свой рассказъ — „наскакали Жандармы и спрашивали у Ревекки, кошорая сидѣла подъ

окошкомъ, не видала ль она купца Меллигера, который прошлую ночь убъжалъ и, какъ слышно, провѣкалъ проселочною дорогою, шуть мимо лобнаго мѣсна. Я спала на колына и принесъ сердечное благодареніе Богу за спасеніе господина. Ревекка же ошвѣчала, что не видала никого и теперь полько вспала. „Чего добраго! пожалуй, ояъ можешъ бытъ и шуть еще у нихъ спряшанъ“ — сказала одинъ изъ Жандармовъ издоманымъ Нѣмецкимъ языкомъ и сѣвъ съ лошади. У меня занялось дыханіе. Найдуть они меня здѣсь, думалъ я, пакъ не выдашь мнѣ больше свѣшу Божьяго.

„Ну, ошворяй же, мамзель!“ — кричалъ другой. „Намъ надобно обыскать здѣсь!“ — „Топчасъ!“ — ошвѣчала съ непонятною горповностью Ревекка, захлопнула окошко, вышла на дворъ и ошворила ворота. Вдругъ десяшка поатора или два ужаснѣйшихъ собакъ выскочили съ сильнымъ лаемъ и воемъ, и бросились на Жандармовъ, такъ что сошедшій съ лошади благодарилъ Бога, когда успѣлъ вскочить на нее опять. „Да уйми собакъ!“ — закричалъ опять первый — „вишь, бестин, какой вой подняли, такъ и бросаюшя!“

„Я не могу. Ояъ меня не слушають!“

опивчала се смѣхомъ Ревекка — „а сегодня я одна дома.“

„Въ эту минуту одна изъ большихъ собакъ вскочила на лошадь къ Жандарму, который на нее замахнулся, и жестоко укусила его въ ногу.“

„Взбѣшенный Жандармъ прицѣлился и хотѣлъ по ней выстрѣлить. „Спрѣлай! спрѣлай!“ закричала ему Ревекка съ насмѣшкою. „Эти собаки нашего Князя. Мы каждую недѣлю два раза должны посылать ихъ къ вашему Маршалу для охоты. Передъ нимъ и будешь опивчаться, а ему право собаки дороги.“

„„Чтобъ чортъ ихъ побралъ и съ побоемъ!“ закричали Жандармы и поскакали прочь. Собаки провожали ихъ далеко, а Ревекка захлопала съ радости въ ладоши и сказала, что ей спонло только свиснуть, и собаки изорвали бы въ клочки всѣхъ Жандармовъ до одного.“

„Черезъ двѣ недѣли, ночью прѣехалъ какой-то господинъ. Ревекка разбудила меня. Я долженъ былъ съестъ къ нему въ коляску: онъ не говорилъ ни слова. Поупру я узналъ его. Это былъ Вахновичъ, погребщикъ, который торгуетъ у насъ здѣсь на углу. Мы ѣхали на почтовыхъ до Германштата. Вахновичъ опправился опшуда по своимъ

дѣламъ далѣе, а я остался подѣ чужимъ именемъ у его родителѣй. Онъ сказалъ мнѣ, что меня вездѣ ищутъ и что пока непріятельскія войска будутъ находиться въ нашемъ городѣ, я не могу, не подвергая себя опасности, возвратиться туда. Недѣли за три предѣ симъ Вахновичу, отцу, надобно было ѣхать сюда. Я не могъ долѣе вытерпѣть и просилъ его взять меня съ собою. Подѣзжая сюда, узналъ я, что старый Коммендантъ еще здѣсь. Хотя все было тихо и о побѣгѣ Г. Меллингера уже забыто, но я не рѣшился явиться вдругъ. Для того остановился у Ревекки и далъ чрезъ нее знать Г. Вильмсену о моемъ возвращеніи.

„Ревекка испугалась, когда меня увидѣла. Она утверждала, что я бросился въ воду, что трупъ мой былъ вышаченъ и погребенъ. Г. Вильмсенъ, который въ то же вечеръ пришелъ посѣтить меня, объяснилъ мнѣ эту загадку. Единственно для того, чтобы спасти принадлежащія вамъ 2000 палеровъ, которые даны были Комменданту въ залогъ за меня, утвердилъ онъ Земскую Полицію въ ошибочномъ мнѣніи, будто вышаченный трупъ былъ я. Весь городъ любилъ Вильмсена: ему не трудно было преклонить многихъ на свою сторону. Всѣ охотно показали, что уполномоченника

признають за меня, и радовались какъ нельзя больше, что успѣли обмануть ненавистнаго Комманданта. Такимъ образомъ Вильмсенъ получилъ свои деньги, а я былъ вычеркнутъ у Жандармовъ изъ списка и поиски обо мнѣ прекратились.“

„Гдѣ жъ бапюшка?“ — спросила Эммелина, слушавшая съ напряженнымъ вниманіемъ.

„Объ немъ не знаю я ничего“ — отвѣчала Тovia заботливо. „Что онъ почто проѣхалъ по проселочной дорогѣ мимо лобнаго мѣста, позадь дома палача, въ этомъ нѣтъ сомнѣній: Ревекка его видѣла. Но куда? Богъ знаетъ.“

Разговоръ ихъ прерванъ былъ приходомъ родителей болтушки Лизы.

Малюшка до сего времени упорно сохраняла молчаніе о происшествіяхъ, касающихся убійства курьера. Сами родители часто просили, приказывали, грозили — напрасно; она отвѣчала: „боюсь, меня разспрѣляютъ, если я скажу.“ Теперь, когда Коммандантъ со всемъ гарнизономъ выступилъ изъ города съ шѣмъ, чтобы по единогласному увѣренію всѣхъ, никогда въ оный не возвращаешься, считала она себя свободно ошъ общанія молчать и жизнь свою внѣ опасности, а пошому и рассказала обстоятельно все

происшествіе съ начала до конца. Родители ея пошъ же часъ поспѣшили къ Эммелинѣ, чшобъ сообщить ей развязку сего трагическаго приключенія.

Меллигеръ вхаль съ Лизою въ однокolkъ вокругъ мѣльничной плошины, по которой насажена ивовая планпація. Малюшка увидѣла большую прекрасную бабочку *) и пожелала ее имѣть. Старикъ сказавъ ей: „подержи, Лиза, возжи; вѣдь это курьеръ, его надобно догнать“ — сошелъ съ одноколки, поймалъ бабочку и приколотъ булавкою къ задней подушкѣ козель. Вошъ и вся исторія объ убійствѣ курьера, перенесенная безпощаднымъ Жандармомъ злобному Комменданшу.

По всей вѣрояшности, Комменданшъ выпустилъ бы Меллингера на другой же день; но какъ пошъ въ ночь бѣжалъ, то боясь опъ начальства своего получить выговоръ, а публикою бытъ осмѣяннымъ, если бы недоразумѣніе его, возимѣвшее споль важныя послѣдствія, сдѣлалось гласнымъ, Комменданшъ почелъ за необходимое подъ ужасными угрозами запрешить бѣдной дѣвочкѣ разсказывать о томъ чшо-нибудь.

*) *Cicindela campestris*, извѣстный родъ зеленыхъ, бархашевидныхъ, съ бляхами на крыльяхъ, бабочекъ. Соч.

Слухъ объ эпомъ въ короткое время разнесся по городу и по окрестностямъ, и всѣ радовались, узнавъ, что Меллигеръ совершенно невиненъ.

Эммелина хотѣла теперь вызывать отца своего черезъ газеты, но онъ предупредилъ ее, являсь однажды вечеромъ, къ общей ея и всего дома радости, вовсе неожиданно и въ совершенномъ здоровьи.

Все время своего опшуществія провелъ онъ въ полной безопасности и спокойствіи, подъ чужимъ именемъ, сначала въ Раабъ, въ Венгріи, а потомъ въ Смирнѣ, въ Наполи. Объ образъ своего побѣга, который, равно какъ и испорія о явленіи *Зеленаго Плаща*, чрезъ болтливаго шюремщика и его дочь, разнеслись по всему городу, не хотѣлъ онъ никогда распространяться. „Осшавимъ это“ — говаривалъ онъ коротко и опривисто — „время безъ сомнѣнія объяснитъ намъ все. Въ свѣтъ бывающъ случаи, которые граничатъ съ сверхестественнымъ, а мы не должны подниматься выше того, какъ досягаемъ наше зрѣніе; и это уже довольно высоко.“

О томъ, что Вильмсенъ опшавилъ домъ его, жалѣлъ онъ чиспосердечно; особенно, когда слышалъ объ немъ опо всѣхъ сполько хорошаго. Эммелина горѣла непер-

пріемъ оспашься съ нимъ наединѣ, чшобы повѣришь ему шайну любви своей и свои надежды. Наконецъ, поздно уже ночью, всѣ разошлись и оспавили ихъ однихъ. Спарикъ, жившій споль долгое время вдали опъ всѣхъ дѣлъ и шорговыхъ спекуляцій, и сдѣлавшійся крошкимъ, ласковымъ человекомъ, почишалъ себя на верху счастья, нашедъ домъ своей въ полномъ благососшояніи и единсшвенную дочь въ цвѣтѣ здоровья, богашою прелесшями и доброю славою. Онъ прижалъ ее къ умиленному сердцу своему и сказалъ : „Ты прешерпѣла много горя, бѣдное дитя мое, но Богъ защишилъ тебѣ. Разлученный съ шобою, я ежедневно думалъ о тебѣ, и ежедневно за тебѣ молился. Всешогуцій услышалъ молишву мою. Между шѣмъ несчащіе научило меня, чшо деньги и богашество сущѣ вещи преходящія, и чшо человекъ самое бѣдное существо, когда не имѣетъ около себя никого, въ чьей любви былъ бы увѣренъ. Для шого часшо шоскуя о тебѣ, обѣщался я, дѣшскую любовь швою, копорою услаждаешь мою спаросшь, наградишь исполненіемъ по возможности швоихъ желаній. Скажи жъ мнѣ, милой другъ мой, чѣмъ могу я сдѣлать тебѣ радосшь?“

Удобнѣйшаго случая не могло предствашившьяся.

Эмелина упала къ нему на грудь и обхватила ему священнѣйшую шайпу сердца своего; только о послѣднихъ словахъ Гильельмо умолчала она.

Отецъ заключилъ ее въ свои объятія.

„Вильмсень бѣдень“ — сказала онъ ласково — „но онъ умный, прилѣжный, благородныхъ мыслей человекъ. Ты любишь его. Если Всемогущій изведетъ его невредима изъ окружающихъ его опасностей и если онъ останется тебѣ вѣренъ, то охотно благословлю васъ, любезныя мои дѣти.“

Я познакомился съ Гильельмо въ Бреславлѣ. Послѣ Кульмскаго сраженія нашелъ я его въ больницу для раненыхъ въ Теплицѣ. Онъ лежалъ съ прорѣзанною ногою между многими изъ друзей моихъ, въ одной изъ галлерей сада, на нѣсколькихъ снопахъ соломы. Едва вошелъ я въ дверь, какъ онъ узналъ меня и подозвалъ къ окровавленному своему ложу. Лице его было чрезвычайно блѣдно, а черные глаза казались опъ шого еще чернѣе и пламеннѣе. Случайно лежалъ на немъ зеленый плащъ, кошоримъ ссудилъ его одинъ егерской Офицеръ. Гильельмо приподнялся и сѣлъ; я спалъ подлѣ него на колына и радовался, что не смотря на его жесѣую рану, нашелъ его такъ свѣжимъ и веселымъ.

Въ это время, какъ мы между собою разговаривали, вдругъ зашумѣла противъ насъ солома, гдѣ лежалъ плавлено раненный непріятельскій Офицеръ. Онъ поднялъ вверхъ ужасно разсвѣченную свою голову; посмошрѣвъ на насъ нѣсколько секундъ дикими, неподвижными глазами, едва видными изъ разрубленнаго и сшипаго лица, и вдругъ закричалъ: „Великій Боже! это *Зеленый пл. щъ* изъ Венеции! — Я узнаю тебя, испительное существо!“ — вопилъ онъ въ бреду сильной горячки и сорвалъ перевязки съ изрубленной головы своей. „Вѣчная ночь смерти есть начало адскаго наказанія!“

При сихъ словахъ, въ осшервенѣннн прошиву самаго себя съ бѣлою клубящеюся пѣною у рта, сунулъ онъ обѣ руки въ раздвоенный черепъ свой, упалъ съ раздрающимъ сердце крикомъ назадъ въ солому, и испустилъ духъ въ ужасныхъ конвульсіяхъ.

Я вскочилъ и бросился къ нему.

Онъ былъ уже мертвъ.

Гизельмо узналъ въ немъ Комменданша и рассказалъ мнѣ множество злодѣяній сего изверга.

Въ эту минуточку позвали меня въ другую компанію, гдѣ лежало нѣсколько друзей моихъ. На слѣдующее утро всѣ не очень плавлено раненные отправлены были въ Прагу. Съ ними и Гизельмо. Такимъ образомъ не удалось мнѣ получить желаемого объясненія на странное восклицаніе Комменданша.

Спустя нѣсколько времени, посѣлilahъ я, по обязанности службы, Прагу. Я нащелъ тамъ сошнн своихъ соотечественниковъ, ошведенныхъ шуда въ число раненныхъ, и на-

ходившихся уже, при нѣжной заботливости о нихъ жипелей, на пути къ совершенному выздоровленію. Доколь будешь жишь испорія моего ошечешва *), дополь будешь она съ умиленіемъ и благодарностию воспоминашь объ учаспіи, съ какимъ благороднымъ женщины и дѣвушки Прагскія пекались о больныхъ и раненыхъ храбраго нашего войска **) Я спросилъ о Вильмсеиъ; мнѣ указали древній дворянскій домъ, гдѣ принялъ онъ былъ, какъ сынъ. Я слышалъ къ нему: онъ уже былъ почти совершенно здоровъ. По одну сторону его сидѣлъ пожилой мужчина, по другую молодая прелестная дѣвушка: Г. Меллингеръ и Эммелина. Они прѣхали за нѣсколько дней предъ шѣмъ, чшобъ взять съ собою на родину молодого героя, сдѣлавшагося неспособнымъ къ продолженію военной службы.

До *Незабудки* — писалъ онъ послѣ ко мнѣ — выѣхали къ нимъ на вспрѣчу всѣ друзья и знакомые, сопровождаемые половиною города. Онъ шолько одинъ, изъ шамошнихъ жипелей, сражался подъ побѣдоносными знаменами за независимость Германіи, въ кровавой битвѣ при Кульмъ: его шоржественно ввели въ городъ. Теперь награда счастливца — обладаніе Эммелиною.

Все непонянное въ испоріи любви его, относительно учаспія въ ней *Зеленаго плаща*, рассказано будешь въ концѣ сей часпи.

*) Пруссіи.

**) Также попечительно, если еще не съ большею любовью и сошпрданіемъ, обходился онъ и съ нашими мужественными сошечешвенниками. Ссылаюсь на всѣхъ, кто былъ шамъ въ еще незабвенное время. Изд.

ОСАДА ШАРБОНЬЕРА:

(*Историческій Анекдотъ, изъ сочиненій Адриана.*)

Маркизашеству Салюцскому надлежало, по праву, присоединиться къ владѣнιάмъ Генриха IV; но Карль Эммануиль, Герцогъ Савойскій, до того медлилъ успункою онаго, что вынудилъ крошкаго, миролюбиваго Короля Французскаго подвинушь къ Савойской границѣ войско, готовое внушить Герцогу болѣе покорности. И вѣроятно Герцогъ; неожиданшій споль быспраго и рѣшипельнаго шага, не оказалъ бы сопротивленія, если бѣ Италія не общала ему подпоры; а въ числѣ военачальниковъ и придворныхъ; окружавшихъ Короля, не имѣлъ онъ друзей; на кошорыхъ золото и низкія спраспи дѣйствовали сильнѣе, чѣмъ любовь къ отечеству и обязанности гражданскія. Таковы были Маршалъ Биронъ, Герцогъ Эксернонъ и Графъ Соассонъ. Хотя не удалось имъ воспрепятствовать походу въ Савою, но за то запаслись они всѣми коварными кознями, что-бы здѣсь на каждомъ шагѣ мѣшати планамъ Короля и любимца его Барона Росни (Сюлан).

Сей послѣдній, человекъ необыкновенныхъ качествъ, былъ наиболѣе страшень для

злбныхъ и ненавидимъ ими. Кальвинистъ, другъ вѣрный Короля, слуга его и отецъ-сва до того швердый, что даже не щадилъ самого Монарха шамъ, гдѣ видѣлъ законъ своихъ обязанностей и благо своего Государства: довольно причинь, чшобы вооружить прошивъ себя шолпу негодующихъ. Вскорѣ представился случай, при кошоромъ они довольно ясно обнаружили свои мысли. Французское войско прибыло уже въ Сень-Пьеръ д'Альбинь. Тупъ военный совѣтъ долженъ былъ рѣшить вопросъ, удобно ли углубляться далѣе въ сію страну. Только одинъ голосъ въ собраніи съ жаромъ настаивалъ, чшобы воспользоваться пріобрѣщенными успѣхами и прежде всего опияшь у непріятеля укрѣпленный замокъ Шарбоньеръ на рѣкѣ Аркѣ, кошорый могъ доставить выгодное прошивъ него положеніе. Это былъ голосъ Росни: досташочно, чшобы предложеніе найши несоопвѣстшующимъ цѣли, предложившаго назвашъ дерзкимъ; взятіе замка представитъ Королю крайне запруднительнымъ, даже невозможнымъ. Раздраженный такими опизывами, бросилъ Росни сняшый имъ наканунѣ планъ крѣпости на столъ и сказалъ, уходя: „покуда вы будете шолковать, я осажу Шарбоньеръ и не будь я Росни, если черезъ восемь дней не принузу его къ

сдачь.“ Въ присуществующіе смотрѣли съ горькою усмѣшкою на уходящаго; Генрихъ разорвалъ лежащій на сполѣ планъ и сказалъ при выходѣ: „Не въ первый разъ такъ дерзокъ противъ меня Росни, но боюсь, что въ первый разъ онъ не успоишь въ своемъ словѣ.“ Биронъ прощаясь съ Графомъ Соассонъ, шепнулъ ему на ухо: „Скорѣе въ Шарбоньеръ нарочнаго.“

Войско двинулось. Король расположился главною кварширою въ Рошепитъ, Росни избралъ для себя небольшую деревеньку, называемую Семуа, вблизи отъ замка, и обдумывалъ, какія сдѣланъ распоряженія для осады.

На другой день поутру Росни переодѣлся такъ, что его нельзя было узнать, сѣлъ на коня и пустился дѣлать наблюденія въ окрестностяхъ.

Было тихое осеннее утро, какъ обыкновенно въ эту пору бываетъ въ западныхъ странахъ Савойи. Осмотрѣвъ орудія, которыя съ величайшимъ трудомъ подвезли поближе къ крѣпости по тѣснымъ гористымъ дорогамъ, мимо нависнувшихъ скалъ, онъ объѣхалъ въ нѣкоторомъ отдаленіи кругомъ всего замка, но не открылъ ничего,

что бы могло способствовать его планамъ. Крупицы горы мѣшали приближиться къ замку на лошади; онъ отдалъ ее солдашу и полъзъ одинъ по возвышеніямъ дикой Аркской долины. Тонкіе слои тумановъ, плавающие по воздуху между высокими утесами, какъ между двумя стѣнами, сгущались и сдавливались къ низу, прогоняемые свѣжимъ упреннымъ вѣтромъ. Вглуби шумѣла Арка, перескакивая пѣнистыми валами черезъ пропасти. Мрачность густыхъ, черныхъ елей дополняла ужасъ сихъ дикихъ окрестностей. Росни обогнувъ уголь одной скалы, увидѣвъ нищаго, лежащаго при входѣ въ пещеру, внутри кошорой шептался небольшой огонекъ. Нищій замѣтивъ Росни, вспаль, снялъ съ головы своей родъ кожанаго колпака, и приближась къ нему, попросилъ милосшыни. Баронъ бросилъ ему въ шапку нѣсколько мягкой монеты и спросилъ: какъ далеко до Эгрбелля. „Съ полчаса ходьбы“ — отвѣчала нищій, примѣшно спараясь заградить пушь ко входу въ пещеру. „Что ты, спарикъ?“ — сказала Баронъ — „развѣ не хочешь пустить меня въ свое жилище?“ — Нѣтъ, — пробормоталъ нищій. — „Нѣтъ?“ — Да; однако, позвольте, господинъ, я вамъ расскажу, что это за пещера и тогда... Одинъ опшельникъ усшроилъ ее для себя со всеми удобно-

ешями и жилъ въ привольѣ, но послѣ и умеръ
 въ ней опъ приволья, — почно, пошому
 что думалъ больше о своей кухнѣ, чѣмъ о
 своей свяшпши, разжирѣлъ, излѣнился, слегъ
 и умеръ наконецъ съ голоду, презрѣнный цѣ-
 лымъ свѣпомъ. Я наследовалъ пещеру и взялъ
 себѣ въ примѣръ своего предшешвенника. —
 „Дѣло!“ возразилъ Росни: „какъ себѣ ка-
 жется лучше вымаливать, какъ милосшыню,
 свое пропитаніе, нежели его выслуживать?“
 — А что жъ? государь мой — продолжалъ
 сухо нищій: скажите, кто не проситъ ми-
 лосшынн на свѣшъ? Придворный вымаливаетъ
 благосклонность къ себѣ Монарха, воинъ
 счастья, сластолюбецъ своей любезной.
 Свѣшъ естъ сборище нищихъ. Но посмо-
 примъ, можете быть и мое малое жилище
 достойно будетъ принять васъ. — Спарикъ
 ушелъ въ пещеру, заложилъ входъ запоромъ
 и скрылся въ глубинѣ. „Эшопъ человекъ
 со всѣмъ не нищій“ — думалъ про себя Росни —
 „увидимъ, что у него на умѣ.“ Оглядѣвшись,
 замѣшилъ онъ, что въ стѣнѣ пещеры опод-
 винулась небольшая каменная заслона; изъ
 скважины послышался тихій дѣвичій голосъ:
не въпрайте себя пещерѣ! Въ то же мгно-
 веніе вышла опять спарикъ и закричала:
 „Теперь милосши просимъ, господинъ, дочь
 моя приготошила для васъ покойную по-

ешель.“ Не она, а ты, лукавый мошенникъ! ворчалъ про себя Росни и оставался въ нерѣшимости; но взглянувъ на лице нищаго, въ чертахъ котораго подъ обманчивою заботливостію какъ бы скрывалось какое-то насмѣшливое состраданіе, онъ вспыхнулъ, на самого себя негодуя, прахнулъ мечемъ и вошелъ въ пещеру.

Только что на угли положенная лучина горѣла съ прескомъ и вздымающееся пламя бросало бѣглые огни по своду пещеры. Нищій разлегся на мхъ и, казалось, вовсе не заботился, послѣдуешь ли Росни его примѣру или нѣтъ. Сей осматривался внимательно во всѣ стороны и не видя другаго отверстія въ пещерѣ, кромѣ того, чрезъ которое вошелъ, не понималъ гдѣ могла скрываться говорившая ему женщина, почему и спросилъ: „Гдѣ жь дочь швоя, которая, какъ ты сказала, пригошвила мнѣ покойную постель?“ — Видно по всему, отвѣчалъ нищій, что вы человекъ военный.

Ружье и дѣвица, война и любовь
Къ побѣдамъ волнуешь геройскую кровь.

Такъ пѣлъ и я, когда — лѣтъ съ двадцать тому назадъ — шпурмовали мы Миланъ. И вы, судя по взорамъ вашимъ, кажет-

ся, также охотно штурмуете сердца, как и крепости. Для того-то, прошу извинить, я запрягала дочку свою подальше. — „Позови ее, я приказываю — прошу!“ прибавил покраснѣвъ Росни. — Когда вы приказываете, надобно повиноваться — сказала нищій сухо; шолкнулъ ногой въ покрывную мхомъ стѣну, и когда опворился небольшой мрачный входъ, закричалъ: „выдь сюда, Клера!“

Явилась прелеснѣйшая во всѣхъ опношеніяхъ дѣвушка. Росни опвѣщспивовалъ на ея робкій поклонъ такимъ же и, подобно ей, пошупилъ безмолвно глаза, думая про себя, что въ цѣломъ свѣтѣ не можешь быть другаго споль прекраснаго шворенія. Нищій подложилъ въ огонь дровъ и бросилъ, украдкой опъ Росни, ужасный взоръ на дѣвушку, кошорая робко устремила глаза свои на лежащѣ у входа хвороспъ, какъ будто яркой огонь мѣщаль ей глядѣшь прямо.

„Дочь моя“ — началъ по нѣкоторомъ молчаніи нищій — „покажешь вамъ пещеру, благородный господинъ. Въ ней и самое ушпройшво, и множество чудныхъ окаменѣлоспей достойны того, чтобы посмопрѣшь, если вы шолько любитешь такихъ рѣдкоспей.“ — Нвпшъ, я до нихъ не охощникъ — сказала Росни, примѣшя робкое, но быспрое выраженіе въ большихъ голубыхъ глазахъ дѣ-

вущки. „Пойдемше со мною“ — говорила препенца Клера и въ то же время, незамѣтно для нищаго, качала легонько головою — „позвольте мнѣ весши васъ, государь мой! Въ пещерь въ самомъ дѣлѣ много таково, чего нигдѣ не увидишь.“ — Теперь я очень ушомленъ, желалъ бы нѣсколько отдохнушь — ошвѣчалъ Росни — и былъ бы очень благодаренъ, если бъ ты, предеспная Клера, принесла мнѣ воды ушолнишь жажду. — Клера съ радостною поспѣшностью взяла деревянный ковшь изъ сѣвнной скважины и пошла почерпнушь воды въ источникъ, въ нѣсколькихъ шагахъ оцъ пещеры по кремнямъ журнащемъ.

„Ксташи бы держашь въ запасѣ ядъ“ — ворчалъ про себя нищій — „у эшаго Росни желѣзное сердце; иначе оно сдалось бы на прелесши дѣвущки. Да и Клера боязлива и неискусна; почши забыла свою роль. Теперь однимъ полько средствомъ могу я избавишь, по данному обьщанію, Шарбоньеръ и Герцога Савойскаго оцъ эшого Росни. Не надобно пропускатъ случая! Онъ убидь при Фескампъ моего брата: умереть и ему!“

Клера вошла съ водою въ пещеру. Росни имѣлъ время разсмопрѣшь ее. Шестнадцать-цая весна изображалась въ свѣжемъ лицѣ ея; нѣжнось и привлекашельная выразишель-

носшь въ каждой чертѣ; пріятносшь въ каждомъ движеніи. Бѣлолилейная рука подала сосудъ; Росни взялъ его съ благодарностію и поднесъ къ устамъ своимъ. Въ это мгновеіе засверкалъ кинжалъ въ рукѣ нищаго, Клера бросилась, чшобы удержашъ его руку и прежде нежели Росни успѣлъ выхватить мечъ свой, она упала, поверженная желѣзомъ ложкаго опца своего. Спарикъ пыщешъ злобою и мщеніемъ, Росни колеблешся, пораженный многими ударами; еще одинъ, послѣдній ударъ виситъ надъ нимъ... онъ отражаетъ, мечъ его низвергаетъ нищаго: вдругъ изъ глубины свода слышишся шумъ шаговъ, звукъ оружія, дикіе голоса; Росни взираешъ на издыхающую дѣвушку; жизнь ея на волоскѣ; ей нѣтъ спасенія, а ему — одинъ побѣгъ. Близосшь опасности придаетъ ему силы, онъ выскакиваетъ изъ пещеры, щешъ убѣдища, находитъ укромный оврагъ въ глуши дикихъ кустарниковъ и падаетъ въ безпамятствѣ среди благоухающихъ растѣній.

Генрихъ сидѣлъ передъ шапромъ своимъ; онъ радушно смотрѣлъ на веселыя игры, которыми занимались юноши его свиты, на воинскія упражненія, конскую ѣзду и прыганье; но ошъ времени до времени взоръ его

обращался къ грядѣ холмовъ, черезъ кошорые мрачныя широкія вѣли къ Шарбоньеру, и въ семь забосливомъ взорѣ изображалось ожиданіе и нешерпѣливость. „Верховой, кошораго послалъ я въ Семуа, что-то слишкомъ замѣшкался“ — сказала она Бирону, кошорый думалъ ушѣшить Короля, предваривъ его, что Росни вѣроятно выѣхалъ изъ Семуа для осмопра высопъ въ окресносняхъ Шарбоньера. Взглянувъ наконецъ на низкоспуспившееся на западъ солнце, Король приказалъ поспѣшно осѣдлать лошадей. Уже огненный конь съ береговъ Темзы — подарокъ Королевы Елисаветы, дорого имъ цѣнимый — шопалъ въ нешерпѣвнѣи ногами, не привыкши ждашь долго передъ шашромъ Королевскимъ, какъ вдругъ примчавшійся верховой явился передъ Монархомъ съ извѣспіемъ, что Баронъ Росни найденъ, шяжело раненный, въ заглѣхшемъ оврагѣ, принесенъ на рукахъ въ Семуа и съ величайшимъ шрудомъ и усиліями возвращенъ къ жизни, едва на искру въ немъ уцѣлѣвшей. Король измѣнился въ лицѣ. „Другъ мой Росни!“ вскричалъ онъ: „скорѣе, скорѣе мою лошадь. Креки, ты со мной. Пошлише моего докшора Дюлорана, чтообъ онъ скакалъ въ слѣдъ за мною. Не мѣшкаль! на коней!“ Англичанинъ вскочилъ на дыбы,

когда почувствовала прикосновение шпоры, и вихрем помчался по дорогѣ.

По опѣздѣ Генрика свиха разсыялась по долинь, какъ шуманъ послѣ захожденія соляца. Только Квимберъ и Амелотъ, старые слуги Королевскіе, оспались передъ шапромъ и смопрѣли въ садъ Государю, пока онъ исчезъ за лѣсомъ. „Никогда ни одинъ подданный не былъ такъ любимъ своимъ Монархомъ“ — сказала Квимберъ — „какъ Росни Великимъ Генрихомъ; Король не можешь жить безъ него.“ — Баронъ и заслуживаешь вполнѣ такую любовь, возразилъ Амелотъ; нѣсколько разъ жертвовалъ онъ Королю своею жизнію, а въ прежнія смущенныя времена и всѣмъ своимъ достояніемъ. Такого человека, какъ Росни, никогда не бывало на свѣтѣ, да и не будетъ. „Гордъ и дерзокъ“ — подхватилъ Квимберъ, — „скупъ и нерѣдко опрометчивъ до безумія.“ — Какъ! вскричала Амелотъ: ты осмѣливаешься поносить Росни? Онъ гордъ, чувствуя себя Французомъ, вѣрнымъ слугою Короля и другомъ своего опечесства! Онъ гордится своимъ дворянствомъ, давая ему цѣну личными достоянствами; онъ прямъ и свободенъ въ своихъ поступкахъ: всегда первый шамъ, гдѣ идешь дѣло о благѣ его Монарха; бережливъ у себя въ домашнемъ бышу, чшобъ

имѣшь возможность дѣлать добро, а въ издержкахъ Государственныхъ. — щадя собственность бѣдныхъ гражданъ. Его опрощенность спасала жизнь многихъ Французовъ и даже самаго Короля. Ты не знаешь его, Квимберъ. — „Ну!“ сказалъ сей — „вчера далъ онъ слово занявъ Шарбоньеръ черезъ недѣлю, увидимъ, не дерзосшь ли это — сдѣлать такое обѣщаніе.“ — Теперь онъ боленъ, возразилъ Амелотъ, и шѣмъ освобождается отъ своего слова. — Да, очень къ спашу болѣзнь спасаешь честь его, а по бы.... Слыхалъ ли ты, какое слыветъ здѣсь предсказаніе объ осадѣ этого замка? Вошь какъ о немъ говорятъ: пока во Франціи Король, въ Шарбоньеръ хошь одна дѣва, и на Кольгрисѣ (крушое возвышеніе пропивъ Шарбоньера), хошь одна скала, замокъ останешся невредимъ. Можешь шеперь судить, какъ я полагаюсь на обѣщаніе Росни.“ — Росни ершикъ, опвѣчалъ смѣючись Амелотъ: онъ не вѣришь такимъ предсказаніямъ. Впрочемъ забавно, одна часшь этихъ словъ уже сбылась: съ шѣхъ поръ, какъ Генрихъ ведеть войну здѣсь въ Савоіи, въ самомъ дѣлѣ во Франціи нѣшь Короля. — При сихъ словахъ Амелотъ поспѣшно ушелъ, а Квимберъ остался, покачивая головой и погружаясь въ размышленіе.

Прошло шесть дней; Дюлоранъ и крѣпкая напура больного произвели удивительное дѣйствіе надъ его ранами, а ежедневныя носыщенія Короля, его дружеское обхожденіе и кропкія увѣщанія можешь быть болѣе, нежели искусство врача, пособили утишить боль и ускорить выздоровленіе.

Едва только Росни почувствовала облегченіе, какъ вспомнилъ о случившихся съ нимъ происшествіяхъ и сообщилъ ихъ тайно Королю и другу своему Креки. Описавъ имъ подробно то мѣсто, гдѣ находилась пещера, онъ не скрылъ отъ нихъ мысли своей, что полагаешь найти черезъ нее сообщеніе съ крѣпостью. Изъ всего рассказаннаго Король сдѣлалъ свои заключенія; непріатели, полагая онъ, ожидали, что Росни будетъ самъ вездѣ осматривать мѣстоположеніе; они надѣялись хитростью заманить его въ свои руки. Все утверждало эту догадку и Король радовался ихъ неудачѣ, но также находилъ въроятнымъ, что пещера ведетъ къ крѣпости, почему и приказалъ Креки съ небольшимъ отрядомъ найти это мѣсто и сдѣлать въ немъ нужныя разысканія.

Креки исполнилъ порученіе, какъ чело-вѣкъ, извѣстный своимъ рвеніемъ къ службѣ и преданностію къ Королю. Но входъ въ пещеру нашелъ онъ заваленнымъ; огромные

камни были накачены съ ближнихъ высотъ, всѣ усилія опныи въ ихъ оспались щепны, а если и были возможны, то требовали труда нѣсколькихъ недѣль. Росни весьма огорчился симъ извѣстїемъ: при обсиюшельствахъ, въ кошорыхъ онъ находился, на эпошъ подземный ходъ полагалъ онъ единственную надежду къ исполненїю даннаго имъ обещанїя. Однако онъ не опчаявался, а напротивъ питалъ въ себѣ непрерывно увѣренность, что неуспойчивымъ въ словѣ бытъ ему невозможно. Съ упованїемъ на Бога, безъ котораго не предпринималъ ничего, и съ чувствомъ возрожденїя въ себѣ новыхъ силъ, доспашочныхъ на самый труднѣйшїй подвигъ, онъ взиралъ, исполненный надеждъ, на исходъ шестаго дня, и слѣдуя совѣту врача, охотно бы предался успокоенїю, если бъ не ожидалъ опправленнаго воупру нарочнаго, кошорому поручено было опдать приказъ о сборѣ всѣхъ орудїй, вблизи находящихся, на два опредѣленные пункта. Наконецъ посланный возвратился; всѣ приказанїя Росни исполнены были въ почности, но никто изъ Офицеровъ не хотѣлъ и думать, чтобы возможно было взять шакъ скоро замокъ, лежащїй на неприснупныхъ скалахъ, хорошо снабженный всѣми запасами, защищаемый доспашочнымъ гарнизономъ (а

при томъ покровишельствувемый, какъ Рос-
ни не безъ основанія думалъ, нѣкошорыми
изъ приближенныхъ Короля). Вошь какую
принесли ему вѣсть, но онь него скрыли
еще одно важное обстоятельство : перевозъ
орудій на опредѣленные для нихъ мѣста со-
единень былъ съ величайшими трудностями
и это уронило духъ въ солдатахъ и офице-
рахъ. Особливо первые — вѣря онь души
слышущему въ народъ предсказанію и слыша
насмѣшливые отъзвы Бирона, Соассона и
другихъ враговъ Росни о дерзкихъ его пла-
нахъ, они думали, что готовящъ ошдана
ихъ вѣдъ безъ пощады на жертву, ошноси-
ли это къ безумной предпримчивости Рос-
ни и громко на него роптали.

Въ седьмой день пошпру посланный онь
Короля къ Росни дошпоръ засналъ его уже
на конѣ : онь ѣхалъ осмашривашъ башшерек.
Это извѣстіе наполнило душу Короля уди-
вленіемъ и радостью.

Весьма трудно было подвезти пушки
на разшояніе выспрѣла онь крѣпости. Един-
ственная дорога, ведущая къ замку, была
чрезвычайно круша и по одну сторону ош-
вѣсной скалой сопредѣльна съ рѣкою Аркою,
а по другую съ неприступнымъ, какъ снѣна

возвышающимся утесомъ. Съ пушками нельзя было днемъ сдѣлать больше полумили, потому что въ нѣкошорыхъ мѣстахъ, черезъ пропасти, необходимо надлежало дѣлать мосты, врубая ихъ въ утесы. И самая погода, вообще благопріятная въ семь климатъ осенью, въ это время перемѣнилась: пошелъ сильный дождь, на высотахъ сдѣлала дорогу скользкою, а въ долину размыла наводнившуюся рѣкою.

Росни былъ твердъ противу всѣхъ сихъ препятствій. Онъ снова рѣшился осмошрѣшь окрестности и началъ съ Эгребелля (такъ называется городокъ, лежащій у подошвы горы, на которой стоялъ замокъ Шарбоньеръ, и нынѣ еще представляющій нѣсколько развалинъ глазамъ любопытнаго). Казалось ему, что враги его вездѣ бодрствуютъ и что все противъ него въ заговоръ — пули сыпались вокругъ него градомъ, гдѣ онъ ни появлялся.

Между тѣмъ вниманіе, съ какимъ разсматривалъ онъ замокъ, только рождало въ немъ безнадежность успѣха: оно удословляло его, что Шарбоньеръ со всѣхъ сторонъ неприсущенъ и даже нѣтъ возможности ни откуда дѣйствовать на него съ успѣхомъ пушками. Досада и огорченіе начали уже возмущать его душу, но не испощили шер-

пѣнія: еще усильнѣе спалъ онъ въ своемъ дѣлѣ и наконецъ, къ величайшей радости, замѣнилъ, какъ будто одна изъ горъ, подпирающихъ свѣтныя крѣпости, составлена изъ насыпи, покрытой и заросшей дерномъ.

Онъ умѣрилъ свое восхищеніе, оставя до ночи ближайшее изслѣдованіе, а между тѣмъ провелъ день въ различныхъ пригопвленіяхъ къ тому, чѣобы убѣдиться совершенно въ своемъ открытіи. Съ наступленіемъ ночи приблизился Росни къ свѣтнѣ. Небо, омраченное густыми облаками, къ тому способствовало. И какой восторгъ ощутилъ онъ, когда вошкнувъ копые свое въ землю, могъ погрузить его, сколько ему хотѣлось! Мягкій грунтъ не осмѣивалъ никакого сомнѣнія, что эта часть горы состояла изъ насыпи.

Теперь миновалась нервѣнность, съ копорой стороны сдѣлашь нападеніе на замокъ. Спрашивалось только, гдѣ въ окрестности найсти мѣсто, на копоромъ бы поставили орудія: ошвсюду Шарбоньеръ окруженъ горами, надъ ними владычествующими, но и онѣ недоступны; крутизна едва позволяеть пѣшеходцу взойти на нихъ, и то съ величайшимъ усиліемъ.

Росни обошелъ высопы, но вездѣ представлялись неборимыя препятствія къ ис-

полненію его плана: дикія, заглохшія скалы возвышали грозно свои недосыгаемыя вершины. На одномъ только возвышеніи, по скалу его, замѣшивъ, онъ при лунномъ, изрѣдка чрезъ облака прокрадывающемся свѣтѣ, пропу, которая возродила въ немъ надежду, что съ помощію крѣпкихъ рукъ можно пронести черезъ нее нѣсколько пушекъ. Къ несчастію, эта узкая дорожка выходила на другую, такъ близко подходящую къ замку, что оттуда могли доставать до нее камнями. Исключая это мѣсто, вся тропа была прикрыта соснами до самой вершины, которая одна, выставляя обнаженную главу свою, зубцами сѣрыхъ скалъ увѣнчанную, возвышалась надъ всею окрестностію.

Недолго мышкалъ Росни на этомъ успешномъ гребнѣ: выгодное положеніе мѣста; ночь, благопріятствующая смѣлому его предпріятію, и недалнее разстояніе одного аршиллерійскаго орудія, заставили его поспѣшить пользоваться временемъ. Въ солдатахъ составлявшихъ орудіе, расположенный въ долину, нашелъ онъ готовность на всякое для него пожертвованіе, и тотчасъ все привелъ въ движеніе, чтобы начать дѣло.

Двѣсти человекъ Французовъ и столько же Швейцарцевъ обступили Барона Росни, когда онъ, упомлевный, прислонился къ пушкѣ и обращая рѣчь къ солдатамъ, общалъ имъ значительную награду, если согласятся въ точности исполнить его приказанія. „Теперь полночь“ — говорилъ Росни — „мѣсяць не склоняеть къ намъ благопріятнаго своего взора. Но онъ ужь сдѣлалъ свое дѣло: вы видѣли верхушку этой горы — вошь услуга, которую онъ оказалъ; другой опъ него не пребуется. Теперь принимайтесь вы за работу. Туда, во чтобы ни спало, надобно внести шесть пушекъ. Одна только дорога ведетъ къ этимъ зубцамъ; она идетъ почти у самой крѣпости. Кшо почему-либо жизнь предпочитаетъ почешной смерти, шопъ опступи назадъ.“ — Въ толпѣ, покрышой мракомъ ночи, слышались глухіе, невнятные опзывы; кругъ сомкнулся шѣснѣ; каждый хопѣлъ присупишь немедленно къ дѣлу. „Еще одно слово, дѣпи“ — продолжалъ Росни — „непріятель зорокъ и внимашелень. Малѣйшій шумъ измѣнишь вамъ. Нужна оспорожность. Я постараюсь опвлечь непріятеля на другую сторону замка, и какъ скоро сдѣлаю нужныя распоряженія, явлюсь къ вамъ. Теперь съ Богомъ, за работу!“

Оспрадь раздѣлился на взводы, и каждый, получивъ свое назначеніе, принялся съ жаромъ за дѣло. Пушки сняшы съ лафетовъ, прикрѣплены къ рычагамъ; порохъ и ядра свалены въ носилки; безмолвный строй, съ тяжестію на плечахъ, но съ веселымъ духомъ, пустился въ походъ.

Неусыпный Росни былъ уже на прошивной сторонѣ замка, гдѣ стояла другая шолпа съ пушками, лошадьми, рабочими шележками и проч. „За мной!“ закричалъ онъ, и оспрадь двинулся впередъ. Крикъ солдашь, скрыпъ колесъ, хлопанье бичей, привлекли на эту сторону непріятеля, и громъ пушекъ его дробился въ безчисленныхъ извилинахъ дикой гористой страны, не причиняя однако ни малѣйшаго вреда шолпѣ Росниевой, копорая прикрывалась деревьями, холмами и опчаспи самыми передовыми укрѣпленіями замка.

Непріятель, оглушенный пальбою орудій своихъ и не помышляя о хитрости Росни, даль время пробрашься мимо крепости оспраду, навьюченному пушками. Главный надзоръ надъ нимъ порученъ былъ Лейтенаншу артиллеріи Салле, съ нѣкоторыми другими Офицерами. На половинѣ пуши вдругъ заспигъ ихъ сильный дождь. Салле и Офицеры оставили посты

свои, а солдаты пушки; шъ и другіе искали крова подъ шапрами или подъ деревьями. Росни ожидалъ, что чрезвычайная шрудность назначенной для нихъ работы и ненастье могутъ охладить первый жаръ нужнѣйшихъ для него людей, почему и поспѣшилъ къ нимъ. Заспавъ ихъ въ то самое время, когда они дѣлали привалъ, онъ началъ съ живостью упрекать ихъ, грозилъ удержавъ прехмѣсячное жалованье, и наконецъ возбудилъ снова къ работѣ. Опрядъ двинулся дальше, а Росни прилежъ въ ущельѣ скалы и заснулъ съ часъ времени. Въ сумеркахъ упра нагналъ онъ опять своихъ работниковъ и съ радостію увидѣлъ, что они уже близки къ цѣли и что это возбуждаетъ въ нихъ сугубое рвеніе. И въ самомъ дѣлѣ въ девять часовъ поупру спояли уже пушки на вершинѣ горы, гдѣ заранѣе приготовилъ онъ все, что нужно было для утвержденія орудій.

Росни всего болѣе озабоченъ былъ шмъ, чтобы скрыть пушки отъ глазъ непріятеля, которій легко могъ въ прошивномъ случаѣ отклонить отъ себя бѣду. Онъ заспавилъ плотниковъ сваливъ множество елей и буковъ; ими велѣлъ прикрыть края обнаженныхъ скалъ, шакъ, что непріятелю не только не видно было орудій, но и люди

могли оставаться невредимы. По объ споры приказалъ онъ однако сдѣлать отверсія, чтобы дать направленіе огню непріятеля. И дѣйствительно падали сюда кучами ядра; но настоящее положеніе пушекъ открылось осажденнымъ не прежде, какъ искусственная заслона обрушилась и громъ разразившихся орудій пошушилъ огни, вылетающіе изъ крѣпости. Но это мгновеніе еще впереди; едва планы Росніевы не разспроились, едва всѣ, употребленныя имъ усилія, не сдѣлались тщешными. Присупимъ къ разсказу.

Едва только работники окончили и хопѣли немного опдохнуть, какъ явился Король, съ небольшою свитою, чтобы осмотрѣть воздушную, какъ онъ называлъ, засаду. „Мы побѣждены, государи мои“ — говорилъ онъ Соассону и Эксернону, обнимая въ то же время Росни — „Шарбоньеръ нашъ, честь Росніева спасена и горячность, съ какою онъ возсталъ прошиву насъ, прощается. Но что же насъ удерживаетъ начать осаду? Къ оружію, друзья! По мѣстамъ! Мы сами поведемъ пѣшихъ прошиву сѣверной спороны, а между пѣмъ здѣсь Росни будешь дѣлать свое.“

Росни, которому Король подавъ дружески свою руку, замѣшилъ, что необходимо подождать вечера; что весь планъ его на шомъ основанъ, чтобы сдѣлать напоръ на одно мѣсто, котораго слабость неизвѣстна самому непріятелю, но гдѣ онъ можетъ легко соединить всѣ свои силы, какъ скоро осажденные проникнутъ въ его намѣреніе. „Безъ дальнихъ словъ, другъ мой“ — сказала Генрихъ — „хотя я и не люблю мѣцкашь, но на сей разъ швоя воля должна быть исполнена.“

Баронъ Росни опспунилъ, успокоенный симъ опзывомъ, а Король пошелъ вокругъ по краю скалъ и кой-гдѣ заглядывалъ въ опшверстія заслоны на Шарбоньеръ. Графъ Соасонъ шелъ по слѣдамъ Короля и когда нѣсколько ядеръ перелетѣло черезъ ограду и Генрихъ въ досадѣ разодвинулъ древесныя вѣтви, чтобы, какъ онъ говорилъ, дать лучшее направленіе неопредѣлишельной пальбѣ непріятеля, Графъ воспользовался случаемъ замѣшивъ, что пушки Росниевы не имѣють другой цѣли, кромѣ скалы, прошивъ которой всѣ ихъ усилія конечно будутъ щещны. Это подспрекнуло Короля; онъ бросилъ сверкающій взоръ вокругъ себя и сказалъ Росни: „Такъ вонъ эша скала назначена цѣлю вашей славы, Баронъ Росни.“

Посмотримъ, какой это будешь имѣшь конецъ. Сдѣлашь попчасъ нѣсколько выспрѣловъ. „Не смѣй никшо коснуться Филия!“ — вскричалъ раздраженный Росни. — „Виновашъ, Государь! поступаая вопреки повелѣнїямъ вашимъ, но я дадь слово взяшь крѣпосшь, я и долженъ приказывашъ здѣсь одинъ, а не шо освобождаюсь ошь своего слова. — „Вы свободны ошь даннаго слова, господинъ Росни“ — возразилъ Генрихъ въ сердцахъ — „и я приказываю во впорой разъ спрѣляшь изъ пушекъ, или, клянусь своею короною, научу васъ каково забывашъ, что я повелишель, а не кто другой.“ — Такъ, Государь, вы повелишель, сказалъ Росни, и вамъ сей же часъ повиновашься будушь, хоша бы весь плашь разрушился.

Росни ошдалъ приказъ свалишь палисады и начашъ пальбу; но бышь свидѣтелемъ успѣха онь не могъ, и попому ошдался, съ досадою, что стошь много шруда пошеряно понапрасну.

Пушки не были еще направлены, какъ должно; и пошому каждый считалъ себя въ правѣ держашься мѣшны, какая казалась ему лучшею; но никшо не угадалъ настоящаго мѣшна, которое назначалось къ шому по плану Росни. Когда около сѣшши выспрѣловъ было бесполезно пошеряно, Король послалъ за Ро-

сни и жаловался ему за худой успѣхъ его бапарей. Росни опивчалъ, что гуспой шуманъ и ливнемъ падающій дождь мѣшающъ предпринимающъ что-либо въ эту минушу. Король опдалъ цовелѣніе прекратишъ огонь и удалился со своею свисою.

Росни приказалъ пославившъ опяшъ палисады, и закушавшисъ въ плащъ, прилежъ посреди орудій, чтообы часъ другой уснуть въ ожиданіи благопріяшной минушы.

Въ пять часовъ вечера онъ проснулся. Дождя уже не было, но сильный шуманъ совершенно скрывалъ замокъ опъ взоровъ. Росни съ горесшію размышлялъ, что если продолжисъ такая погода, шо невозможно прислушисъ къ дѣлу и сдержашъ данное слово. Все было у него гошово; сердце его билось опъ неперивнія и горячности. Наконецъ вспало ему на мысль, что можешъ бышъ шуманъ разсѣшся пошрясеніемъ воздуха, если сдѣлашъ нѣскольго залповъ. И въ самомъ дѣлѣ по случаю ли, или по еспешивенному дѣйспвію, шолько эша мысль, почши въ шушку предложенная, имѣла успѣхъ выше всякаго ожиданія. Едва шолько началась палба и была опвѣтспвуема бапареями по шу сторону горъ, какъ шуманъ разоспался по

лѣсиспымъ долинамъ и окружныя высоты предспали въ сумрачномъ освѣщеніи осени.

Непріатели, открывъ поупру Росніеву башарею, поставили ей на оппоръ еще чешыре пушки, копорыми думали сдѣлать ее недѣйствительною; но Росни предугадывалъ это и не далъ имъ времени свершить свое намѣреніе. Одною, самимъ имъ искусно направленною пушкою, уничтожилъ онъ дѣйствіе двухъ непріательскихъ орудій; но другія два не безъ успѣха мешали въ него огонь свой.

Лишь только началась пальба, Король явился опять и занялъ мѣсто, копорое назначилъ ему Росни и на копоромъ онъ могъ все безопасно наблюдать. „Я доволенъ буду“ говорилъ Генрихъ— „если Шарбоньеръ сдаспся въ три дня.“ Герцогъ Эксернонъ и многіе другіе изъ свиты Короля присовокупили, что если бъ они были въ замкѣ, то онъ и въ мѣсяць не сдался бы. „Такъ спупайте же въ крѣпость“ — ошвѣчалъ въ запальчивости Росни — „и если я всѣхъ васъ не повѣшу сегодня, то пусшь назовушь меня пушомелей.“

„Нѣшь, сегодня невозможно взять замокъ!“ сказалъ Король, спуспня нѣсколько времени шакъ, что Росни могъ слышать; а Графъ Соассонъ подхватилъ шушя, что Его

Величество конечно болѣе разумѣеть военное дѣло, нежели кто другой и что время уже принудить Росни къ повиновенію, вмѣсто того, чтобы шерьшь снарядъ прошивъ кремнистой скалы, кошорой ни одно ядро повредить не можеть.

Въ это самое мгновеніе Росни былъ опмщенъ. Непрїятели, видя неминуемую опасность, подали знакъ къ сдачѣ; Коменданшъ крѣпости явился для переговоровъ. Росни просилъ Короля предоспавишь ему полную въ нихъ свободу и объявилъ Коменданшу, что онъ можеть опсправишься назадъ, потому что хотяшь принудить гарнизонъ къ безусловной сдачѣ. Коммендантъ пошелъ обратно, принявъ на себя видъ хладнокровїа и увѣряя, что у него естъ еще до двухъ сотъ человекъ, могущихъ защищашься болѣе недѣли. Однако вскорѣ пришелъ онъ во второй разъ, хотя и не перемѣнилъ ничего значительнаго въ своихъ предложенїяхъ. Росни опослалъ его снова назадъ и далъ осажденнымъ свои условїа письменно; послѣ чего началъ опяшь бросашъ огонь въ крѣпость. Второй залпъ поджегъ пороховой магазинъ непрїятелей, при чемъ погибло много народа. Третій залпъ обращень былъ на опкрытую наканунѣ насыпь. Дѣйствіе было ужасно: обрушился цѣлый рavelинъ, на ко-

порый непріятель полагалъ главнѣйшую свою надежду и шуть Французскимъ ядрамъ открылся единственнй шуть, который велкъ пролону, такъ что ни одного выстрѣла осаждающихъ не пропадало.

Во второй разъ дань былъ непріятелемъ знакъ къ сдачѣ. Росни сдѣлалъ видъ, какъ бы звуки трубы не доходили до его слуха. Непріятели выставили знамя и кричали, что готовы на сдачу, только бы прекрашили огонь.

Баронъ Росни приказалъ оставивъ палубу и по дикой тропѣ спустился въ долину. Здѣсь готовилось ему восхищительное для души его зрѣлище. Король Генрихъ леплъ на своемъ Англичанинѣ чрезъ комисію Аркскую долину, озаренную лучами вечерняго солнца — онъ встрѣчилъ Росни, подаль ему свою правую руку и швердилъ безпрешанно: „Другъ мой, всегдашній другъ мой Росни.“ — Я исполнилъ только свою обязанность, Государь, — ошвѣщствовалъ Росни — и благодарю Небо за ниспосланіе мнѣ средства сдѣлать услугу моему Королю и показать себя достойнымъ его довѣрія. — „Смотри, смотри, Баронъ“ — вскричалъ вдругъ Король — „сколько дѣвицъ выходитъ

изъ разрушенныхъ ворошь города! Это церемоніальной ходъ! Превосходно! Прекрасно! Видаль ли шы что нибудь восхишишелье?“

Восхишишельно и вмѣствъ прогашельно! сказалъ въ умиленіи Росни.

Каршина величественнаго, хопя и разрушеннаго замка, при вечернемъ солнечномъ свѣствъ, имѣла особенную прелесшь. Изъ груды развалинь, служившихъ ворошами, выпѣснялась шолпа въ бѣлое плашье одѣвныхъ дѣвиць. Ихъ красота ослѣпила глаза Короля и его свшшы, никогда невидавшихъ подобной. „Здѣсь шолько“ — сказалъ Росни — „наподобно восхищашься женщинами; нигдѣ не случалось мнѣ видѣствъ споль прелеспныхъ. Можно ли ошказавъ имъ въ сосшраданіи?“

Онѣ приближались. „Милосердія, Государь, милосердія!“ говорили розовыя уста ихъ, униженно пошупленные глаза, поблѣднѣвшія опѣ спраха ланишы.

„Милосердія, великодушный Росни!“ произнесъ звучный, сладоспный голосъ. Росни взглянулъ и обомлѣвъ.

Предъ нимъ стояла Клера.

Правая рука ея была подвязана; смерпная блѣднось щекъ, шомнось большихъ прелеспныхъ глазъ, склоненная опѣ слабосши голова — все показывало, что недавно еще ошавила она одръ болѣзни, чшобы умо-

лишь Росни къ помилованію своихъ род-
ственниковъ, своихъ согражданъ.

„Клера, мой благопворный Ангель!“
вскричала Росни и схватила дрожащую руку
ея. „Благодареніе Небу, что ты жива! Я
большой. большой швой должникъ!“

Росни обратился къ Королю, склонился
на одно колено и хотѣлъ говорить; но Ген-
рихъ поднялъ его, обнялъ дружески и ска-
зала: „Дѣлай, что хочешь! Я также большой
швой должникъ!“

„Такъ удостойте“ — воскликнулъ Росни
— „для этой дѣвушки, которая спасла мнѣ
жизнь, удостойте Шарбоньеръ вашего ми-
лосердія. Позвольте гарнизону высунуть
съ честію, позвольте мнѣ на свой счетъ
исправить вредъ, нанесенный жителямъ, и
простите, какъ я прощаю, шѣмъ, которые
не считали меня достойнымъ слугою ва-
шимъ, простите имъ, кто бы они ни бы-
ли?“

„Да будетъ все, о чемъ ты просишь“
— сказала Генрихъ — „но слова твои не
совсѣмъ мнѣ вразумительны. Объяснись! Я
хочу непременно знать. . . Враги твои мнѣ
извѣстны.“ Онъ взглянулъ на Соассона и Эк-
сернона, которые опустили внизъ унылые
глаза свои. — „Враги твои мнѣ извѣстны!
не ужели кто нибудь изъ нихъ . . .? Клянусь

Королевскою своею короною, голова его споль же бы не твердо сидѣла на плечахъ, какъ перья на швоей шляпѣ! Говори!“

„Предоставьте мщеніе небу“ — сказалъ Росни: „я уже выздоровѣлъ, забылъ и простилъ! Впрочемъ я только догадываюсь, совершенно вѣрнаго ничего не знаю, хопя люди мои вывѣдывали безъ моего спроса и почищаютъ себя убѣжденными. Со временемъ можетъ быть доложу вамъ, если подозрѣніе мое не останешся безъ доказательствъ. Но намъ открытъ путь къ ворошамъ Шарбоньера, дозвольте начать шествіе. И солнце уже скрывается.“

Ударили въ барабаны, зазвучали трубы; восклицанія жипелей: да здравствуетъ Генрихъ! заглушались громами пушекъ. Росни шель къ Шарбоньеру подлѣ своей прекрасной спасишельницы; шамъ оставилъ онъ ее въ кругу ея подругъ и общалъ посѣпшитъ на слѣдующій день.

Что Росни узналъ при семъ посѣщеніи, шо въ льшописяхъ нашихъ не совсѣмъ ясно. Фѣронъ — имя мнимаго нищаго — преданный, по долговременной службѣ, Герцогу Савойскому и ненавидящій Росни за брата, кошорый при Фескампѣ упалъ опъ руки его, добровольно вызвался на предложеніе лишитъ жизни Росни. Клера, воспитанная имъ сирота, была вынуждена мольбами и угрозами участвовашъ въ планѣ, кошорый стоилъ ему жизни. Оспальное извѣстно читателямъ. Пещера, въ кошорой умеръ Фѣронъ, имѣла сообщеніе подземнымъ ходомъ съ Шарбоньеромъ. Клериу принесли въ жилище ея почти

бездыханную, но успѣли оказать пособіе. Въ послѣдствіи мысль о неизвѣстности, какая ожидаетъ ее въ будущемъ, о безпомощномъ ея положеніи, шягошила ее болѣе, нежели раны, копорыми спрадала она; но Росни спунилъ ей мѣсто отца. По взятіи Монмеліана, отвезъ онъ ее на руки своей супруги, гдѣ улыбнулась ей счастливая будущность. Въ чемъ состояло участіе Соассона, Эксернона и другихъ при покушеніи на жизнь Росни, о томъ онъ никогда не говорилъ болѣе.

Когда свиха Генриха поднималась на Шарбоньерскую гору, Амелопъ взялъ за руку пріятеля своего Квимбера и сказалъ: „Ну, что жъ? не сдержалъ ли Баронъ Росни своего слова? Будешь ли ты еще говоришь про него худо? Что жъ споишь ты, какъ убишый и будно ничего не слышишь?“ — Я, молча, умоляю о прощеніи Барона — сказалъ Квимберъ: однако спросна этого не могло быть! Я радуюсь только, что предсказаніе сбылось слово въ слово. — „Сбылось?“ воскликнулъ Амелопъ въ изумленіи. — Какъ же! возразилъ Квимберъ: во Франціи нѣтъ Короля, пошому что онъ здѣсь въ Савоіи; на Кольгрисѣ не было видно ни одной скалы, пошому что Росни прикрылъ всю вершину деревьями и кущами; а въ Шарбоньерѣ не осшалось ни одной дѣвы, пошому что всѣ вышли просить Короля о пощаду.

Вл.

Секретарь Зельнеръ съ молодой подругой своей наслаждался первыми, счастливыми днями супружества. Не расчешь, не скоропреходящая склонность соединила ихъ; нѣшь, пламенная, испытанная временемъ любовь была печашью ихъ союза. Уже очень давно знали они другъ друга, но Зельнеръ искалъ себѣ прочнаго мѣща: ему обѣщали и мѣшкали; съ шѣмъ вмѣспѣ опкладывалась въ даль и мѣща желаній его. — Наконецъ онъ былъ приспроенъ, и въ слѣдующее же послѣ того Воскресенъ ввелъ вѣрную подругу въ новое свое жилище. Не мало прошло времени въ визипахъ и семейственннхъ праздникахъ; молодые провели его съ принужденіемъ, но шерпѣливо. Наспунили наконецъ и шѣ пріятные вечера, въ которые присушсшіе прешьяго не смущало искренней ихъ бесѣды. Среди мечпаній о будущей жизни, прерываемыхъ полько звуками Зельнеровой флейшы и Жозефиной арфы, не видали они, какъ пролешало время; сладостное созвучіе игры ихъ было для нихъ весьма счастливымъ предзнаменованіемъ. Однажды вечеромъ долго

*) Сочиненіе, найденное въ бумагахъ покойнаго Кёрнера и конечно одна фантазія.

занимались они музыкою, какъ вдругъ Жозефа начала жаловаться на головную боль. Еще ноупру чувствовала она себя худо, но не хотѣла сказать заботливому супругу; теперь же музыка и напряженіе чувствъ, расшрвожа слабые нервы, опъ которыхъ она давно спрадала, произвели небольшую лихорадку. Она не скрыла шого опъ мужа. Докшоръ, призванный въ шу же минушу испуганнымъ Зельнеромъ, счелъ однако болъзнь совсѣмъ незначишельною и увѣрилъ, что на другой же день все пройдетъ. Но послѣ весьма безпокойной ночи, проведенной Жозефою въ непрерывныхъ гръзахъ, докшоръ нашелъ въ ней всѣ признаки опасной нервной горячки. Онъ упошреблялъ всѣ пропивъ нее средшва, но при всемъ шомъ положеніе больной спановилось день опо дня хуже. Зельнеръ былъ въ опчаяніи. Въ девяшый день Жозефа почувствовала сама, что ея слабое спроеіе нервовъ не вынесетъ шакой болъзни; Зельнеръ уже былъ предварень о шомъ Докшоромъ. Предчувствіе о приближеніи послѣдняго часа жизни не пошрвожило Жозефы: съ крошкимъ упованіемъ ожидала она судьбы своей и прижимая мужа въ послѣдній разъ къ волнующейся груди, шакъ говорила ему: „Не безъ глубокой горести разспаюсь я, любезный Эдуардъ, съ эшимъ прекраснымъ ми-

ромъ, въ кошоромъ нашла, у швоего сердца, неизьяснимое благополучіе; но если долѣе не суждено мнѣ бышь счастливой въ швоихъ объашіяхъ, шо любовь Жозефы, какъ вѣрній геній, будешь носишься вкругъ шебя, пока мы опяшь памъ не увидимся!“ Съ сими словами ея не спало. Эшо было въ девятомъ часу вечера. — Зельнеръ спрадалъ неизьяснимо; долго боролся онъ съ жизнью; печаль испоцила его здорovie, и хопя, пролежавъ нѣсколько недѣль на одрѣ болѣзни, вспаль онъ опяшь, но уже не было юношескихъ силъ въ его членахъ: онъ погрузился въ мрачную задумчивость и видимо исчезаль. Глубокое уныніе засшупило въ немъ мѣсто ошчаянія и пишалось каждымъ воспоминаніемъ о любезной. Комната Жозефы была имъ ошпавлена совершенно по прежнему. На сподликѣ лежала еще ея робаша; арфа спояла неприкосновенно въ углу. Всякой вечеръ приходилъ Зельнеръ въ эшо святилище любви своей, приносилъ шуда свою флейшу, спановился, какъ и во время своего счастья у окна и наигриваль печальными шонами свое непергвнне соединишься съ любезною шѣнью. — Однажды спояль онъ шакимъ образомъ въ Жозефиной комнатѣ и фанпазириваль на своей флейшѣ. Лунная ночь навѣвала изъ окна пріашнюю прохладу, а на башнѣ ближняго

зámка прокричалъ часовой девятый часъ. Вдругъ зашевелились струны арфы, какъ бы прорунувшия легкими перстами невидимаго духа. Изумленный Зельнеръ заставилъ умолкнуть свою флейту; съ нею умолкли и звуки арфы. Тутъ въ робкомъ шрепешъ началъ онъ играть любимую пѣсню Жозефы, струны опять зазвучали — все громче и сильнѣе, но въ величайшемъ согласіи съ игрою флейты. Зельнеръ, мави ошъ радости, повергся на полъ, просперъ руки свои, чшобы обнять любезную швнь, и вдругъ — теплый весенній воздухъ поввлялъ на лице его, и блѣдный, мерцающій свѣшъ пролетѣлъ передъ его глазами. Объяшый пламенемъ восшорга, вскричалъ онъ: „Я узнаю тебл, священная швнь моей Жозефы. Ты общала своей любовью носишься вкругъ меня; ты сдержала слово; я чувствую швое дыханіе, поцѣлуи на устахъ моихъ, я чувствую себя въ швоемъ присушствіи.“ Въ упоеніи блаженства схватилъ онъ опять свою флейту, и арфа вновь зазвучала, но все тише и тише, пока шоны ея длинными аккордами не слились съ тишиною вечера. — Зельнеръ, въ ужасномъ напряженіи силъ, какое произведено было въ немъ симъ явленіемъ, бросился поскливо на постель и во всю ночь мечталъ о звукахъ арфы. Поздо и въ ушомленіи ошъ ночныхъ

грѣзь, проснулся онъ, колеблемый присупшвиємъ чего-то чудеснаго во всемъ бытіи своемъ: какъ бы зародилось въ немъ предчувствіе о близкой кончинѣ, гоповящей поржесство души надъ шѣломъ. Нешерпѣливо ожидалъ онъ вечера и провелъ его, съ упованіемъ праведника, въ Жозефиной комнашѣ. Ему опяшь удалось наигриваніемъ на флейшѣ погрузишь себя въ крошкія мечшы. Тупъ пробяло восемь часовъ, и едва гулъ послѣдняго удара исчезъ, дребезжа, въ воздухъ, какъ арфа опяшь начала звучашъ шихо, и посшепенно восходя, зашпонала полными аккордами. Какъ скоро перешала играшь флейша, умолкли и воздушные шоны; блѣдный, мерцающій свѣшъ пролешѣлъ и сегодня мимо его, а онъ въ восторгѣ своемъ могъ произнести шолько слова: „Жозефа, Жозефа! возьми меня къ себѣ!“ — И въ эпошъ разъ арфа спала умолкашь сперва шихими шонами, а попомъ длинными прерывисшыми аккордами. — Зельнеръ, еще сильнѣе нежели на канунѣ вшпревоженный, пришелъ, шашаясь, въ свою комнашу. Его вѣрный слуга испугался, взглянувъ на лице его, и не смотря на запрещеніе, побѣжалъ къ лѣкарю, кошорый былъ старинный пріатель Зельнера. Лѣкаръ нашелъ его въ припадкѣ сильной горячки съ шакими же признаками, какъ тогда у Жозефы, но

еще гораздо опаснѣе. Горячка еще умножилась черезъ ночь, въ кошорую онъ безпрестанно грѣзилъ о Жозефѣ и объ арѣ. Поушпру спалъ онъ покойнѣе, пошому что припадокъ миновался; но все явшвеннѣе чувствовалъ онъ близкую кончину свою, хотя лѣкаръ не хотѣлъ и слышать о томъ. Больной открылъ врачу своему, что случилось съ нимъ въ прошедшіе два вечера, и какъ ни уговаривалъ его сей послѣдній, человекъ съ холоднымъ разсудкомъ, но ни что не могло испребишь въ немъ приняшаго мнѣнія. Съ наступленіемъ вечера дѣлался онъ все слабѣе и попросилъ наконецъ препеннымъ голосомъ, чтобы его опнесли въ Жозефину комнату. Это исполнили. Съ веселымъ духомъ оглядывался онъ вокругъ себя, привѣщивалъ еще тихими слезами каждую вещь, напоминающую о любезной и говорилъ бодро, но въ швердой увѣренности, что девятый часъ будетъ время его смерти. Рѣшительная минуша наступала; онъ всѣхъ удалилъ отъ себя, просившихъ съ каждымъ, кромѣ лѣкаря, кошорый непременно хотѣлъ ошашься. Наконецъ загремѣлъ бой девяшаго часа на башнѣ и лице Зельнера вдругъ запылало лучезарнымъ свѣтомъ. „Жозефа!“ — вскричалъ онъ, какъ бы вдохновенный — „Жозефа! привѣщшуй меня еще при кончинѣ моей,

чпобъ я чувспшовадъ себя въ швоемъ при-
 сущспвїи и преодолѣлъ смершь швоей лю-
 бовью.“ — Тупь зазвучали спруны арфы
 чудеснымъ образомъ, въ пропшжныхъ, превос-
 ходныхъ аккордахъ, какъ бы шоржеспвен-
 ную пѣснь, и надъ больнымъ промелькнулъ
 мерцающій свѣшь. „Иду, иду!“ вскричалъ онъ,
 упалъ на подушки и боролся со смершю.
 Тише и тише звучала арфа. Вдругъ Зельнеръ
 еще разъ сильно вспрепенулся и съ послѣд-
 нимъ его дыханїемъ, лопнули разомъ всѣ
 спруны арфы, какъ бы рукою невидимаго
 духа разорванныя. — Лѣкаръ приведенъ былъ
 въ сильный шрепешъ; онъ закрылъ глаза
 усопшему— кошорый, не смотря на послѣд-
 нюю борьбу свою, казался шихо уснувшимъ—
 и вышелъ въ глубокомъ движенїи изъ дому.—
 Надолго въ воображенїи лѣкаря напечатлѣ-
 лось живое воспоминанїе о семъ случаѣ; онъ
 хранилъ глубокое молчанїе о послѣднемъ ча-
 сѣ жизни своего друга, но наконецъ, въ ми-
 нушу свободнаго расположенїа духа, нѣсколь-
 кимъ друзьямъ сообщилъ происшеспвїе шого
 вечера и шогда же показаль имъ арфу, ко-
 шорую взялъ себя по завѣщанїю покойника.

ВОСТОЧНОЕ СКАЗАНИЕ.

(Изъ Талмуда.)

Неколебимо уповаль Нагумь, прозванный Твердымь, на Божеское Провидѣніе. Никакое испытаніе, никакая опасность не превозмогали его смиреннаго упованія. Безъ всякаго внушрренняго потрясенія смопрѣль онь на бѣдоносныя шучи, нерѣдко сбравшіяся надъ его головою; уже не одинь ударь судьбы и поражаль его, но — духъ его не упадалъ. Изъ шерніа выраспаешъ роза; жаломъ грозящая пчела даешъ намъ сладкій медь; „*И это ведетъ къ лучшему*“ говорилъ онь обыкновенно при встрѣтившейся неприятности. Онъ шерпѣль, спрадалъ, выжидалъ пвердо лучшаго и чрезъ то былъ нерѣдко еще счастливъе. Удивительнo ли, что такая шерпѣливость, такое неколебимое упорство, прошивусшавимое всѣмъ грозящимъ препяшшвіямъ, подавало ему средство дошшигашъ успѣха въ такихъ предпріяшяхъ, кошорыя носили на себѣ печать невозможности. Чудесный человекъ! говорилъ народъ, припоминая жизнь его, исполненную удивительныхъ, непонятныхъ происшествій. И въ

самою дѣлѣ чудесна была его стойкость, а ошъ нее и многія дѣла его.

Однажды сограждане его шрепешали ошъ шпраха предъ однимъ изъ шпираншвовавшихъ на Восшокъ Калифовъ. Общимъ совѣшомъ положили умилосшвивишъ мощнаго и грознаго властелина драгоцѣннѣйшими подарками, и весь народъ, ошаваясь при необходимомъ, ошдалъ для шого все излишнее. Надлежало избрать хорошаго посла. „Кого же лучше какъ не Нагума Твердаго!“ воскликнулъ единоголасно народъ. „Если не онъ, то никшо изъ смершныхъ не успѣешъ смягчишъ желѣзное сердце шпирана.“ Нагумъ избранъ посломъ и ему ошдали, для врученія Калифу, ящикъ съ драгоцѣнностями несмѣшной цѣны. Спокойно предпринялъ Нагумъ свое пушешествіе. На дорогъ завернулъ онъ въ одну гостиницу и шамъ, въ смиренной беззабодливости, съ неизмѣннымъ упованіемъ въ душъ своей, возлегъ на пригошвленное ложе; глаза его сомкнулись безмяшечно. Но невинность возлежала на одрѣ прешупномъ. Недосшойные хозяева, замѣшвишіе сохранный заботливо ящикъ, не дремали: едва глубокій сонъ оковалъ вѣжды покояшгагося, они подкрались къ нему, доспали ящикъ и ошкрыли его. Сполъ великаго сокровища не чаяли похишшшшш! Они вынули драгоцѣнности, а

чтобы не вдруг замѣчена была покража, когда Нагумъ пробудился, наполнили ящикъ земляными комками и положили на прежнее мѣсто. На разевѣшъ проснулся безпечный и, по обыкновенію, прежде помолился Богу, попомъ привѣщивоваль хозяевъ своихъ. Честность его чуждалась и мысли подозрѣнія. Когда же надобно было собратъ въ дорогу свои вещи, онъ изъ оспорожности взглянулъ особенно на ввѣренный ему ящикъ, но — Боже небесный! какой ударъ поразилъ бы при семъ взглядѣ каждаго на его мѣстѣ! Богатство цѣлаго народа, единственное средство, кошорымъ надѣялся онъ сберечь свое достояніе, самую жизнь — единственное средство къ обузданію раздраженнаго ширана — погибло со всеми надеждами и все опъ одного мнимо-виновнаго человѣка! — Но Нагумъ имѣлъ великую душу, непопрямый характеръ. Ни на одну минушу не вышелъ онъ изъ себя; оспаваясь покоенъ, какъ бы ничего не случилось, спалъ онъ хладнокровно обдумывашъ, что начашъ въ его положеніи. Не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что сокровище похищено въ эту ночь хозяевами гостинницы, но сдѣлашъ имъ допросъ счелъ онъ бесполезнымъ и опаснымъ; они бы опперались: свидѣтелей никого не было; скрышъ драгоцѣнности ничего не

стоило; они припворились бы даже оскорбленными такимъ подозрѣніемъ и посягнули бы на его жизнь. — Возвращишься съ пущими руками къ своимъ согражданамъ, казалось ему еще менѣе къшапи; ихъ привело бы апо въ ужась и опчаяніе; своею безнадежноспію навлекли бы они еще бѣльшую бѣду на себя. Чшо же дѣлашь? — Обыкновенная поговорка: и это ведетъ къ лучшему — вырвалась изъ успъ его и — онѣрѣшился ѣхашъ прямо къ Калифу съ ящикоми и съ шѣми, чшо въ немъ было. „Милосердое Провидѣніе“ — говорилъ онъ — „поуспиа эшо, окажешъ, какая благоспъ Его изъ того произойши должна.“ — Съ именемъ Бога на успахъ, пуспился онъ въ пушь и продолжалъ его, пишая въ груди упованіе. — Онъ пріѣхалъ къ Калифу. „Великій повелишель!“ — сказалъ онъ: — „вѣрный швой народъ, въ шой же мѣрѣ шебя уважающій, въ какой спрашенъ для него гнѣвъ швой, черезъ меня посылаешъ къ шебѣ привѣспъ свой, увѣреніе въ рабской покорности и шо, чшо заключается въ эшомъ ящикѣ. Онъ положилъ шуда — мои собспвенные глаза свидѣшели — всѣ свои сокровища; и я — свидѣшельспвуешъ Небо — ничего опшшуда не взял.“ — Тиранъ взялъ ящикъ, опшеръ его и — цѣлый адъ изобразился на лицѣ его! Глаза налились кровью;

челюсть отверзлась какъ бы для того, чшо-бы однимъ мигомъ пожрать и дерзкаго посла и весь народъ его. Слова его замирали ошь бѣшенства; споявшіе вкругъ него придворные препешали ошь испуга; одинъ только осмался безбоязненъ и сей одинъ былъ — Нагумъ. Раздраженный Царь пришелъ нѣсколь-ко въ себя и на успахъ его носился уже рѣшишельный приговоръ, но вдругъ — какъ Ангель спасишель — предспалъ одинъ изъ его свисы и осмѣлился укрощишь злобсшвующаго ширана и пошущишь огонь, прежде неже-ли онъ обратился въ пламя. „Великій повели-шель!“ — говорилъ онъ: — „умѣрь свой гнѣвъ и удосшой обдумать сіе дѣло. Какъ? можешь ли полагаешь, чшобъ народъ безпомощный, дрожацій передъ тобою народъ, могъ насмѣ-хаться въ шо мгновение, когда умоляетъ о милосердіи? Нѣшъ, наружность обманчива; шущъ есть чшо нибудь болѣе сущеспвен-ное. Видишь ли: серебра, золоша и драго-цѣнносшей имѣешь шы безъ числа; сіи вещи конечно показались народу, тебя уважающе-му, недосшойными приношенія. Земляные же комки, кшо знаешь, какую высокую цѣну они содержатъ въ себѣ? — Постшой! мнѣ вспало на умъ: когда-шо слыхалъ я, чшо одинъ изъ древнихъ начальниковъ сихъ народ-ныхъ племень, имѣлъ родъ земли, заключаю-

щей въ себѣ шайную силу пришуплять оспріе каждаго меча и опражашь каждую спрѣлу. Можешь бышь попомки его даряшь шебя шакою землею, хопя по наружности она ни малѣйшей цѣны не имѣешь?" — Тирань былъ обезоруженъ и внималъ съ благоволеніемъ словамъ симъ. Тиранство и суевѣріе нерѣдко бывающь средспвенны и шрудно рѣшишь, что было въ немъ сильнѣе, увѣренность ли въ баснѣ, или желаніе ея справедливосши. — „Хорошо“ — сказала онъ! — „мы это испышаемъ; шеперь же и случай ешть. Между шѣмъ посоль долженъ бышь подь спрогимъ надзоромъ.“

Въ глубинѣ воспочной спраны жилъ небольшой храбрый народъ, который никакъ не хотѣлъ подвергнушьса власти сего ширана и геройски опражалъ все нападєніа, шакъ что Калифъ счишалъ его наконецъ непобѣдимымъ и опложилъ всякую надежду на его покореніе. Теперь возродилась въ немъ снова охота попышашь силу храбрыхъ, именно посредспвомъ чудесной земли изъ Нагумова ящика. Каждый воинъ получилъ пылинку сей земли и шакимъ образомъ двинулись къ нападєнію. Какъ повелишель, шакъ и все воинство шипали вшайнѣ большую вѣру въ чудесную силу земли; не спрашились никакой опасности; со львинымъ мужествомъ

бросались на блестящіе мечи, посреди градомъ сыплющихся стрѣлъ и дробинокъ; не долго мѣшкалась битва, и — храброе племя было пересилено. Тирани, упоенный побѣдою и радостію, съ шоржесствомъ возвратился въ свою столицу; Нагумъ былъ позванъ къ нему и осыпанъ почестями. Царь приказалъ, чшобъ ящикъ, въ которомъ находились земляные комки, былъ наполненъ драгоценностями и чшобъ съ нимъ, а вмѣстѣ съ удесновѣреміемъ въ его Царской милости, послали Нагума, охраняемаго почетною стражею, обратно къ его согражданамъ. Нагумъ пустился въ путь, и по дорогѣ заѣхалъ опять, впрочемъ съ большою предосторожностію, въ ту гостинницу, гдѣ драгоценные камни его превратились въ земляные комки. Хозева находились еще въ изумленіи ошъ достигшаго до разбойничьей хижины ихъ слуха о томъ, какія почести оказывалъ Калифъ ограбленному ими. Нагумъ рассказалъ имъ о чудесномъ свойствѣ земли, находившейся въ ящикѣ, не скрылъ также о сокровищѣ, полученномъ ошъ Калифа, и отправился далѣе, при хорошей своей свитѣ, чшобы принести народу своему радостное извѣстіе о милосердіи Государя. „Такъ вошъ чшо?“ разсуждали изумленные разбойники по ошѣздѣ Нагума: „шакъ земля, положенная нами въ ящикъ,

земля, кошорую опорвали мы опъ сгнившей спъны нашей хижины, заключаешъ въ себѣ шакую магическую силу? — О, шеперь-шо начнешя наше благоденспвіе!“ Топчасъ повалили они всю эту спъну и собравъ мусоръ, повезли его къ Калифу. „Повелишель!“ — говорили они — „важное опкрытіе привело насъ къ стопамъ швоимъ. Въдай, что чудесная земля, заключавшаяся въ ящикъ Нагума, была совсѣмъ не изъ его опечеспва, а опъ насъ, опъ одной сгнившей спъны нашей хижины: собспвенными руками клали мы ее въ ящикъ. Теперь мы свалили всю спъну и привезли съ собю весь опъ ней мусоръ, чтобы шебъ, Повелишель, завладѣшь цвлымъ свѣшомъ.“ Калифъ изумился; на сей разъ суевѣріе покорилося уму его. „Трепещите!“ — сказалъ онъ — „трепещите, если неправдою хошите обольспить меня. Я испышаю вашу землю.“ — „Пущь самое мучительное наказаніе обратится на наши головы, если это не шакъ“ — опшвѣчали заблуждающіеся разбойники. — Опышь сдѣланъ шопъ же часъ и послѣдспвіемъ его было шо, что, вмѣсто награды, похищители получили заслуженную казнъ.

Такъ наказываешя порокъ и ненасыщное любоспяжаніе; но всегда награждаешя

добродѣшель и швердое упованіе на Божеское Провидѣніе.

Съ Нѣмецк.

СТРАНСТВУЮЩІЙ АКТЕРЪ.

(*Изъ Гольдсмита.*)

Съ веселымъ я бываю охотно, а острая голова для меня сокровище, хотя бы прикрыта была самою изорвонною шапкою. Такую, не весьма изукрашенную рукою форшуну голову случилось мнѣ увидѣть въ одномъ, конечно не лучшемъ, пракширѣ Лондона. То былъ молодой человекъ, которъй въ превеселомъ расположеніи духа сидѣлъ за своимъ скуднымъ завтракомъ и запивалъ его водою, а между тѣмъ громко и съ большею живостію разговаривалъ съ сосѣдомъ. Я придвинулся поближе и услышалъ, что онъ разсуждаешь о преимуществѣ бѣдныхъ предъ богатыми. „Съ богатыми“ — восклицалъ онъ — „поспупаешь напура, какъ злая мачиха: ничто ихъ не радуешь, все имъ не въ угоду; для насъ же бѣдняковъ, что шагъ, то наслажденіе: мы не владѣемъ ни однимъ фунтомъ земли, но счаспіе вездѣ за нами по пятамъ.

Будь наводненіе и пошопи половину земнаго шара — мнѣ мало горя: другая половина почно шакже моя, какъ теперь все; пустьъ возвышается или упадаешъ цѣна золота, я не буду ни высокомѣрнѣе, ни малодушнѣе, пошному что я не росповщикъ.“ — Видимая бѣдность и при шомъ веселая безпечность вшого челоуѣка мнѣ очень понравилась; я шакже всшупилъ съ нимъ въ разговоръ и попросилъ наконецъ разсказашъ мнѣ обшояшельства его жизни. „Охошно!“ сказалъ онъ: „и теперь жѣ, если угодно; шолько напередъ спаканъ вина, чшобы разсказъ мой не былъ сухъ. Велише подашъ бушылку — благо теперь имѣемъ хорошій случай попишъ. Велише подашъ бушылку — вино удивишельно живишъ духъ; пріятно и разсказывашъ и слушаешъ, когда смошришъ на полные спаканы.

Я сдѣлалъ, какъ ему хошѣлось, и онъ началъ:

„Прежде всего должно вамъ сказашъ, что я очень хорошаго происхожденія; мои предки дѣлали довольно шуму въ свѣтѣ: мать моя кричала по улицамъ, кому надо усшриць и рыбы, а отецъ билъ въ барабанъ. Сказываютъ, что одинъ изъ моихъ прародителей былъ опличившій изъ полковыхъ барабанщиковъ; впрочемъ конечно нѣшъ въ шомъ большой важности.— Меня, какъ един-

снвеннаго сына, захопѣвъ родишель мой научишь своему ремеслу, шо ешь бышь барабанщикомъ и музыканшомъ въ кукольномъ его шеапрѣ, въ кошоромъ до сихъ поръ игралъ я смиренную роль суффлера нѣмыхъ его акшеровъ. Какъ ни спарался отецъ мой выучишь меня разнымъ маршамъ и другимъ шпукамъ, кошорые зналъ самъ, я не сдѣдалъ никакихъ успѣховъ, пошому чшо ухо мое не создано для музыки. Очень скоро эша наука мнѣ надоѣла; на шесшнадцашомъ году я убѣжалъ и записался въ солдашы. Мнѣ былъ прошивень барабанъ, а шупъ нашель я, чшо ружье еще прошивнѣе. Должно было повиновашься Капишану, но онъ имѣлъ свою волю, а я свою — короче, я скоро разсудилъ, чшо гораздо лучше приказывашь самому себѣ, нежели слушашь приказы другихъ. Я попросилъ объ ошсшавкѣ, но по моему высокому росшу и крѣпосши, мнѣ сказали, чшо я нравлюсь и долженъ ошсшашься. Я написалъ къ ошцу своему письмо, исполненное раскаянїя, съ шѣмъ, чшобъ онъ меня выкупилъ; но добрый родишель шакже любишь выпишь стаканчикъ вина, какъ и сынокъ его — за ваше здоровье, государь мой! — и я не получилъ ошвѣща. Чшо жъ было дѣлать? Не имѣя денегъ на плашежь за ошсшавку свою, надобно было сы-

скашь другое средство — я нашелъ его. Однажды рано поутру пустился я украдкой по дорогѣ, шелъ, шелъ, и зашелъ такъ далеко, какъ будто послѣ выкупа на свободѣ. Такимъ образомъ опдѣлался я ошъ службы; мундиръ свой продалъ и спарался идти самыми глухими дорогами, чшобъ меня не догнали: за мною слѣдовалъ страхъ наказанія. Однажды вечеромъ случилось мнѣ вблизи деревни увидѣшь человека, копорый почти совсѣмъ увязъ въ болотѣ. Эшо былъ, какъ я послѣ узналъ, приходскій пашпоръ. Я съ шрудомъ его выпашилъ, онъ поблагодарилъ меня и пошелъ своимъ путемъ; я однако пошелъ за нимъ въ слѣдъ, пошому чшо люблю, чшобъ меня всякой благодарилъ передъ своими дверями. Онъ спрашивалъ меня обо многомъ: опкуда я, куда я и чшо думаю дѣлать? Я отвѣчалъ на все и хвалилъ, сколько могъ, свою честность, благоразуміе и вѣрность. Наконецъ вышло, чшо ему нуженъ слуга и чшо онъ хочеть взять меня въ эшу должность. Я прожилъ у него два мѣсяца, но мы не поладили другъ съ другомъ. Онъ давалъ мнѣ мало ѣсть, а я охошнѣе ѣлъ много; къ шому же некому было меня и ушѣшать; кромѣ одной старой, злой женщины, никого не видалъ я около себя. Едва замѣшилъ я, чшо меня хошашъ умо-

ришь съ голоду, какъ принялъ свои мѣры, чшобъ отъвратишь шакое убійство. Я крадь лица изъ подъ куриць; опоражнявалъ каждую бупылку, какую находилъ гдѣ нибудь и обо всемъ съѣспномъ, чшо попадалось мнѣ въ руки, зналъ я одинъ, куда оно дѣвалось. Подозришельный пасшоръ вздумалъ изъ всего шного заключишь, чшо я негодяй; шакимъ образомъ однажды поушпру получилъ я свое увольненіе и при монешы жалованья за два мѣсяца. Между шѣмъ какъ доспавали мнѣ деньги, я сдѣлалъ пригошвление къ своему пуши. Въ куряшникѣ сидѣли на яицахъ двѣ куриць. Я взялъ по обыкновенію лица, а чшобъ нѣжныхъ родишелей не оплучишь опъ дѣшей, сунуль въ походный мѣшокъ свой и куриць. Тушъ пришелъ я къ настору за деньгами и былъ очень расшроганъ, проща-ясь съ великодушнымъ своимъ благодѣшелемъ. — Нѣсколько дней шашался я безъ дѣла, но пошомъ сполкнулся съкочующею шруппою комедіаншовъ.

„Какъ скоро завидѣлъ я ихъ издали, сердце мое забилося радосшью: всегда казалась мнѣ самою шасплавѣйшею свободная жизнь — сегодня здѣсь, а завтра индѣ. Я шашелъ ихъ въ шу минушу, когда они, вывалившись на дурной дорогъ, подняли шелегу свою и въ нее укладывались; я предложилъ

свои услуги и мы вскорѣ такъ ознакомились, что они приняли меня къ себѣ въ *статисты*. Нельзя описать моею радостью; мнѣ казалось, что теперь только начинаю жить; я сдѣлался веселъ, какъ рѣзвая бѣлка, и смѣялся при каждомъ забавномъ словѣ своихъ поварицей. Да правда и я имъ понравился, потому что фигура моя, какъ видите, молодецкая и хоть я и бѣденъ, но въ скромности никто упрекнуть бы меня не могъ. —

„Вечеромъ пріѣхали мы въ Теншердонъ, гдѣ намѣревались дать представленіе *Ромео и Юли* съ похороннымъ ходомъ, гробомъ и извѣстною сценою въ саду. Для Ромео былъ у насъ актеръ съ Королевскаго театра; въ роль Юлии должна была дебютировать въ первый разъ одна изъ нашихъ женщинъ, а я — я долженъ былъ снимать со свѣчей. Все было неподобно въ своемъ родѣ, но рецензенты сдѣлали прошивъ меня заговоръ: я совсѣмъ не былъ упомянутъ ими. Впрочемъ у насъ было больше людей, нежели плащья. Тотъ же самый кафтанъ, въ кошоромъ игралъ Ромео, перевернутый наизнанку, синей подкладкой вверхъ, служилъ послѣ его другу Меркуціо; изъ большаго куска флеру составлено было и плащье и покрывало Юлии; игошь изъ ближней аптеки замѣняла прево-

сходно колоколь, и все семейство нашего хозяина, закушавшись въ бѣлые плашки, парадировало въ свитѣ за гробомъ. Только прое изъ насъ были одѣшы совершенно сообразно своимъ ролямъ, именно: кормилица, голодный аптекаръ и я. Между тѣмъ предсавленіе наше чрезвычайно понравилось, и это было намъ тѣмъ болѣе лестно, что жители Тенпердона слывущъ за людей съ большимъ вкусомъ. „Клади ярко нвои краски, если хочешь, чшобъ онѣ бросались въ глаза.“ Вопъ безцѣнное правило, кошорое спрансвующимъ аршистамъ, каковы были мы, досавляло всегда счастливѣйшій успѣхъ.

„Говорить и поступать, какъ въ обыкновенной жизни, не значить играть; кшо этого хотѣлъ посмошрѣть, пому не должно было входить въ нашъ досчашый балаганъ. Обыкновенный разговоръ предсавляется мнѣ, какъ сладкое вино; оно окользитъ по языку и не оставяешь по себѣ никакого вкуса; но за то сильное испушленіе, какъ винный укусъ: онъ щекошитъ даже самые тупыя нервы и, еще кшо и не отвѣдалъ, слышитъ напередъ, какого онъ вкусу. За лучшее средство понравиться въ городкахъ и деревенькахъ, признано: кричать, ломать руки, бросаться на колѣна; короче —

коверкашся, какъ бы въ судорогахъ. Такъ должно искашь успѣха и шакъ навѣрное находяшь его. — Мы съ перваго представленія вошли въ большую славу; и весьма естественна, что я опчасши приписывалъ ее себѣ: не мною ли все было освѣщаемо? Если бь худо снимаешь со свѣчей, по половина прелестни въ пьесѣ была бы пошеряна, а пуще, ни одна актриса не произвела бы надлежащаго эффекша.

„Мы играли двѣ недѣли, и шеатръ нашъ былъ всегда полонъ. Передъ опъездомъ хопѣли мы показашся еще въ величайшемъ своемъ блескѣ. Объявили лучшую пьесу, удвоили цѣну за входъ и всѣ ожидали съ неперпвнѣемъ эпого представленія, какъ вдругъ первый нашъ актеръ занемогъ лихорадкою. Эпо былъ громовой ударъ для всего общества; афиши уже розданы, публика въ надеждѣ увидѣшь неслыханныя вещи, а первый актеръ болѣнь, при всемъ томъ, что безъ него нельзя обойшсь. Дирекпоръ нашъ былъ въ страшномъ замѣшательствѣ, пока я не вызвался замѣнишь роль. Велики были препяшствія, но нужда еще больше; мое предложеніе наконецъ принято и я началъ, прихлебывая изъ спклянки вина, швердишь свою роль.

„Спскалянка произвела удивительное дѣйствіе: менѣе нежели въ чешыре часа знала я свою роль и шупь сказала вѣчное прощаніе прежнему своему ремеслу. Мнѣ сдавалось, будто я опредѣленъ къ чему нибудь высшему и на сей разъ предчувствіе не обмануло меня. Едва кончилось представленіе, какъ на меня посыпалась похвала всего города. Я принимала ихъ съ видомъ увѣренности, что они несомнѣнно мнѣ принадлежатъ; пьесу сыграли мы во второй разъ и успѣхъ былъ еще блистательнѣе.

„Наконецъ отправились мы далѣе, чтобы позабавить народъ на ярмаркѣ въ ближайшемъ городкѣ. Я вошелъ въ Теншередонъ *чистителемъ* свѣчей, а вышелъ изъ него героемъ. Такъ и все идетъ въ свѣтъ: сегодня малъ, завтра великъ! Объ этомъ можно бы понасказашъ многое — но прочь всѣ разсужденія!

„Къ величайшей досадѣ нашего общества, ярмарка кончилась прежде, чѣмъ успѣли мы пріѣхать въ городъ; мы однако пособили себѣ, сколько могли. Я все игралъ главные роли и съ величайшимъ успѣхомъ. Если бѣ мой зародившійся талантъ былъ какъ должно образованъ, но конечно сдѣлался бы я однимъ изъ первѣйшихъ актеровъ — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія! Однако наступала

часть, въ которой кознями ада должна была
 рушиться моя знаменитость. Одна дама,
 прожившая девять мѣсяцевъ въ Лондонѣ и
 потому почитавшая себя естественнo ода-
 ренною вкусомъ и знаніями, возвратилась
 назадъ въ городокъ, гдѣ и мы имѣли свое
 пребываніе. Она присвоила себѣ право зада-
 вать пьесы. Ей рассказали обо мнѣ; она вы-
 слушала съ видомъ презрѣнія и недоувѣрчиво-
 сти, и насилу дала себѣ уговорить, чѣмбы
 прѣхать въ театръ. Меня предварили, ка-
 кого буду имѣть судью на эпоху вечеря.
 Я нимало не испугался и вышелъ въ одной
 изъ первыхъ своихъ ролей такъ бодро, какъ
 ни въ чемъ не бывало. Къ изумленію своему
 замѣнилъ я однако, чѣмъ глаза всѣхъ обра-
 щены были на эту даму, а не на меня. Отъ
 нея ожидали сигнала, какое сдѣлашь обо мнѣ
 заключеніе: увѣнчаютъ ли лаврами побѣды или
 сполкнутъ съ вышины, на которую я взмо-
 спился. Начинаю играть — ни одинъ звукъ
 воспора не прерываетъ меня; дама пожала
 плечами, всѣ другіе видѣшь съ нею, и — я
 погибъ. Она пришла въ намѣреніи бытъ не-
 довольной и была недовольна; моя прежняя
 слава исчезла отъ одного пожатія плечами
 и вскорѣ дошло до того, что господинъ
 директоръ ошсспавилъ меня. Тупъ пошелъ я
 въ Лондонъ; но — бушмака наша пуста!“ —

Такъ окончилъ онъ 'разсказъ и припѣвая веселую пѣсню побрелъ своимъ пушемъ, а я пошелъ, въ размышленіи, своимъ. Конечно былъ я, передъ симъ бездомнымъ и безкровнымъ, любимецъ счастья, достойный зависти, и при всемъ томъ — сколько было часовъ въ моей жизни, когда я въ уныніи воображалъ себѣ веселость и наслажденіе, какъ благо недостижимое, тогда какъ бѣдному судьба замѣняетъ веселымъ расположеніемъ духа всѣ пошребности и всѣ недостижашки.

—нѣ.

ИГРА НЕОБЫКНОВЕННОГО РОДА.

(*Изъ Каstellана.*)

Въ Тиволи есть въ обыкновеніи родъ игры самой необыкновенной. Свинью размазываютъ пестрыми красками, изукрашаютъ перевязками и баншиками изъ леншъ, и къ шеѣ привѣшиваютъ колокольчикъ. Дѣло въ томъ, чѣмъ ее поймать, повалить и чрезъ то овладѣть ею. Но чѣмъ какъ можно болѣе затруднить въ томъ охотниковъ, ихъ лишаютъ способности смотрѣть и ходить, и для сего сажаютъ каждыя въ шѣс-

ный мѣшокъ изъ полспой, непрозрачной
 холошины, кошорый завязывается надъ го-
 ловою и служить нѣкошорюю защипою ошъ
 могушихъ достпаться на его долю ударовъ.
 Въ мѣшкѣ дѣлаются двѣ дыры, чшобы чрезъ
 нихъ просунушыя руки могли свободно дѣй-
 ствовашь. Наряженныя такимъ образомъ
 охошники ставятся въ кругъ, въ нѣкошор-
 ромъ другъ ошъ друга разстоянн. Воору-
 женные палками, держашь себя въ готов-
 ности къ нападенію въ шо самое мгновеніе,
 когда свинья должна бышь пущена посреди
 круга. Какъ скоро звукъ колокольчика воз-
 вѣспншь приближеніе добычи, они всѣ при-
 ходяшь въ движеніе и не будучи въ состоя-
 ннн идиши, скачущь на непріяшеля. Малѣй-
 шее препяшствіе или толчокъ, по неловко-
 му ихъ положенію, заставляетъ ихъ перяшь
 равновѣсіе. Когда они сталкиваются, ш
 стараются одинъ другаго удалить ошъ цѣ-
 ли и повалншь на мѣстѣ сраженія.

Между тѣмъ несчастное животное, не-
 пуганное крикомъ, хохошомъ и восклицаніяи
 толпы, окружающей мѣсто битвы, шраеш-
 ся разными прыжками и увершками, съ шо-
 скливымъ хрюканьемъ, уклонншься ошъ
 шпанныхъ чучель угрожающихъ ему опас-
 ностию. Ошъ одного бѣжншь, на другаго

бросается, преняго сшибаетъ съ ногъ; лупъ олянъ увершываешся и хочешъ пробишься между зришелей, которые вѣдма неучшиво прогоняюшъ ея назадъ въ средину круга и опдаюшъ въ жершву охощникамъ. Сія, привлекаемые въ кольчиомъ, дѣлаюшъ смѣшныя скачки, спѣша къ своей добычѣ и стараешся доканашъ ее палками. Однако палки ихъ всего чаще ударяюшся одна объ другую или вѣлаюшъ промахи по воздуху, а иногда вмѣсто преслѣдуемаго непріателя, обрушываюшся на спину шоварищей.

Многочисленные зришели помираюшъ со смѣху, смотря, какъ эши живые мѣшки, движущся ошущью и по слуху, наудачу махаютъ палками, съ ожесточеніемъ борюшся другъ съ другомъ; какъ они безпреспанно спощыкаюшся, валяюшся по песку и неупаде, какъ съ великимъ усиліемъ, поднимаюшся на ноги, чтобы возобновишъ бишву. Зрѣлище сіе бываешъ особенно спранно въ шуминушу, когда свинья сама попадаешъ въ кругъ охощниковъ и каждый приваравливаешся ловчѣе поймашъ ее или нанесши ей рѣшительный ударъ.

Сія забава еще и нынѣ въ упопробленіи въ спѣвахъ древняго Тибура. Бѣдное живошное доспаешся шому, кому удаснся овла-

дѣтъ имъ или разиростерть безжизненнаго на песокъ. Обыкновенно побѣдитель приглащаетъ своихъ соповарищей въ бивъ, и даже избранныхъ для того судей, къ себѣ на обѣдъ, на кошоромъ, со спаканомъ въ рукъ, забывающъ полученные удары, и ничего не щадящъ, чщобъ удержашъ въ доброй славъ Тиволийскихъ винопродавцевъ, учреждающихъ игры сего рода.

Съ Нѣмецъ.

РАЗГОВОРЪ.

(Изъ французскаго Журнала: Pandore.)

Честолюбіе. Слѣдуй за мною.

Человѣкъ. Подъ эши низкіе своды? Я не могу сгибашся; я привыкъ ходишь прямо.

Честолюбіе. Ползи на чешверенькахъ.

Человѣкъ. Такъ и бышь. Но кшо эщопъ негодай, кошорый смѣется надъ новой моей походкой?

Честолюбіе. Камердинеръ; кланяйся ему низко, ползи мимо!

Человѣкъ. Сколько народу полпншся около шой двери! Я никакъ не попаду шуда.

Честолюбіе. Толкай, жми, пробивайся насквозь, вади всѣхъ кшо шебъ мѣшаетъ.

Человѣкъ. О Боже! Я опрокидываю лучшихъ друзей своихъ.

Честолюбіе. На дорогѣ, по которой веду тебя, нѣтъ друзей. Не смотри на то, что́ подъ твоими ногами; впередъ!

Человѣкъ. Я умираю отъ усталости, голода и холода.

Честолюбіе. Презирай все; бодрствуй, сноси голодъ и жажду, мерзни — и улыбайся!

Человѣкъ. Наконецъ я у цѣли; что жъ теперь?

Честолюбіе. Слушай глупцовъ; распочай свое время и оспроуміе съ старыми женщинами, золото съ молодыми; отдавай мужчинамъ честь твою; падай въ прахъ передъ властелинами; льсти; испрашивай себѣ милоспей!

Человѣкъ. Долго ли же исполняшь мнѣ вѣшу трудную обязанность?

Честолюбіе. Цѣлую жизнь.

Человѣкъ. Что жъ будешь мнѣ наградой?

Честолюбіе. Смогля по тому, чего спашешь искашь. Одишь хочешь денегъ, другой славы и опличій. — Наконецъ я попрясая факель, и все превращаешься въ пепель и дымъ.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Играли въ первый разъ Вольперову трагедію *Орестъ*, одно изъ посредственныхнѣйшихъ его произведеній. Въ то же самое время онъ передалъ ее писменію, и на заглавномъ листкѣ поставилъ начальныя буквы: O. T. P. Q. M. V. D. (извѣстный Горациевъ стихъ: *Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci* *). „Что значатъ эти буквы?“ спросила одна дама у неприятеля Вольперова. „Это очень не трудно объяснить!“ отвѣчалъ шопъ: „*Oreste, triste piéce que Monsieur Voltaire donne.*“ **)

КОРОТКОЙ СУДЬ.

Принцъ Карлъ Эдуардъ, старшій сынъ Претендента Англій, потерявъ рѣшительное сраженіе и преслѣдуемый Королевскими войсками, долгое время блуждалъ въ непре-

*) Тотъ отъ всѣхъ заслуживаетъ одобреніе кто соединяетъ полезное съ приятнымъ.

***) Орестъ, плохая Трагедія, которую написалъ Вольперъ.

спанной опасности бытъ схваченнымъ людьми, которыхъ могла прельстить высокая цѣна, обѣщанная за его голову. Однимъ днемъ, сдѣлавъ болѣе десяти миль пѣшкомъ и помимый голодомъ, жаждою и успалостию, рѣшился онъ искасть убѣжища у дворянина, о которомъ очень хорошо зналъ, что онъ не его паршій. Но сей испинно благородной человекъ оказалъ ему всевозможную помощь, какая только необходима была въ его положеніи, и обѣщаль ему ненарушимое молчаніе. Вскорѣ однако жъ это было открыто и онъ позванъ къ суду, обвиняемый въ доспавленіи Принцу убѣжища въ своемъ домѣ. Съ твердостию и спокойствіемъ — неизмѣнными спутниками добродѣтели — явился онъ предъ судьей и сказалъ: „Прежде нежели приступите къ обвиненію меня, позволите сдѣлать вамъ одинъ вопросъ: если бы сынъ Прешидента нашелъ убѣжище въ вашихъ домахъ, кто изъ васъ былъ бы сполько подлъ и малодушенъ, чтобы измѣнить ему въ его несчастіи?“ — Въ это всякаго ошѣша, судьи поднялись съ мѣсть своихъ и объявили его невиннымъ.

КВАКЕРЪ И МОЛОДОЙ СВѢТСКОЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

(Изъ повѣстей *Мистрисъ Опи*).

Нигдѣ не найдешь столько удивительной смѣси разнородныхъ характеровъ, какъ во время путешествія въ публичной коляскѣ. Тутъ сходяпся люди, которые иначе не могли бы имѣть никакого отношенія другъ съ другомъ.

Случилось однажды вѣхашъ въ такой коляскѣ молодому человѣку, пріятной наружности, оплочно хорошо и въ послѣднемъ вкусѣ одѣшному, вмѣстѣ съ пожилымъ, короторый, судя по платью, принадлежалъ къ сектѣ друзей, или чшобъ выразиться яснѣе, къ набожнымъ Квакерамъ. Все обращеніе послѣдняго сообразовалось строго съ правилами сего брашства.

Квакеръ замѣшилъ вскорѣ, что молодой спутникъ его несчастливъ, и какъ добродушіе было главною чершою въ характерѣ почтеннаго Джона Рейнольдса (такъ назывался Квакеръ), то въ немъ возбудилось желаніе узнать причину скорби молодаго человѣка, чшобы попытаться какъ нибудь развеселить его. Хощлось ему очень спросить: „Любезный брашъ, что огорчаетъ тебя, что дѣлаешь тебя несчастнымъ?“

позволь мнѣ принять участіе въ швоемъ положеніи!“ Но спросишь шакъ значило бы нарушити приличіе. Онъ старался другимъ образомъ развлечь своего спутника и въ самомъ дѣлѣ удалось ему пріятною бесѣдою разсѣять мрачность чела его. Вскорѣ случай доставилъ имъ возможность сблизитишя и узнать другъ друга короче.

Ошъхавъ нѣсколько, кучеръ ошпановилъ ся, чшобы раздать взяшые съ собою пакепы. Въ это время подошелъ къ коляскѣ бѣдный изуродованный негръ и просилъ милосшыни. Оба путешешвенника бросились доставашь кошельки швом. Онъ казался имъ очень больнымъ и заслуживающимъ полное состраданіе. Охотно разспросили бы они хорошенъко о его положеніи, но кучеръ ударилъ по лошадямъ, и они едва успѣли бросишь нѣсколько монешъ въ шляпу несчастнаго.

„Вообще“ — сказала Квакеръ — „не должно бы подавашь нищимъ, потому чшо нерѣдко поощряеш ихъ шолько къ этому вредному въ общежитіи ремеслу, но съ перваго взгляда видно, чшо этошъ человекъ боленъ, и я не могъ удержашься, чшобъ не помочь ему хотя малосшыю. Ты, я чаю, замѣпилъ, чшо онъ дѣйствителъно не въ состояніи работашь.,,

— Ваша правда, сударь — опвѣчалъ молодой человекъ — къ тому же это негръ: вѣщимъ несчастнымъ я никогда не оказываю въ помощи: мнѣ всякой разъ неволью приходится въ голову, съ какимъ жестокосердіемъ и несправедливостью перешаскиваютъ ихъ съ родины въ опдаленныя страны и дѣлаютъ такимъ образомъ предметомъ живѣйшаго состраданія.

„Въ этомъ я согласенъ съ тобою, и съ удовольствіемъ слышу, что ты о бѣдномъ Африканцѣ опзываешься какъ о человекѣ и братѣ.“ Тутъ завязался длинный разговоръ о торгѣ невольниками, о человѣческихъ правахъ черныхъ и пр. Далѣе рѣчь перешла на жестокое обращеніе со звѣрями, и какъ оба спутника разсуждали о семъ предметѣ совершенно согласно и одинаково, по не мудро, что каждый изъ нихъ получилъ выгодное понятіе о мягкосердечіи и добродушіи своего поварища.

Это мнѣніе утвердилось въ Квакерь еще болѣе однимъ непріятнымъ случаемъ. Кучеръ наѣхалъ на большой камень и прежде чѣмъ путешественники успѣли опуститъ стекла, кошорья подняшы были опъ дождя, коляска на всемъ скаку опрокинулась на бокъ.

Молодой человекъ — онъ назывался Франкъ Варбюршонъ — ни сколько не ушибся; но

Квакеръ ударился лбомъ въ стекло, получилъ нѣсколько ранъ и жаловался, что вывихнулъ себѣ лѣвую руку. Лишь только выбрались они изъ коляски, какъ Варбюршонъ, принявшій живѣйшее участіе въ положеніи своего поварища, освѣдомился о жипельспѣ ближайшаго хирурга, вскочилъ на лошадь и погналъ къ нему во весь опоръ, хотя надобно было проѣхать довольно большое разстояніе. Почтенный Квакеръ смошрѣлъ ему въ слѣдъ съ умиленіемъ и внушительною, сердечною благодарностію. „Вижу, какъ ты добръ, бѣдный юноша!“ — думалъ онъ: „непремѣнно долженъ я узнать причину твоей печали.“

Варбюршонъ возвратился съ такою же поспѣшностію, какъ и поѣхалъ. Онъ сказалъ, что Хирургъ ѣдетъ за нимъ по пятамъ.

„Благодарень тебѣ, благодарень сердечно!“ сказалъ Квакеръ — „но сядь, отдохни! Боже мой! на тебѣ лица нѣтъ! ну, если ты занеможешь отъ доброты своей. Я буду безущышень.“

Тутъ прискакалъ Хирургъ. Онъ перевязалъ раны Квакера, выправилъ ему руку, и послѣ того больной сказалъ, что гошовъ ѣхалъ, какъ скоро починашь коляску.

„Какъ?“ — вскричалъ Варбюршонъ: „вы

рѣшаешься ѣхать опять съ тѣмъ же кучеромъ ?“

— Если ты съ нимъ поѣдешь, то и я могу.

„Я избѣгъ благополучно опасности и пошому не имѣю причины бояться, но вы. . .“

— Извини — шеперь твоя очередь ушибиться. На мою долю ужъ досталось. Эшотъ случай будетъ намъ самою лучшею порукою въ томъ, что мы не слоимъ себѣ шеи. Кучеръ поѣдешь ошпороживѣ.

„Но прятка не увеличишь ли вашей боли въ рукѣ ?“

— Ошъ другой почтовой коляски было бы шже самое. Нечего долго шолковать — поѣдемъ съ тѣмъ же кучеромъ.

„По мнѣ, признаюсь, все равно какъ бы ни ѣхать, лишь бы вмѣстѣ съ вами.“

— Благодарю тебя, другъ мой. Скажи, какъ тебя зовутъ ?

„Франкъ Варбюршонъ.“

— И шакъ, благодарю тебя, Франкъ Варбюршонъ. — Я думаю, что эшотъ плашуръ на лбу — продолжалъ Квакеръ, смощрясь въ маленькое зеркало — даетъ мнѣ воиншвенный видъ, мнѣ, кошораго религиозныя правила шакъ миролюбивы. Чшо - шо скажутъ мои одновѣрцы, когда явлюсь завпра въ наше четшвертьгодичное собраніе ? Они

подумаюшь, что я съ кѣмъ нибудь по-
дрался.

Коляска была починена и пушешествен-
ники наши отправились далѣе.

Въ продолженіи дороги молодой человекъ
безпрестанно заботился о томъ, чтобы
спутникъ его какъ нибудь не развередилъ
свою руку. Онъ старался дослѣдственно все
возможное удобство безопасно держась ея,
и по и дѣло, что кричалъ кучеру, чтобы
онъ правилъ по шой споронѣ шоссе, кошорая
глазѣ вывзжена.

Вниманіе поспоронныхъ всегда намъ при-
яшно — въ мѣлочахъ имѣенъ оно еще боль-
шую цѣну. Кто благородно чувствуетъ,
потъ умѣешь дорожишь дружескими угожде-
ніями другихъ. Квакеръ имѣлъ благородныя
чувства и думалъ про себя: „жаль, бѣдный
молодой человекъ, если у тебя нѣтъ друга!
я бы шакъ охотно заспунилъ его мѣсто!“

Въ то время, когда Квакеръ занимался
эпѣми мыслями, въ коляскѣ царшвовало
глубокое молчаніе, потому что Варбюр-
шонъ погружался потчасъ въ свою мрачную
задумчивость, когда не развлекали его во-
просы и замѣчанія его спутника. Нерѣдко
испускалъ онъ тяжкіе вздохи, какъ бы чув-
ствуя себя чрезмѣрно несчастливый; и
Квакеръ долженъ былъ заключить, что на

сердцѣ молодаго Варбюршона лежишь бремя, которое наконецъ должно подавишь его. „Можешь бышь“ — думаль почтенный Рейнольдсъ — „мнѣ и удася вывѣдашь его шайну. Молодые люди кажешся не любяшь ничего тайшь за душею.“

Кучерь останоуился на минушу и бросилъ молодой женщины какой-шо узелокъ. Она хопъла поймашь, но ей не удалось. Узелокъ упалъ на землю и замарался въ грязи.

„Я ожидаль, что она не поймашь“ — сказала Варбюршонъ съ язвительною миною, которая впрочемъ совсѣмъ была ему не привычна. „Женщины ни къ чему не годяшся; ничего не сдѣлаюшь подумавши, всегда легкомысленни. Всѣ, всѣ онѣ шаковы!“ — и при сихъ словахъ ударилъ онъ въ сильномъ движеніи проспичкой по сапогамъ своимъ.

„Такъ вошь что!“ — подумаль шущъ Квакеръ — какая нибудь красавица разгорачила голову моего милаго юноши. Ошь шогошо и мрачность его, и безпокойшво; — ну, въ шакомъ случаѣ конечно я не могу многимъ пособишь ему, однако — попышаемся! Онъ сдѣлалъ для меня, что было въ его силахъ; кто знаешь, можешь бышь и я хопъ что нибудь могу для него сдѣлашь.

Варбюршонъ съ шюю же язвительною усмѣшкою продолжалъ сквозь зубы: „кто

былъ виновашъ, что Антоній потерялъ владычество надъ свѣтомъ? — Женщина!“

— Этошъ Антоній былъ прежалкой чловѣкъ — замѣшилъ Квакеръ, улыбаясь — а ты, любезный Франкъ Варбюртонъ, еще слишкомъ молодъ, чтобъ имѣшь право судить съ такимъ неуваженіемъ о женщинахъ, какъ я пеперь опъ себя слышу. Ты вѣрно былъ несчастливъ въ связяхъ своихъ,

„Да; но кто жъ бываетъ счастливъ въ связяхъ съ женщинами? — Никто. — Это я смѣю пеперь сказать ушвердительно.“

— О, какъ же я радъ, что ты подаль мнѣ новую причину благодарить Всевышняго. Конечно бышь можешь, что нѣкоторые люди, по горесшному опыту, принуждены имѣшь дурное мнѣніе о женщинахъ; но шѣмъ болѣе счастливъ я, пошому что моя опытность внушаетъ мнѣ къ нимъ высочайшее уваженіе. Я счишаю благодареніемъ Неба, что оно не опчуждило меня опъ связей съ благородными женщинами,

„Счасшье ваше, что вы шакъ думаете, государь мой! Но если бы вы претерпѣли столько спраданій, какъ я, если бъ вы любя, почиая до приспрасніа женщину, принуждены были вдругъ опсшупить опъ своего высокаго объ ней мнѣніа; и если бы въ шой особъ, которую счишали за первую изъ ея

пола , увидѣли вдругъ такое же слабое существо , каковы всѣ онѣ — тогда не удивились бы , что я ненавижу весь родъ ихъ.“

— Ты ошибаешься. Я точно бы также удивился, пошому что ненавижу несправедливосшь. Въ угоду своему живому пониманію я не могу дурно думать о своей матери , о своей женѣ , о своей дочери , даже и тогда , еслибъ тебѣ удалось вооружить меня противу всѣхъ прочихъ женщинъ и дѣвушекъ.

„У васъ есть еще мать , сударь ? есть мать ?“

— Нѣтъ. Она умерла. Однако она была добрая мать и рѣдкая женщина!

„Такъ она была превосходна , не правда ли ? Существо несравненное ?“

— Да . я почиталъ ее такою , судя по общимъ пониманіямъ , какія обыкновенно соединяютъ со словами *хорошо* , *превосходно* , *несравненно*.

„Вы почитали. . . Ага ! но была ли она дѣйствительно такова ?“

— По моему сужденію конечно , и шѣмъ болѣе , что я самого себя не считалъ сподъ совершеннымъ.

„И до самой смерти она ничѣмъ не разрушила добраго мнѣнія , какое вы о ней имѣли ?“

— Ничѣмъ. Напрошивъ, она еще возвысила во мнѣ чувство высокаго уваженія къ своимъ добродѣтелямъ.

„О, какъ вы счастливы, государь мой! Но прошу васъ, не говорите больше о добротѣ вашей мащери. Я не охотно о помъ слушаю; въ самомъ дѣлѣ я совсѣмъ не могу эшаго слушать.“

Почтенный Квакеръ посмопрѣлъ на него съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ жалостію; попомъ ошвѣчалъ холодно: „прошу у шебя извиненія, но могъ ли я долагашъ, что огорчу шебя, говоря о своей доброй мащери?“

Въ это мгновеніе коляска осшановилась и пушешественики вышли. Варбюршонъ еще прежде имѣлъ намѣреніе здѣсь ошобѣдать. Квакеру хошя и не хошѣлось эшаго, но онъ рѣшилса познакомилсь ближе со своимъ спутникомъ и пошому также осшалса, не смопря на шо, что его собшвенный экипажъ былъ уже шумъ въ готшвносши, чшобъ ошвезши его домой.

Молодой человекъ очень хорошо видѣлъ, что бесѣда съ Квакеромъ для него гораздо полезнѣе, нежели собшвенныя мрачныя мысли; онъ радовалса, что Рейнольдсъ перемѣнилъ свое намѣреніе. Но едва шолько сняли со шшала приборы и подали вино, какъ Варбюршонъ погрузилса опяшь въ прежнюю свою

задумчивость. Вдругъ вскочилъ онъ, пошелъ скорыми шагами по комнатамъ и вскричалъ:

„Нѣтъ, я не могу просить ея; никогда, никогда ее не увижу. Вступилъ въ такой союзъ! . . . Нѣтъ, такіе поступки не прощаются; никогда ничѣмъ извинить ее невозможно!“ После сихъ словъ онъ сѣлъ опять.

„Хотя ты и не ко мнѣ обращаешь слова свои — сказалъ Квакеръ дружески, но съ нѣкопорою важностью — однако я полагаю, что ты говорилъ ихъ для меня, потому что, кромѣ насъ двоихъ, никого нѣтъ въ комнатахъ. Потому-то и хочу я освѣчать тебѣ на нихъ. Твое намѣреніе прошивно всѣмъ обязанностямъ, возлагаемымъ на насъ Религією. Кто же — извини мнѣ мое любопытство — кто же та особа, которой ты просишь не хочешь? Можешь быть своя невѣста, которая забывъ тебя, вышла за другаго?“

— Боже избави! у меня нѣтъ невѣсты и что такое любовь, я не знаю.

„Такъ можешь сестра своя вышла замужъ прошивъ своего желанія и ты не хочешь просить ея того, хотя Религія своя велитъ прощать и злѣйшему врагу.“

— Сестра? У меня нѣтъ сестры. Та,

которую не хочу видѣшь, кошорой не хочу
просишь — моя машь.

„Твоя машь?“ — вскричалъ Квакуеръ съ
величайшимъ изумленіемъ — „о, бѣдная, жал-
кая женщина! о, какъ дурно она воспихала
себя!“

— Государь мой! — возразилъ Варбюр-
шонъ съ прискорбіемъ — я не понимаю, что
вы хошите эшимъ сказашь. Моя машь, впро-
чемъ, очень почтенная женщина, добрая жен-
щина, и была очень добрая машь.

„Право? И доброй мащери не можешь
ты просишь. Тѣмъ хуже! Но я тебѣ ска-
зываю: она была совсѣмъ не добрая машь, по-
тому что не научила тебя, по священнымъ
правиламъ Религіи, прощашь и забывашь
оскорбленія.“

— Она не научила меня забывашь ша-
кихъ несправедливостей, какія сдѣланы ею
мнѣ и моему бращу — эшо правда!

„То естъ, пренебрегла внушишь тебѣ
первѣйшія обязанности, выраженные сими
словами: чши опца швоего и мащери швою!“

— Вы какъ будшо вздумали проповѣдо-
вашь мнѣ о нравшвенности, государь мой —
опшвчалъ Варбюршонъ съ колкостію.

„Да! по швоему сужденію я проповѣ-
дую, но не по моему. Садись - ка. Я радъ,
что ты снесъ нагоняй мой довольно еще

перѣливо. Ты, какъ другъ, принялъ участіе въ моей бѣдѣ. За твою услугу хочу запла- щить своею. Расскажи мнѣ, что за причина заставляешь тебя такъ злобишься противу твоей мащери.“

— Такъ знайте же, Г. Рейнольдсъ, что мащъ моя раздражила меня и брата своимъ вщоричнымъ супружесствомъ и приномъ съ человекомъ, кощорый былъ прежде при- кашникомъ, пощомъ щоварищемъ опща моего, а дощого не имѣлъ никакого состоянія. Мысль, что она рѣшилась дащъ намъ щакаго опщима, для насъ нещперпима. Чщто она эщаго человека не любищъ — нѣщъ сомнѣнія. Для чего же, пощла за него, намъ загадка — мы не можемъ придумашъ. Намъ не щакъ уже много ощпаешся времени до соверщеннощ- щія; щогда ощпавимъ свое ощечесщво и не увидимъ его, пока. . . .

„Мащъ твоя еще молода?“

— О нѣщъ! ей уже за пашъдесящъ.

„А эщомъ человекъ богашъ?“

— Очень богашъ.

„У нее же, было ли состояніе?“

— И вешма не маловащное.

„Любила ли она опща твоего?“

— Безъ сомнѣнія! она была ему нѣжнѣйшею женою.

„Можетъ бышь, шеперишній мужъ ея лужавъ, хижръ, пролаза ?

— Ни мало. До его женишьбы на нашей машери, имѣли мы объ немъ очень хорошее мнѣнiе ; и онъ былъ весьма расположенъ къ намъ.

„Спранное супружесство! но безъ сомнѣнiя шущъ ешь какiя нибудь неизвѣспныя намъ обспояшельства, кошорыя служашъ въ оправданiе швоей машери. Какъ бы шо ни было, швоей вспылчивоспи въ эшомъ случаѣ ничшо не оправдываешъ. Развѣ шы забыль Того, Кшо повелѣваешъ намъ прощашъ врагамъ своимъ, чшобъ и они намъ прощали? Да и какое право имѣешъ дѣшище не прощашъ своей машери ?

— Ну, пусть шакъ ! я гошовъ просшишь ее ; шолько никогда не соглашусь ошашъ съ нею увидѣшься.

„Спало шы прощашъ ей не ошь чистаго сердца. Испинное прощение обнаруживаешся дѣйшвиемъ. Не желая видѣшь машери, шы еще пишаешъ злобу, еще не просшилъ ей. Вшрочемъ я сорѣсмъ не вижу, чшо за непросшишельный просшупокъ она сдѣлала. Ты и брашь швой — вы оба должны владѣшь независимымъ имѣнiемъ; швоя машъ вышла за человѣка, кошорый богашъ и дошмошнъ уважѣнiя — единшвенный порокъ

его въ помъ, что прежде былъ онъ въ помъ домъ служилемъ, гдѣ шеперь господиномъ, или лучше, гдѣ онъ учился дѣламъ, которыя шеперь самъ производишь, и что онъ сдѣлался швоимъ опчимомъ.“

— Но, сударь, какъ рѣшилась женщина, какова мать моя, привыкшая жить на знанную ногу, выдши за человекъ, кошораго не лзя показашь въ люди?

„Не лзя показашь въ люди? Что ты хочешь эшимъ сказашь? объясни мнѣ. Можешь бышь: не лзя предшавишь его ко Двору? Но если онъ шолько годенъ — сколько шакому бренному существу, каковъ человекъ, эшо возможно — если онъ годенъ бышь предшавленнымъ предъ Высочайшимъ Дворомъ, предъ кошорымъ всѣ другіе Дворы ничшожны. . . Да, вопъ гдѣ надобно бышь годнымъ, а ты самъ не оприцаешь, что здѣсь его предшавишь можно. Однако — сиди же спокойно, имѣй перпѣніе. Ты рассказалъ мнѣ свою испорію, шеперь выслушай мою. Опкровенность за опкровенность. Я обязанъ имѣшь къ тебѣ довѣріе, пошому что ты оказалъ мнѣ свое.“

„Я пошерялъ опца пѣщи въ швои лѣша. Эшо былъ опецъ, кошорымъ бы я гордился, еслибъ не почишалъ долгомъ чуждашься всякой гордостши. И машерью своею могъ

бы я гордился: превосходная женщина, которую любилъ я сердечно. Спустия года два по смерти отца моего, я ее оставилъ и повхалъ путешествовать для заведенія торговыхъ связей. Вдругъ узнаю неожиданно, что мать моя намѣрена выдти за мужъ за Роберта Гикмана, челоуѣка по всѣмъ отношеніямъ ей не подѣ парю. Хотя честность его была безъ пятна въ людскихъ пересудахъ, но всякой зналъ его низкое происхожденіе и то, что онъ перваго брака имѣлъ онъ многочисленное семейство. Судя по полученнымъ мною извѣстіямъ, матери моей надлежало обвиняться въ самомъ скоромъ времени.“

— Ужасно! право ужасно! — вскричалъ Варбюртонъ. Эшотъ бракъ спало бытъ еще несперимѣе, нежели бракъ моей матери.

„Несперимѣе?“

— О, мой почтенный! вы вѣрно долго не рѣшались просить ей, долго не могли принудить себя ее увидѣть.

„Молодой челоуѣкъ! я никогда не воображалъ себѣ возможнымъ, чшобъ Христіанинъ рѣшился не просить своему ближнему. Могло ли же придти мнѣ въ голову смѣль непрощить моей матери? Подумавъ обо всемъ съ часъ времени и разсудивъ хорошенько — конечно не съ весьма веселымъ

расположеніемъ духа — написалъ я къ ней самое крошкое, учшивое письмо, въ копоромъ, съ дѣвскою покорностію, изъявилъ желаніе, чшобы новое супружесство доспавило ей совершенное счастье. Я былъ тогда въ Норвичѣ, и потому послалъ ей кусокъ Флорентинской машеріи, да другой кусокъ свѣтлаго гродешуру на подвѣчное плашье.“

— Въ самомъ дѣлѣ эта снисходительность для меня удивительна. Не только даришь на подвѣчное плашье, я бы. . . .

„Ты безъ сомнѣнія заспавилъ бы ее лучше умереть съ тоски.“ — опвѣчалъ Квакеръ съ ироническою улыбкою — „Къ счастью для фабрикантовъ въ Норвичѣ думалъ я иначе и рѣшилъ какъ возможно спѣшить домой, чшобы присушествствовать на свадьбѣ. Признаюсь впрочемъ, чшо для моей дѣвской преданности, это была тяжелая проба ; одно, чшо дѣлало для меня сносите это обстоятельство, было то, чшо мать моя, какъ мнѣ сказали, еще въ юныхъ лѣтахъ знала Роберта Гикмана и пишала къ нему первую любовь. При всемъ томъ для меня слишкомъ жестокое испытаніе!“

— Никакая земная власть не могла бы заспавить меня перенести этого.

„И меня тоже. Принужденіемъ изъ меня ничего бы не сдѣлали, но я и не имѣлъ нуж-

ды въ принужденіи. Машери былъ я обязанъ уваженіемъ и уважалъ ее, сколько силъ моихъ доставало. Но еще не шущь конецъ моимъ глупоспамъ (полагаю, что шы не иначе назовешь посшупки мои). Уже два года жилъ я въ Лондонѣ, обзавелся и поселился шамъ совершенно, какъ вдругъ получилъ извѣстіе, что опчимъ мой умеръ и осшавилъ въ большомъ разспройсшвѣ дѣла свои. Надобно было позабошиться о моей машери и о пятерыхъ дѣшяхъ ее. Ихъ положеніе было совсѣмъ неблеспашельно.“

— По дѣломъ ей.

„Бѣдная женщина — сама она вѣрно шакъ не судила.“

— Что жъ вы для нее сдѣлали?

„Я исполнилъ сыновнюю обязанность: бросилъ дѣла свои, осшавилъ Лондонъ и взялъ на себя править дѣлами покойнаго опчима. Въ работѣ былъ я неушомимъ и пособлялъ своей машери всѣми силами при воспитаніи пяперыхъ дѣшей.“

— Возможно ли?

„Точно шакъ.“

— Государь мой! — воскликнулъ Варбюршонъ съ живостію, крѣпко сжавъ и тряся руку его: я уважаю васъ, но подражашъ вашему примѣру не могу.

„То - шо мнѣ и не любо! Я бы кошѣлъ,

чтобы ты подражалъ мнѣ, а въ комплиментѣхъ своихъ нужды не имѣю. Что за честь тому, кто исполняетъ свою должность? Честь! это старая погудка въ большемъ свѣтѣ — выраженіе, которое всегда подъ рукою, но часто не имѣетъ никакого смысла.“

— Мнѣ это не совсѣмъ шакъ кажется. Я знаю, что сказалъ и никогда не говорю, чего бы сказалъ не хотѣлъ.

„Ты заблуждаешься. Теперь только утверждаешь ты, что никакъ не хочешь видѣться съ своею матерью, что никогда не простишь ей, а я увѣренъ, если бы она явилась въ сіе мгновеніе, ты бросился бы къ ней на шею.“

— Нынѣ, Г. Рейнольдсъ, вы ошибаетесь. Впрочемъ признаюсь, что я уже не шакъ сильно сердись на нее, какъ былъ прежде.

„Твѣ для себя лучше. Но кончимъ теперь мою исторію. Я былъ дѣшелемъ, предпринимателемъ, и привелъ дѣла моей матери опять въ порядокъ. Короче, мы зарабатывали много денегъ. Я снарядилъ двухъ дочерей замужъ, приспроиалъ двухъ сыновей къ торговымъ конторамъ, а шрешью дочь.... но я не смѣю сказать, что сдѣлалъ съ шрешью дочерью... тебѣ покажется пошлупокъ мой безразсуднымъ, сумасброднымъ...“

— Въ самомъ дѣлѣ, сударь: . . .

„Ну, такъ и бытъ! На прешней женился я самъ. Ты видишь: опять неравный бракъ!“

— Да, это правда; впрочемъ вы были, какъ я надѣюсь, очень довоальны своею молодою женой.

„Она одна изъ опличнѣйшихъ женщинъ. Но — я не долженъ ее хвалишь.“

— И такъ доброша ваша была вознаграждена съ избыткомъ.

„Я желалъ бы, чпобъ ты не называлъ это доброшою, а чѣмъ нибудь полегче. Мои поступки самыя обыкновенныя. Но ужъ это порокъ твоего воспитанія и слѣдствіе обхожденія твоего съ большимъ свѣтомъ.“

— Чпо жъ? я конечно человекъ свѣтскій. Хочу и долженъ жить въ свѣтѣ.

„Это я знаю. Тѣмъ хуже для тебя, если ты не назначаешь себя ни для чего лучшаго. Однако я нашель въ тебѣ много хорошихъ качествъ. Теперь, Франкъ Варбюртонъ, выслушай заключеніе моей повѣсти. Послѣ продолжительной болѣзни, приблизилась бѣдная мать моя къ гробу. Тогда-то, говоря въ швоемъ сонѣ, получилъ я награду за все, что для нее сдѣлалъ. Она благодарила меня съ душевнымъ умиленіемъ . . . она призналась мнѣ, что ея вшорое супружество

была слабость, которая однако не заставляет ее раскаиваться, потому что ею доставлен был мне случай доказать мою сыновнюю любовь и — вопль собственными словами ее — что чрез это благородство души моей подвергалось испытанию. Я не могу, не хочу и не смью сообщить тебе всего, что она мне говорила; но все ею сказанное было очень, очень прогашельно слышать от матери, и притом от умирающей матери. . . . И когда мой последний взор упал на гроб ее, когда первая горсть земли опоздалась в могилу, тогда здесь (с умилением положил он руку на сердце) здесь нашел я такое утешение, такое благошворное довольствие. . . ! — Теперь, Франк Варбюршонъ, слушай меня со вниманием: ну, если твоя мать вдруг преспавишся — будешь ли ты наслаждаться такими же утешительными чувствами, как я тогда?»

Варбюршонъ был не в состоянии отвечать; опершись на сполъ руками и положив на них голову, он проливал слезы. Потом успокоясь не много, признался он с горестію, что в первом пылу своей досады написал от своего и брашнина имени къ матери суровое письмо, в котором от нее отпекся и дал слово небывающее.

ногой въ домъ чловѣка, обезчестившаго ее своимъ бракомъ.

„Жалкая мать!“ воскликнула Квакеръ.
„О, воображаю всю неограниченную печаль твою! Воображаю, какъ горько матери слышашь, что дѣши о тебѣ опречающся! А ты, бѣдный молодой безумецъ! какъ я о тебѣ жалю! ну, если она занеможетъ, если письмо твое причинитъ ей смерть!“

— О почтенный Г. Рейнольдсъ!
Если вамъ не чужды чловѣческія чувства . . . избавьше меня о тебѣ такой ужасной картины! я заклинаю васъ!

„Нѣтъ! ты самъ долженъ изгнать эту картину изъ головы твоей, а это можешь сдѣлать не иначе, какъ написавъ къ матери твоей письмо, которое было бы прилично сыну.“

— Я спыжусь такъ скоро послѣ перваго письма послашь такое, какого вы требуете.

„Нѣтъ! нѣтъ! не втораго, но перваго письма долженъ ты краснѣть. Скорѣе! напиши, прошу тебя убѣдительно: напиши! повторяю тебѣ: если не напишешь, то будешь раскаяваться во всю жизнь твою. Представь себѣ живо, что мать твоя. . . .“

— Ради Бога! не повторяйте вашихъ

ужасныхъ угрозъ. Я готовъ сдѣлать все, чего хошите.

Варбюршонъ началъ писать и предоставилъ волю излишся своему сердцу. Онъ признался, что его безумная опрометчивость достойна наказанія, умолялъ мать свою о прощеніи оскорбительныхъ выражений перваго письма его и просилъ позволенія къ ней пріѣхать. При всемъ пошъ почтенный спарикъ никакъ не могъ склонить его, чтобы онъ упомянулъ въ письмѣ и о супругѣ своей матери и извинился передъ нимъ. И безъ того сдѣлалъ Варбюршонъ болѣе, нежели Квакеръ ожидалъ отъ него, почему сей послѣдній принудилъ себя казаться довольнымъ. „Теперь“ — сказалъ онъ — „я надѣюсь, Франкъ, ты не будешь жалѣть о томъ, что сошелся съ Джономъ Рейнольдсомъ. Куда жь ты теперь пока денешься?“

— Я съѣзжу къ одному изъ своихъ пріятелей по сосѣдству. Послѣ завтра пріѣду сюда навѣдашься, нѣшь ли ко мнѣ письма, и ожидашь отвѣща на мое послѣднее.

„Хорошо, послѣ завтра и я сюда пріѣду. Мы опобѣдаемъ вмѣстѣ, если что нибудь особенное не воспрепятствуетъ.“

— Съ удовольствіемъ. И повѣрьте, государь мой, я никогда не забуду благосклонно-

спи вашей ко мнѣ, легкомысленному чело-
вѣку.

„Если бь ты былъ только легкомы-
сленъ, я бы не принялъ въ тебѣ никакого
участія. Но я нашелъ въ тебѣ качества,
заслуживающія совершеннаго развитія. Я не
ошибся. Твое сердце вывѣдалъ я до глубины
и нашелъ его чистымъ. Прощай! надѣюсь,
что мы увидимся.“

Они распались; каждый отправился въ
свою сторону. Въ определенный же день со-
шлись опять въ пракширъ.

„Ну, другъ мой, можешь ли что нибудь
сообщить мнѣ новаго?“ Эпими словами встрѣ-
нили Квакеръ молодаго Варбюртона.

— Нѣтъ! — отвѣчала сей. Почта еще
не пришла, да къ тому же узналъ я, что ни-
какъ не могу сегодня получить отвѣтъ на
письмо свое: мать моя живетъ отсюда въ
семи миляхъ, но письма идутъ черезъ Лон-
донъ, пошному что прямо почта не ходитъ.

„Жаль. Мнѣ бы хотѣлось прочитатъ
отвѣтъ ея.“

Въ сіе мгновение вошелъ почтальонъ и
подалъ письмо на имя Варбюртона. „Адресъ
гнусной руки этого низкаго челоѣка!“ —
вскричалъ Варбюртонъ и бросилъ письмо на
сподь. „Что ему писать ко мнѣ? Почему

не пишешь машь моя сама? Я не хочу распечатывать.“

Квакерь взялъ письмо. „Ты вѣдь позволишь мнѣ прочищать адресъ?“ сказалъ онъ.

Варбюршонъ кивнулъ въ знакъ согласія головою.

„Гнусная рука низкаго человѣка! Другъ Варбюршонъ! ты самъ не знаешь, что говоришь. Рука прекрасная! Можешь быть машь пвоя больна, не въ состояніи писать сама. Безъ сомнѣнія должны быть важныя причины, по которымъ она допустила мужа своего до того унизиться, чтобы писать къ тебѣ—къ тебѣ, любезный Франкъ Варбюршонъ, такъ жестоко его обидѣвшему. Прошу тебя, распечатай. Я самъ очень беспокоюсь. Да, не шутя говорю, Франкъ, я больше беспокоюсь, чѣмъ любопытствую.“

— Вы и во мнѣ рождаете беспокойство — ошвѣчалъ Варбюршонъ въспревожась, схватилъ съ живоспію письмо и чипалъ слѣдующее:

„Государь мой! добрая жена моя, которая съ полученія ужаснаго (такъ сама она выразилась) письма вашего, слегла въ постель, желаетъ, чтобы я далъ вамъ знать, что она находишся на краю гроба. Она проситъ васъ, какъ нѣжная машь, сколь возможно скорѣе къ ней пріѣхать. Хотя вы и братъ вашъ, къ кощорому я послалъ нарочнаго, ошреклись

ошъ нее и не хотѣли никогда ее видѣть, но при всемъ томъ думаешь она, что вы не откажетесь простить мать умирающую. Впрочемъ она имѣешь нужду сообщить вамъ очень важныя обстоятельства. Не опасайтесь, государь мой, ошягощайтесь моимъ присущивіемъ; я постараюсь этого избѣгнуть. Прошу васъ однако считать домъ мой своимъ, сколь долго вамъ будетъ угодно. *Б. Блэкморъ.*

Едва прочиталъ Варбюршонъ шрешью шпроку, какъ началъ звонить такъ сильно, что чуть не оборвалъ шнурокъ, и вошедшему слугѣ велѣлъ заказать для себя почтовую коляску въ чешыре лошади. Онъ хотѣлъ ѣхать шу же минушу и такъ засуешился, что почтенный Рейнольдсъ, кошорый привыкъ видѣть людей, умѣющихъ владѣть своими чувствами, опасался, чтобы спущникъ его не пошерялъ разсудка.

„О государь мой!“ вскричалъ Варбюршонъ, простирая съ умиленіемъ къ нему руки: „читайте и увѣрьтесь, что я имя ванге, память вашу, вѣчно благословляю буду. Если бъ прежде полученія этого письма не написано было мною другаго, то я вѣрно сошелъ бы съ ума.“

Рейнольдсъ прочиталъ письмо съ внутреннимъ, живѣйшимъ движеніемъ. Взглянувъ сострадаательно на своего спущника, зазво-

нилъ и онъ. Чшобы выиграть болѣе времени, велѣлъ онъ къ коляскѣ, въ которой прѣхалъ, припречь двухъ почтовыхъ лошадей.

„Въ томъ положеніи, въ какомъ ты теперь“ — сказала эпошь почтенный человекъ изумленному юношѣ — „я не могу пустить тебя одного. Я шже отецъ и желаю сердечно, чшобъ въ подобныхъ обстоятельствѣхъ посупили также съ моими дѣтьми. Ты не сынъ мой, но не сморя на шо, я хочу тебя проводить. Ты вѣрно позволишь мнѣ?“

— О мой почтенный другъ. Доброша ваша. . . .

„Любезный Франкъ! будь равнодушнѣе! оставь свои *ахъ* да *о!* Ты очень жестоко испытываешь эшимъ мое терпѣніе; при всемъ шомъ я долженъ любить тебя; всего же болѣе уважаю въ тебѣ шо, что и въ минушы величайшей горячности не призываешь ты всуе имени Бога — до сихъ поръ по крайней мѣрѣ. Къ шому помню я, что ты еще очень молодъ: по законамъ, любезный Франкъ, ты еще вовсе не человекъ.“

— Но я довольно уже въ лѣтахъ, чшобы почищать васъ, истинный другъ мой, сколько вы заслуживаете; довольно въ лѣтахъ, чшобы видѣть всю благосшъ вашего совѣша, и буду стараться, сколько въ моиъ силахъ, имъ пользоваться.

„Ты хочешь сдѣлать, что состоишь въ твоихъ силахъ; хоть что нравишься мнѣ гораздо больше, любезный Франкъ, нежели какъ если бы ты общалъ слѣдовать безусловно моему совѣту, потому что чрезъ это доказываешь ты, что себя знаешь и не доверяешь себѣ.“

Къ молодымъ решивымъ лошадямъ Рейнольдса припрягли двухъ хорошихъ почтовыхъ и путешественники отправились не мѣшка. Благородный Квакеръ старался сократить дорогу разными разговорами: онъ спрашивалъ у Варбюртона о его семейственныхъ обстоятельствахъ, о его занятіяхъ, намѣреніяхъ и проч.

Такимъ образомъ узналъ онъ, что Варбюртонъ происходитъ отъ хорошей фамиліи, что при совершеннолѣтіи получилъ очень значительное состояніе и что мать воспитала его съ большою вѣжностію.

„Да, да!“ — вскричалъ Квакеръ: „это и видно. Она тебя избаловала. Вопреки природѣ, она подчинила себя тебѣ, тогда какъ ей самой надлежало управлять тобою. Бѣдная женщина! Если бы она держала тебя въ рукахъ, пока ты былъ молодъ, то не осмѣлился бы ты отъ нее опречкаться и поступать съ нею, при ея старыхъ лѣтахъ, столь недостойнымъ образомъ. Какъ жаль, когда

родители забывають, что хотя и сладко чувствовать себя любимым, но эта любовь тогда только бывает прочною, когда неразлучна съ должнымъ уваженіемъ.“

— Правда, сударь, что мать моя просияла нѣжностью своею ко мнѣ до слабости, но могу васъ увѣрить, что она была разсудительна и характеръ ея исполненъ благородства.

„Да, да, любовь ея была страсть; она должна бы свою нѣжность сообразовать съ правилами, а теперь я очень вижу, что любовь ея не обошлась безъ досады и обманушихъ ожиданій, какъ бываетъ со всеми страстями.“

Тутъ приблизились они къ жилищу Г. Блэкмора, и Варбюртонъ едва могъ владѣть своими чувствами.

„Если я пріѣхалъ уже поздно! если!...“

— Однако вѣрно получила она твое последнее письмо, отъ котораго можно ожидать очень благодушнаго дѣйствія на ея душевное расстройство.

„Душевное расстройство; да, да! не отъ чего другаго ея болѣзнь. И кто же причиною? О, я несчастный убійца матери!“

— Франкъ! если ты находишь утѣшеніе терзать себя упреками, то я не буду мѣшать. Но пожалуйста не увеличивай попу-

сному бѣды. Посмотри на домъ — не замѣшишь ни по чему, чшобы кто нибудь въ немъ умерь.

Коляска остановилась, слуга выбѣжалъ на встрѣчу; но Варбюршонъ не могъ рѣшиться ни спросить у него о своей мащери, ни идти прямо въ комнашы. Его дошшойный другъ принялъ на себя освѣдомиться.

„Вѣдь барыня швоя еще здравствуетъ?“ спросилъ онъ у слуги.

— Слава Богу, сударь! ошвѣчалъ шощъ. Ей шеперь даже лучше, гораздо лучше.

„Давно ли?“

— Со вчерашняго дня, сударь!

„Не подучила ли она письма?“

— Точно шакъ, сударь, и она говоритъ, чшо вшо письмо пособило ей лучше всѣхъ лекаршвъ. Въ самомъ дѣлѣ съ шѣхъ поръ она покойнѣе и веселѣе.

При семъ извѣстш Варбюршонъ ошавался безмолвенъ. Въ глазахъ его, омоченныхъ слезами, изображалось, чшо было на душѣ. Рейнольдсъ былъ шакъ распроганъ, чшо долженъ былъ опереть глаза свои, хощя и шпыдился шаккой слабосши.

Оба вошли въ домъ. Варбюршонъ завернулъ въ одну боковую комнашу, чшобы пригошовшться къ свиданш съ мащерью.

„Доложи Мисприсъ, что сынъ ея Франкъ здѣсь и желаетъ говорить съ нею“ сказала Квакеръ слугъ, а пошомъ обратясь къ Варбюршону, продолжала: „шеперь, Франкъ, подумай, что у слабой женщины не такія желѣзные нервы, какъ у меня, а чрезмѣрность швоей печали и изъ меня сдѣлала было ребенка.“

По возвращеніи слуги съ оповѣшомъ, что Мисприсъ Блакморъ сію же минушу ожидаетъ своего сына, Варбюршонъ побѣжалъ къ ней.

„Какъ хорошо было бы для этого пылкаго молодого человѣка, еслибъ онъ былъ воспитанъ между *друзьями!*“ Такъ думала про себя Рейнольдсъ, ходя большими шагами взадъ и впередъ по комнашѣ.

Спустия полчаса времени, пришелъ Варбюршонъ назадъ; но еще въ худшемъ положеніи, нежели какъ былъ прежде. „Нѣшь, нѣшь!“ вскричала онъ, какъ бы въ испуленіи — „я никогда не прощу себѣ этого!“ Больше не могъ онъ выговорить ни слова.

— Что, другъ мой? — спросилъ съ сердечнымъ участіемъ Квакеръ — развѣ маперашвоей сдѣлалось хуже?

„О нѣшь! ей лучше! — Никогда, никогда не прощу себѣ!“

— Съ тобою, мой милый, не мудрено ж

всякому ряхнушься. Прежде не могъ ты простить себя, что сдѣлалъ мать свою больною; теперь, когда она почти уже здорова, ты опять не можешь простить себя.

„Теперь я не въ состояніи рассказывать. Довольно, почтенный другъ мой, что мать моя благороднѣйшая женщина въ свѣтъ, а я неблагодарнѣйшій изъ дѣшей, какихъ только земля носитъ.“

Онъ бѣгалъ въ жестокой запальчивости взадъ и впередъ по г-рницѣ, часто ударялъ себя рукою по лбу, рвалъ на себѣ волосы и наконецъ печаль его излилась въ новомъ потоку слезъ.

„Не осердись, Франкъ!“ — сказала Кваркеръ — „а я право не могу опъ тебя скрыть, что точно съ такими пѣлодвиженіями предсказываю себѣ актера, хотя еще въ жизнь свою ни одного не видывалъ, исключая двухъ или трехъ скомороховъ на ярмаркахъ. Выронишь нѣсколько слезъ простишельно, даже похвально; на это служишь намъ примѣромъ Толъ, кто только однажды плакалъ; но пожалуйста не кривляйся такъ, бѣдный Франкъ; расскажи мнѣ, что ты знаешь и ты самъ будешь покойнѣ.“

Отворилась дверь и вошелъ Г. Блэкморъ. Увидя Варбюртона, онъ хотѣлъ повернуть назадъ, но сей схватилъ его за руку.

и прижавъ ее къ своему сердцу, въ рыданіяхъ произнесъ : о простише, простише меня !

Блакморъ не безъ усилія освободилъ руку свою и сказала съ большимъ чувствомъ : „взбаламощный молодой человекъ ! я прощаю тебя, пошому что ты еще не убилъ своей матери.“ Въ то же мгновение онъ вышелъ.

„Такъ это опчимъ швой ?“ — спросилъ Квакеръ. „Письмо его“ — продолжалъ онъ — „мнѣ понравилось, но не могу одобрить его шеперешняго поступка. Его наружность шже не показалась мнѣ, какъ и тебѣ.“

— О государь мой ! воскликнулъ Варбюршонъ : не говорите ничего худаго объ этомъ превосходномъ человекѣ ; я не въ состояніи слушать. Это благороднѣйшій и великодушнѣйшій изъ всѣхъ людей.

„Кто ? — Онъ, обезчестившій мать швою своимъ супружесствомъ ? Франкъ Варбюршонъ ! о шомъ ужъ человекѣ говорилъ ты, кошораго за два дня предшавлялъ мнѣ въ шакомъ гнусномъ видѣ ?“

Блакморъ пришелъ опять, чшобы извиниться передъ Рейнольдсомъ. Передъ шѣмъ шолько услышалъ онъ, что Квакеръ пріѣхалъ единшвенно по благорасположенію къ его пасынку, почему и просилъ прощенія ;

что не принялъ его, какъ было должно. Между тѣмъ сказали, что гошовъ обѣдъ, и онъ просилъ Квакера къ столу.

„За честь пославлю“ — отвѣчалъ сей, — „обѣдашь за столомъ благороднѣйшаго и великодушнѣйшаго изъ людей, какъ называешь себя швой пасынокъ.“

— Въ самомъ дѣлѣ? Такъ онъ шеперь говоришь совсѣмъ иначе.

„Это правда, но у него всегда манерныя и надушыя выраженія. Онъ мнѣ сказалъ, что никакъ не въ состояніи дашь мнѣ нѣхъ объясненій, о кѣшорыхъ я просилъ убѣдительно, и пошому я прошу шебя. Иначе невозможно мнѣ согласить сполько прошиворѣчій.“

— Почтенный Г. Блакморъ — подхвашилъ Франкъ — да; расскажите все, все. Для меня шаконъ рассказъ былъ бы соединенъ съ большимъ униженіемъ. Однако, если вы не опдадите себѣ всей должной справедливости, шо я самъ говоришь буду.

„Я не охотно рассказываю о себѣ“ — отвѣчалъ Блакморъ — „но если это нужно, шакъ и бышь. Напередъ замѣчаю шолько, что надѣлано много шуму изъ ничего. — Вѣрояшно знаете вы, государь мой, что я всѣмъ своимъ благосостояніемъ, всѣмъ совершенно обязанъ покойному Варбюршону. Онъ воспишалъ меня, сдѣлалъ своимъ прикащи-

комъ, а попомъ поварищемъ въ торговыхъ дѣлахъ своихъ. Вскорѣ онъ ославилъ торговлю и я производилъ ее одинъ. Три года назадъ онъ умеръ; приводя въ порядокъ дѣла его, я часто имѣлъ случай видѣть оставшуюся послѣ него вдову и находился съ нею въ торговыхъ сношеніяхъ. Хотя тогда не имѣлъ я и въ мысляхъ женишбы, но чувствовалъ къ этой достойной женщинѣ внутреннюю склонность. Расположеніе мое къ ней возрастало отъ привязанности къ ея дѣшамъ, которыхъ я любилъ нѣжно.“

Тутъ Блакморъ, сердечно распрощанный, долженъ былъ остановиться; Варбюршонъ безмолвно пожалъ ему руку, а Рейнольдсъ смотрѣлъ въ окно.

„Время проходило“ — шакъ продолжалъ Блакморъ — „склонность моя къ Мисприсъ Варбюршонъ дѣлалась живѣе и ни для кого уже не была тайною — конечно и для нее самой. Однако она не подавала мнѣ повода къ объясненію, и я молчалъ. Таково было наше положеніе, какъ вдругъ получилъ я неприятное извѣстіе. Покойный Варбюршонъ капиталы сыновей своихъ отдалъ въ оборотъ дому * * * съ компанією, чшобы дошолъ, пока найдешь случай положить ихъ въ публичный банкъ, получаешь съ нихъ болѣе процентовъ. По смерти его хотѣлъ я,

*

как исполнишь духовной, взявъ капиталы обратно, чтобы отдашь ихъ въ надежнѣйшее мѣсто, но мои старанія были напрасны. Это привело меня въ безпокойство. Я заключалъ, что общешельсхва людей, кошорые не могушь выплашишь споль значительныхъ капиталовъ, были довольно плохи. Мои опасенія оправдались; подъ рукой узналъ я, что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, а можешь бышь и недѣль, имъ неминуемо надлежишь объявить себя банкротами. Я сказалъ о шомъ Мисприсъ Варбюртонъ. Доходъ ея для нее одной было довольно; если же бы пришлось раздѣлишь ихъ съ сыновьями, по каждому досталась бы малосшь. Она прешала объ участи споль нѣжно любимыхъ дѣшей своихъ и шѣмъ болѣе, что знала, какъ они горды и распочительны.

— Продолжай же, другъ Блэкморъ — сказалъ Квакеръ — зачѣмъ ты остановился?

„За шѣмъ, что долженъ говорить о себѣ. Увидѣвъ, какъ велика была ея горесшь, я объявилъ ей, что все мое имѣнiе, кошорымъ обязанъ я покойному ея супругу, принадлежишь дѣшамъ ея и что если ей угодно будешъ, то въ то же время замѣню пошерянную чрезъ банкротство сумму половиною своихъ капиталовъ. Опъ сыновей ея,

которым бы и все по смерти моей досталось, предложилъ я скрывать это.“

— И ты не сказала ей о томъ, что ее любишь.

„Ни слова. Воспользоваться такимъ временемъ для собственныхъ видовъ значило бы обнаружить очень дурной образъ мыслей.“

Почтенный Квекеръ вспала шуть со спула и взявъ у Блэкмора руку, сказала: я искренно тебя уважаю. Но что отвѣчала тебѣ вдова своего друга?

„Она благодарила меня искренно, однако призналась, что мое предложеніе слишкомъ щекошливо для ея гордости и что ея сыновья огорчились бы также, еслибы современнымъ узнали, сколь много мнѣ обязаны. Тщешно спарался я убѣдить и упротить ее; она настояла въ своемъ отказѣ, и я оставилъ ее съ тѣмъ, чтообы придумать, какъ бы лучше дать знаніе сыновьямъ ея, находившимся тогда въ Гимназіи, объ ихъ пошерь. Вдругъ пришла мнѣ мысль и я написалъ къ Мисприсъ Варбуршонъ, что если не хочешь она принять мое предложеніе, то оспашаюся одно только средство преодолѣть всѣ трудности — шуть я открылъ ей свою любовь.“

— И она была услышана?

„Да; но естъ Мистрисъ сказала мнѣ; что воспоминаніе объ ея покойномъ супругѣ еще слишкомъ живо въ ея воображеніи, что-бы любишь другаго мужа и что она имѣла твердое намѣреніе оспашься въ своемъ вдовствѣ, но жершвуя всемъ счастію дѣшей, которыхъ я и безъ того гошовъ былъ признашь своими, согласна она опдашь мнѣ свою руку. Десяшь дней назадъ мы обвнчались пайно. Почишая для меня оскорбительнымъ объясняшь сыновьямъ своимъ причину нашего союза, она умолчала о ней и никогда не хопѣла опкрывашь имъ, какъ развѣ на смершномъ одрѣ своемъ. При шеперешнихъ же обшопшельсшвахъ я просилъ ея и къ своему успокоенію и къ оправданію себя въ глазахъ сихъ молодыхъ людей, которые обо всемъ судяшь скоро, опкрышь имъ нашу пайну. Теперь я кончилъ — вы знаете все, исключая развѣ шого, что о банкротсшвѣ шорговаго дома, гдѣ положены капиталы Варбюршоновъ, объявлено въ сегодняшнихъ вѣдомоспяхъ и надобно опасашься, что за нихъ и по пшши проценшновъ не доспанешся.

— Другъ Блакморъ — сказалъ Рейнольдсъ — дай мнѣ еще разъ швою руку. Не назову себя, какъ Франкъ, благороднѣйшимъ и великодушнѣйшимъ изъ всѣхъ людей, пошому

что въ свѣтъ вѣроятно есть много такихъ, которые поступили бы точно также; но могу сказать тебѣ, что меня радуешь знакомство съ тобою и если бы не особья обстоятельства, то я бы желалъ бытъ съ тобою въ тѣсныхъ дружескихъ связяхъ.

„Развѣ теперь вы не хотите этого? Зачѣмъ лишать насъ надежды увидѣться съ вами опять?“

— Навѣрное обѣщать не могу.

„О мой почтенный другъ! мой руководитель! — вскричалъ изумленный Варбюршонъ — „какъ! неужели въ самомъ дѣлѣ намѣрены вы такъ скоро прекратить нашу связь?“

— Опять ты свое понеси! Охъ мнѣ ваши о! и ахъ! — Послушай меня, Франкъ, я скажу тебѣ откровенно. У меня есть дочь; она принадлежитъ къ обществу Квакеровъ, и я желаю, чтобы она при томъ навсегда осталась. Я не хочу подвергать ее опасности заключить союзъ внѣ нашего братства, а ты вѣдь, Франкъ, прекрасный собою молодецъ. Когда отецъ тебя любитъ, не мудроно, что дочь полюбила бы еще гораздо болѣе. И такъ пока Рахиль Рейнольдсъ не сдѣлается Рахилью какого нибудь другаго прозванія, или пока ты не женишься, мы будемъ довольствоваться одной перепиской.

Я того мнѣнія, что родители не должны сами споспоспывать дѣшамъ къ заключенію такихъ связей, которыя послѣ надлежитъ имъ, если не хотѣшь поступить вопреки совѣсти, разорвать вновь. Теперь ты все знаешь.

„Что вы говорили теперь — для меня и легко и вмѣстѣ непріятно. Однако я надѣюсь, что ваша дочь не надолго останется Рахилью Рейнольдсъ и мы скоро увидимся.“

— Но вы могли бы посѣтить насъ одинъ — оказалъ Блакморъ.

„Твоя правда, можешь быть на этихъ дняхъ я и приѣду, чтобы видѣть жену твою, если она будетъ здорова. Теперь же надобно мнѣ попорочиться — пушь еще далеко. Но куда намъ еще сюда ѣдемъ?“

Почтовая коляска въ чешыре лошади покрытыхъ цѣтомъ и пѣною, остановилась у подъезда. Изъ нее выскочилъ молодой человекъ; встрѣтивъ на бѣгу служителя, онъ закричалъ ему: „не опоздалъ ли я? жива ли она еще?“ Послѣ утвердительнаго отвѣта, онъ остановился и перевелъ духъ свободнѣе, воскликнулъ: „слава Богу!“ — Это былъ Карлъ Варбюршонъ. Вошедши въ комнашу, онъ едва могъ держаться на ногахъ отъ внутренняго движенія и усладости. Франкъ,

почти столько же испревозженный, посадил брата своего на кресла.

Спразданіе Карла въ сію минушу было пѣтъмъ для него тяжелѣе, что слезы не хотѣли вырваться изъ глазъ его. „О Франкъ!“ вскричалъ онъ: „что я вышерпѣлъ съ полученія этого ужаснаго письма“ При сихъ словахъ онъ бросилъ яростный взоръ на Блакмора, котораго не удостоилъ и поклономъ.

„Пойдемъ въ другую горницу“ — возразилъ ему Франкъ — „я долженъ многое разсказать тебѣ.“ Тутъ взялъ онъ брата своего подъ руку, и идучи мимо Блакмора, сказалъ ему: „Будьте увѣрены, что онъ также скоро переѣмнитъ мысли свои въ разсужденіи насъ.“ Карлъ посмопрѣлъ на него въ изумленіи и послѣдовалъ за нимъ въ садъ.

„Какъ эти молодые люди на все скоры!“ — сказалъ Рейнольдсъ: „и какъ шеперь имъ кешаши этотъ урокъ! Да, онъ будетъ имъ полезенъ на цѣлую жизнь. Ихъ щеславіе само набѣжало на такое униженіе. Какой же снрашный взглядъ бросилъ онъ на себя! Какъ можешь шолько слабый смерпный осмѣливаться уснреждать такой грозный взоръ на другаго смерпнаго?“

— Оба брата имѣють, сударь, конечно свои слабости; но сердца ихъ дѣйснвишельно добры. Возмише прищомъ въ разсужденіе,

что они еще очень молоды и въ высочайшей степени избалованы.

„Хорошо, что ты не забываешь этого. Я самъ думаю, что они образумятся и будутъ хорошими молодцами. Франкъ и шеперь ужъ приучается нѣсколько владѣть собою. Надѣюсь, что это послѣднее испытаніе они выдержатъ съ честью.“

Прежде, чѣмъ Блакморъ имѣлъ время опвѣчать, пришелъ Франкъ и просилъ его выдти къ брату, который желалъ съ нимъ говорить. Почтенный Квакеръ сердечно порадовался, когда увидѣлъ, что Карлъ Варбюршонъ бѣжитъ навстрѣчу своему опчиму и что на лицѣ его написано примиреніе.

Черезъ нѣсколько минушь Рейнольдсъ поднялся опашь съ мѣста: „Пора, пора!“ сказалъ онъ: „мы скоро непременно опашь увидимся — всѣ въ мирѣ и въ добромъ согласіи. Прощай другъ Блакморъ! Прощай другъ мой Франкъ! Помни, что всегда имѣешь во мнѣ друга, если когда будешь имѣшь въ немъ нужду . . . Я спану писашь къ тебѣ. Прощай!“

Онъ увхалъ. Варбюршонъ слѣдоваль взорами за коляскою. Сердце его было исполнено искренней благодарности; въ глазахъ его сверкали слезы. Такъ проводилъ онъ своего Ангела - ушѣшищедя.

Переписка ихъ шла очень живо : съ одной стороны благіе совѣты , спасительныя увѣщанія , съ другой — увѣренія въ почтеніи , въ благодарности и въ полной довѣренности.

Между тѣмъ оба молодые люди сдѣлались совершеннолѣтними , а Рейнольдсъ все еще не являлся; вдругъ пріѣхалъ онъ совсѣмъ неожиданно вмѣстѣ съ своею дочерью и зятемъ.

„Ну“ — сказалъ входя добрый Квакеръ — „Рахиль моя шеперь замужемъ. Я пріѣхалъ посмотришь на васъ и рекомендовать вамъ ее и ея мужа.“

Хозяева, которые въ эту минушу были всѣ вмѣстѣ , приняли милыхъ гостей съ восклицаніями живѣйшей радости. „Теперь вижу“ — шепнулъ Франкъ Рейнольдсу на ухо — „что вы за меня боялись, а не за дочь вашу. Боже мой! какъ она прекрасна.“

— Ну, ну ! скажи лучше не дурна — опивчалъ Рейнольдсъ. — Скажешь правду, боялся я за васъ обоихъ. Каково жь ты поживаешь, Франкъ ?

„Какъ нельзя лучше.“

Карль и Франкъ были слишкомъ щекотливы, чтобы принять, хотя и опъ опчи-ма, столь большое имѣніе , какъ онъ назначалъ имъ. Видя впрочемъ малость своей

собственности, они рѣшились посвятить себя прудамъ и вступили, по предложенію Блакмора, съ нимъ въ товарищество по торговлѣ. Его довѣренность получила хорошее возмездіе. Имѣя передъ глазами превосходный образецъ въ своемъ опчимѣ, Варбюртоны старались подражать ему во всемъ, были дѣятельны, смѣшливы, оспорожны, и вскорѣ ихъ усилія увѣнчались блистательнѣйшимъ успѣхомъ.

„Радуешь меня очень, что я объ васъ слышу“ — сказала Рейнольдсъ — „и по всему вижу, что ты, Эмма Блакморъ, теперь очень счастливая мать.“

— Да, дѣйствительно — ошвѣчала она въ умилени — и будешь увѣрены, что я никогда не забуду, сколь много обязана вашей благосклонности къ сыну моему Франку и даннымъ ему добрымъ совѣтамъ. Вамъ, государь мой, одолжена я можетъ быть жизнью.

„Что я сдѣлалъ, малосъ. Мнѣ пришлось обработать хорошее дѣло, и моя заслуга только въ томъ, что я не подвинулся. Я увѣренъ, что Франкъ и безъ меня образумился бы, хотя нѣсколько позже. Теперь желалъ бы я, чтобъ сыновья твои подумали о женишбѣ.“ Франкъ усмѣхнулся лукаво.
„Что? развѣ ужъ есть на примѣшъ?“

— Да! ошвѣчалъ Франкъ: исторією вашей жизни воспользовался и я и брашь мой. Вѣдь вы женились на дочери вашего опчима? А мы шеперь помолвлены на племянницахъ своего. Это шѣмъ болѣе кспаши, что почтенный дядя все шаки насшайвалъ въ намѣреніи своемъ раздѣлишь имѣніе свое между ими и нами. Онъ — дѣвушки премилыя и воспитанныя превосходно.

„Я не вѣрю шебъ ни въ одномъ словѣ, Франкъ; шы все еще большой энпузіасшъ. Я хочу видѣшь собсшвенными глазами и судишь шогда. Для этого приглашаю васъ первую половину мѣсяца, по совершеніи вашего брака, провешши у меня. Какъ порадуетшъ меня, если я васъ увижу согласными и счастливыми! Мы соврапились бы съ прямого испишняго пуши жизни, съ пуши благосши, если бы вдавались въ вражду и непріязненныя чувешва. Ненадобно никогда забывашъ послѣдней и священнѣйшей заповѣди: „любите другъ друга.“

Вл.

ДРАКОНЪ И РЪКА.

Кунг - Тзее , находясь въ государствѣ Чэусь, посѣтилъ знаменитаго основателя секты Тао, Философа Лао - Кіума. Сей принявъ его лежа на постель и едва повернулся, когда Кунг - Тзее предсталъ предъ него съ своими учениками. „Я слыхалъ о тебѣ (сказалъ онъ Кунг - Тзее): говоряшь , что ты хочешь правила древнихъ царей, мудрецовъ и законодательей внушаешь людямъ нашего времени и употребляешь для того много усилій. Безполезный трудъ — призывать къ жизни людей, которые уже не существуютъ! Мудрецъ долженъ заботиться о себѣ и о времени, въ которомъ живешь. Если оно ему благосклонно , то пользуется онъ имъ; если нѣтъ, то удаляется въ уединеніе и оставляетъ свѣтъ бытъ, какъ онъ былъ. Кто имѣетъ сокровище , тотъ не дѣлится имъ съ каждымъ; онъ бережетъ и спрашиваетъ его *для самаго себя*. Поступай также, молодой человекъ, и ты будешь дѣйствовать премудро. Теперь же, кажется, ты много на себя берешь. Къ чему намъ образцы древнихъ!“

Такъ разглагольствовалъ Лао - Кіумъ; Кунг - Тзее слушалъ его внимательнo и ког-

да удалился, шо сказала своимъ спущни-камъ, спросившимъ, какого онъ мнѣнія о мудрець Лао - Кіумъ: я видѣлъ Лао - Кіума, но споль же мало его знаю, какъ — Дракона (*). Рыба, какъ мнѣ извѣстно, плаваешъ; звѣрь земноводный ходишъ, или ползаешъ; птица лешаешъ; что же Драконъ дѣлаешъ — не знаю. Какъ звѣрей, птицъ и рыбъ ловяшъ, знаю я шакже, но какъ Драконовъ ловяшъ, не испышалъ еще.“ —

Такъ говорилъ онъ и подошелъ къ Рѣкѣ, передъ кошорой, какъ бы съ благоговѣніемъ, ошановился. „Посмотрите, сказала онъ, на спремящіяся волны! Онѣ бѣгушъ день и ночь, пока наконецъ всѣ соединяшся въ океанѣ. Такъ и мы. Ошъ времянь Йао и Шунса дошло къ намъ ученіе мудроспи, передадимъ же его и другимъ, шакъ, чшобы они могли пересаждать его черезъ попомковъ своихъ до конца времениъ. Мы взяли, мы должны и дать, а не считаешъ себя въ числѣ шѣхъ мудрецовъ, кошорые сущешвуюшъ шолько для самихъ себя. Не многое, чшбъ мы о мудроспи и добродѣтели сообщаеш можемъ, не сдѣлаешъ насъ бѣдными, а напрошивъ обогашишъ въ лицѣ другихъ.

(*) Драконъ въ Китайской Имперіи ешъ символъ высочайшей мудроспи и могущешва.

Люди и времена существуют другъ для друга; пусть баснословный Драконъ живешь самъ для себя. Помните, друзья мои! мы волны въ Рѣкѣ времянь.

А Н Е К Д О Т Ъ .

Въ Неаполѣ жилъ одинъ Балъи Мальшійскаго ордена, кошорый опшвнно любилъ пышность, но вмѣстѣ съ шѣмъ былъ очень скупъ. Онъ держалъ много пажей; шолько у нихъ вовсе не было бѣлья: рубашки ихъ состояли изъ однихъ лохмешьевъ. Однажды жаловались они ему на это. Балъи, при нихъ же призвалъ управителя и приказалъ ему написать въ его командорспвенныя помѣстья, чшобы шамъ посѣяли конопля для рубашекъ эшимъ молодымъ господамъ. Пажи начали смѣяться. — „Глупый народъ! сказалъ Балъи, они ужъ заранѣ рады, что у нихъ будущъ рубашки!“

З Е Л Е Н Ы Й П Л А Щ Ъ .

(Развязка.)

Для прозорливаго , смѣливаго чишапелья — каковы безъ сомнѣнiя всѣ , удостоивающіе книгу сію благосклоннаго своего вниманiя — конечно нѣшь надобности въ проспранныхъ объясненiяхъ. Для него прiятно будетъ самому дополнять то , о чемъ я , во избѣжаніе излишней обширности , умалчиваю. Слѣдовательно я смѣло могу писать какъ возможно короче: это необходимо при столь неблагоприятной работѣ , какова объясненіе естешвеннаго хода вещей , казавшихся сверхестешвенными.

Однако жъ къ дѣлу.

Гильельму назначено было ошь опца женишься на Эммелинѣ , дѣвушкѣ съ двумя милліонами шалеровъ приданаго. Хотя сердце его было свободно , но ему непрiятно было не смѣшь слѣдовать собственнымъ своимъ чувствамъ , а единешвенно для денегъ , кошорыми щедрое Провидѣніе и безъ того доспапочно его снабдило , привязашъ къ себѣ на цѣлую жизнь дѣвушку , кошорой онъ вовсе не зналъ , и кошорой добродѣтели , познанiя и наружность не шолько не были при-

няпы въ соображеніе, но даже были и неизвѣспны.

Изъ дѣшскаго послушанія и положась на увѣреніе отца своего и нѣкоторыхъ изъ старшихъ его компаньоновъ, что Меллигеръ принадлежишь къ небольшому числу смѣлавѣйшихъ купцевъ, у которыхъ можно многому научишься, оставилъ онъ Венецію и отправился въ мѣсто пребыванія Меллигера, чтобы подъ его руководствомъ усовершенствованъ себя въ познаніи торговыхъ дѣлъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и познакомишь съ Эмелиною. Если бы она пришла ему не по мысли, то онъ хотѣлъ письменнo объявишь отцу своему чистосердечное начетъ ея мнѣніе, и просишь его убѣдительноше забышь о любимомъ своемъ планѣ и уволишь его отъ вступленія съ нею въ бракъ.

За нѣсколько станцій до городка, въ которомъ жилъ Меллигеръ, съѣхался Гильельмо съ молодымъ Вильмсеномъ изъ Бремена. Одинаковость лѣтъ, веселое расположеніе духа, откровенность сердца, вскорѣ познакомили ихъ корешко между собою: по приѣздѣ на мѣсто остановились они въ гостиницу, подъ выѣскою *Солица* и заняли вмѣстѣ квартиру подъ No 14.

Хотя отецъ Гильельмо приказалъ ему пошчасъ по прибытіи явишься къ Мелли-

геру, кошорый и былъ уже предувѣдомленъ о скоромъ его прїѣздѣ; но онъ не пошелъ туда. Ему хотѣлось прежде развѣдать въ городѣ, что говорятъ объ Эммелинѣ и ея опцѣ.

Въ семь намѣренїи почелъ онъ за лучшее, чтобъ Вильмсенъ, кошорый по разстроеному своему здоровью, почти не выходилъ со двора, принялъ его имя, а онъ рѣшился выступишь на сцену подъ названїемъ Вильмсена.

Вильмсенъ, кошорому Гильельмо объяснилъ необходимость такой перемѣны имени, и кошорый съ первой минушы знакомства своего съ Гильельмо былъ осыпанъ его ласками и даже все время жилъ на его счетъ, не могъ отказать богатому Спонсеру въ небольшой услугѣ, ссудилъ его на нѣсколько времени своею фамилією. Такимъ образомъ Вильмсенъ пошелъ за Гильельмо, а Гильельмо за Вильмсена.

О Меллингерѣ и его дочери говорили одно и тоже въ цѣломъ городѣ.

Объ Эммелинѣ рассказывали, что она весьма хороша собою, образована, искусна во всѣхъ родахъ познанїй, необходимыхъ женскому полу; что она скромная, милая дѣвушка, хорошая хозяйка; что она какъ въ большемъ свѣтѣ, такъ и въ мирномъ кругу семейственномъ, на своемъ мѣстѣ; что она

чувствительна, нѣжна, весела, сострадашельна и любишь благотвореніе: однимъ словомъ, всѣ были неисчислимы въ похвалахъ о ней; только — присовокупляли нѣкоторыя — она, кажешся, слишкомъ высоко вздергиваешь носъ свой. — Она чувствуетъ себѣ цѣну — прибавляли другіе. — Да, думали шрепіе, у ней было уже больше двадцати поклонниковъ, но она безъ сомнѣнія ждесть жениха-милліонера или по крайней мѣрѣ какого нибудь Сіятельнаго. — Нынѣ, намекали чешвертые, у ней видно дѣло слажено пошохоньку, поэтому что иначе не могла бы она противостоять такъ долго своимъ почишателямъ, которые цѣлыми дюжинами за нею ухаживаютъ, а и въ дюжинныхъ часахъ попадающа хорошіе.

Объ оцѣ только и слышно было что худое. Можешь бышь въ разказахъ о немъ было много и увеличеннаго, но всѣ они согласовались въ томъ, что въ Меллингерѣ нынѣ ни на волосъ хорошаго Большая часть жинія его, говорили, награблена самыми непозволишельными средствами; на каждомъ шалерѣ лежатъ слезы и проклятія обманурыхъ, пришѣсенныхъ и угнѣбленныхъ. Хотя никто не оспаривалъ у него купеческой смѣшливости и предпримчивости, но всѣ утверждали, что какъ скоро вслушаешь оны

въ какое нибудь предпріятіе, отъ котораго можно ожидать счастливаго успѣха, но для него уже нѣтъ ничего святаго, лишь бы только поставишь на своемъ. Подкупленіе Княжескихъ чиновниковъ при поставкахъ, нарушеніе заключенныхъ контрактовъ, и прочее тому подобное, казались ему самыми позволительными средствами къ обогащенію. И при томъ всякое дѣло умѣлъ онъ такъ повернуть и обработать, что никто не могъ и не смѣлъ къ нему привязаться или уличить его предъ судомъ, а если и выходили на него жалобы, то въ послѣдствіи онъ всегда оставался правымъ.

Гильельмо, воспитанный въ правилахъ благочестія и справедливости, слыша это, не хотѣлъ даже и знакомиться съ семействомъ Меллингера. Эммелина, думая о немъ, можетъ быть ему бы и понравилась; но имѣніе, которое она принесетъ съ собою, не пойдетъ въ прокъ. Не добромъ нажитое не послужитъ въ пользу дѣтямъ, говорила часто добрая мать его, истинная Христіанка; и благородный сынъ, съ нѣжными чувствами, съ чистою совѣстью, не хотѣлъ разбогатѣть такими деньгами.

И такъ онъ рѣшился ѣхать назадъ, благодаря Небо, внушившее ему мысль — не поминать часъ явиться къ Меллингеру.

Случай переѣнилъ все.

Въ день именинъ возлюбленной матери, пошелъ Гильельмо въ кафедральную церковь, чтобы излить предъ Всевышнимъ молитву свою за опсуществующую.

Изгнавъ все земное изъ мыслей своихъ, онъ не обращалъ никакого вниманія на окружающее. Простершись на коѣнахъ предъ алтаремъ, склонилъ онъ лице свое къ землѣ и съ дѣвскою покорностью бесѣдовалъ съ Богомъ, между тѣмъ, какъ съ высокихъ сводовъ храма раздавалось умиляющее душу пѣніе: „Возстань! Вѣра твоя спасла тебя!“ и ему показалось, какъ будто внутренній голосъ произнесъ въ немъ слова сн. Онъ вспалъ съ радостнымъ движеніемъ сердца, осматрѣлся вокругъ себя и первый взглядъ его упалъ на Эммелину.

Прелестная, благочестивая дѣвушка, съ чепками въ лифѣйной рукѣ своей, стояла въ сторонѣ, ступенью выше его, съ видомъ душевной покорности, предъ Распятіемъ на коѣнахъ. Въ продолженіе всей службы, она, забывъ о цѣломъ свѣтѣ, молилась тихо; большіе, полные души глаза ея то смиренно опускались къ подножію Креста, то съ выраженіемъ душевнаго благочестія поднимались къ образу Божіей Матери. Гильельмо видѣлъ легкое движеніе пурпуровыхъ губъ ея,

читавшихъ молишву, видѣлъ перлы чешокъ, которые изъ розовыхъ пальцевъ ея, одинъ за другимъ опускались по снурку; видѣлъ прелестную профиль лица, стройный станъ — и грудь его начала волноваться сильно. Ни одна дѣвушка не казалась еще ему споль любви достойною; ни одна не дѣлала еще на него споль сильнаго впечатлѣнія.

Чредъ окончаніемъ службы незнакомка всшала и пошла изъ церкви.

Онъ послѣдовалъ за нею издали.

По правую и по лѣвую сторону у дверей храма стояли ряды нищихъ и калекъ, которые докучливо прислаивали къ проходящимъ съ просьбою о подачѣ милосшыни. Съ невыразимую крошосшью и ласкою одѣлила она каждаго и пошомъ пошла поспѣшно черезъ площадь.

Гильельмо все шелъ за нею въ опдаленіи и полча любовался ея походкою, ея приемами, каждымъ движеніемъ прелестной дѣвухки. Многіе изъ встрѣчавшихся съ почшеніемъ снимали передъ нею шляпы; нѣкоторыя дамы ласково ей кланялись, и пошомъ, прошедъ мимо, разговаривали съ видимымъ участіемъ о простомъ, но прекрасномъ ея нарядѣ, о цвѣшущей ея наружносши.

Незнакомка поворошила пеперь на право, въ улицу, гдѣ жилъ Меллигеръ. „Что если...“ — подумала Гильельмо и улыбнулся, не докончивъ своей мысли. Какъ будто въ улицѣ Меллингера не могутъ жить сошни предесныхъ дѣвушекъ.

Однако жъ красавица перешла на другую сторону улицы, гдѣ былъ домъ Меллингера. „Если это Эммелина!“ подумала онъ еще разъ съ какимъ-то радостнымъ и вмѣстѣ непріятнымъ чувствомъ, и опять разсмѣялся самъ надъ собою, потому что улица была длинна: на этой сторонѣ могли жить десять пригожихъ дѣвушекъ. Глаза его слѣдовали пеперь за нею съ напряженнымъ вниманіемъ. Оспавалось еще при дома до дома Меллингера. Люди споявшіе у воротъ сосѣднихъ домовъ кланялись ей ласково и почтительно: знакъ, что она жила гдѣ нибудь недалеко. Наконецъ незнакомка оспановилась у дома Меллингера и дернула за желѣзный крестъ у звонка.

Товія ошворилъ дверь, и прелестная скрылась.

„Если это была Эммелина!“ — сказалъ онъ въ полголоса и оспановился: въ глазахъ его не было ничего, кромѣ дома Меллингера, въ сердцѣ ничего — кромѣ дѣвушки.

Гильельмо отправился къ тѣмъ, съ которыми прежде говорилъ о Меллингерѣ и его дочери, и просилъ описать послѣднюю сколь возможно подробнѣе. Это была она. Незнакомка, которую видѣлъ онъ въ церкви, была Эммелина.

Съ сей минушы Гильельмо сдѣлался совершенно другой человекъ. Съ обыкновенною своею поспѣшностью составилъ онъ планъ, открылъ себѣ доступъ въ домъ Меллингера подъ чужимъ именемъ, узналъ короче Эммелину и, если она почувствуесть къ нему привязанность собственно изъ уваженія къ личнымъ его достоинствамъ, не зная ничего о его богатствѣ, предложивъ ей свою руку. На опца хопѣлъ онъ дѣйствовать попомъ всеми силами, чшобы онъ роздалъ все, наипшее обманомъ и неправдою, чшобы онъ сдѣлался лучшимъ человекомъ, чшобы всеми средствами спарался загладишь то, чшб во всю жизнь свою сдѣлалъ худаго, и чшобы изъ имѣнія своего довольствовался только тѣмъ, чшб дѣйствительно пріобрѣлъ торговыми своими оборотами и честнымъ образомъ. Тогда шолько, думалъ онъ въ числшть своей совѣсти, благословеніе Небесное пріосѣнитъ бракъ его съ Эммелиною, и они съ опцемъ ея будущъ соснавляшь счастливое семейшво.

Плачь былъ готовъ и по его мнѣнію превосходенъ; но исполненіе встрѣсило большія препяпствія. Конечно Гильельму не шрудно было найти какой нибудь предлогъ по торговымъ дѣламъ, чѣмъ видѣлся съ Меллингеромъ, но это свиданіе могло имѣть мѣсто разъ, два, много шри, и шолько: шѣмъ бы знакомство ихъ кончилось. А чѣмъ при этомъ удалось ему видѣть Эммелину, о томъ нельзя было и подумать, потому что она сидѣла всегда въ своей комнашѣ, а ошець принималъ посѣщенія по дѣламъ у себя въ коншорѣ. При томъ же извѣсна была его оснорожность въ знакомствахъ: молодого, пригошаго, неизвѣснаго ему мужчину върно не посѣщилъ бы онъ ввести къ своей дочери.

Внезапная смерть его шоварища, молодого Вильмсеа, послѣдовавшая отъ сильного вдругъ опкрывшагося кровошеченія, подала мучимому любовью и желаніемъ исправить шпарика Меллингера Гильельму шпанную мысль—предпринять ночное посѣщеніе, о коншоромъ чиншатели извѣсны уже изъ первыхъ лиспковъ сей часши. До него дошелъ слухъ о томъ, что въ коншорѣ Меллингера водяшся духи, слухъ, коншораго основаніе мы уже знаемъ, и коншорому прежнее назначеніе комнашы, гдѣ находилась коншора, и сосѣд-

ство съ часовнею, придавали вѣроятіе въ умахъ суевѣрныхъ. Такимъ только образомъ, думалъ онъ, а не иначе возможно дѣйствовать на спарка. О томъ, какъ сблизилъ съ Эммелиною, былъ онъ еще не согласенъ самъ съ собою.

Зеленый плащъ, въ которомъ онъ въ первую ночь явился Меллингеру, принадлежалъ Вильмсену.

Мершвую руку досталъ онъ себѣ изъ анапомического шеатра чрезъ одного молодого врача, съ которымъ прежде еще свелъ знакомство въ шракпирѣ *Солнца*.

Смертная блѣдность на лицѣ поддѣлана была кускомъ мѣла.

Дворникъ въ шракпирѣ видѣлъ, какъ *Зеленый плащъ* вышелъ изъ дому, но не видалъ, какъ онъ опять вошелъ; это потому, что Гильельмо, послѣ появленія у Меллингера, ворошился уже въ видѣ Вильмсена, свернувши свой плащъ и держа его подъ мышкою.

Онъ покрылъ зеленымъ плащемъ трупъ молодого Вильмсена, а росписку Меллингера въ полученіи письма всунулъ ему за опворотъ рукава.

Желѣзная рѣшетчатая дверь на кладбищѣ опворилась не сама собою; это почудилось испуганному Товіи.

Письмо, написанное къ спарому Спонсеру, совсѣмъ не пошло въ Венецію : Гильельмо взялъ его съ почтой назадъ, что не прудно было и сдѣлать, когда онъ показалъ въ Почтамтѣ коншорскую печашъ и почеркъ своей руки.

Письмо, пришедшее изъ Венеціи съ эспафешою, писалъ самъ Гильельмо. Онъ отправилъ его къ одному своему знакомому, жившему на дорогѣ къ Венеціи, съ просьбою переслать къ Меллингеру шакъ, какъ оно дѣйствительно и было къ нему послѣ доставлено. Гильельмо, при спараніи, могъ подписывашься подъ руку своего опца шакъ похоже, что никто бы не нашель различія въ почеркъ.

Цѣль сего письма была та, чтобы удостоверитъ спарика Меллингера въ подлинности явленія и способствовашъ хорошему дѣйствию, произведенному на разсудокъ его словами, кошорья были ему припомъ сказаны.

Безъ всякаго опредѣленнаго плана, а единственно для того, чтобы и впередъ, при случаѣ, напомнитъ спарому Меллингеру явленіе *Зеленаго плаща*, заказалъ себѣ Гильельмо еще два почно шакихъ плаща, какой погребень былъ съ шѣломъ молодаго Вильм-сена; на эшомъ не доспавало верхней пуго-

вицы — и на шѣхъ обрѣзалъ онъ у каждаго по одной шакой же *).

Попомъ, имѣя въ мысляхъ непопозвопительныя средства, какими скопилъ Меллигеръ обольшую часть своего имѣнія, написалъ онъ относящуюся къ тому записку на Испальянскомъ языкѣ поддѣльною рукою разорвалъ эту записку на шрое и одинъ лоскушъ, незадолго передъ погребеніемъ молодого Вильмсена, положилъ въ карманъ плаща No. 1, похороненнаго съ нимъ вмѣстѣ.

Къ чему пригодилъсь могутъ оба другіе лоскуша записки и оба другіе плаща, самъ онъ не зналъ еще въ то время. Онъ надѣялся, что представилъся ему опять случай явиться Меллингеру привидѣніемъ; тогда хотѣлъ онъ одинъ зеленый плащъ съ себя сбросить и осшавить въ его рукахъ, а въ послѣдствіи — извѣстно, что все необыкновенное дѣлается не иначе, какъ въ шри раза — если шарый росшовщикъ все еще не переломилъ своего желѣзнаго сердца и не

*) Какъ плаща сии въ продолженіи исторіи играютъ каждый особую роль, то, во избѣжаніе сбивчивости, я буду называть ихъ по нумерамъ :

Положенный въ гробъ No. 1.

Найденный у дверей въ караулнѣ No. 2.

Наконецъ : лежавшій въ сундукѣ, гдѣ хранилась касса Меллингера, No. 3.

исправится, явисься ему въ шрестій разъ и шрестій плащъ также оставишь у него; потомъ, въ лицъ Вильмсена, шакъ устройшь общояшельства, чшобы закопанный въ могилу плащъ No 1. былъ вырышь и находящійся въ немъ лоскушокъ сличень съ найденными въ плащахъ No 2 и 3. Такимъ образомъ ожидалъ онъ съ большою увѣренностію, чшо содержаніе цѣлой записки поколеблешъ сильно скупаго, бездушнаго Меллингера, произведешъ желаемое дѣйствіе на его разсудокъ и засшавишь его исправить передъ концемъ жизни все, чшо сдѣлалъ въ ней худаго. По его мечшашельному предположенію, Меллигеръ долженъ былъ неправо пріобрѣтенное добро свое сбышь съ рукъ на богоугодные предметы, и если въ печеніи этого времени мнимый Вильмсенъ, узнавъ покороче Эммелину, найдетъ въ ней дѣйствительно шо, чшо заключалъ по прелестной ея наружности — шогда, не прежде, будешъ спарашься пріобрѣсти ея взаимную любовь подъ своимъ вымышленнымъ ничшожнымъ именемъ — шогда, не прежде, благословеніе старика, очищеннаго ошъ бывшей закоснѣлой его безиравсшвенности, досшавишь, какъ онъ надѣялся, благоденсшвіе всему ихъ семейсшвенному кругу.

Помѣщенное въ газетахъ объявленіе доставило ему, по его желанію, случай понасъ въ домъ Меллингера.

Явленіе перваго *Зеленаго плаща* имѣло шполь хорошія, благодѣшельныя послѣдствія, что онъ въ другихъ поддѣланныхъ плащахъ, опношительно Меллингера, совсѣмъ не имѣлъ нужды. Слова, произнесенныя при семъ явленіи: „О каждомъ изъ дѣяній вашихъ возвѣщу я предвѣчнымъ Судьбамъ, которыя судяшъ насъ, какъ мы судили. Сообразуйте съ шѣмъ ваши поступки —“ шакъ сильно полпрясли душу шарика и доставили Гильельму шакую надъ нимъ власшъ, что ему не многого спношло руководствовашъ имъ по своей вошѣ. Если Меллигеръ сбивался съ примаго пути, то или дружеское предспавленіе, или увѣщаніе, а иногда одинъ шолько легкой намекъ, что эшо не хорошо и что у Боба на счешу каждый поступокъ нашъ и Онъ судяшъ насъ, какъ мы судили — шолько эшого было доспашочно молодому Вильмсену, чшобъ пробудяшъ въ шарикѣ совѣсть, копорую онъ же, въ видѣ *Зеленаго плаща*, заспавилъ его въ первый разъ почувствовашъ.

Несчасшія, постигшія шорговый домъ Меллингера, весьма порадовали Гильельма; онъ, въ своихъ добродушныхъ понятіяхъ, счишалъ ихъ необходимыми, чшобъ имѣніе

старика очистишь отъ неправонажитаго. Оспальное отъ сихъ пошерь долженствовало, по соображенію Гильельмо, сославляшь именно то, что могъ Меллингеръ приобрести честнымъ образомъ, единственно неушомимыми своими трудами.

Упомянутый о семъ предметъ разговоръ между Меллингеромъ и Гильельмо, который при семъ случаѣ нарочно припворялся, чтобы испытать чувства старика, увѣрилъ его, что Меллингеръ дѣйствительно вошелъ въ себя и уронъ по торговлѣ приписывалъ Божескому наказанію за свои прежнія худыя дѣла.

Въ это время Гильельмо наивревался уже открыться. Отцу своему сообщилъ онъ, еще прежде, все происшествіе съ объясненіемъ причинъ, которые къ тому побудили. Сии причины были уважены родителемъ, но какъ человекъ разсудительный и строгій, онъ не могъ одобришь исторіи привидѣнія; однако сдѣланнаго передѣлать нельзя, а какъ оно имѣло самое благошворное дѣйствіе на характеръ Меллингера, то онъ оставилъ сына своего идти проложеннымъ уже путемъ, но естъ — подъ именемъ Вильмсена снискивалъ любовь Эммелины, и радовался душевно, когда Гильельмо писалъ къ нему: „Теперь тысячею мѣлочей увѣрился я въ любви ея къ

себѣ; теперь пусть прѣзжаетъ господинъ Гильельмо Спонсери изъ Венеціи, пусть прѣзжаютъ другіе богатые женихи изъ всѣхъ частей свѣта и предлагають ей свою руку; Эммелина — я говорю какъ твердо увѣренный въ ея прекрасной душѣ, въ благородномъ, чистомъ ея сердцѣ — Эммелина имъ откажетъ, если бѣднякъ Вильмсень промолвишь ей только: будь моя! Спарикъ сдѣлался со всѣмъ другимъ человѣкомъ. Всѣ, ненавидѣвшіе его прежде, говорятъ о немъ теперь съ любовью и почтительностью. Скоро возвращаю имя Вильмсена, по принадлежности, покоящемуся въ гробѣ, и явлюсь свѣшу вашимъ сыномъ. Я скажу отцу и дочери и всей публикѣ, что сдѣлалъ это единственно для того, чтобы увѣрился въ истинной любви Эммелины; увѣрился, что она привязана ко мнѣ для меня, а не для богатства, какимъ благословилъ насъ Господь — и всякой одобришь мое безвредное и невинное превращеніе. Ожидаю теперь только удобнѣйшаго случая къ своему объясненію; думаю, что день рожденія Эммелины, въ концѣ этого мѣсяца, будетъ мною для того избранъ.“

Этому плану помѣшало нашесшвіе непріятельской арміи. Въ такое безпокойное время нельзя было и подумать о союзѣ съ Эммелиною. И шѣмъ выгоднѣе, казалось, Гиль-

ельму оспаваться подъ личиною бѣднаго конторщика Вильмсена, что къ сыну богатаго Спонсери изъ Венеціи, шоже угнѣтаемой тогда подъ ярмомъ непріятельскаго владычества, не имѣли бы столько пощады набѣжавшіе толпы спяжашедей славы. И такъ Гильельмо ожидалъ, какой оборотъ возмущъ политическія обспоятельства.

Шавшее на Меллингера подозрѣніе въ убійствѣ курьера, огорчило Гильельмо выше всякаго описанія. Онъ уже искренно любилъ спарика за то, что имъ перенесена была такая тяжкая внушрняя борьба; къ преспупленію, въ которомъ его обвиняли, Гильельмо никакъ не считалъ его способнымъ; еще по примѣрамъ въ Венеціи зналъ онъ поспыдное хищничество тогдашнихъ Французскихъ военачальниковъ; зналъ, что они употребляли всѣ средства, чтобы обогащались себя, пришѣсняя людей достапочныхъ. Хошя и сомнѣвался онъ, чтобы жизнь спарика могла быть въ опасности, однако нельзя было положишься на догадки, въ чемъ именно состояла вина его; убійство курьера могло быть только предлогомъ, чтобы прибрать его къ рукамъ. Моженъ быль спарикъ въ какомъ нибудь изъ дѣловыхъ своихъ писемъ, которыя всѣ были распечатываемы, проговорился на счетъ Наполеона или его сообщ-

щниковъ и прислужниковъ — этого уже доспапочно, при его богатствѣ, чшобъ сорвать съ него нѣсколько пысячь въ наказаніе; или — Гильельмо зналъ ненависть Меллингера къ Французамъ — можешъ бышь, ею подспрекаемый, завель онъ непозволенную переписку съ кѣмъ нибудь въ Пруссіи, или въ другихъ союзныхъ съ нею Государстввахъ, или даже вспупилъ въ подрядъ какой нибудь посшавки для шамошнихъ войскъ. Въ послѣднемъ случаѣ надлежало ожидашь, чшо завпра же Военная Коммиссія его распрѣвляешъ и конфискуешъ все его имѣніе.

И шакъ надобно было. освободилъ спарика, во чшо бы шо ни спало.

Благоразуміе, ловкось, необыкновенная дѣятельность, на все гошовые друзья и щедро разсыпаемое золошо — вошь волшебныя средства, кошорыя, при помощи всѣмъ управляющаго Провидѣнія, облегчили Гильельму спасеніе шарика Меллингера.

Первое, чѣмъ озабошлся онъ, было шо, чшо по просьбѣ его, одинъ изъ лучшихъ его друзей, молодой банкирь Карера, пригласилъ Коменданша къ себѣ въ загородный домъ, мила на полшоры распояніемъ. Тамъ, въ обществѣ веселыхъ, подговоренныхъ пріятелей, изъ кошорыхъ многіе были оплячные аршишны и любилели въ искусствѣ цпшь, шоп-

часъ по прївздѣ засшавили Коменданша вы-
пишь сполько любимыхъ его крѣпкихъ на-
пишковъ, чшо не сполько языкъ, всѣ чувшва
его онѣмѣли. Эшимъ выигрывалъ Гильельмо
время и свободу дѣйствовать безопасно за
оплучкою этого гнуснаго чловѣка изъ го-
рода.

Нѣскольکو офицеровъ опсправились въ
попъ же загородный домъ за приказаніями
на счешъ предположеннаго осмотра и описи
Меллингеровыхъ бумагъ; но Коменданшъ, не
упустившій случая похвалиться своимъ бла-
горазуміемъ, чшо взялъ у Меллингера ключи
ошъ его кассы и шкаповъ, не могъ опасашь-
ся, чшобъ какая нибудъ подозрительная бу-
мага скрылась. Полагаясь на это, онъ ска-
залъ, чшо офицеры могутъ оставашься по-
койны и пишъ съ нимъ вмѣстѣ, а завшра бу-
детъ еще время перебрашь и перешаришь въ
Меллингеровомъ домѣ все и по всѣмъ угламъ;
чшо же найдешся въ кассѣ, шо найдешъ себя
господина. Карера и его поварищи, всѣ хо-
рошіе прїехали Вильмсена, приняли съ гром-
кимъ смѣхомъ и шумными восклицаніями пре-
красную мысль Коменданша, прокричали ура
его предусмотрительности и умнымъ распо-
ряженіямъ; потомъ ввели въ свой кругъ офи-
церовъ, наполнили ихъ стаканы, а чшобы хо-
рошенько обморочишь ихъ и молодца, ихъ

начальника, по напустились съ насмѣшками и ругательствами на Меллингера, какъ буд-шо злѣйшіе враги его.

Молодой Шпаркъ, искреннѣйшій изъ друзей Гильельма, всегда тихій и скромный, а пошому въ такомъ смущенномъ обществѣ во-вее непримѣчаемый, вздумалъ опважиться на предпріятіе, которое могло стоить ему го-ловы.

Комендантъ, разопрѣвъ отъ знойнаго дня, а еще болѣе отъ спараго Шамбершена, Сен-Пере и Аликанша, жаловался нѣсколько разъ, что въ мундирѣ спановится ему несстерпимо жарко и душно.

Шпаркъ въ шушкахъ предложилъ ему надѣсть хозяйской халашъ и пошчасъ принесть его. Всѣ приступили съ просьбами, чтобы дорогой госпъ спарался бышь какъ можно à son aise и ни сколько не чинясь, принялъ предложеніе, шѣмъ больше, что это за городомъ и въ веселой мужской бесѣдѣ. Комендантъ недолго засшавилъ себя уговаривать: онъ охотно промѣнялъ пѣсный су-конный мундиръ свой на легкій, просшорный халашъ.

Шпаркъ вынесъ мундиръ въ боковую комнашу, вынулъ изъ кармана его Меллингерovy ключи, бросился на пригошовленныхъ на заднемъ дворѣ Англійскихъ рысаковъ Ка-

реры; съ небольшимъ въ полчаса примчался въ городъ и вспрѣшившему его, изумленному Гильельмо подавъ ключи, чшобъ опложишь всѣ подозрительныя бумаги и спряшашъ кассу, которою на другой же день намѣревались овладѣшь.

Въ сіе-по время машъ болшушки Лизы прѣвзжала въ загородный домъ Кареры и хопѣла вымолишь у Коменданша прощенія своей дочери, но была опдѣлана полько холоднымъ односложнымъ опказомъ и насмѣшками.

Между шѣмъ и Гильельмо провелъ время не въ праздности. Горсть золоша шюремщику Паллашу и другая сержаншу Вольмару, опворили ему шемничную дверь къ шарому Меллингеру, который, какъ объяснилось при свиданіи, не зналъ ни малѣйшей вины за собою. Подозрѣніе на него въ убійствѣ курьера сообщилъ ему первый Гильельмо. Сверхъ того старикъ увѣрялъ, чшо вовсе не имѣлъ никакой запрещенной переписки, никакихъ недозволенныхъ сношеній; чшо хоша и былъ испуганъ при своемъ задержаніи, но единственнo опъ неожиданности такого случая; чшо шеперь онъ спокойнѣе, будучи увѣренъ въ своей невинности, которая, какъ надѣялся онъ, обнаружилъ при первомъ допросѣ и возвращишь ему свободу. Однако Гильельмо не шолько былъ увѣренъ въ послѣднемъ. Онъ

зналъ Французовъ, и полагалъ, послѣ многихъ примѣровъ, что не мудро поспрадашь оныхъ нихъ и шакому человекъ, котораго невинность ясъе солнца. Онъ сказалъ шарикъ, что придетъ оныхъ ровно въ двѣнадцать часовъ ночи, и просилъ слѣдовалъ тогда за нимъ безусловно.

Тутъ принялся онъ за шюремщика Палаша и сержанта Вольмара. Последній былъ, къ счастью, злѣйшій врагъ Французовъ и грубаго, корысполюбиваго Коменданша ненавистль оныхъ всего сердца. Онъ предложилъ имъ большія деньги, если согласяшся помогать его предпріятію.

Счастливо и то, что они выслушали его, не задержавъ тогда же и не обвинивъ, какъ преступника.

Палашъ былъ довольно стговорчивъ. Вольмаръ, что до него касалось, также склонялся уже; но его останавливало недоумѣніе, какимъ образомъ избавишь команду свою оныхъ наказанія, котораго за побѣгъ сшараго Меллингера необходимо ожидашь надлежало, и вообще, какимъ образомъ ослѣпишь небольшое число солдашь, споявшихъ въ караулъ. „Хорошо бы“ — промолвилъ онъ почти въ шепку — „вмѣшашъ шунъ духовъ и увѣришь ихъ, что какой нибудь домовою увелъ съ собою арестанша. Эши люди до того глупи,

что въ такомъ случаѣ немудрено выломашь дверь у нихъ передъ носомъ — они всему повѣряшъ и будущъ клясъясь, что видѣли нечистаго собственными глазами; Коменданшъ же самъ, какъ старая баба, вѣришъ примѣтамъ и предсказаніямъ, гаданью на бобахъ и на картахъ — шакъ онъ ли не повѣришъ духамъ?”

Эти слова сверкнули, какъ молнія, въ смущенномъ ошъ заботъ умѣ Гильельмо.

Онъ сказалъ обоимъ, что явится похитишъ старика въ видѣ *Зеленаго плаща изъ Венеци*; это, примолвилъ онъ, извѣстный въ здѣшнемъ краю духъ, о кошоромъ шамъ и сямъ рассказывающъ многое. И шѣмъ вѣроянише это будетъ, когда разнесетъ слухъ, что заключенный освобожденъ издавна покровительствовавшимъ ему духомъ.

Тутъ побѣжалъ онъ домой сдѣлашъ нужныя распоряженія, особливо же съ шюю цѣлю, чтошъ какъ нибудъ попалась въ руки ненавистнаго Коменданша записка, кошорой доскушки лежали въ шрехъ зеленыхъ плащахъ. Хотя эта записка была нѣкогда назначаемая для Меллингера, но шеперь къшани годилась она жестокосердому, бездушному Коменданшу, и шакъ хорошо, какъ будто бы для него была писана.

Въ это время сполкнулся онъ съ вѣрнымъ своимъ Штаркомъ.

Къ бумагамъ и книгамъ онъ даже не прикоснулся, зная уже отъ Меллингера, что въ нихъ нѣтъ ничего подозрительнаго.

Кассу вынулъ онъ всю, кромѣ 4000 шаперовъ, чтобы не совсѣмъ оставишь сундукъ пустымъ; а для наполненія его, положилъ туда зеленый плащъ No 3, замкнулъ его, и отдавъ Штарку ключи, просилъ его сѣстьишь назадъ чтобы не подвергнушь себя несчастію, а припомъ наказалъ ему отнюдь никому не сказывать о томъ, что ими спроворено.

На оборотѣ лежавшаго въ этомъ плащѣ доскуша той записки, копорой третья часть была схоронена съ плащемъ No 1, написалъ онъ съ возможнѣйшею скоростью, такимъ же поддѣльнымъ почеркомъ, какъ и всю роковую записку, слова упомянутыя въ разсказѣ :

„Паллашъ и Вольмаръ невинны. Божеское наказаніе да постигнетъ того, кто сдѣлаетъ имъ хотя малѣйшее оскорбленіе.“

Если бъ Комендантъ имѣлъ и больше здраваго разсудка, то не мудрено, что и тогда показалось бы ему волшебствомъ найшишакія слова въ плащѣ, спрятанномъ въ сун-

дукъ, опъ кошораго ключъ положилъ онъ въ свой карманъ при самомъ задержаніи шарика Меллингера. Кто могъ предузнатьъ въ то время о шюремщикъ Паллашъ и сержаншъ Вольмаръ? Одному только свыше-человѣческому существу было бы возможно положить эту записку въ замкнутый сундукъ и предъ арестованіемъ свѣдать объ именахъ шюремщика и караульнаго сержанта. Не удивительно же, что Коменданшъ, копорому и въ умъ не приходило о возможности похищенія ключей, спадъ при семъ случаѣ въ шупикъ — въ полномъ смыслѣ этого реченія. И человекъ несуетверный, съ самыми тонкими поняшїями, какихъ не имѣлъ Коменданшъ и малѣйшей доли, не скоро бы распупалъ съшь, сошканную Шшаркомъ или быспрымъ бѣгомъ рысакѡвъ его.

Гильельмо, написавъ сказанныя слова, имѣлъ въ виду двойную цѣль: привести въ сугубое заблужденіе Коменданша и всякаго посторонняго, а при томъ избавишь Паллаша и Вольмара опъ грозившаго имъ наказанія за то, что дали уиши Меллингеру. Сбылось какъ то, шакъ и другое, пошому что послѣ грознаго зарока, сдѣланнаго Зеленымъ плащемъ изъ Венеціи, суетверный Коменданшъ не смѣлъ Паллаша и Вольмара проношь пальцемъ.

Что Товія напоилъ караульныхъ опиумомъ, это мы знаемъ.

Гильельмо, ожидавшій, что Эммелина употребитъ все способы увидѣться съ опцемъ въ пемницѣ, опасался, чтобы ея присущствіе не испортило всѣхъ его плановъ и пошому спрого запрешилъ своимъ подкупленнымъ помощникамъ, Паллашу и Вольмару, впускать ее въ караульню. Онъ самъ вошелъ туда скрытно въ началѣ двѣнадцатаго часа ночи, черезъ боковую дверь, въ то время, когда Лопши удалена была Паллашемъ подъ вымышленнымъ предлогомъ. Спорою одной минутой отворишь ему дверь пемницы и вступишь его, закушаннаго въ зеленый плащъ, къ спарику Меллингеру. Солдаты не могли его видѣть, пошому что были уже упошчиваны и находились не въ шой горницѣ, которая была подлѣ самой шюрмы и куда вошелъ онъ чрезъ боковую дверь.

Паллашъ и Вольмаръ съ умысломъ завлекли вниманіе Лопши разказами о войнахъ и убійствахъ, чтобы она ошавалась шущъ и видѣла вмѣстѣ съ ними, какъ *Зеленый плащъ* поведетъ Меллингера. При допросѣ и ей надлежало бытъ свидѣтельницаю.

Отець нѣсколько разъ посылазь ее спашъ — шакже нарочно, для шого, чтобы она сказала это при допросѣ и шѣмъ отвра-

шла подозрѣніе, будшо бы онъ ее удерживалъ и упрашивалъ объявить послѣ, что она шо и шо видѣла. Такимъ образомъ Лопши была совершенно обморочена и могла клясться съ чистою совѣстію и ошъ всей души, что она видѣла ужасный *Зеленый плащъ* собственными глазами и слышала собственными ушами произнесенныя имъ слова: „Имя мое *Зеленый плащъ* изъ Венеціи, жилище—гробъ. Заключенный свободенъ. Горе тому, кто дерзнетъ къ нему прикоснуться.“

Вольмаръ наказывалъ солдатамъ своимъ шакъ много о чудовищномъ *Зеленомъ плащѣ*, а Лопши, изъ собственнаго, швердаго убѣжденія, шакъ сильно удосповѣряла въ шомъ, что они охотно повѣрили всѣмъ ужасамъ, шѣмъ еще болѣе, что находили въ шомъ предлогъ выдать свой хмѣльной сонъ за сверхъестественный и предшавить себя околдованными. Послѣ шого они сами нагнали Коменданшу кучу невѣроятныхъ вещей о *Зеленомъ плащѣ*, шакъ что онъ и шогда уже началъ вѣрять привидѣнію, когда у дверей караульни найденъ былъ неожиданно плащъ No 2, а появленіе двухъ другихъ плащѣй, изъ сундука No 3 и попомъ вдругъ изъ гроба No 1, совершенно уже зашмыгло его разсудокъ.

По разказами Лопши, зеленый плащ найденъ у самой двери, кошпоя однакo была заперта. Его бросилъ шупъ Гильельмо нарочно, чшобъ заставилъ думать, будто бы онъ съ освобожденнымъ исчезъ черезъ дверь, бывшую на замкѣ. Выйдя изъ горницы, гдѣ содержался шарикъ, онъ прошелъ съ нимъ по караульнѣ мимо спящихъ солдатъ, но пошомъ повернулъ въ боковую дверь и ушелъ благополучно въ домъ Кареры. Здѣсь ожидалъ шарика Вахновичъ и провелъ его черезъ садъ, кошорый примыкалъ къ городской спѣнѣ; въ этой спѣнѣ была калитка, ведущая въ поле, гдѣ стояла уже легкая повозка. Меллингеръ, получившій паспортъ на имя одного изъ Бухгалтеровъ Вахновича, пустился въ Раабъ, а ошшуда, спустя нѣсколько времени, въ Смирну.

Вольмаръ съ умысломъ дѣлалъ въ караульнѣ продолжительный розыскъ, куда дѣвался *Зеленый плащъ*, чшобъ дать какъ можно болѣе времени бѣжавшимъ.

Солдатъ, споявшій на часахъ передъ караульнею, скрылся пошому, чшо Вольмаръ его напугалъ, сказавъ, чшо онъ непременно будетъ разспрѣвлять, хотя бы и дѣйствительно; какъ онъ говорилъ, не видалъ бѣжавшихъ и не слышалъ о нихъ. Эшомъ солдатъ скрывается въ городѣ до шѣхъ поръ, по-

ка не ушелъ въ походъ Комендантъ со всею своею командою.

Запахъ ошъ плащей No 2 и 3 и ошъ находившихся въ нихъ бумагъ, сдѣлалъ Гильельмо посредствомъ *Herat sulphuris calcarea* *); а то, что плащи были какъ бы исплѣвшіе и распались, произвелъ онъ шѣмъ, что наперъ ихъ негашеной известью.

Болшущкѣ Лизѣ сдѣлали вторичный допросъ и только шущъ объяснилось, что Меллингеръ въ мнимомъ убійствѣ курьера былъ совершенно невиненъ и что вся сумашоха произошла ошъ недоумѣнія. Комендантъ посмѣдилъ однако въ шомъ признаться, не хотѣлъ выдать себя на посмѣяніе и пошому запрешилъ дѣвочкѣ, подѣ опасеніемъ смерти, рассказывать о происшедшемъ кому бы шо ни было, даже ея родителямъ. Можешъ бышъ и побѣгъ Меллингера послужилъ ему большимъ соблазномъ признать его виновнымъ для шого, чтобы имѣшъ предлогъ завладѣшъ его имуществомъ.

Совсѣмъ неудивительно, что вырышой чужой шруппъ признашъ былъ за Товію: Гильельмо подкупилъ и подбучилъ двадцашъ или шринадцашъ свидѣтелей, кошорые рады были

*) Сѣрная печень, изъ кошорой пригошвляется Ганемаковъ винный препаратъ.

сдѣлать хотѣ, что нибудь вопреки ненавистному Коменданшу; народъ же по слѣдамъ ихъ, утверждалъ, что это онъ шочно, и пришелъ въ ожесточеніе. Окружный Судья принадлежалъ къ числу друзей Гильельмовыхъ и гоповъ былъ съ радостію дѣлалъ все прошивъ насильственной власши незваныхъ гостей.

Маленькая записка, выпавшая изъ письма *Зеленаго плаща*, была шочно опъ стараго Меллингера; Гильельмо получилъ ее въ эшошъ день поушру опъ Вахновича и велѣлъ мальчику опнести къ Эммелинѣ нарочно въ шу минушу, когда былъ у ней Коменданшъ.

О посланной Коменданшомъ въ Венецію эспафешѣ узналъ Гильельмо опъ своихъ пріятелей, служившихъ въ Почшампѣ; онъ долженъ былъ предполагать, что Коменданшъ пребуешъ засвидѣтельствовать подлинность почерка, почему и написалъ къ опцу съ эспафешою же, опправленною съ ближайшей станціи, опъ чего эшо произошло и какой опвѣшъ надобно ему дать.

Дочь палача, Ревекку, предупредилъ Гильельмо на счетъ Товии; пошому-шо она и ожидала его прибышія, пригошовивъ ему покойное ложе въ заднемъ чуланѣ.

Меллигеръ не хотѣлъ рассказывать Эммелинѣ исторію своего побѣга пошому,

что Гильельмо взялъ съ него клятву — не открывать того никому, пока онъ лично не разрешитъ его. Это сдѣлано было имъ для того, чтобы себя и домъ свой въ Венеціи избавить отъ мстительности Коменданша и его собратій; а какъ Меллигеръ, возвращаясь въ отечество, еще не сходилъ съ Гильельмо, то и не былъ освобожденъ отъ своей клятвы. Поэтому-то выдавалъ онъ, будто считаешь его все еще за бѣднаго Вильмсена.

Довольно къ объясненію непонятнаго въ исторіи *Зеленаго плаща*.

Эту развязку написалъ Сочинитель черезъ годъ по изданіи своей повѣсти. Въ концѣ сообщаетъ онъ читателямъ, что не долго передъ тѣмъ получилъ письма отъ Гильельмо и Эммелины, въ которыхъ уведомляютъ они о своей радости: счастливая супружеская любовь ихъ произвела на свѣтъ прелестнаго *Зеленаго плащика*. — Мы не хотѣли отъ своихъ читателей скрыть этой радости.

К О Н Е Ц Ъ П Е Р В О Й Ч А С Т И .

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

	Стр.
1. Зеленый плащ (<i>Повѣсть</i>)	3
2. Осада Шарбоньера (<i>Историческій Анекдотъ</i>)	129
3. Арфа	161
4. Восточное сказаніе (<i>Изъ Талмуда</i>)	168
5. Страншвующій Акшеръ	176
6. Игра необыкновеннаго рода	186
7. Разговоръ	189
8. Анекдотъ	191
9. Корошкій судъ	—
10. Квакеръ и молодой свѣшской чело- вѣкъ (<i>Повѣсть</i>)	193
11. Драконъ и рѣка	238
12. Анекдотъ	240
13. Зеленый плащ (<i>Развязка</i>)	241

Н О В ^{INDEXED} А Я

Б И Б Л И О Т Е К А

Д А К

Ч Т Е Н І Я.

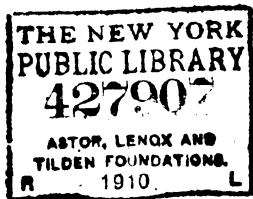
L'art d'adoucir sa destinée
Est l'art d'occuper son loisir.

Ч А С Т Ь ІІ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 4.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были семь экземпляровъ въ С. Петербургскій Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Санктпетербургъ, Апрѣля 1 дня 1824 года.

*Цензоръ Статскій Советникъ и Кавалеръ
Александръ Красовскій.*

УЗНИКЪ

ТЮРЬМЫ НЬЮ-ІОРКСКОЙ

Un bon législateur s'applique plus à donner
des moeurs qu'à infliger des supplices. —

Montesquieu. —

Извѣстные Французскіе Липераторы, изъ партіи либераловъ, Членъ Академіи Г. Жун и Г. Жай, осуждены были въ началѣ 1823 года на чепырехнедѣльное заключеніе за нѣкоторую непозволишельную вольность въ своихъ сочиненіяхъ. Первый изъ нихъ, кромѣ многихъ другихъ швореній, сдѣлался извѣстенъ, за нѣсколько уже лѣтъ, изданіемъ забавныхъ и нравоучительныхъ сочиненій, собираемыхъ подъ общимъ заглавіемъ: *Hermitte*. — Започеніе ихъ подало имъ мыслвъ умножить сіи собранія еще новымъ: *les Hermites en prison*, въ которомъ Г. Жай, въ воспоминаніе путешествія своего въ Соединенные Шшашы, между прочимъ описалъ Нью-Іоркскій смиришельный домъ и исторію одного преступника, пробывшаго тамъ нѣсколько времени. —

Въ 1794 году—говоритъ онъ—ноходясь въ Нью-Іоркѣ, изъявилъ я однажды славному тамошнему врачу, Доктору Броуну, желаніе осмошрѣшь ихъ градскую шюрму, или *домъ*

покаянія (State-prison or Penitentiaryhouse). — „Знаю“ — сказала я ему — „что это заведение заслуживаетъ особенное вниманіе каждаго, а преимущественно Европейца. Во всѣхъ вашихъ учрежденіяхъ руководствуетесь вы правилами правосудія и челоуѣколюбія, которыя столь же уважаемы и въ Европѣ; но можете быть еще долгое время не будутъ приведены въ исполненіе. Вы дѣйствуете, между прочимъ какъ мы только что разсуждаемъ. И у насъ видятъ всѣ неудобства нынѣшняго устройства пенницъ, но вы сей же часъ приступаете и къ дѣлу: исправляете недоспашки, какъ только ихъ усмотрите, искореняете злоупотребленія въ самомъ ихъ началѣ, и, скажу безъ лести, никто лучше васъ не умѣетъ пользоваться наставленіями опытности.“

Тутъ нуженъ только здравый разсудокъ — отвѣчалъ мнѣ Докторъ — а этимъ гордиться кажется еще нечего. Прежде, нежели приступаемъ къ чему нибудь, стараемся мы изслѣдовать въ точности цѣль предпріятія и потомъ, какія средства ведутъ къ нему вѣрнѣе прочихъ. Ближайшія и просвѣтлѣннѣе всегда предпочитаются. — Возьмемъ для примѣра тюрьмы: что имѣетъ общество въ виду, когда одного изъ своихъ сочленовъ осуждаютъ на заключеніе? На это отвѣчалъ

не трудно: первая цѣль, сдѣлать обществу удовлетвореніе въ нанесенной ему обидѣ, дабы страхъ наказанія могъ удерживать другихъ отъ посползованія къ подобному преступленію; вторая цѣль, симъ самымъ наказаніемъ исправить виновнаго, который легко бы могъ, получивъ по истеченіи извѣснаго времени свободу, употребить ее опять во зло, если бы наклонности и привычки его не измѣнились.

Вотъ цѣль; теперь разсмотримъ средства къ ея достиженію. Устройство тюремныхъ нашихъ заведеній клонится къ тому, чтобы заставить преступниковъ не только забыть прежнія дурныя ихъ привычки, но и вникнуть въ свои обязанности и исполнять ихъ по собственному убѣжденію. Несправедливость, своевольное и грубое обращеніе, неперимы въ нашихъ домахъ покаянія; вмѣсто того, чтобы располагать душу къ раскаянію, они только наполняютъ ее злобою и ожесточеніемъ. Работы для заключенныхъ избираются такія, которыя приносятъ нѣкоторую прибыль; чрезъ то замѣняются издержки, необходимыя для ихъ содержанія; а они избѣгаютъ вредной праздности и пріобрѣтаютъ средства къ улучшенію будущей своей участи.

Однако, объяснимъ вамъ все въ подроб-

ности, займешь слишком много времени; не хотите ли лучше разсморъшь все сами? Погода прекрасная; пойдемъ въ домъ покаянія. Мы не можемъ пріятнѣе воспользо-ваться нашею прогулкой; тамъ увидишь все собственными глазами и въ состояніи будете сами судить обо всемъ. —

Дорогой разсуждали мы о причинахъ и дѣйствіяхъ испорченности человѣческихъ нравовъ. — „Пороки“ — сказалъ Броунъ — „суть не что иное, какъ болѣзни души, ко- торыя рѣдко бывають неизлѣчимы; надобно только умѣть ихъ пользоваться или предупредить. Если бы мнѣ позволяло время, я непременно написалъ бы нравственной ле- чебникъ; онъ могъ бы послужить для людей съ большими, нежели я познаніями, поводомъ къ лучшимъ и обширнѣйшимъ сочиненіямъ о семъ предметѣ, копорыя вѣрно принесли бы величайшую пользу человѣческому роду. Въ нашихъ тюрьмахъ, вмѣстѣ съ тщатель- нымъ попеченіемъ о тѣлесномъ здоровьи пре- спущниковъ, предлагается всемирное стара- ніе о пользованіи ихъ души, и наши тюрьмы почти всегда награждаются желаемымъ ус- пѣхомъ. Заключение получаютъ насла- вленія, приучающся къ работѣ и правильно- му образу жизни, такъ что изъ ста чело- вѣкъ, выпущенныхъ изъ тюрьмы, едва ли

двое бывають снова замѣчаемы въ пресшупленіяхъ. Не служилъ ли уже это самымъ убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ превосходства нашей системы?"

При сихъ словахъ мы подошли къ воротамъ шюрмы.

Главный фасадъ строенія выходитъ въ Гринвическую улицу и простирается въ длину на двѣсти чешыре футовъ. Съ обѣихъ сторонъ выдаются къ рѣкѣ Гудсонъ два флигеля, отъ коихъ идутъ еще два поменьше. По срединѣ крыши, покрытой асфидною плитою, возвышается красивый куполь. Стѣны, сложенныя изъ песаныхъ, темнаго цвѣта камней, весьма согласуются съ назначеніемъ самаго зданія; одинъ ихъ видъ показываетъ уже, что за ними обитаетъ пресшупленіе и раскание. Во флигель, обращенномъ къ сѣверу, въ обширной залѣ, окруженной галлерейми, устроена шюремная церковь.

Кирпичный сарай у задней стѣны обширнаго двора заключаетъ въ себя всѣ рабочія сей шемницы. На внутреннемъ дворѣ находятся два колодца съ прекрасною водою и большой прудъ, въ которомъ заключенные часто купаются. Къ полуденной сторонѣ расположенъ садъ довольно пространный.

Все же заведеніе занимаетъ около 8 десятиинъ (arpens).

Въ самыхъ ворахахъ встрѣпилъ насъ одинъ изъ семи Инспекторовъ градской шюрмы, искренній пріятель Доктора Броуна, Г. Пашерсонъ, и принялъ насъ какъ нельзя лучше. Эти Инспекторы назначаются Губернаторомъ и его Совѣтомъ; по учрежденію должны они собираться для засѣданій по крайней мѣрѣ разъ въ мѣсяцъ и при каждомъ собраніи избираютъ двухъ изъ сочленовъ, на которыхъ, подъ именемъ Визитаторовъ, возлагается надзоръ надъ всемъ домомъ. Они должны смотрѣть, чѣмъ бы съ преступниками обходились съ надлежащимъ человѣколюбіемъ и справедливостію, и чѣмъ бы порядокъ, чистота и благопристойность были вездѣ соблюдаемы; къ нимъ обращаются заключенные съ просьбами и жалобами, и получаютъ удовлетвореніе; они наблюдаютъ за ихъ характеромъ и нравственностью, увѣщаваютъ закоснѣлыхъ въ порокахъ, ободряютъ исправляющихся, наконецъ въ определенное время доносятъ обо всемъ начальству.

Пашерсонъ сказалъ намъ, что онъ недавно только вступилъ въ должность Визитатора и пощому велѣлъ подать себѣ подробную вѣдомость о числѣ заключенныхъ, родѣ ихъ занятій, о количествѣ больныхъ и о всѣхъ до-

спопримѣчательныхъ происшествiяхъ, случившихся въ шюрмѣ въ продолженiи послѣдняго мѣсяца; приказалъ также строго наказашъ спорожа, который въ запальчивости осмѣлился ударить одного изъ заключенныхъ.

Между тѣмъ какъ мы съ нимъ разсуждали, пришелъ шюремный спорожъ съ донесенiемъ, что привели новаго преступника. — „До сихъ поръ“ — сказалъ онъ — „мы ничего еще и подобнаго не видали; это злодѣй, какого свѣтъ не производилъ; на силу на-велику могли мы съ нимъ сладить: десяперымъ едва удалось усмирить его, и по онъ проихъ изувѣчилъ; весь скованъ, а еще все хочешъ драться; къ нему боязно и подойти.“

— Гдѣ жъ онъ? — спросилъ Визипашоръ. „Въ Коншоръ; съ нимъ шюремщикъ, чешыре коншабля и два спорожа.“

— Пойдемще со мной — сказалъ намъ Паперсонъ — я хочу съ нимъ поговорить; постараюсь успокоить его духъ и внушить ему, какъ безразсудно прошивишься необходимости. —

Никогда не забуду зрѣлища, которое представилось намъ при входѣ въ прiемную залу. Мы увидѣли молодаго человека спашнаго, съ благороднѣйшимъ лицомъ, котораго и самые судорожныя движенiя, происходившiя онъ обуйшей его злобы, не въ состоянiи были

вовсе обезобразить. Я пристально смотрѣлъ на него: глаза, полные огня, показывали пылкую душу; небольшой рубецъ у лѣвой брови придавалъ еще болѣе выразительности лицу его; каштановые волосы увеличивали близнужу пѣла. Всѣ черты этого молодого человека были такъ замѣчательны и такъ хорошо напечатѣлись въ моей памяти, что я теперь въ состояніи былъ бы изобразить ихъ, если бы только умѣлъ владѣть кистью.

Ноги и руки несчастнаго были опущаны толстыми веревками, и шумъ еще люди, державшіе его, пререпеталъ ошъ снраха. — „Освободите его!“ — сказала имъ важно Визитаторъ. —

— Подумайте, что вы хотите дѣлать! вскричалъ одинъ изъ констаблей. — Это бѣшеный; если ему дашь свободу, то онъ перебѣшетъ всѣхъ насъ. Гораздо лучше теперь же, пока онъ связанъ, бросить его въ какой нибудь темный подвалъ, гдѣ бы онъ умеръ съ голоду. Это дикой звѣрь, котораго укротить невозможно.

„Смѣйтесь говорить такъ“ — возразилъ Пашерсонъ— „не должно пренебрегать человекомъ и въ самомъ униженномъ его положеніи. Подайте мнѣ бумагу, при которой онъ присланъ.“

Ему подали: въ ней по обыкновенію изложено было вкратцѣ преступленіе осужденнаго, обстоятельство его процесса, и описаніе его характера, составленное изъ свѣдѣній, собранныхъ о прежней его жизни.

Прочитавъ со вниманіемъ бумагу, Патерсонъ обратился къ преступнику: „Генрихъ Фицъ Аланъ!“ — сказала онъ ему — „я прикажу снять съ васъ оковы; только обѣщайте мнѣ воздержаться отъ всякаго буйства. Вы сами видите, что оно будетъ вовсе бесполезно и заслѣдуетъ только употребить противъ васъ жесточайшія мѣры; неужели вы не захотите опровергнуть ихъ, тогда какъ это совершенно отъ васъ зависитъ?“

— Я ничего не обѣщаю — отвѣчала преступникъ свирѣпымъ голосомъ — несправедливые, жестокіе люди! лишайте меня жизни, вотъ одна милость, которую вы можете оказать мнѣ!

„Такъ вы сомнѣваетесь въ справедливости произнесеннаго надъ вами приговора? Развѣ не вы напали на вашего соотечественника Патрика Бурке; развѣ не вы причиною, что онъ теперь при дверяхъ гроба?“

— Ваши законы опоздали мнѣ въ правосудіи и я долженъ былъ самъ доставить себя

удовлетвореніе; я поступилъ по праву, данному человѣку самою Природою.

„Право самоуправства допускается только въ дѣсахъ, обитаемыхъ дикими, а не въ обществахъ людей образованныхъ.“

— Я оставилъ опечесство, чтобы опшпнть за нанесенную мнѣ обиду; прибылъ въ вашу страну, повсюду прославляемую, въ надеждѣ найши въ ней свободу, и—я въ цѣпяхъ.

„Ваше преступленіе наложило на васъ оковы; правосудіе удерживаетъ въ нихъ; раскаяніе можешь опъ нихъ избавишь. Неужели вы думали найши у насъ свободу дѣлашь безнаказанно преступленія? Скорѣе могли вы ее встрѣтити въ странахъ управляемыхъ деспотизмомъ: тамъ только она и можешь существовать.“

— Я чувствовалъ, что я рождень повелѣвашъ и теперь я рабъ!

„Такъ, рабъ — порока, и изъ этого рабства можешь извлечь васъ одна только ваша добродѣтель.“

— Скажите же, чего вы хотише опъ меня?

„Сдѣлашь изъ васъ честнаго человѣка, добраго гражданина; хотимъ внушишь вамъ понишія испинныя, чувства благородныя;

хотимъ смягчить вашу дикую нравъ, приучить васъ къ порядку и трудолюбію.“

Не думаете ли вы принудить меня къ работѣ?

„Принудить? совсѣмъ нѣтъ! Вы будете сами просить работы, какъ милости.“

— Никогда!

„Не пройдетъ и трехъ дней. — Но вы страдаете, я принимаю истинное участіе въ вашемъ положеніи.“

— И вы въ самомъ дѣлѣ сожалѣете обо мнѣ?

„Отъ всего сердца; я бы весьма желала улучшить судьбу вашу.“

Тутъ Пашерсонъ снова спалъ читая бумагу, поговорилъ что-то съ однимъ изъ констаблей, обратился опять къ осужденному и сказалъ ему съ жаромъ: „Несчастный! вы имѣете мать и можете предаваться опчаянію!“ —

Эти слова произвели внезапную перемену въ лицѣ молодаго человека. Имя матери проникло въ самую глубину его сердца; сколько онъ ни старался удержаться, слезы показались изъ глазъ его.

„Развяжите веревки“ — сказалъ пронунный Пашерсонъ — „теперь опасайся нечего: я отвѣчаю за все.“

Генрихъ Фицъ Аланъ стоялъ погружен-

ный въ глубокое молчаніе. Узлы веревокъ были такъ крѣпко зашпаны, что надобно было ихъ разрѣзать. Когда его освободили, Визитаторъ сказалъ спорожу: „Видишь, что все его плашье изорвано и онъ самъ весь въ пыли; своди его въ баню, дай ему чистую одежду и пошомъ опять приведи сюда. — Фицъ Аланъ, спупайше за нимъ и помнише . . . у васъ ешь машь.“

При сихъ словахъ, произнесенныхъ съ нѣжностью родишельскою, Генрихъ опустилъ голову и вышелъ не промолви ни слова.

„Теперь онъ побѣжденъ“ — сказалъ намъ Патерсонъ — „изъ бумаги, съ копторой онъ присланъ, увидѣлъ я, что машь его живеть въ Нью-Йоркъ, въ Широкой улицѣ. Я уже послалъ за нею; свиданіе ихъ будетъ послѣднимъ средствомъ, копторое намѣренъ я употребить, и копторое вѣрно не останешся бесполезнымъ. Впрочемъ надѣюсь, что мы и безъ того достигли бы своей цѣли. — Готовъ биться объ закладъ, что сердце этого молодого человека не совсѣмъ еще испорчено; мнѣ описали его пошомъ, игрокомъ, распушнымъ, готовымъ на всѣ крайности. У насъ будетъ онъ веспи образъ жизни, сошвѣшспивенный такого рода болѣзни. Крѣпкіе напитки будутъ ему запрещены; здоровая, но умѣренная и негорячшельная

лица укротить волнение крови его; постоянные занятия приведутъ въ порядокъ разстроенное его воображеніе; а полезныя совѣты очистятъ его разумъ отъ заблужденій. Мы сдѣлаемъ изъ него совсѣмъ другаго человѣка.“ —

Я не могъ удержаться, чтобы не сказалъ Визиташору: „Но если онъ никакъ не захочетъ приняться за работу?“

— Этого никогда еще не случилось — оживчалъ Паперсонъ. У насъ есть средство побуждать упорство такихъ, которые не хотятъ заниматься работой: мы запираемъ ихъ особо отъ прочихъ въ маленькія комнатки, не болѣе, какъ въ восемь футовъ длины, шесть ширины и девять вышины. Эти каморки очень опрятны, имѣютъ всегда свѣжій воздухъ и доснащочный свѣтъ, который входитъ въ широкое окно, сдѣланное въ стѣнѣ на высотѣ осьми футовъ; только уже не найдете въ нихъ ничего болѣе кромѣ деревянной кровати, стульчака, простыни и одеяла. Вотъ куда мы сажаемъ того, кто отказывается работать. Тутъ пользуется онъ совершеннымъ досугомъ и только разъ въ день видится съ молчаливымъ сторожемъ, который приноситъ ему пищу. Ни одинъ еще изъ заключенныхъ, какъ бы упрямъ ни былъ, не могъ долѣе двухъ дней выдержатъ

шакого оплаченія ошъ всякаго живущаго существва, шакого уединенія , шакой мертвой пищины, непрерываемой никогда человекскимъ голосомъ. Скоро просиншь онъ работы, какъ благодаренія, и очень рѣдко случается, чшобы кто нибудь подвергъ себя вшорично сему спрашному ошъ всѣхъ оплаченію. —

„А какую работу думаете вы назначишь шшому молодому человекъ?“

— Онъ самъ долженъ выбрашь. Здѣсь есть спанки для ткачей, масперскія и инспрументы для шюляровъ , сапожниковъ и поршнихъ. Нѣкоторыя изъ заключенныхъ пиляшь и полируютъ мраморъ , спругаютъ кедровое дерево , шолкутъ гипсъ , чешутъ шерсть , мнутъ конопля. Тѣ же, которые слабѣ другихъ или не шакъ искусны , очищаютъ овечью шерсть , хлопчатую бумагу , конскій волосъ , пеньку , и каждому изъ нихъ платишся соразмѣрно его работѣ. Я почти увѣренъ , чшо новый нашъ гостъ , по крѣпкому своему сложенію , выберетъ шюлярное масперство , которое сверхъ шого и самое выгоднѣйшее. Но вотъ его опять ведуть къ намъ ; вы увидите , что онъ шеперь гораздо спокойнѣе и разсудительнѣе. —

Фицъ-Аланъ явился. Въ самомъ дѣлѣ уже не видно было и слѣдовъ прежняго бѣшенства, которое такъ искажало необыкновенную красоту его. Онъ былъ одѣтъ въ казенное платье, весьма покойное и опрятное.

„Съ удовольствіемъ вижу васъ опять“ — сказалъ ему, Визишаторъ — „ободришесь; вамъ только двадцать три года, слѣдственно еще много остается жить на свѣтѣ. Я узналъ, что вашъ прошивникъ, Паприкъ Бурке, въ опасности. И такъ вамъ придется вышерпѣть только шрехъ-лѣтнее заключеніе, да и то даже можете сократить, если вы совершенно исправитесь и будете вести себя хорошо. Я буду щаспельно смотрѣть за вами; Губернашоръ меня любить и можете употребить власть свою въ вашу пользу, если только вы сдѣлаетесь доспойнымъ свободы.“ —

Пашерсонъ не успѣлъ еще кончить, какъ вдругъ пожилая женщина вбѣжала въ комнату и бросилась на шею къ несчастному. Это была его мать. Кто въ соспоиніи описать это плачевное зрѣлище; кто можетъ изобразить скорбь матери, оплакивающей злополучіе своего сына! — Фицъ-Аланъ не могъ уже болѣе скрывать чувствъ, тающихся въ груди его: потоки слезъ оросили сѣдые волосы его матери, единственнаго

друга, котораго онъ имѣлъ еще въ мѣрѣ. Горько рыдая, прижималъ онъ ее къ своему сердцу; и вдругъ съ ужасомъ оттолкнулъ.

„Оставьте меня!“ — вскричалъ онъ. „Зачѣмъ вы повсюду меня преслѣдуете? Зачѣмъ оставили вы мирное наше жилище? Тамъ могли бы вы спокойно провести остальные дни свои. Но вы вездѣ со мною; куда бы несчастіе не завлекло меня, нигдѣ не могу я опѣвася сокрыться. При вашей слабости, въ ваши лѣта, зачѣмъ переплываете вы моря и слѣдуете за сыномъ, котораго съ самаго рожденія осужденъ на злополучіе?“

— Сынъ мой! сынъ мой! — были единственные слова несчастной матери.

„Возвратимесь назадъ въ Дерриморъ, въ отрану, которую я такъ много любилъ и которую никогда не увижу. Обрадуйте снова нашихъ добрыхъ сосѣдей . . . но обо мнѣ ни слова. Оставьте меня посрамленнаго; стыдъ и опечаленіе прекращаютъ дни мои.“

— Нѣтъ! ты не умрешь! — воскликнула почтенная мать, схвативъ руки своего сына. — Теперь я уже не разлучусь съ тобою, буду пещись о тебѣ. Я пишала тебя моимъ молокомъ, покоила на груди моей — и рука твоя должна сомкнуть глаза мои на одрѣ смертномъ!

„Ваша правда — сказала Пашерсонъ. — Тогда какъ сынъ вашъ долженъ поддерживать бодрость вашего духа, вы сами спараетесь ушѣшать его. Но успокойтесь. Внушите ему покорность и швердость, и тогда несчастіе, которое кажется вамъ теперь такъ ужасно, можетъ сдѣлаться для него источникомъ благополучія. Два часа можете вы побыть съ нимъ наединѣ; никто васъ не обезпокоитъ. А послѣ того“ — прибавилъ онъ, обратясь къ спорожу — „опшведите его въ назначенную ему комнату и расскажите главнѣйшія его обязанности. Вы же, Генрихъ, помните, что находитесь здѣсь подѣ властію законовъ, отъ кошорой никакая сила человѣческая избавитъ васъ не можетъ. Мать ваша будетъ посѣщать васъ два раза въ недѣлю; только ваше худое поведеніе можетъ лишитъ васъ этого ушѣшенія.“

— Да благословитъ васъ Богъ — опшвѣчала, рыдая, бѣдная женщина — да ниспшлетъ Онъ на васъ Свою милость! Я не надѣялась найши здѣсь сосшраданіе!

Выходя вонъ, Визишаторъ сказалъ намъ: „Я предчувствую, что намъ будетъ спшощи много труда сладитъ съ характеромъ этого молодого человека. Душа его не лишена чувспшвишельности; но опасуюсь, что закоснѣ-

*

лоспъ въ порокъ, и необузданность спра-
шей не допускаяпъ его скоро привыкнушь
къ образу жизни, которому онъ долженъ бу-
дешъ здѣсь сльдвать. Жаль! Если бы его
способности, которыя досель упошреблялъ
онъ во зло, получили другое направленіе, онъ
могъ бы содлаться полезнѣйшимъ гражда-
ниномъ въ обществѣ. Признаюсь, что я при-
нимаю въ немъ большое участіе и никакъ
не выпущу его изъ виду.“ —

— Судя по рвчамъ его — сказала я —
онъ долженъ бытъ Ирландецъ. —

— „Вы не ошиблись“ — ошвчала Па-
персонъ — „этопъ молодой человекъ родился
въ Дерришейръ, въ Графствѣ Кларскомъ. —
У насъ вообще между заключенными болѣе
Ирландцевъ, нежели людей другихъ націй;
это происходишь отъ малаго попеченія о
ихъ воспитаніи. — Но извините меня; я
долженъ васъ оставишь; теперь у насъ со-
браніе, и мнѣ надобно поспѣшишь, чтобы не
заставишь себя дожидаться.“ —

Проспившись съ симъ почтеннымъ че-
ловкомъ, распался я также съ Докшоромъ
Броуномъ и ошправился къ себѣ въ Жемчу-
жную улицу. Долго разсуждалъ я самъ съ со-
бой о происшествіи, котораго былъ очевид-
цемъ и мнѣ весьма хотѣлось знашь, что

будешь напоследокъ съ Фицъ-Аланомъ и его машерью. —

Недѣли черезъ двѣ, возвращаясь домой отъ одного пріятели, жившаго въ Нью-Йоркскомъ предмѣстіи Бовери, встрѣчился я съ Патерсономъ. Послѣ обыкновенныхъ учтивостей, спросилъ я его о нашемъ заключенномъ. „Безъ сомнѣнія“ — сказалъ я — „ведешь онъ себя хорошо и вы имъ довольны.“ — Не знаю еще, что изъ него будешь — отвѣчалъ Патерсонъ, — это человѣкъ необыкновенный; намъ будешь стоишь большаго труда укротишь его характеръ. Онъ подверженъ иногда припадкамъ бѣшенства, причину которыхъ я теперь всячески стараюсь изыскивать. Вѣроятно это послѣдствіе какого нибудь чрезвычайно-горестнаго воспоминанія, глубокой раны, нанесенной его сердцу. Къ тому же онъ чрезмерно гордъ и никакъ не хочешь приняться за работу, считая это униженіемъ. Уже прешій день сидишь онъ одинъ въ заперти и, повѣришь ли? не показываешь еще ни малѣйшаго желанія освободиться отъ такого убійственнаго уединенія!

„Гдѣ жъ его машь?“

— Она никакъ не хотѣла ошойти отъ темничнаго порога. Сидя на каменной скамьѣ у воротъ, она безпрестанно заливалась слезами и, казалось, жила только въ ожиданіи минуты, въ которую опять увидитъ любезнаго сына. Отъ усталости, скорби и безпокойства несчастная занемогла. Безъ родныхъ, безъ знакомыхъ, безъ приспанища, она имѣла нужду въ призрѣніи и я взялъ ее къ себѣ въ домъ, гдѣ каждый день получаетъ она извѣстіе о своемъ сынѣ. Другъ мой Докторъ Броунъ, пользуется ее съ искреннимъ участіемъ. —

„Этого вы сначала не предвидѣли“

— Надобно имѣть шerpънью. Если Фицъ-Аланъ будетъ еще долѣе прошивитсся образу жизни, введенному въ нашихъ домахъ покаянія, то это послужитъ признакомъ, что развращеніе его достигло высочайшей степени и что къ изцѣленію его душевнаго недуга нѣтъ никакого средства. Такой примѣръ былъ бы здѣсь еще первый. Впрочемъ рѣшительнаго нельзя еще ничего сказать. Чтобы поперять совершенно всю надежду на его исправленіе, надобно предположить, что въ немъ замерло всякое чувство; но онъ любитъ мать свою, въ этомъ нѣтъ сомнѣній; а любовь сыновья не можетъ имѣть мѣста при совершенно-испорченной нрав-

спвенности. Привязанность его къ маперидаспъ намъ средсво мало по-малу вывеси его на прямую спезю добродшели. Видишели, что для успшнаго управленія шюрмами, нужно имъшь нъкошорыя познанія и о чловчскомъ сердцъ.

„А всего больше любовь къ добродшели. Нъшь ничего благородяе, ничего возвышеннѣ должности, которую вы на себя приняли. Вамъ принадлежишь слава, предоспавляемая, по глупости чловчской, людямъ испребляющимъ себъ подобныхъ. Тогда какъ подвиги сихъ послднихъ влекушь за собою слезы удрученнаго чловчсшва, каждая ваша побда ешь благодвянїе для вашего опечества. Какою признашельностию оно одолжено вамъ?“

— Оно обязано намъ однимъ только уваженїемъ. Это долгъ, который мы плашимъ ему за то, что наслаждаемся гражданскою свободою, пользуемся равенствомъ и живемъ подъ защитою законовъ, основанныхъ на правосудїи. Если бы должность наша имъла единственной цвлю шакъ называемую вами славу или даже малъйшее денежное воздаянїе, то потеряла бы здъсь свое достоинство, свою чистоту. Тогда бы шщеславїе замънило истинное усердїе, а наружный блескъ внутреннее усройшво; по-

гда стали бы искать болѣе одобренія людей, нежели собщвенной своей совѣсти. Мы сами управляемъ своими дѣлами и при исполненіи ихъ не думаемъ о возмездіи: выгода общая есть выгода и каждаго гражданина въ особенности. Дѣлая услугу обществу, я дѣлаю и самому себѣ: вошь моя и награда. Поэтому вы можете судить, что мы не совсемъ безкорыстны.

„Точно, вы достойны вашей благородной свободы, которая основана на повиновеніи законамъ, на чистой любви къ отечеству. Я не могу сказать вамъ лучшей похвалы. Теперь, когда разговоръ нашъ обратился къ этому предмету, позвольте попросить васъ дать мнѣ нѣкоторое понятіе о вашихъ нравахъ.“

— Съ большимъ удовольствіемъ. —

„Можно согласишься, что вы одинъ изъ самыхъ независимыхъ и даже счастливейшихъ народовъ въ свѣтѣ, если только мы примемъ, что счастье состоитъ въ изобиліи, мирѣ и безопасности. При всемъ томъ мнѣ кажется, что вамъ недоспаетъ чего-то. Усовершенствованіе въ свободныхъ искусствахъ есть источникъ наслажденій, которыхъ вы вовсе лишены. Тщепно иностранецъ ищетъ у васъ великолѣпныхъ палатъ, предесныхъ садовъ, величественныхъ хра-

новъ и другихъ огромныхъ зданій, произведеній отличныхъ Геніевъ, составляющихъ славу городовъ нашихъ и приводящихъ въ изумленіе чужеземцовъ. Театры ваши бѣдны, актеры посредственны, вы не имѣете даже порядочнаго понятія о большой Оперѣ, о ея машинахъ, декораціяхъ и балетахъ. Изъ этого должно заключить, что вы не получили еще совершеннаго образованія, ибо мы *) считаемъ все это непременною принадлежностію просвѣщенія. Для насъ Европейцевъ необходимы великіе художники, превосходные актеры, отличные виртуозы, всякаго рода зрѣлища, поэмы, Академіи, и даже Академіи; безъ нихъ мы чувствуемъ смертельную скуку, не можемъ быть счастливы.“

— Прежде, нежели буду отвѣчать вамъ, желалъ бы я знать, что именно разумѣете вы подъ словомъ: *образованіе*?”

„Объ этомъ надобно хорошенько подумать.“

— Позвольте же мнѣ помочь вамъ. Разберемъ настоящую цѣль того, что вы называете образованіемъ; тогда можете быть удивлены намъ опредѣливъ и настоящее значеніе этого слова. Скажите, не въ томъ ли состоитъ цѣль образованія, чтобы показать человѣку

*) Говорить Жай, разумѣя вѣроятно своихъ соплеменниковъ, и при томъ не всѣхъ вообще.

его права и обязанности, заставивъ его возникнуть въ нихъ, дабы онъ, умѣя пользоваться первыми, исполнялъ въ точности и послѣднія? Какъ вы думаете?

„Въ этомъ я согласенъ съ вами совершенно.“

— Если такъ, то вы должны будете согласиться и въ томъ, что ни зрѣлища, ни живопись, ни музыка, ни панцованье, ни удивительныя произведенія Зодчества не составляютъ еще истиннаго образованія.

„Но къ чему же вы ограничиваетесь одною только цѣлю, тогда, какъ ихъ можешь быть гораздо больше?“

— Я хочу добраться до яснаго опредѣленія, или лучше, до точнаго понятія о предметѣ нашего сужденія. Каждая наука имѣетъ особенную, ей одной свойственную цѣль; Астрономія, на примѣръ, наблюдаетъ движеніе свѣтилъ небесныхъ, научаетъ насъ законамъ, которыми они слѣдуютъ въ своемъ теченіи, открываетъ пути планетъ; Медицина врачуетъ человѣческія болѣзни, и ш. д.; може сказать вы и о прочихъ наукахъ. Почему же образованіе, которое такъ же можно назвать наукою усовершенствованія челоука въ гражданскомъ его положеніи, не должно имѣть исключительной, ему од-

ному свойственной цѣли? Чпо вы на это скажете? —

„Чпо можно согласиться съ вами, опредѣливъ образованіе путемъ, ведущимъ народы къ состоянію, болѣе всего благопріятствующему развитію человѣческаго ума и настоящимъ выгодамъ обществу.“

— Только этого и хотѣлъ я отъ васъ. Если вы теперь докажете, что человѣкъ безъ вашихъ прихотей роскоши и удивительныхъ произведеній искусствъ не можетъ быть благоразуменъ и пользоваться гражданскою свободою, тогда я принужденъ буду согласиться, что наше образованіе не достигло еще той степени совершенства, на какой оно у васъ въ Европѣ. —

„Сознаюсь въ неправильномъ моемъ понятіи о семь предметъ и очень благодаренъ вамъ за ваше объясненіе.“

— Надѣюсь, что вы не припишете моему тщеславію, если скажу вамъ, что я всегда считалъ Соединенные Штаты образованнѣйшею страной, не смотря на то, что вы не увидите здѣсь большой Оперы, какъ въ Парижѣ; не найдете такой великолѣпной церкви, какъ храмъ Св. Петра въ Римѣ и не будете имѣть случая удивляться рѣдкимъ собраніямъ произведеній Скульптуры и Живописи. Я не пренебрегаю изящныхъ худо-

жестивъ; они составляютъ украшеніе городовъ; но мы соорудили общественное наше зданіе на швердомъ основаніи; мы опспроили и опдѣлали разныя его частии, между шѣмъ какъ вы *) заботишесь шолько о наружномъ убранствѣ. —

„Надѣюсь однако, что вы несѣдуете совѣту Платона, который хотѣлъ изгнать изъ своей Республики всѣхъ поэтовъ.“

— Безъ сомнѣнія нѣтъ! Поэзія, вливающая въ насъ чувствованія геройскія, совершенно согласуется съ нашими нравами; она составляетъ наше улажденіе. Въ Америкѣ найдете вы даже мало такихъ поселенъ, которые бы не имѣли у себя Мильтона и Шекспира. Образованіе ума также обыкновенно въ деревняхъ нашихъ, какъ и въ городахъ. Просвѣщеніе, необходимое для гражданскаго нашего положенія, здѣсь повсемѣстно. Нѣтъ ни одного мастераваго, ни одного земледѣльца, который бы не умѣлъ читать, писать, не учился Арифметикѣ, не зналъ бы законовъ своей страны, не цѣнилъ бы ихъ достоинствъ и въ случаѣ нужды не былъ бы готовъ пролить за нихъ кровь свою. Отъ сего происходитъ любовь къ порядку и уваженіе къ собственности каждаго; отъ

*) Въ семъ разговорѣ вы относитесь конечно не ко всѣмъ Европейцамъ.

сего-то и преступленія между нами такъ рѣдки. Если бы не прїездъ иностранныхъ, которые нерѣдко привозятъ съ собою невѣжество и пороки, мы почти не имѣли бы надобности въ тюремныхъ заведеніяхъ. Большая часть изъ нихъ, живучи съ нами, дѣлаются лучшими; другіе оставляютъ насъ или возвращаются на родину. Если молодой Ирландецъ, въ которомъ вы приняли такое участіе, по истеченіи срока заключенія не перемѣнитъ своего нрава и прежнихъ склонностей, думаете ли вы, что онъ долго пробудетъ здѣсь, гдѣ нельзя снискавъ ни сошоянія, ни уваженія иначе, какъ трудами и честностію? —

„Понимаю, что вы хотише сказать. Однако дозвольте попросить у васъ объясненія еще на одинъ вопросъ. Судьба вашего заключеннаго дѣйствительнo очень меня пронула; она пронула и всѣхъ, бывшихъ свидѣтелями необыкновенной сцены, наполнившей души наши ужасомъ и состраданіемъ. Положимъ, что онъ опстанетъ отъ дурныхъ своихъ склонностей, прїобрѣдетъ любовь къ труду, словомъ: сдѣлается человекомъ заслуживающимъ полное уваженіе; какая судьба ожидаетъ его въ будущемъ? Нося на себѣ печать осужденія, униженный пребываніемъ въ смиренномъ домѣ, чего можешъ ожи-

дать онъ опъ людей? Какое мѣсто займешь въ обществѣ?"

— Мѣсто добродѣтельнаго чловѣка и честнаго гражданина. Вы все еще судите о насъ по собственнымъ предразсудкамъ. Здѣсь стыдъ сопряженъ съ однимъ порокомъ, а не съ наказаніемъ, которымъ общество жадеетъ только загладишь причиненную ему обиду. Когда срокъ наказанія кончился, когда въ виновномъ видяшь добродѣтели, когда онъ въ точности исполняетъ обязанности свои къ самому себѣ и къ ближнимъ, тогда все прежнее предается забвенію. Его считаютъ несчастнымъ, спасшимся опъ бури спрасей, призрѣннымъ въ землѣ гостепріимной. Современемъ забываетъ онъ и минувшія опасности и прешерпѣнныя бѣдствія, а если иногда и воспоминаетъ о нихъ, то это воспоминаніе даетъ ему еще болѣе чувствовашъ цѣну настоящаго спокойствія и благоденствія. Я могу наименовашъ вамъ многихъ мужей, извѣстныхъ какъ своимъ богатствомъ, такъ и заслугами, которыхъ бурная молодость имѣла нужду въ исправленіи и раскаяніи. Теперь пользующся они всеобщимъ почтеніемъ, потому что его заслужили.

Разговаривая такимъ образомъ подошли мы къ дому Паперсона. Насъ встрѣшила его дочь, молодая дѣвушка, прекрасная какъ Ангель;

казалось, она съ неперифнѣемъ ожидала отца своего, какъ бы желая сообщить ему важную тайну. Я распросился съ Пашерсономъ, поблагодаривъ его за данныя мнѣ наставленія.

Нѣсколько недѣль спустя, обстоятельство принудили меня оставить Нью-Йоркъ и основать жилище свое въ Бостонѣ. Пробывъ девять лѣтъ въ семъ городѣ, я рѣшился возвратиться въ Европу; но прежде хотѣлось мнѣ осмотрѣть шъ изъ Соединенныхъ Облаетей, которыхъ я еще не зналъ, и, если возможно, проникнуть до старой Французской колоніи въ Канадѣ. Это путешествіе доставило мнѣ случай увидѣться опять съ моимъ Нью-Йоркскимъ заключеннымъ.

Если бы я не поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ держаться строгой истины, сообщая чашащеламъ свои замѣчанія, то мнѣ бы легко было теперь сдѣлать романъ изъ своего описанія. Я бы отправился въ дорогу, никакъ не объявляя сначала, что случился въ послѣдствіи, и повелъ бы своихъ чашащелей отъ однихъ береговъ къ другимъ, блуждалъ бы съ ними по безконечнымъ дремучимъ лѣсамъ, переплывалъ бы обширныя озера, простирающіяся вглубь западныхъ

снранъ Сѣверной Америки. Какое обширное поле для каршинныхъ описаній! Критика не смѣла бы прикоснуться къ нимъ своимъ жаломъ; потому что никто не могъ бы упрекнуть меня въ ихъ невѣрности. Изнуренные трудностями пуши, остановились бы мы у подошвы утесистой горы. Здѣсь вдругъ представилась бы намъ мрачная пещера и я вошелъ бы въ нее, съ опасностію жизни, по суковатому дереву, брошенному всемошною рукою Природы, чрезъ быструю рѣку, копорая вытекающая изъ непроницаемой густоты чернаго бора и дробясь объ огромные обломки гранита, съ стремленіемъ низвергается въ бездну. — Среди сихъ ужасовъ встрѣтилъ бы я своего героя. Взаимное удивленіе при неожиданной встрѣчѣ, воспоминація о прошедшемъ и мало ли что еще воспламенило бы пылкое воображеніе, жаждущее всегда чудеснаго. Я могъ бы спать на ряду съ Виконшомъ д'Арленкуромъ въ особенності, если бы кто нибудь изъ моихъ пріятелей вздумалъ украсить мое сочиненіе опчаяннымъ Романсомъ, копорый Феликсъ Бодень положилъ бы на музыку. Но я добровольно опъ всѣхъ сихъ выгодъ опказался и ни на волосъ не опспуплю опъ истины; право не многіе путешественники могутъ сказать о себѣ шоже.

Во время моего опшущствія вель я по-
стоянную переписку съ Докшоромъ Броу-
номъ. По прошествіи двухъ лѣтъ написалъ
онъ мнѣ, что Генрихъ Фицъ-Аланъ напослѣ-
докъ получилъ прощеніе, что въ Нью-Йоркѣ
свирѣпствовала желшая лихорадка, и что
Генрихъ поселился на земль, кошую онъ
самъ обрабатываетъ при мѣстечкѣ Скенс-
бороу (Skensborough), лежащемъ на берегу
озера Шамплена и принадлежащемъ къ Нью-
Йоркской области. Еще узналъ я отъ Док-
шора, что эпомъ молодой человекъ всту-
пилъ въ супружество съ Анной, дочерью
Пашерсона, шюю самою, кошая оставила
во мнѣ такое пріятное впечатлѣніе.

Я развернулъ передъ собою карту Съ-
верной Америки, и разсматривая ее нашелъ,
что для возвращающаго пуши въ Соединенные
Штаты можно мнѣ проѣхать озеромъ Шам-
пленемъ отъ города Свѣ Жана, находяща-
гося въ Нижней Канадѣ на сѣверномъ кон-
цѣ озера, до самой Скенсбороусской приспа-
ни, отъ кошой легко уже было добрасться
сухимъ путемъ до Альбани и Нью-Йорка.
При имени Скенсбороу пришли мнѣ на па-
мять Генрихъ Фицъ-Аланъ и Анна Пашер-
сонъ. Я вознамѣрился мимоходомъ навѣстить
ихъ и взявъ отъ нихъ порученія въ Нью-
Нов. Библ. Ч. II.

Йоркъ; признаюсь, что къ тому не мало подстрекало меня и любопытство.

Не буду распространяться о всѣхъ подробностяхъ моего путешествія, хотя въ этомъ случаѣ и споймъ мнѣ большаго труда преодолѣвъ себя. Какъ хотѣлось бы мнѣ описать *по-своему* величественный водопадъ Ниагары, заходеніе солнца на озерѣ Онтаріо и разсказать нѣкоторыя весьма любопытныя происшествія. Но, можетъ быть, они не покажутся такими моимъ читателямъ, а пошому и поспѣшу въ Скенсбороу.

Прежде всего осведомился я тамъ о жилиществѣ Генриха Фицъ - Алана; мнѣ сказали, что земля его очень недалеко отсюда и такъ подробно описали дорогу къ ней, что невозможно было не отыскать ее. Я рѣшился отправиться туда на другой же день.

Это было 10 Сентября; ясная и тихая погода благоприятствовала мнѣ на пути къ Фицъ-Алану. На скамѣ холма, миляхъ въ трехъ отъ озера Шампленъ, нашелъ я его жилище. Отъ подошвы горы идутъ на большое пространство пастбища, пересѣкаемая маленькой рѣчкой, которая теченіемъ своимъ приводитъ въ движеніе пыльную мельницу, впадаетъ въ озеро. Перешедши чрезъ рѣчку по деревянному мостику подлѣ

мельницы, увидѣлъ я главное спроектіе, къ копорому ведеть извилистая дорожка, обсаженная деревьями. Она вывела меня сначала на равнину протранспвомъ около 25 десятинъ; тамъ увидѣлъ я двухъ прелестнѣйшихъ малюшкѣ, копорыя собирали въ корзинки изъ протспника родъ черныхъ ягодъ, извѣстныхъ тамъ подъ именемъ *wortleberry* (черники?) и составляющихъ лакомство Американцовъ. Увидя меня, они не только не побѣжали прочь, но еще одна изъ нихъ, премилая дѣвочка, остановилась и пристально на меня глядѣла. Я удивлялся чрезвычайной свѣжести ея лица и любовался русыми волосами, копорыя богатыми кудрями распались по бѣлоснѣжнымъ плечамъ. Братъ ея подошелъ ко мнѣ и спросилъ, не желаю ли я осмотрѣть заведеніе. — Такъ почто, отвѣчала я. — „Такъ я побѣгу скорѣе сказаць маменькѣ,“ — вскричалъ мальчикъ и опрометью пустился домой. Я подошелъ между шѣмъ къ сестрѣ его, взялъ ее за руку и спросилъ объ имени. — „Меня зовуть Генриеттой“ — отвѣчала она — „я хочу къ брату!“ — Такъ пойдемъ же вмѣстѣ. — Я взялъ ее на руки безъ всякаго съ ея спорны сопротивленія, и пошелъ прямо къ дому. Здѣсь встрѣтила насъ молодая женщина рѣдкой красоты; она одѣта была въ бѣлое

плашье и опоясана голубою леншою. Эпо была сама Анна. — „Извинише“ — сказала она мнѣ — „эпа малюшка вась беспокоишь. Не угодно ли войши въ домъ; вы вѣрно ушли.“

Послѣ обыкновенныхъ учтивостей, ввела она меня въ весьма опрятную, довольно просторную комнашу, убранную зеркалами, мебелью краснаго дерева, съ большимъ ковромъ на полу. У окна сидѣла старушка и что-то шила; подлѣ нее покоялось маленькое дитя въ прекрасной колыбели. Все дышало довольствомъ и спокойствіемъ.

Я не могъ не замѣшить этого молодой хозяйкѣ, которая между шѣмъ, смотря на меня, какъ будто припоминала себѣ черпы, уже почти совсѣмъ изгладившіяся изъ ея памяти. — „Эшимъ счасіемъ, эшимъ довольствомъ“ — сказала она съ милою улыбкою, — обязаны мы моему мужу, который шеперь пошелъ посмошрѣть за работою и долженъ скоро возвратишься домой; онъ шакъ много печешся о нашемъ благополучіи и въ эшѣхъ заботахъ находишь и собственное свое счасіе. . . . Но извинише, если вопросъ мой покажешся вамъ нескромнымъ; мнѣ помнишся, что я уже гдѣ-то вась прежде видѣла: ваше лице и голосъ мнѣ какъ будто знакомы.“

— Такъ точно, сударыня, — ошвѣчалъ я—вы не ошибаетесь; я и прежде имѣлъ уже удовольствіе знать васъ и почтеннаго вашего бапюшку, Г. Паперсона. Надѣюсь такъ же и нынѣшній разъ увидѣться съ нимъ, потому что думаю отправишься опсюда въ Нью-Йоркъ.

„Въ здѣшнемъ мѣрѣ вы съ нимъ болѣе не увидишесь“ — сказала Анна, тяжело вздохнувъ: „скоро восемь лѣтъ, какъ онъ скончался и до сихъ поръ я не могу еще ушѣшишься въ его пошеръ. Ахъ! я лишилась сладостнѣйшей обязанности пецись о немъ въ преклонные дни его жизни!“

При сихъ словахъ вошелъ Генрихъ Фиць-Аланъ; я пошчасъ узналъ его по особенной выразишельности лица, кошорая еще при первомъ нашемъ свиданіи чрезвычайно поразила меня. Только загаръ опъ солнца сдѣлалъ его смугае, но за то придавалъ ему еще болѣе мужеспвенности. „Любезной Генрихъ!“ — сказала Г-жа Фиць-Аланъ — „вошь спаринной другъ моего бапюшки: онъ вздумалъ навѣстишь насъ.“ — Сердечно радъ дорогому госпю—ошвѣчалъ онъ, подавая мнѣ дружески руку.

Во время нашего разговора приготовленъ былъ обѣдъ, и мы пошли въ споловую. Бѣлье на споль было какъ нельзя чище;

роспбифъ показался мнѣ превосходенъ, сидръ
опличнаго вкуса. Между прочими лаком-
ствами поданъ былъ пуддингъ изъ *wortle ber-*
гу: хвала его, я взглянулъ на малюшокъ. —
„Мы съ сестрицей набрали этъ ягоды“ —
сказалъ мальчикъ — „а пуддингъ сдѣлала изъ
нихъ бабушка.“ Вглядѣвшись пеперь въ лице
спарушки, узналъ я въ ней шу самую жен-
щину, копорая была такъ пронуша несчаст-
нѣмъ своего сына при его заключеніи.

За десертомъ, когда женщины и дѣви
вышли изъ комнаты, Фиць-Аланъ, наливая
мнѣ рюмку Португальскаго вина, сказалъ: —
„Я замѣшилъ нѣкошорую принужденность въ
вашихъ рѣчахъ, когда машушка и жена были
еще здѣсь. Вы знали Г. Пашерсона: вѣроян-
но извѣсна вамъ опчасти и исторія моей
жизни; но эшо никакъ не должно приводить
васъ въ замѣшательство. Вы можете сво-
бодно говорить о томъ при Аннѣ; она споль-
ко же разсудительна, сколько добра и любез-
на. Я не шомъ уже вспльчивый, бѣше-
ный человекъ, копорый въ то время надѣ-
далъ сполько шуму: тецерь вы видите во
мнѣ добраго опца семейства и трудолюби-
ваго поселянина.“ Я сказалъ, что былъ сви-
дѣтелемъ сцены, происходившей въ конторѣ
Нью-Йоркскаго смиришельнаго дома, и что

погдашнее его положеніе сильно меня про-
нуло.

„Теперь я совсѣмъ перемѣнился,“ — оп-
вѣчалъ онъ, улыбаясь — „и тотъ день счи-
таю счастливейшимъ въ моей жизни. Онъ
положилъ основаніе моему исправленію и бла-
гѣполучію!“

— Вы были однако же шакъ разстроены,
что всѣ почти опчаявались въ возможно-
сти возвратишь спокойствіе вашему духу.

„Эпо правда; я бы могъ объяснить вамъ
и причину тому, но эпо длинная исторія,
копорой теперъ никакъ разскажать не успѣю.
Напередъ мнѣ хочется показать вамъ свое
хозяйство; а послѣ чаю узнаете вы опъ ме-
ня и всѣ главнѣйшія обстоятельствова моей
жизни, случившіяся прежде и послѣ моего
заключенія. Вы увидите тогда, какихъ опа-
сностей избѣжалъ я и сколь много долженъ
благодарить Небо за свое заповѣненіе, копо-
рое въ то время казалось мнѣ ужаснѣйшею
несправедливостію, величайшимъ несчастіе-
мъ.“

Мы пошли. Насладившись сперва пре-
краснымъ зрѣлищемъ величественныхъ ок-
рестностей, обозрѣли мы луга и поля, со-
составляющія владѣніе Фицъ Алана: мнѣ очень
пріятно было видѣть, что ни одно новѣй-
шее усовершенствованіе, сдѣланное Европей-

нами въ сельскомъ домоводствѣ, не ушло
опъ наблюдательнаго ума его. Такъ вмѣсто
обыкновенно - употребляемыхъ въ шой спо-
ронѣ прясль изъ длинныхъ жердей, заборы его
состояли изъ плоско другъ къ другу наса-
женныхъ деревъ, между кощорыми были и
плодоносныя. Сверхъ того, я не могъ не пре-
хвалить богашства его пчельниковъ и пре-
краснаго спада рогатаго скоша.

Домой возвратилися мы къ самому чаю,
нослѣ кошораго Фиць-Аланъ, обратившись
къ женѣ своей, сказала: „Анна! госпъ нашъ
непремѣнно хочешъ, чшобы я разсказалъ ему
свои приключенія.“

— Почему жъ не шакъ, любезный Ген-
рихъ!—опвѣчала милая хозяйка. — Я увѣрена,
чшо къ шому побуждаешъ его не одно лю-
бопышство, но и истинное участіе въ судь-
бѣ нашей.

„Безъ всякаго сомнѣнія“ — сказала я:
„пришомъ же эшо будешъ для меня даже и
поучительно. Мнѣ бы очень хощлось уз-
нашь, какииъ образомъ должно достигашъ
счастія.“

И Фиць-Аланъ началъ:

„Я родился въ Дерриморѣ, небольшомъ
городкѣ Ирландіи, въ Графствѣ Клерскомъ.
Опець мой занималъ шамъ должность Стряп-
чаго и имѣлъ изрядный досташокъ. Къ

несчастію, я лишился его еще въ дѣтствѣ. Мать моя, впрочемъ превосходная женщина, имѣла слабый характеръ; я былъ единственныи ея сынъ и по этому вы уже можете судить, до какой степени меня баловали. Прихожи мои были для нее законами, и все въ домѣ покорялось безпрекословно неограниченной моей власни. Большаго труда стоило научить меня читать, писать и кое-какъ начальнымъ правиламъ Арифметики; гораздо болѣе любилъ я бѣгать по полямъ и рощамъ и опустошать сосѣдніе сады. Я сдѣлался чрезвычайнымъ забіякой: рѣдкій день проходилъ безъ жалобъ на мои проказы; жалобы эти доходили до моей матери, но у ней никогда не было недосыпка въ причинахъ къ моему извиненію. Такимъ образомъ чѣмъ болѣе я росъ, тѣмъ прихопливѣе и наглѣе становился.

„Мнѣ минуло уже девятнадцать лѣтъ, а я еще ничему пушному не научился. Въ это время возвратился изъ Дублинскаго Университета одинъ изъ моихъ родственниковъ, Патрикъ Бурке, которыи былъ спарѣе меня тремя годами. Его появленіе привело въ волненіе весь городъ нашъ, всѣ выдавали его за совершеннаго молодаго человека; говорили, что онъ удостоился большаихъ оплчій въ Университетѣ и приобрѣлъ обширныя по-

знанія въ Юриспруденціи. Его одежда, всегда послѣдняго вкуса, пріятный голосъ, игра на гитарѣ, знаніе Французскаго языка и даръ писать списки, дѣлали его особенно любезнымъ въ глазахъ дѣвицъ. Всѣ начали перенимать съ него — онъ былъ законодатель, Фениксомъ Дерримора.

„Отъ чистаго сердца признаюсь вамъ, завидовалъ я моему родсвеннику. Сколько могъ унижалъ я хорошія его качества и смѣялся надъ шѣми самыми достоинствами, которыя въ другихъ возбуждали удивленіе. Взаимная ненависть возпылала въ насъ обоихъ, съ тою только разницею, что во мнѣ обнаруживалась она всегда съ дерзкою рѣшительностью; я никакъ не умѣлъ скрыть, что было у меня на душѣ. Бурке же, напротивъ, былъ хитрый и скрытный человекъ: онъ показывалъ, будто жалѣешь обо мнѣ; говорилъ, какъ непріятно получишь такое дурное воспитаніе; увѣрялъ, что принимаешь во мнѣ живѣйшее участіе и что дорого бы заплащилъ, если бы только могъ изъ такого неопесаннаго болвана, каковъ братецъ его Генрихъ, сдѣлать порядочнаго человека.

„Слова его доходили до меня, и я ожидалъ только удобнаго случая, чтобы опмстить ему жесточайшимъ образомъ.

„Но въ то время, когда я всего менѣе

ожидалъ того, пришелъ ко мнѣ Паприкъ.

„Генрихъ“ — сказалъ онъ мнѣ —, къ чему намъ ссориться? Повѣрь, что я люблю тебя; ты прекрасный малый и тебя недостаетъ только познанія свѣта, чтобы также какъ и я блистать въ обществѣ. Зачѣмъ ты сидишь въ Дерриморѣ? Для того ли ты родился, чтобы всю свою жизнь погребши въ этомъ городишкѣ? Повзжай со мной въ Дублинъ, тамъ ты скоро приобрѣтешь надлежащую опытность, будешь веселиться сколько угодно и наслаждаешься вполне всеми благами жизни.“

„Бурке, казалось, говорилъ съ такимъ чистосердечіемъ, что я былъ пронуть его словами. Похвалы его льстили моей гордости; это былъ бальзамъ на мои раны, и я начиналъ чувствовать, что поведеніе мое въ отношеніи къ нему было не совсемъ чисто. Ось искренняго сердца пожалъ я руку, которую онъ мнѣ подалъ. „Я готовъ быть твоимъ руководителемъ въ свѣтѣ“ — продолжалъ онъ —, и ты увидишь, сколько удовольствія столицы превосходятъ единообразныя увеселенія Дерримора. Знаю склонность твою къ сосѣдкѣ Софіи Грагамъ, но это не должно тебя удерживать, и что за невидаль такая провинціалка съ загрубѣлыми чувствами, безъ всякаго воспитанія! Судьба опредѣ-

дила шебъ нлѣняшь дамъ знашнѣйшаго круга. Увѣрю напередъ, что ты надѣдаешь шуму въ Дублинѣ.“

„Сии слова польсшили моему самолюбію, и я самъ вдаля въ его съши. Принявъ предложеніе Паприка, я сказаь о моемъ намѣреніи машушкѣ, кошорая охотно изьявила на по свое согласіе, будучи увѣрена въ ожидающемъ меня шамъ счастьи; она думала, что всякой будешь смонрѣшь на ея сына шакими же глазами, какъ и она! Я долженъ былъ шолько дашь обѣщаніе, писашъ къ ней непременно каждую недѣлю.“

„Надобно вамъ сказаь, что эша Софія, о кошорой говорилъ мнѣ Паприкѣ, была самая прелесипная дѣвушка во всемъ Дерриморѣ; ея плѣнишельная красапа и скромность привекали къ ней мое сердце, и не взирая на прошивуположность нашихъ характеровъ, казалось, что и она не безъ удовольствія видала меня. Должно признаься, что она имѣла большую влась надо мною. На бѣду мою не было ея въ Дерриморѣ въ по время, когда Бурке вознамѣрился выпацишь меня опшуда. Онъ шакже былъ знакомъ съ Софією и иногда казалось мнѣ даже, что онъ не совсемъ къ ней равнодушенъ.“

„Скоро собрался я въ дорогу. Машушка опдала мнѣ всѣ деньги, сколько у ней

было, обняла съ нѣжностью и умоляла только не оставался надолго въ Дублинѣ. Прощаніе съ ней сильно меня пронуло; я почти спыдился, что не могъ удержатъ слезъ своихъ; такая чувствительность казалась мнѣ слабостью.

„Въ продолженіи нашего путешествія Бурке говорилъ мнѣ только о пиратъ и удовольствіяхъ, кошорыя ожидаютъ насъ въ Дублинѣ; обѣщаль познакомить меня съ первѣйшими особами города и съ дамами лучшаго тона, даже если захочу и съ актрисами большаго Театра, что, по словамъ его, въ короткое время усовершенствовало бы мое воспитаніе. Я не желалъ ничего лучшаго и обѣщаль въ почтости слѣдовать его совѣтамъ.

, Нахожу излишнимъ пересчитывать вамъ подробно всѣ глупости, какія дѣлалъ я въ Дублинѣ и всѣ дурныя привычки, бывшія поже плодомъ пребыванія моего въ семь городовъ. *Первѣйшія особы* Паприка были игроки, мошенники, словомъ, люди погрязшіе въ гнуснѣйшихъ порокахъ; а *дамы лучшаго тона* — поже не лучше. По неопытности своей, я самъ попадалъ въ сѣти, для меня разсавленные, предался крайностямъ разврата; кошелекъ мой скоро опустѣлъ, и я обратился къ Бурке, кошорый присовѣщо-

валь мнѣ взявъся за каршы, представляя ихъ неисчерпаемымъ источникомъ богатства. Я вошелъ въ долги, и игра обратилась для меня въ спрасъ. Однажды замѣпилъ я, что игравшій пропивъ меня непозволительными средствами склонялъ счастье на свою сторону; я не могъ вытерпѣть, осыпалъ его при всѣхъ ругательствахъ, принудилъ драться со мною и нанесъ ему споль опасную рану, что онъ замертво упалъ на землю. Избѣгая преслѣдованій правосудія, избралъ я себѣ самое отдаленное жилище, надѣясь, что меня тамъ не опыщутъ; но мое убѣжище было открыто; меня лишили свободы и ввергли въ шенницу. Съ начала моего пребыванія въ Дублинѣ, я не оставялъ писать къ моей матери; но вскорѣ письма мои сдѣлались рѣже, а на послѣдокъ и вовсе прекрапились. Въ жалосномъ моемъ положеніи написалъ я къ Бурке и къ величайшему изумленію узналъ, что онъ выѣхалъ изъ Дублина. Я обратился къ пѣмъ, съ которыми проводилъ время въ пирахъ и удовольствіяхъ, къ женщинамъ такъ много ласкавшимъ меня, когда еще мои диней были къ изъ услугамъ, но отвѣты ихъ состояли въ однихъ учтивостяхъ: хвалили мой геройской поступокъ и увѣщевали къ шертнью. Я былъ внѣ себя отъ досады. Но вообразише

всю чрезвычайность моего негодованія, когда я навѣрное узналъ, что самъ Бурке донесъ о моемъ поединкѣ правительству, что онъ открылъ и мое убѣжище! Я поклялся избавить землю отъ такого изверга.

„Почти при мѣсяца помидся я въ семь гнѣздилищъ злодѣйства, въ ожиданіи приговора, на ряду съ величайшими преступниками, безъ всякаго утѣшенія, покинутый отъ всего міра, лежа на гнилой соломѣ, питаюсь черствымъ хлѣбомъ, принужденный безъ ропота сносить грубое обхожденіе сторожей.

„Не понимаю, какъ въ этомъ ужасномъ положеніи не потерялъ я разсудка. Я сдѣлался боленъ. Жестокая горячка видимо истощала мои силы, и меня принуждены были отправить въ больницу. Какимъ образомъ перенесенъ я былъ сюда изъ тюрьмы, ничего не помню; послѣ уже рассказывали мнѣ, что я нѣсколько дней сряду лежалъ въ безпамятствѣ. Въ одну ночь, очнувшись отъ сего ужаснаго усыпленія, почувствовалъ я на моемъ лицѣ руку, которая осторожно обтирала съ него холодный потъ; мнѣ показалось, будто горячая слеза капнула на мою щеку; я открылъ глаза и имѣлъ еще въ себѣ довольно силы, чтобы приподнять голову; горѣвшая у моей постели лампада освѣщала комнату; я началъ всматриваться, и моя мать

предспала какъ въ сновидѣнїи моимъ взорамъ.

„Мысли мои были шакъ смѣшаны, что я не могъ оспановить ихъ на одномъ предметѣ; я ощущалъ шолько какое-то сладостное чувствованіе, какъ будто видѣлъ подлѣ себя Ангела, ниспосланнаго Небомъ для моего ушѣщенія. Не думая ни о чемъ, принялъ я поданное пише; голова моя вскорѣ склонилась опяшь на подушку, и я крѣпко заснулъ. —

„Сонъ мой продолжался довольно долго. Когда я проснулся, было очень свѣкло. Тушь узналъ я свою несчастную машь. Всѣ прежнїе просупки живо представились моему воображенію; я вполне почувствовалъ весь ужасъ насоящаго своего положенія. Спылъ передъ самимъ собою сильно овладелъ моею душою, и я невольно долженъ былъ пошупишь глаза.

„Генрихъ“ — сказала мнѣ эша превосходная машь — „я не буду дѣлать тебѣ упрековъ. Богъ да подкрѣпитъ силы швои: вопшь все мое желаніе. Если бы ты зналъ, какъ мнѣ больно, что ты избѣгаешь моихъ взоровъ; взгляни на меня, сынъ мой, взгляни, ежели любовь ко мнѣ не совсѣмъ угасла въ швоемъ сердцѣ. Имѣй довѣренность ко мнѣ и думай шолько о своемъ выздоровленіи. Я счастли-

ва уже шѣмъ, что тебя вижу и могу быть шебъ полезно!"

„Эти прогашельныя слова проникали въ глубину души моей; глаза мои наполнились слезами, и я чувствовала себя лучше. Машушка поцѣловала меня, и мнѣ казалось, что я уже не несчастливъ. — Тупъ узналъ я, что пропивникъ мой, котораго я считалъ убитымъ, изцѣлился отъ своей раны, и что мнѣ нечего уже опасаться преслѣдованія законовъ. Долго не могъ я оправиться послѣ болѣзни; силы мои возвращались медленно, наконецъ здоровье снова возстановилось, и я вмѣстѣ съ машушкою отправился назадъ въ Дерриморъ.

„Часто спрашивалъ я о Софїи Грагамъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сдѣлался несчастенъ, мнѣ казалось, что любовь моя къ ней увеличилась. Но машушка всегда старалась отклонять такіе вопросы, или отвѣты ея были такъ темны, что я не могъ почти ничего изъ нихъ узнать. По этому я горѣлъ нестерпимѣе какъ можно скорѣе возвратиться въ маленькой городокъ нашъ, чтобы увидѣться шамъ съ несравненною Софіею. Я предшавлялъ себѣ все счастье, которымъ буду наслаждаться вмѣстѣ съ нею: такія мысли прїятно занимали мое воображеніе.

„Но какая вѣсть поразила меня въ Дер-
Нов. Библ. Ч. II.

риморь! Паприкъ Бурке, возвратившись туда во время моего заключенія, познакомился коротко съ домою Грагама. Описавъ родителямъ Софіи мое поведеніе и характеръ самыми черными, но къ несчастію слишкомъ вѣрными красками, онъ совершенно вооружилъ ихъ прошиву меня; сама Софія считала меня уже недостойнымъ болѣе любви ея и согласилась отдать руку свою Бурке. Незадолго до нашего пріѣзда они обвѣнчались и отправились въ Коркъ, гдѣ, какъ сказывали, эпошъ жесточайшій врагъ мой располагалъ основанъ свое жилище.

„Не могу изобразить вамъ всѣхъ чувствованій, копорые овладѣли моимъ сердцемъ при столь ужасной вѣсши. Я увидѣлъ себя жертвою гнуснѣйшаго вѣроломства. Возненавидя всѣ общества, я спалъ весши жизнь дикую и уединенную; гнушался людьми, считая ихъ всѣхъ столь же порочными и коварными, какъ и я, копорыхъ зналъ до того времени; гнушался самимъ собою, вспоминая безумное свое легковѣріе!

„На мѣсцѣ моего рожденія ничто уже не привлекало меня. Осушивъ до дна чашу порока, я не находилъ удовольствія въ семейственной жизни. Разсудокъ мой, покрытый грубою корою невѣжества, былъ чуждъ заняшій людей образованныхъ. Чшобы избавишься ошъ убій-

спвенной скуки, мнѣ нужны были необыкновенныя душевныя движенія; сильныя порывы страстей; одна только мысль гнѣздилась въ головѣ моей, не оставляла меня ни на мигъ, преслѣдовала меня и на яву и во снѣ: мысль о мщеніи.

„Твердо рѣшившись отыскашь моего врага, хопя на краю свѣта, и расперзашь собственными руками, я умѣлъ еще сколько притвориться, чшобъ скрышь отъ другихъ пресупное мое намѣреніе; въ особенномъ хопѣль я обманушь нѣжную заботливостъ моей матери и казался спокойнымъ. Прошелъ годъ, а чувство ненависти все еще не ослабѣвало въ груди моей. Матушка, ни мало не подозрѣвая того, чшд происходило въ моемъ сердцѣ, уменьшила свою бдительностъ; я воспользовался шѣмъ, тайно оснавилъ Дерриморъ и отправился въ Коркъ.

„Переодѣшый, подѣ чужимъ именемъ, прибылъ я въ сей городъ. Основавсь на постояломъ дворѣ, недалеко отъ пристани, освѣдомился я, гдѣ живешъ Паприкъ Бурке, и на другой же день, около полудня, явился къ нему въ домъ. Вхожу въ залу, вижу молодую женщину — это была Софія. При взглядѣ на меня, она вскрикиваетъ и безъ чувствъ упадаетъ на полъ; зову на помощь: прибѣгаетъ старая служанка. Обморокъ

*

былъ пакъ силенъ, что едва могли мы при-
веспи ее въ себя. — „Какъ! что вы? — вос-
кликнула она, очнувшись — „чего хотите
вы? Насмѣхаться надъ моимъ несчастіемъ?
Оставьте меня; ваше присущствіе для меня
убійственно!“

„Софія! — сказала я — вы судите обо
мнѣ слишкомъ жестоко; мнѣ нужно видѣть-
ся съ вашимъ супругомъ и для того при-
шелъ я сюда.“

„Мужа моего нѣтъ въ Ирландіи; онъ
бросилъ меня и уѣхалъ съ другою въ Амери-
ку, а я осталась одна, безъ защиты, безъ
подпоры. Я не смѣю даже возвратиться къ
моимъ родителямъ!“

„Бурке, домошавши все имѣніе жены
своей, уѣхалъ въ Америку. Софія рассказала
мнѣ подробно все, что она должна была отъ
него вытерпеть. Судьба ея двѣшвительно
заслуживала сожалѣніе: я заплашилъ ее дол-
ги и далъ ей еще нѣсколько денегъ, чтобы
она могла возвратиться на родину. Но не
понимаю самъ — я чувствовалъ къ ней одно
только состраданіе: другая, сильнѣйшая
справа занимала всѣ мои мысли. — „Со-
фія“ — сказала я, прощаясь съ нею — „ты
будешь опущена.“ — Кажется, она поняла
меня: слова мои потрясли ее душу.

„Послѣ отъѣзда Софіи, я началъ помышлять о томъ, какъ бы скорѣе отправиться въ Соединенные Штаты: для сего условился я съ Макъ - Нейлемъ, Капитаномъ купеческаго корабля *Тритона*. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я минушы, когда корабль пустился въ море; но, къ величайшей моей досадѣ, долго не было попутнаго вѣтра и мы принуждены были простоять въ гавани цѣлыя три недѣли.

„Наконецъ подняли парусы — и неопытная шоска объяла мое сердце, когда успешные берега *Ирландіи* мало по-малу начали скрываться изъ глазъ моихъ и наконецъ исчезли. Тутъ только въ первый разъ ощутилъ я то чувство, которое привязываетъ человека къ родинѣ, которое спѣсняетъ грудь нашу, когда судьба увлекаетъ насъ въ чуждыя страны, подъ неизвѣстное небо. Я погрузился въ мечтанія о прошедшемъ: тысячи предметовъ предстали моему воображенію; я воспоминалъ всѣ подробности, игры моего дѣтства, и невольный вздохъ вырвался изъ груди моей при мысли о матерн.

„Плаваніе наше было благополучно до прибытія къ островамъ *Бермудскимъ*; но здѣсь подулъ жестокой проливной вѣтеръ, небо покрылось мрачными тучами, поверх-

нось океана возспала и страшная буря грозила намъ гибелью. Къ счастью, искусствомъ и опытностію Капитана Макъ-Нейля отпращена была всякая опасность. Только неправильное движеніе корабля и сильная качка испомили меня. Я не зналъ, что со мною происходитъ: все казалось мнѣ несноснымъ, самая жизнь была въ пыгость; величайшую услугу оказалъ бы мнѣ тотъ, кто бы бросилъ меня въ море и тѣмъ избавилъ отъ неизъяснимыхъ страданій, о которыхъ одинъ только собственный опытъ можешь дать истинное понятіе. Я сошелъ на нижнюю палубу. Не внимая реву свирѣпой бури, почти безъ чувствъ упалъ я на полъ; глаза мои закрылись — какъ вдругъ знакомый голосъ пробудилъ меня изъ моего усыпленія, снова возвратилъ угасшія мои силы. . . . Это былъ голосъ доброй моей матери. . . Она, шайно отъ меня, находилась на томъ же самомъ корабль, который, по мнѣнію моему, долженъ былъ разлучить меня съ нею, можешь быть на-вѣки.

„Не удивляйся, что видишь меня здѣсь любезный сынъ мой“ — сказала она мнѣ: „улыща онъ Софіи Грагамъ, что ты былъ въ Коркъ, я тотъ же часъ отпратилась туда; а узнавши о намѣреніи твоёмъ отплыть съ Капитаномъ Макъ-Нейлемъ, взяла и для

себя мѣсто на его корабль. Погруженный въ размышленія, ты не замѣнилъ меня. Я скрывала лице свое подъ покрываломъ и выжидала случая показаться тебѣ, опасаясь, чтобы нечаянность не имѣла для тебя вредныхъ послѣдствій; но видя свое изнеможеніе, не могла долѣе пропихаться желанію быть ушѣшипельницею своею въ скорби.“

„Я не могъ говорить и только осыпала ея руки своими поцѣлуями. Она положила къ себѣ на колѣна ослабѣвшую мою голову и продолжала: „Неужели ты думаешь, Генрихъ, что я могла бы жить безъ тебя? Развѣ не знаешь, что въ тебѣ заключающа всѣ мои блага, что ты одинъ привязываешь меня къ жизни? Какъ могла бы я перенести разлуку съ тобою? Ты не подумалъ, что будешь съ бѣдною своею матерью, когда она получишь вѣсть о своемъ отъѣздѣ изъ отечества — и можешь быть навсегда? Но я не хочу на тебя жаловаться; умоляю тебя только: ободрись! Болѣзнь своя неопасна; она пройдетъ вмѣстѣ съ бурей, которая и теперь уже начинается.“

„Небо очистилося; вѣпръ, дувшій съ юга, спановился поспешенно слабѣе. Легкій вѣшерокъ, повѣявшій съ сѣверовостока, наполнилъ паруса наши, и мы поплыли къ берегамъ Новаго Свѣта. Странная вещь! бо-

дѣзнь моя ушла вмѣстѣ съ бурей, и я почувствовалъ себя совершенно здоровымъ, когда увидѣли мы берега Нью-Джерсея. На слѣдующее утро вошли мы въ заливъ Нью-Йоркскій и спали на якорь у устья рѣки Гудсона. Тотчасъ по прибытіи вышли мы на берегъ, и я съ машушкой остановился въ *Широкой улицѣ*.

Мать моя старалась всѣми силами проникнуть мои намѣренія; однако, не смотря на быщенство, кипѣвшее въ груди моей, я умѣлъ скрыть ихъ; сказалъ ей только, что послѣ происшествія въ Дублинѣ, пребываніе въ Ирландіи сдѣлалось для меня несноснымъ и я рѣшился жить въ странѣ, гдѣ каждый дѣлаешь, что хочешь, отдавая въ томъ отчетъ одному себѣ, и гдѣ, знакомясь ближе съ новымъ своимъ опечествомъ, я не премину избрать себѣ родъ жизни.

„Между тѣмъ тайно старался я вывѣдывать о Паприкѣ Бурке, и, къ величайшему моему удовольствію, узналъ, что онъ находится въ Нью-Йоркѣ и живетъ довольно уединенно, въ одномъ маленькомъ домѣ въ Бовери (Bowery). Скоро я опыскалъ его; но не хотѣлъ вызвать его на поединокъ, опасаясь что онъ не явится на вызовъ и такимъ образомъ избѣгнешь мщенія, которое преслѣдовало его за предѣлы Смараго Свяща. На

мѣреніе мое было предстать предъ него неожиданно и ругательствами и побоями принудить защищаться: мысль сразиться съ симъ извергомъ и низложить его, была самою пріятнѣйшею пищею моего воображенія.

„Безумное мое предпріятіе было исполнено. Я предстала нечаянно глазамъ Бурке, когда онъ съ какою-то женщиною шелъ по одной изъ главныхъ Нью-Йоркскихъ улицъ. Изумленный моимъ появленіемъ, онъ опсочился. Съ несповою яростію бросился я на него и осыпала ругательствами. Пришедъ въ себя и видя меня безоружнымъ, началъ онъ защищаться; но не уступая ему въ силѣ и будучи гораздо проворнѣе его, я умѣла избѣгать его ударовъ, между тѣмъ какъ моя рука не подымалась ни разу напрасно. Избитый, омытый кровью, лишился онъ силъ и упалъ безъ чувствъ на землю. Къ спыду моему долженъ признахся, что я бросился на его тѣло и хопѣлъ шоптатъ его ногами, какъ на пронзительный крикъ женщины, бывшей свидѣтельницею борьбы нашей, прибѣжало множество людей. Стараюхся схватить меня; въ изсшупленіи вырываю изъ земли колъ и, махая имъ во всѣ стороны, низвергаю каждого, кто осмѣливается ко мнѣ приблизиться. . . . Но позволите не рассказывать даде такого происшествія, о

копоромъ я хопъль бы изгладить и самое воѣпоминаніе; скажу полько, что по долгомъ и упорномъ сопропивленіи, я долженъ былъ наконецъ успупись соединеннымъ силамъ безпрестанно возраспающей толпы, и меня схвашили. Вскоръ послѣдовалъ и приговоръ, повергшій меня въ соспояніе буйнаго опчаяніа.

„Что происходило въ коншоръ шюрмы, вамъ извѣстно. Только мысль о нѣжной матери, жершвующей всѣмъ для своего сына, могла тогда вселишь въ душу мою нѣкошорое спокойспвіе. Послѣ того снова привели меня въ ожеспоченіе, когда вздумали заспа-вишь рабшашъ. Съ негодованіемъ опринулъ я всякую рабшу и предпочель уединенное заключеніе. Тупъ рѣшился я умерспвишь себя голодомъ. Три дни сряду опказывался опъ всякой пици; силы мои начали ослабъ-вашъ, но я все еще упорспвовалъ въ порочномъ своемъ намѣреніи. Съ радостію ожидалъ минушы, въ которую освобожусь навсегда опъ спраданій здѣшней жизни и опъ мукъ неволи. Паперсонъ, узнавши о семъ, пришелъ ко мнѣ самъ и упрашивалъ меня, хошя сколько нибудъ подкрѣпишь себя. Къ его убвжденіямъ присоединилъ свои просьбы и благочеспивый шюремный Священникъ Повналь, но я оставаался неколебимъ. Вошце прибъ-

гали и къ моей машери; ея моленія не имѣли успѣха, ея слезы не шрогали меня болѣе; я хотѣлъ умереть. Наконецъ рѣшились употребить надо мной послѣднее средство: на четвертой день моего заключенія, рано поутру отворилась дверь моей камеры и машушка, опираясь на плечо молодой прекрасной дѣвицы, подошла къ моей постели. Эта дѣвица, моя несравненная Анна. Она явилась какъ Ангелъ небесный, утѣшитель спраждущаго человѣчества. Никогда состраданіе не облакалось въ прекраснѣйшее шѣло, никогда столько прелестей не были соединены съ столькими добродѣтелями!

„Не спыдись, милая Анна! слова мои чужды лести; я шеперь еще смошрю на себя съ шѣмъ же восторгомъ, какъ и шогда, когда первый швой взоръ возродилъ во мнѣ желаніе жить — чшобы жизнь свою посвящилъ шевъ!

„Генрихъ, любезнѣйшій Генрихъ“ — воскликнула мать моя — „если ты еще долѣе будешь отвергать мои просьбы, я не опойду отъ смершнаго одра швоего: умру съ тобою. И шеперь не могла бы я придти къ шевъ безъ помощи этой доброй дѣвицы. Она соболъзнуешь о моемъ несчастіи; одинъ ты не имѣешь жалости. Посмотри: она пришла сюда, чшобы вмѣстѣ умолять тебя обра-

шишься къ жизни; неужели будешь ты сколько жестоко, что откажешь въ нашей просьбѣ?”

„Если не поздно“ — отвѣчала я почини умирающимъ голосомъ — „я соглашаюсь жить.“ При сихъ словахъ Анна скрылась и сей же часъ возвратилась съ чашею свѣжаго молока, которую поставила предо мною. Съ внимательнымъ участіемъ наблюдала она за каждымъ моимъ движеніемъ, и когда поднесъ я молоко къ губамъ своимъ — сладостная улыбка оживила лице ея. „Вашъ Генрихъ спасенъ“ — шепнула она моей матери.

„Извините, что я такъ распространяюсь о мѣлочахъ, для васъ конечно не любопытныхъ. Какъ старый воинъ, люблю я вспоминать о вѣжныхъ перемѣнахъ судьбы своей и въ особенностіи рассказывать объ опасностяхъ, которыхъ удалось избѣгнуть.“

„Вы знакомы съ нашими нравами, и поэтому поступокъ Анны не можешь показаться для васъ страннымъ. Разказы обо мнѣ Пашерсона, жалобы машушки, необычайности происшествій, которыхъ былъ я жертвою, возродили въ ней желаніе меня видѣть; къ тому же представлялся ей случай оказать благодѣяніе: могла ли она имъ не воспользоваться!“

— Правда — сказала я Фицъ-Алану — какое посѣщеніе у насъ Французовъ сочли бы весьма непристойнымъ. Во Франціи за дѣвицами смотрянь спроче, нежели здѣсь; за по женщины пользуются тамъ гораздо большею свободою. Онѣ позволяють себѣ вольности, которыя здѣсь показались бы неприличными, и цѣпи супружества не связываютъ ихъ легкомыслія. Такъ дѣлаешся въ свѣтѣ — говорашъ онѣ, и вѣрояшно сами не согласяшся передѣлашь этого иначе.

„Можешъ бышь близко уже время“ — продолжалъ Фицъ-Аланъ — „когда юныя обитательницы Америки будутъ имѣшь менѣе свободы, а съ ней вмѣстѣ утратяшся и перешня ихъ невинность. Понятія Европейцевъ начинають уже вкрадывашься и къ намъ. — Но обратимся къ моей испоріи:

„Рѣшась жить, я возвратилъ покой и здоровье моей матери. Ей дозволено было посѣщать меня ежедневно, до пѣхъ поръ, пока я приду въ силы. Анна не являлась ко мнѣ болѣе; но образъ ея врѣзался глубоко въ мое сердце; мое воображеніе было безпрестанно наполнено ею; только объ ней говорилъ я съ мамушкою. Не знаю, какую надеждоу льстило мнѣ будущее; но изнеможеніе мое исчезло; я былъ совершенно спокоенъ.

„Машушка сказывала мнѣ, что Мисъ Пашерсонъ освѣдомляется обо мнѣ каждый день и увѣрена, что я непременно буду исполнять обязанности, которыя на меня возложатъ. Этого было для меня довольно; какъ скоро силы мои возвратились, я не уклонялся отъ работы; выбралъ для себя плотничное мастерство, потому что оно болѣе другихъ требуетъ силы и дѣятельности. Я находилъ особенное удовольствіе вращать огромныя пилы, управляя шпоромъ, обдѣлывать вѣковые дубы. Выборъ такой работы, на которую было не много охотниковъ, оплатилъ меня отъ прочихъ и вселилъ ко мнѣ родъ почтенія. Пашерсонъ каждый разъ, когда ему доставалось быть Визитаторомъ шюрмы, освѣдомлялся обо мнѣ, говорилъ со мной съ особеннымъ участіемъ, описывалъ выгоды трудолюбія, спокойствіе духа, происходящее отъ правильнаго рода жизни, увѣрялъ, что счастье неразлучно съ добродѣтелью. Разговоры его продолжались недолго, но они оставляли глубокіе слѣды въ моемъ сердцѣ.

„Повналь съ своей стороны старался внушить мнѣ чувствованія благочестія. До того времени я весьма мало заботился о религіи, ибо думалъ только о настоящемъ, не помышляя о будущемъ.

„Мешода Повналя была самая простая: онъ заспавлялъ меня чипашъ Евангеліе и обращалъ мое вниманіе наиболѣе на мѣста, касающіяся до нравственности. И теперь еще живо помню какое сильное впечатлѣніе произвели во мнѣ припчи *о блудномъ сынѣ* и *о Самарянинѣ*. — Видише ли“ — сказала онъ мнѣ однажды — „какъ нравоченія Евангельскія близки къ существу челоуѣка: слушаая ихъ, кажешся не принимаещъ новаго ученія, а шолько вспоминаешъ что-то прежнее, уже знакомое швоему сердцу. Съ божешвенною силѣю проникающъ они душу и ошпанушся вѣчно неизмѣнны. Не надобно забышь и шого, что одно шолько чувештво Вѣры и ошличаешъ челоуѣка ошъ другихъ шварей, которыя будучи прикованы навѣки къ землѣ, не могушь возвеспи взоровъ своихъ къ обшпедямъ горнимъ. Высокая мысль о Богѣ сошпавляешъ душу, жизнь челоуѣческихъ обшпешствъ; ашо нравешвенное свѣшило, кошо-рое нашъ согрѣваешъ и освѣщаешъ; ошнимшше его, и сердце наше преврашится въ хладный камень, и нашъ умъ погрузишся во мракъ.“

„Бешды Проповѣдника ошкрыли для меня совершенно новую сферу понашій; приучивъ меня къ размышленію, онъ вдохнулъ въ мою душу любовь къ порядку и правосудію.

Часто давалъ онъ мнѣ чашать книги, въ которыхъ пріятное было соединено съ полезнымъ. Въ часы, праздные отъ работы, читалъ я историковъ, поэтовъ и нравственныхъ философовъ. Характеръ мой мало по малу начиналъ смягчаться. Къ тому же и другая сильнѣйшая побудишельная причина поощрала меня въ моихъ занятіяхъ: я хотѣлъ сдѣлаться достойнымъ любезной моей Анны.

„Такая перемѣна въ моемъ поведеніи пріобрѣла мнѣ болѣе благосклонности отъ шюремнаго начальства. Мать моя получила позволеніе чаще посѣщать меня; она приносила мнѣ извѣстія о Мисъ Паперсонъ; а Анна говорила обо мнѣ. Всякое воскресенье дочь Паперсона приходила къ обѣднѣ въ шюремную церковь. Я не могъ говорить съ нею, но по крайней мѣрѣ ее видѣлъ; иногда даже взоры ея встрѣчались съ моими; одинъ ея взглядъ ободрялъ меня на всю слѣдующую недѣлю.

„Такъ текли дни мои въ работѣ и полезныхъ занятіяхъ. По мѣрѣ того, какъ просвѣщался мой разумъ, спихали и страсти, обуревавшія меня дошолъ; я понималъ лучше цѣль человѣческой жизни, научился цѣнить самого себя и находить удовольствіе въ исполненіи своихъ обязанностей.

„Уже полтора года провель я въ шюръ-
мъ, какъ вдругъ неожиданное происшествіе
сократило срокъ моего заключенія. Это слу-
чилось въ одну темную Ноябрьскую ночь :
время было сухое и холодное. Часу въ прещь-
емъ необычайное смяшеніе во весь домъ
пробудило меня. Я искалъ причины такой
сумахоки, какъ вдругъ густое облако дыма,
пронесенное въпрямъ мимо моего окошка,
наполнило всю мою комнату. Пожаръ сви-
рѣпспвовалъ въ домъ. Я хотѣлъ выбѣжать ;
но дверь моя была заперта: въ общемъ без-
порядкѣ никто не вспомнилъ обо мнѣ. Раз-
судивъ, что крикъ здѣсь не поможетъ, по-
тому что при такомъ шумѣ его никто бы
не услышалъ, я вооружился бодростію. У ме-
ня въ комнатѣ оспался большой ломъ, ко-
шорымъ я въ топъ день работалъ, я схва-
пилъ его и началъ ломать имъ дверь. Нео-
быкновенная сила, кошорою къ счастью ода-
рила меня природа, напоследокъ преодоляла
жельзные затворы этой проклятой двери, и
она опворилась. Съ ломомъ въ рукѣ бѣгу по
корридору ; хочу уже спуститься съ лѣс-
ницы, какъ вдругъ слышу жалобные крики.
Оспанавливаюсь. Это былъ голосъ одного
старика, кошорый также оспался забытымъ
въ послѣдней каморѣ. Не взирая на близкую
опасность, рѣшаюсь спасти сего несчастна-

го. Скоро удается мнѣ разломать его дверь, кошорая была не шакъ крѣпка, какъ моя; при свѣтѣ пламени, пылавшаго передъ окномъ, вижу его, облокошнвшася на поспель и почти задыхающася ошъ дымѹ. Зову его съ собой, но—ошъ спрѣха или ошъ слабоси — ошъ споншъ недвижимъ. Схвативъ его къ себѣ на плеча, бѣгу скорѣ внизъ по лѣсницѣ, кошорой одна спорона была уже вся въ ошнѣ; сквозь дымъ и пламя, безпрестанно закрывая себѣ глаза, добираюсь наконецъ до нижней двери; только успѣвъ я выбѣжашъ, какъ пылающее бревно, опоравшись съ верху, упало сзади меня на землю. Всѣ счипали меня погибшимъ, и радоспныя восклицанія раздались со всѣхъ споронъ, когда увидѣли меня ошншъ живаго. Пашерсонъ находился шакже въ числѣ окружившихъ меня. — „Генрихъ! — сказаль ошъ мнѣ — шы сдѣлашь доброе дѣло и Богъ наградишь тебѣ!“

„Пламя спремешельно разливалось по всему зданію и, къ большему несчастію, вода въ колодцахъ замерзла.

„Чтобы сохранишь главное спроеіе, зашлючавшее въ себѣ всѣ живые покои, рѣшилисъ уничтожить сообщеніе его съ боковымъ фнгелемъ, занявшимся уже ошъ ошнѣ. Я схватилъ шопоръ и вмѣшался въ чи-

ело работниковъ. При большихъ опасностяхъ самолюбіе исчезаетъ и каждый заступаетъ мѣсто, ему приличное; такъ и здѣсь: единодушное, хопя и безмолвное, согласіе всѣхъ возложило на меня распоряженіе работою. Мы дѣйствовали съ неупомимою ревностью и успѣли спасти главное зданіе. Я измучился до крайности и чувствовалъ, что правая рука моя была сильно обожжена.

„Когда снова возстановился порядокъ, вошелъ я въ залу, гдѣ уже были всѣ Инспекторы пюрмы, главные члены Магистрата и самъ Губернаторъ, Г. Клинтонъ. Сей почтенный пашрѣотъ сказалъ мнѣ съ особою благосклонностію: „Мнѣ извѣстно, какъ вы вели себя во время вашего заключенія. Услуга, оказанная вами сегодня человѣчеству, сему заведенію и цѣлому городу, даетъ мнѣ пріятнѣйшій случай воспользоваться правомъ, предоставляемымъ мнѣ законами: съ сей минуты вы свободны.“ Всѣ присутствовавшіе приняли радостное участіе въ семъ происшествіи, и Патерсонъ, пожавши мнѣ руку, сказалъ: „Сступайше къ вашей машущкѣ; она ожидаетъ васъ у меня.“

„Я не въ состояніи изобразить вамъ ни тогдашнихъ моихъ чувствъ, ни восхищенія доброй моей матери, когда она прижала меня къ своему сердцу. Ей было уже

всё известно. Анна была съ нею и, мнѣ казалось, на Ангельскомъ лицѣ милой дѣвушки замѣнилъ я слѣды внутренняго волненія. Машушка, увидя, что рука моя была повреждена, шопчасъ побѣжала за бальзамомъ. Между тѣмъ Анна хотѣла осмошрѣшь мою рану; она наклонила голову, и слеза канула на больную мою руку. О непоспшижимое могущество любви, основанной на добродѣтели! Кто въ состояніи описать свои наслажденія! Въ эту минушу души наши поняли другъ друга, наши сердца соединились навѣки. Никакой языкъ не въ состояніи выразишь того, что мы чувствовали.

„Милая Анна!“ — воскликнула я — „какъ я счастливъ, что могу васъ видѣшь, говоришь съ вами, дышашъ тѣмъ же воздухомъ!“ — Она приподняла голову и смущеннымъ голосомъ сказала: „Вы спрадаете.“

„Нѣшь, — отвѣчалъ я — можно ли спрадашь подлѣ васъ! Я ничего не чувствую, кромѣ удовольствія бышь съ вами.“

„Не понимаю, какая непреодолимая сила влекла насъ другъ къ другу: уста наши сблизились и произнесли кляшву въ любви.“

„Но зачѣмъ упоминашь васъ такими подробностями? Во время моего заключенія приобрьлъ я своею работою довольно знач-

шельную сумму, которая и отдана была мнѣ при моемъ освобожденіи. Я нанялъ съ машушкою особый домъ въ Гринвичской улицѣ и завелъ тамъ мастерскую для плотничной работы, которая шла съ хорошимъ успѣхомъ. Ни въ работникахъ, ни въ работѣ не было у меня никогда недостатка. Честная жизнь моя снискала мнѣ уваженіе цѣлаго города. Машушка, хорошая хозяйка, распорядилась всѣмъ домою. Пашерсонъ часто посѣщалъ насъ; мы также не рѣдко бывали у него. Анна и я понимали совершенно другъ друга; я ни о чѣмъ не зависѣлъ, считалъ себя счастливымъ и надѣялся въ скоромъ времени сдѣлаться еще счастливѣе.

„Въ это время появилась въ Нью-Йоркѣ желтая лихорадка. Неимовѣрныя ея опустошенія произвели всеобщее уныніе; каждый искалъ средствъ удалиться отъ этого гнѣздилища заразы; городъ почти опустѣлъ, но число несчастныхъ жертвъ каждый день увеличивалось. Какъ скоро только какой нибудь домъ посѣщала язва, въ ту же минуту всѣ его оставляли. Семейственныя связи разрывались; сыновья покидали отцевъ своихъ, жены мужей, иногда даже и дѣтей, никто не заботился о старикахъ. Чувствованіе собственной опасности поглощало всякую другую привязанность; общество готово было

разрушишься. Только нѣкоторые челоѣколюбивые врачи и благочестивые провозвѣстники свяаго Евангелія пренебрегали очевидную гибель и приносили помощь и утѣшеніе зараженнымъ.

„Паперсонъ и дочь его были изъ первыхъ, которыхъ постигла зараза. Всѣ люди ихъ разбѣжались и они остались совершенно одни. Машушка и я поспѣшили къ нимъ на помощь: я смотрѣлъ за Паперсономъ, она приняла на себя попеченіе объ Аннѣ. Мы ни на минушу не отходили отъ нихъ. Извѣстіе о смерти Доктора Броуна еще болѣе усилило болѣзнь его друга. Скоро на лицѣ его показались ужаснѣйшіе признаки: въ одну ночь кожа его пожелтѣла, какъ шафранъ, и живость въ глазахъ поухла. Вообразите тогдашнее мое отчаяніе! Ничѣмъ неутомимая жажда и совершенное онемѣніе чувствъ больного предвѣщали несомнѣнное приближеніе величайшаго для меня несчастья. Паперсонъ съ покойнымъ духомъ ожидалъ роковой минушы. — „Любезный сынъ!“ сказала онъ мнѣ: „надежды твои тщетны: желая спасти меня, ты только напрасно подвергаешь себя опасности. Лучше бѣги отсюда; покинь страну, которую посвятилъ гнѣвъ Небесный. Дочь моя безъ сомнѣнія уже не существуетъ; ничто болѣе не привязываетъ меня къ

міру, кромѣ дружбы къ небѣ. Живи и будь счастливъ.“

„Дочь ваша жива — опивчалъ я ему, — машушка шеперь съ нею и ручаешься за жизнь ея.

„Теперь я доволенъ“ — произнесъ тихо добродѣтельный спарець, и послѣдній лучъ радости слабо мелькнулъ въ померкшихъ глазахъ его: „жертва велика, но она должна совершиться! Да будетъ воля Божія! Любезный Генрихъ! сынъ мой! тебѣ поручаю милую дочь мою; будь ея защитникомъ!“

„Я спарался отогрѣвать охладѣвшія его руки; умолялъ его, чтобы онъ не терялъ еще вовсе надежды; какъ вдругъ судорожное сопращеніе пробѣжало по его членамъ — и его не стало!

„Удрученный печалію, я не оставлялъ однакоже священнаго праха моего благодѣтеля, спрашась, чтобы онъ не попалъ вмѣстѣ съ прочими въ отвращительную шелегу, которая каждый день два раза объѣзжала улицы Нью - Йорка, и собравши трупы, возвращалась на общее мѣсто погребенія, гдѣ шѣла безъ различія бросали въ большія ямы. Бранные осмашки добродѣтельнаго человека, которому я обязанъ былъ новою жизнію и честію, положилъ я самъ въ особенный гробъ, оросилъ ихъ своими слезами и опшезь

на западное кладбище. Въ послѣдствіи соорудилъ я надъ нимъ памятникъ и окружилъ его деревьями и цвѣтами.

„Позвольте мнѣ теперь окончить горестное повѣствованіе. Остальное вы безъ сомнѣнія уже угадали. Благодаря попеченіямъ моей нащери, здоровье Анны возстановилось; но она не прежде узнала о постигшей ее потерѣ, какъ пришедши уже совершенно въ силы. Мы дали другъ другу слово никогда болѣе не разлучаться; и по прошествіи шраура почтенный другъ мой Повналь благословилъ союзъ нашъ. Мы не хотѣли оспаиваться долѣе въ городѣ, и я купилъ себѣ это маленькое хозяйство, гдѣ мы живемъ счастливо и свѣжій здоровый воздухъ не допускаешь къ намъ страшной заразы, о которой одно воспоминаніе приводитъ насъ въ трепетъ и заставляешь бояться особенно за дѣтей нашихъ.“

Такъ кончилъ Фицъ - Аланъ. Поблагодаривъ его, я поздравилъ, что онъ послѣ сполькихъ несчастій, обрѣлъ наконецъ спокойствіе и благополучіе. „Ваша жизнь“ — сказала я ему — „послужитъ для меня лучшимъ курсомъ практической морали. Я поспараюсь употребить его въ пользу.“

Ассовъ.

СТРАННОЕ СВАТОВСТВО.

(Повѣсть, соч. Мистрисъ Опи.)

Мы знаемъ, что мы такое, но не знаемъ, что мы будемъ — сказала Дженни. Не лъзя было сдѣлать замѣчанія справедливыѣ. Я это знаю по опыту, потому что до сихъ поръ никогда не думалъ попасеть въ авпоры. И теперь еще удивляюсь спранный своей прихоши — писать, тѣмъ болѣе, что ра-сказъ мой естъ истинное происшествіе и что я играю въ немъ довольно важную роль. Однако я оспаюсь при своемъ намѣреніи: мною овладѣла спрасеть бытъ писателемъ и, судя по нѣкошорымъ, знакомымъ мнѣ сочинителямъ и сочинительницамъ, издающимъ смѣло свои шворенія — полагаю, что и мое будетъ не недоспойно печаши.

Тщашельно буду избѣгать въ своей повѣсти того, что не нравилось мнѣ въ повѣстяхъ другихъ писателей. Ни за что не объявлю своего имени или прозванья, не буду называшь и особъ, о кошорыхъ долженъ упомянушь, не буду говорись о господинѣ D, о Леди С, но каждому дамъ приличнѣйшее по моему мнѣнію названіе.

Начну съ самаго себя.

Нов. Библ. Ч. II.

Мнѣ въ сію минушу 64 года; меня знаютъ въ лучшихъ обществахъ. Спросите о Г. Тильке Трегопикъ и вамъ скажутъ, что онъ богатый старый холоспякъ, меньшей сынъ Графа Ольдворца. Нынѣ нужды сказывашь, что на меня долго имѣли различные виды дѣвушки хорошаго тона, ожидавшія лѣтъ двадцать себѣ жениховъ, и прелестныя вдовушки извѣснаго возраста, привыкшія проживашь большую часть своихъ доходовъ. Остаюсь ли я до сихъ поръ холоспякомъ или вслупаю въ бракъ — увидите изъ послѣдующаго.

Однако меня пугаетъ то обстоятельство, что ограничась сказаннымъ выше, я стану наряду съ нѣми писателями, которые были не по моему вкусу: мнѣ всегда было досадно, когда въ романахъ не находилъ я описанія лица, осанки и одежды героя или героини; но я не въ силахъ описывашь все это, говоря о себѣ. Впрочемъ сдѣлаю, что могу. Скажу, что я высокаго роста, что румянецъ играетъ еще на щекахъ моихъ и что по лѣтамъ я довольно еще молодавъ, и это мнѣ извѣстно не отъ одного только зеркала; что я обыкновенно хожу въ свѣтлозеленомъ фракѣ; что при всѣхъ переменахъ моды, я постоянно ношу бѣлые шелковые чулки и свѣтлое казмировое исподнее плашье съ пряжками у коленъ и на башма-

кахъ; что наконецъ волосы свои недавно только спала приглаживашь, а прежде все прикрывалъ слегка пудрою до пѣхъ поръ; пока они сами не побѣляли отъ старости. — Я ребенкомъ только носилъ парикъ: и теперь еще въ замкѣ Ольдворшъ виситъ порешъ, списанный съ меня, когда мнѣ было десять лѣтъ, въ свѣтло-голубой бархатной одеждѣ, въ парикъ, при шпагѣ и съ шляпою подъ мышкой. Прибавлю; что меня можно всякой вечеръ видѣть въ театрѣ, когда даютъ любимыя публикою оперы, въ партерѣ на концѣ шретьяго ряда со стороны Примадонны; также въ Дрюриленѣ или въ Коvent-гарденѣ, когда играютъ отличнѣйшіе актеры, тоже въ шретьемъ ряду; обыкновенно сажу я въ широкомъ зеленомъ плащѣ. Скажу болѣе: едва ли бываешь въ Лондонѣ собраніе высшаго класса людей, куда бы меня не приглашали и гдѣ не провелъ бы я одного или двухъ часовъ.

Чишпатель или чишпательница! если вы молоды и носѣщаете общества, то конечно часто меня встрѣчали; можешь быть, прочитавъ мою повѣсть, вы захотите короче со мною познакомиться, а особливо, когда случится вамъ быть въ такомъ положеніи; въ какомъ находились мои главные дѣйствующія лица. Но я чувствую, что отклоняюсь

*

опъ своего предмета и вѣроятно заслужилъ уже отъ васъ упрекъ болтливаго шарика. Обращаюсь къ своему разсказу.

Я сказала уже, что посѣщаю общества: часто виртуозы и пѣвцы по ремеслу, а иногда и любители оживляютъ ихъ музыкаю; но сіи послѣдніе всего чаще играютъ и поютъ въ небольшихъ дружескихъ собраніяхъ, а я до нихъ спрасный охотникъ. Въ одномъ изъ такихъ собраній, гдѣ не только можно познакомиться, но и сблизиться съ людьми, которыхъ найдешь по сердцу, предсказавъ меня мой пріятель старшей дочери Графа и Графини Воріень, Леди Мери Ловелли. Она плѣнила меня красою, любезностію, голосомъ, а потомъ и привѣпливостію своего со мною обращенія. Сверхъ того, она была мнѣ мила по другому отношенію: — ее звали Мери.

Леди Мери вскорѣ замѣтила, какое сдѣлала на меня впечатлѣніе и, казалось, имѣла намѣреніе усилить его — по ласковой улыбкою, по обращеніемъ ко мнѣ рѣчи, вообще самымъ ласковымъ вниманіемъ. Не будучи занявъ собою, я не увлекался мыслию, чшобъ молодая прелестная дѣвушка замышляла сдѣлаться Леди Мери Трегопинъ. Но свѣтъ шолковаль иначе, и Лордъ Долессъ, челоувѣкъ моихъ лѣтъ, имѣвшій однако черные,

какъ смоль, волосы и бакенбарды, а при шомъ такія тоненькія и хрупкія ноги, что можно было счестъ ихъ фарфоровыми и за него бояться, особливо вида, что колѣна его безпрестанно прясущя — Лордъ Лолессъ не разъ перемѣнялся въ лицѣ, когда я подходилъ къ Леди Мери. Онъ не шайлъ своей къ ней привязанности, а Лордъ и Леди Воріень, у которыхъ было на шеѣ человекъ двѣнадцать дѣшей, много долговъ и разстроенное имѣніе, и которые не имѣли при шомъ никакихъ правилъ, старались всячески укрѣплять въ немъ его благое намѣреніе. Но въ первыя недѣли моего знакомства съ Леди Мери, не зналъ еще я, какой жертвы ожидали отъ нея корысполюбивые родители, хотя скоро примѣтилъ, что она не была счастлива. Часто видалъ я, какъ она измѣнялась въ лицѣ, окидывала собраніе боязливымъ вопрошающимъ взоромъ, или успремаяла его на дверь, при малѣйшемъ за нею шорохѣ, и потомъ впадала въ совершенное разсѣяніе, какъ будто не примѣчая окружающихъ ее предметовъ. Обыкновенно говаривалъ я въ такомъ случаѣ самому себѣ: „Бѣдная дѣвушка! она, кажется, влюблена!“ и переставъ удивляться, что Леди Мери въ двадцать три года еще не замужемъ.

Что былъ предметомъ ея любви, я еще не зналъ, но вскорѣ и то открылъ случай.

Въ одинъ вечеръ хозяйка дома и я щещно упрашивали Леди Мери, щещно и мать ея приказывала, спѣвъ небольшую балладу, кошорою она особенно отличалась. Ръшительно отказалась она, говоря, что на эпомя разъ слишкомъ слабъ ея голосъ. Видя, какъ она блѣдна и въпревожена, хозяйка и я переснади наспаивать, но Леди Ворієвъ, подойдя къ ней, сказала шихо: „Знаю, почему ты не можешь пѣть, упрямецъ!“

— За чѣмъ же вы и приказывали — отвѣчала Мери.

Разсерженная мать ошошла, бросивъ на нее грозный взглядъ, а я, удивленный, исполненный сожалѣнія и вмѣсиль справедливаго негодованія, сѣлъ подлѣ Леди Мери.

„Довольно жестокоспи для мащери!“ пробормоталъ я въ подголоса и възгаянулъ на сосѣдку свою съ такимъ учаспіемъ, что блѣдная, хошя и въ смущеніи, была пронута и сказала мнѣ шихо:

„Вы не знаете, какъ драгоценна для меня увѣренность въ вашей дружбѣ. Ахъ, я имѣю большую нужду въ другѣ.“

Въ это время прошель мимо насъ Г. Мерисалъ, прекрасный молодой человекъ, кошорый шолько что вспунилъ въ духовное

звание. Выходя изъ комнаты, онъ оглянулся, и взоры его встрѣтились со взорами Леди Мери. Взглядъ сей былъ мгновенный, но въ немъ изображалось дивное чувство, чувство любви, и когда я оборотился, чтобы видѣть, какое впечатлѣніе произвелъ онъ на Леди Мери, то замѣшилъ, что лице ея также прояснилось. Она смотрѣла еще задумчиво, но горесть исчезла въ ея взорахъ. Чрезъ нѣсколько минутъ она сказала мнѣ: „Я желала бы, чтобы вы поспурили узнать, ушелъ ли Аршуръ Меришаль?“

Я возвращаясь съ отвѣтомъ, что видѣлъ, какъ онъ сходилъ съ лѣсницы. Тогда сказала она мнѣ съ улыбкою: „Теперь я могу пѣть“ и когда Леди Воріенъ повторила свое требованіе, она съла за форшопаю и швердымъ голосомъ пропѣла арію, о кошорой просили ее:

Въ этой аріи изображались собственныя ея чувства: не жестоколи же поступала мать, пребуя, чтобы она пѣла, когда Меришаль былъ шудъ?

И такъ въ этотъ день узналъ я три вещи: во-первыхъ, что Леди Воріенъ дурная мать, во-вторыхъ — что Леди Мери не только влюблена, но и взаимно любима, и въ третьихъ — что ея возлюбленный — Аршуръ Меришаль. Сверхъ того я подозрѣвалъ, что

родители Мери не соглашались на ихъ бракъ. Также съ немалымъ удовольствіемъ припоминалъ я слова молодой дѣвушки, что она дорожишь моею дружбою и что ей нуженъ другъ. По нѣкоторымъ намекамъ долженъ я былъ заключать, что она желаетъ мнѣ опекаться, но не полагалъ себя въ правѣ пребывать ея довѣренности, прежде нежели она сама на то вызовется. Проходили недѣли и мѣсяцы. Я вспрѣчался по прежнему съ Леди Мери; видѣлъ, что она день ото дня болѣе худѣетъ, спановится блѣднѣе и печальнѣе; но она молчала о причинѣ своей горести, я также не заводилъ о томъ рѣчи.

Вдругъ разнеслось по городу, что она выходитъ замужъ за Лорда Лолесса: мнѣ сказали, что онъ получилъ согласіе отъ корысполубивыхъ родителей на бракъ сей — обѣщаніемъ устроить судьбу трехъ ея братьевъ и не требовать за нею приданого.

При этой вѣсти я невольно вспыхнулъ отъ негодованія. Очень понятно мнѣ было, почему двое бѣдняковъ, каковы Мерисаль и Леди Мери, не могутъ соединиться узами брака, но я полагалъ, что они довольно уже наказаны за свою взаимную любовь тѣмъ, что питающъ ее безнадежно; а принуждашь Леди Мери, въ то время, когда выборъ сердца ея былъ рѣшенъ, отдать руку другому и

при томъ человѣку почти состарѣвшемуся, безъ правилъ, безъ чувствъ — который даже не могъ исполнить своихъ обещаній, потому что былъ не богачъ и не имѣлъ большого вліянія въ дѣлахъ общественныхъ — это было, по моему мнѣнію, верхъ родителскаго жестокосердія.

Я принималъ полное участіе въ судьбѣ Леди Мери, и жизнь, къ которой обыкновенно былъ я равнодушенъ, получила для меня особенную прелесть. Безпрестанно выдумывалъ и передумывалъ я планы, чтобы помочь разлученнымъ любовникамъ. Однако ихъ разлучали напрасно: одинъ взглядъ другъ на друга воспламенялъ плавшіяся въ обоихъ искры и подтверждалъ истину, что лѣкарствомъ отъ любви можетъ служить только совершенная, многолѣтняя разлука.

Но что вдругъ могло переменить Леди Мери? говорилъ я въ самомъ себѣ. Въ одномъ собраніи я встрѣшилъ ее: она опиралась на руку Лорда Лолесса, который съ блистающею на лицѣ радостію, казалось, говорилъ всѣмъ: есть ли человѣкъ счастливѣе меня?

Не то чувство изображалось на лицѣ Леди Мери. Я примѣнилъ, что она хочетъ говорить со мною наединѣ. Подошедъ къ ней, я сказалъ ей тихо: „Правда ли то, что я

слышу? Точно ли вы опдаете себя въ жертву этому челоуьку?"

„Вынуждена!“ сказала она голосомъ расперзаннаго сердца. „Должна пожертвовашь собою для блага родныхъ. И что нужды? Аршуръ Мерипаль женишся! — вы меня понимаете!“

— Однако не рѣшайтесь — помедлите!

Леди Мери вздохнула и шѣмъ прервала разговоръ; но уходя, сказала мнѣ съ боязненнымъ взоромъ: „Ахъ, еслибъ Лордъ Лодессъ походилъ на васъ!“

— Конечно, иногда ны вѣрно была бы счастлива, бѣдненькая! — подумалъ я, полагая, что Леди Мери разумѣла то, что желала бы найтти въ Лодессѣ челоуька съ правилами, которыи не смалъ бы такъ докучать собою.

Едва могъ я уснуть въ эту ночь; меня занимала мысль помочь Леди Мери, во что бы то ни спало. Но въ самомъ ли дѣлѣ Мерипаль измѣнилъ ей? Тому не могъ я вѣришь — зналъ какъ постоянна любовь мужчины и полагалъ, что Леди обмануша людьми, находящими въ томъ свои выгоды. Не смотря на бессонницу ночью, всшалъ я поутру въ обыкновенное время и сидѣлъ за завтракомъ, какъ вошедшій слуга доложилъ

мнѣ о какой-то молодой Леди съ дѣвушкою, копорья желяють со мною говоришь.

„Молодая Леди? — спросиль я — или можеть быль молодая дѣвушка?“

— Молодая Леди. —

„И уже взрослая?“

— Мало того; прекрасная собою. —

„Сипранно!“ — подумаль я, но потчасъ приказаль просить. Сердце шепнуло мнѣ, что это Леди Мери.

Я не обманулся. Леди Мери бросилась въ кресла и несвязными звуками извинялась въ приняшой ею смѣлости и въ неприличіи ея посвѣщенія.

„Я снолько дорожу благополучіемъ вашимъ — опвѣчалъ я — и снолько горжусь довѣренностью, о копорой сужу по непременному визиту, что, будыте увѣрены, Леди, сдѣлаю все возможное въ угожденіе вамъ.“

— Сдѣлаете ли, шочно ли, сдѣлаете? — воскликнула въспревоженная дѣвушка.

„Безъ сомнѣнія — развѣ что нибудь совершенно безразсудное; но я увѣренъ, что вы сами не захошите. . . .“

— Ахъ, не будыте пакъ увѣрены! —

„Не бышь? Впрочемъ небольшія затрудненія не удержатъ меня. Разскажете мнѣ прежде всю исторію вашей любви и вашего несчастія.“

— Для этого довольно нѣсколько словъ. Артуръ Мершаль и я знакомы были съ дѣтства. Намъ дозволяли проводить время вмѣстѣ до пѣтъ поръ, пока увидѣли, что можеть произойти опасность. Насъ разлучили, но мы успѣли уже узнать и полюбить другъ друга. Намъ запретили даже говорить между собою. Однако наследство, котораго ожидалъ Мершаль, подавало намъ надежу скорого благополучія. Не буду распространяться, какъ увядала моя молодость, съ какою досадою отклоняла я всѣ, дѣланныя мнѣ предложенія о женишбѣ, ушьясь только поспоянствомъ первой моей любви — поспоянствомъ, которое раздѣлялъ со мною Мершаль. Эта увѣренность не допускала меня быти несчастною. Но теперь... — Тутъ она остановилась, и помолчавъ, продолжала: — теперь другое дѣло; я несчастлива, онъ измѣнилъ мнѣ и я въ опчаяніи, хопя и ищешномъ. Родители мои въ разсироенномъ положеніи; Лордъ Ломессъ общаетъ много; долгъ повиновенія вошь опца и мапери, и можеть быти всего болѣе чувствво оскорбленной женщины, заставляють меня желати замужства, преде нежели Мершаль сдѣлаешя супругомъ. — Она едва могла кончить и залилась слезами. Я не одобрялъ послѣдняго ея чувства, но шѣмъ не

менѣ, оцъ искренняго сердца, принималъ участіе въ судьбѣ ея.

„Успокойся дочь моя“ — сказала я ей очень нѣжно.

— Ахъ, еслибъ я была вашею дочерью — вскричала она — тогда, тогда я была бы конечно счастливѣе.

„Можетъ бытъ это счастье опять во-ропится. Но вы хотѣли просить у меня какой-то услуги?“

— Такой, о которой не смѣю и вспо-нить.

„Въ самомъ дѣлѣ?“

— Которой прошу только потому, что нахожусь въ необыкновенныхъ обстоятель-ствахъ и ненавижу Лорда Лолесса. Но про-сить объ этомъ такъ странно, такъ не-обыкновенно. . . .

„Ради Бога не продолжайте моей неиз-вѣстности; скажите, какое желаніе ваше? чего вамъ угодно?“

— Чтobъ вы сами на мнѣ женились.

Тутъ она закрыла лице и я обрадовал-ся, потому что не могъ не воскликнуть: „въ самомъ дѣлѣ странно!“ — а при такомъ восклицаніи не хотѣлось мнѣ видѣть новое замѣшательство бѣдной моей просительни-цы.

Пришедъ въ себя оцъ изумленія, при-

знаюся, взглянулъ я въ зеркало, висѣвшее напрошивъ меня, и не удивился, что меня предпочишаютъ Лорду Лолессу. Но это была минувшая только слабость; чувство самолюбія замѣнилось скоро другимъ, благороднѣйшимъ. Я сказала Леди Мери, что мнѣ весьма легко ея предпочтеніе, тѣмъ болѣе, что я никогда не искалъ его, а всегда полагала причиною поспояннаго ея ко мнѣ вниманія одно чувство дружбы.

Я прибавила, что предметъ моей любви давно покоится въ гробѣ и что послѣ того рѣшился я никогда не всупашъ въ бракъ. Однако намѣренія наши переменяющія съ общоюпельсшвами и я повшорилъ выраженіе извѣснаго философа: „Говоря, что умру холоспякомъ, я не полагалъ; что доживу до женитьбы своей.“ — Если нѣтъ другаго средства — продолжалъ я — избавишь васъ отъ ненависнаго вамъ Лорда Лолесса, то я предложу тѣже выгоды, какія имъ обещаны вашему отцу, и надѣюсь получить его согласіе, тѣмъ болѣе, что вы добровольно отдаете мнѣ свою руку, а Лолесса ненавидите. Но дайте мнѣ, прошу васъ, нѣсколько времени на размышленіе, потому что; признаюсь опкровенно, не смотря на вашу молодость и красоту, сердце мое остается поспояннымъ прежней любви и чувства мой

къ вамъ не что иное, какъ чувства отца къ дочери.“

Леди Мери была, казалось, довольна моимъ опвѣтомъ. Не безъ того, чтобы самолюбіе, сродное всемъ женщинамъ, не оекорбилось въ ней чрезвычайнымъ хладнокровіемъ, съ какимъ принялъ я предложеніе прекрасной дѣвушки; однако она того не показала и опасаясь продолжительнымъ отсутствіемъ навлечь на себя подозрѣніе домашнихъ, поспѣшила со мною проститься, при чемъ осыпала меня извиненіями и благодарностію. Я обвѣщалъ не позже двухъ дней явиться къ нимъ въ домъ.

Истинно былъ я радъ, что опъ нея избавился: мнѣ нужно было отдохнуть, чтобы обдумать хорошенько свои поступки. Я пошчасъ рѣшился ѣхать въ аукціонную камеру F***. Тамъ надѣялся найти Меришала, копорый часно туда ходилъ, чтобы видѣть Леди Мери, потому что мать ея, которая изъ бѣдности покушалась продать дочь свою, находила однако довольно еще денегъ для удовлетворенія своихъ прихотей и обыкновенно покупала тамъ старый фарфоръ, малахитовыя вазы и другія подобныя вещи.

„Если онъ дѣйствительно невѣренъ — думалъ я — то его тамъ нѣтъ; въ противномъ случаѣ я конечно его увижу.“ И лишь

шолько вошелъ я въ комнату, онъ первый попался мнѣ на глаза. Приспально разсматривалъ онъ корзинку изъ слоновой кости. Я подошелъ къ нему, говоря: „Прекрасная вещь, Г. Мершаль!“

— Очень хороша!

„Особенно для подарка невѣстѣ отъ жениха. Думаю, что вы одинакихъ со мною мыслей и, если позволите сказать, думаю, что вы намѣреваетесь подарить ея молодую Леди, на которой, какъ говорашъ въ городѣ, вы женишесь.“

Признаюсь, это было сказано слишкомъ смѣло; но Мершаль того не замѣшилъ, зная дружбу мою съ Леди Мери.

— Я? я женюсь? — воскликнулъ онъ: можешь ли она этому вѣрить? Нѣтъ, эта вѣсть совершенно ложна. Не я — братъ мой женился. Мнѣ женишься? . . . Нѣтъ, Г. Трегошинъ, я никогда не женюсь.

При сихъ словахъ онъ поднималъ прекрасные глаза свои къ небу и я прочиталъ въ опшчаянномъ взорѣ его имя Леди Мери Ловели. О! подумалъ я: такого-то любовника мнѣ и надобно. Узнавъ, что было нужно, я вышелъ изъ каморы.

Живу ти неподалеку општуда, я завѣхалъ опять домой узнать, нѣтъ ли ко мнѣ писемъ, и нашель одно, которое привело меня въ

восхищеніе. Тотчасъ приказаль я подавашь карешу и велель везши себя — нбшь нужды знать, на какую улицу или площадь — къ Лорду Канцлеру. Не скажу, къ копорому Лорду Канцлеру, потому что ннннспвенность придаешь всегда разсказу какую-шо занимательность. По этому же не хочешя мнѣ, чшобъ читатели знали, въ которомъ году я пишу — замѣчу шолько, что Лорды Канцлеры находяшя иногда удовольствіе помннш оказанныя имъ услуги въ шакое время, когда не было у ннхъ друзей, и спараютса иногда доказашь на дѣлѣ, чшо чувство признательности имъ не чуждо. Таковъ былъ и Канцлеръ, къ копорому я спвшнл. Я былъ однн изъ самыхъ спрыхъ его прншелей.

Ушвшнтельно жнш въ шакой землѣ; гдѣ человекъ съ дарованіями и шрудолубіемъ можешь возвысншя до важнѣйшнхъ степеней въ Государствѣ. Прнмѣромъ шому могъ служнть мой прншель. Я зналъ, что прншество кончилось и потому полагаалъ, чшо засшану его дома.

„Г.—“ сказаль я; (право, не смѣю назвашь его по имени)—„я прнѣхалъ просншя у васъ большаго одолженія.“

— Очень радъ. Вы уже нѣсколькo лѣшъ общаеша доставнть мнѣ удовольствіе бышя вамъ полезнымъ, но до снхъ поръ не сдержн-

ли слова, а кто больше васъ имѣешь права располагать мною? —

„Однако шеперь вы сами сознаетесь, что я прѣхалъ за старымъ долгомъ съ процентами, когда услышите, что я прошу для себя *такое-то* духовное имѣніе.“

— Это имѣніе? Но оно не вакантное и владѣющій имъ, хотя человекъ старый (ему по крайней мѣрѣ восемьдесятъ лѣтъ), но еще весьма здоровъ. —

„Теперь его уже вѣрно нѣтъ на свѣтѣ. Вотъ письмо отъ его докшора, полученное мною съ нынѣшнею почпою.“

Онъ прочиталъ письмо, увидѣлъ справедливостъ словъ моихъ, и вслѣдъ за тѣмъ получилъ съ нарочнымъ извѣстіе, что владѣлецъ того имѣнія дѣйствительно скончался.

„И шакъ, сказалъ я, вспомните, что я просилъ васъ первый.“

— Правда, но это одно изъ лучшихъ имѣній моего вѣдомства. —

„А я одинъ изъ лучшихъ друзей вашихъ.“

— Справедливо, но одинъ Министръ, по внушенію, кажется, весьма знашней особы, изъявилъ желаніе. . . .

„Имѣшь шо, чего не получишь. Я прошу это имѣніе для человека, кошораго они всѣ знаютъ съ хорошей стороны, для Ар-

шура Мерисаля; его отецъ подавалъ всегда голосъ въ пользу правительсва и мнѣ хочешся этимъ доставить ему средство жениться на Леди Мери Ловели, дочери Лорда Воріенъ, записнаго слуги Министровъ. Я увѣренъ, что всякой другой, кто васъ о помъ просилъ, не имѣешь въ виду лучшаго повода.“

— Что мнѣ дѣлать? я право желалъ бы услужить вамъ. —

„И такою услугою вы не только очасливите два достойные и спрасные другъ другомъ сердца, но и нанесете чувствительный ударъ вашему спарому врагу въ Палатѣ, Лорду Лолессу, кошорый, какъ вамъ извѣстно, нигдѣ не щадилъ васъ: Лолессъ уже получилъ согласіе родителей жениться на Леди Мери и женишся, если Мерисаль не получитъ имѣнія.“

Я полагалъ, что извинительно возбудишь и дурныя наклонности Лорда Канцлера, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ хорошими, произвели желаемое дѣйствіе, и достигъ своей цѣли: онъ общалъ ошданъ въ мое распоряженіе шребуемое духовное имѣніе и я былъ свидѣтелемъ, какъ на двѣ или на три просьбы о помъ же предметъ, отвѣчалъ онъ письменно, что имѣніе уже ошдано.

Отъ Лорда Канцлера поѣхалъ я къ Лорду и Леди Воріенъ. Я нашелъ ихъ однихъ и въ большомъ огорченіи: Леди Мери, возвращаясь поутру домой, рѣшишельно объявила, что ни за что не согласится отдашь руки Лорду Лолессу.

„Слышно, сказалъ я входя, что вы и Леди Воріенъ хотите выдать Леди Мери за Лорда Лолесса и что эшотъ бракъ ей прошивень. Правда ли эшо? Повѣрьте, что я спрашиваю не изъ одного любопытства.“

Лордъ Воріенъ отвѣчалъ, что эшо правда, а между тѣмъ Леди смотрѣла на меня, прищуривъ глаза.

„Такъ знайте, Милордъ, что Леди Мери дала мнѣ право просить ея руки для себя и я. . . .“

— Вы? вы? — воскликнули въ одинъ голосъ восхищенные родители.

. . . . „Предлагаю тѣ же условія, какія предложилъ вамъ Лордъ Лолессъ. Берусь устроить судьбу шрехъ вашихъ сыновей — а вамъ извѣстно, что я богаче его и по связямъ своимъ имью болѣе вѣсу въ обществѣ.“

— Конечно — отвѣчала Леди Воріенъ — пришотъ же мы знаемъ, что на ваши слова можно положиться, а Лолессъ общается много, не заботясь объ исполненіи обещаннаго. Какая Мери плушовка! мы вѣдали, какъ

она упорно отказывалась отъ Лорда Долеса, но не воображали, что причиною шому ея привязанность къ вамъ. —

„Привязанность ея ко мнѣ!“ — вскричалъ я съ негодованіемъ — „нѣтъ, вы хорошо знаете, что шущь были другія причины. Но, Милордъ, вы не изъявили еще своего согласія.“

— Увѣряю васъ не шолько въ моемъ согласіи, но и въ шомъ, что я отъ души шпо-му радъ. Какъ ушѣшительно думашь, что разспроенное положеніе мое не принудитъ меня опдаться на жершву дочери! —

„Но, Милордъ“ — опшвѣчалъ я, принявъ на себя важный видъ — „шеперь вы шакже шочно жершвуете дочьрю разспроеннымъ дѣламъ своимъ. Если бъ я даже былъ въ однихъ съ нею лѣпахъ, шо и шогда, выходя за меня, жершвовала бы она собою, пошому что сердце ея принадлежитъ другому.“

— Ахъ! — говорили, запинаясь, Лордъ и Леди — мы думали, мы надѣялись. . . —

„Нѣтъ, Леди Воріенъ“ — возразилъ я — „мнѣ извѣстно, что вы знали прошивное, вы знали, что она любитъ Аршура Мершала и вы принуждали ее опдаться руку другому — и кому!“

— Я, разумѣется, предпочиташю васъ, Г. Трегошииъ — опшвѣчала Леди — и право

не вижу, почему такой брак можешь быть шагоспень. —

„Въ такомъ случаѣ, сударыня, мнѣ остаеяся жадѣшь о васъ. Я вообще смотрю съ сожалѣніемъ на женщинъ, которыя считають за ничто бракъ по расчету. Но чпобъ оправдать смѣлость моего сегодняшняго обращенія, я долженъ просить васъ терпѣливо выслушать одно происшествіе, которое вамъ необходимо знать нужно.“

Они обѣщали слушать меня со вниманіемъ и приказали слугамъ опказывать всѣмъ пріѣзжающимъ; — чего не обѣщали бы онѣ въ эту минушу для меня, гоповаго съ нѣсколькими тысячами фуншовъ стерлинговъ годоваго дохода вступишь съ ними въ родство! . . . Теперь явлюсь предъ вами, читашели, героемъ романа; вы услышите испорію моей жизни, и меня радуешь, что буду имѣшь слушателей, болѣе почтенныхъ и болѣе внимательныхъ, нежели каковы были Лордъ и Леди Воріенъ: правда, что мужъ не пропускалъ, казалось, ни одного слова, но за то жена примѣшно занята была не рассказомъ, а изумруднымъ сердечкомъ, висѣвшимъ на часовой цѣпочкѣ моей, и вѣрояшно думала про себя: онъ конечно опдастъ эту прекрасную бездѣлку моей Мери, а она подаришь ее мнѣ. Однако я слишкомъ уклоняюсь

опть предмеша. . . . Вошь какъ началъ я раз-
сказывать:

„Вы уже, можешъ бышь, знаете, что богашое имѣніе бабушки моей опдано было второму сыну моего опца, который ввро-
яшно хотѣлъ купишь для него Першво, чтобы имѣшь еще другое въ нашей фамиліи. Вы пакже знаете, что со смерпію старша-
го брата, я наслѣдовалъ его богатымъ участкомъ, который, къ сожалѣнію, получилъ уже тогда, какъ богашство переспало имѣшь для меня какую-либо прелесць. Это возбу-
дило шолько во мнѣ чувства гореспи.

— Чшожь? постарались ли вы доспа-
вить себя Першво? — спросила Леди Во-
ріенъ.

„Нѣшь, сударыня! единственнаа женщи-
на, которую желалъ я видѣшь въ вѣнцѣ, ук-
рашающемъ супругъ Перовъ, сдѣлалась же-
ною другаго. Для нее можешъ бышь я ис-
калъ бы честей. Но съ надеждою обладать
ею, умерло и мое честполюбіе. Я любилъ,
любилъ спрасшно, и былъ взаимно любимъ.
Но я былъ прешій сынъ Лорда Ольдворша *)
а любезная моя была богата. Мои предложе-
ніа были опвергнушы, но я упѣшался сво-

*) При этомъ надбно вспомнить, что въ Англии одни ошаршіе сыновья наслѣдуютъ имѣніе опцевъ.

Пр. Пер.

имъ постоянствомъ и шѣмъ, что его раздѣляла со мною та, которую я любилъ. Я рѣшился ждать терпѣливо переменъ обстоятельствъ, въ надеждѣ, что они обратятся въ нашу пользу. Однако, не прошло и года послѣ сдѣланнаго мнѣ ошцемя ея ошказа, какъ она вышла за моего соперника, человека богатаго. Не могу, не смѣю распространяться о возобнавшихъ меня чувствахъ, когда узналъ я о томъ. Судите о моемъ тогдашнемъ состояннѣ по слѣдующему поступку. Я списалъ пѣсенку, которую пѣла она съ особеннымъ чувствомъ, дождался случая видѣть ее, когда въ улицѣ Бондъ (Bond-Street) выходила она изъ кареты, и, не говоря ни слова, сунулъ ей въ руку свой пакетъ. Тушь одинъ мой взглядъ былъ послѣдннѣ; другимъ я не смѣлъ воспользоваться, потому что она была слишкомъ прекрасна, хотя въ эшотъ разъ блѣдна и смущенна. Я пошчасъ уѣхалъ изъ Англнѣ, и не одинъ: добрая мать сопутствовала мнѣ, и ея стараннѣмъ, ея заботливой нѣжностью обязанъ я возвращеннѣмъ своего здоровья и своего разсудка. Тогда-то получилъ я имѣннѣ своей бабушки, но уже поздно: въ первыя минуты богатства мнѣ было даже прошивно.

„Я жилъ въ чужихъ краяхъ нѣсколько лѣтъ; машущка меня оставила тамъ послѣ

моего выздоровленія. Когда отецъ мой скончался, я почелъ обязанностію возвратиться въ Англію, чтобы въ свою очередь упѣшашъ ее, какъ она меня упѣшала. Отъ нея узналъ я, что сунругъ невѣрной моей Мери промышаль все ея имѣніе; что она находится въ плѣсныхъ обстоятельствахъ, а онъ, оставивъ ее, живеть въ чужихъ краяхъ. Она помилась въ бѣдности, тогда какъ я былъ богатъ; назовите это слабостию, если хотите, но для меня несносна была мысль, что она буждается въ чемъ либо, что можетъ быть куплено за деньги. Представьте же, какъ я досадовалъ, что не имѣлъ средства ей помочь.

„По кончинѣ отца моего, матушка переселилась въ деревню, лежащую въ десяти миляхъ отъ Клифтона. Я ѣздилъ туда всякое утро для разсвѣянія себя. Однажды случилось мнѣ идти пѣшкомъ въ слѣдъ за какимъ-то, покрытымъ рубищемъ инвалидомъ, опиравшимся на женщину, которая, казалось, сама едва передвигала ноги. Проходя мимо одной лавки, она оглянулась, увидѣла меня и, вскрикнувъ, упала въ обморокъ. Я успѣлъ поддержать ее, поднялъ на руки и понесъ въ лавку. Судите о моихъ чувствахъ, когда я увидѣлъ, что это была нѣкогда любимая мною Мери. По минованіи обморока, я помнилъ о

помъ всего болѣе, что она больна и что ей нужна помощь. Помнилъ и о томъ, что она лишилась чувствъ при взглядѣ на меня; но гораздо лучше не описывать того, что волнуешь душу при подобныхъ встрѣчахъ, хотя это всегда остаётся въ памяти. Я велѣлъ перенести ее къ ней въ домъ и самъ пошелъ туда; но что за домъ! — Неопрятная, темная лачужка, гдѣ нельзя было и дышать свободно. На усильнѣйшія просьбы мои о позволеніи видѣшь ее на другой день, Мери не сказала *нѣтъ*, я принялъ это за *да*; однако мнѣ отказали, когда я пришелъ, и на третій день послѣдовалъ такой же отказъ.

„Послѣ я услышалъ, что ей гораздо хуже, что она даже въ опасности. Всякой день, всякой часъ прѣзжалъ я навѣдываться объ ея здоровьѣ. Однажды слуга подалъ мнѣ письмо; я узналъ почеркъ, какъ онъ ни перемѣнился — почеркъ руки дорогой Мери. Немедленно отправился я домой, заперся въ своей комнатѣ и прочелъ слѣдующее:

— „Чувствую, что скоро не спанешь меня; а какъ смерть разрываетъ, сказывають, всѣ земныя обязанности, кромѣ тѣхъ, которыя освящены приверженностію взаимною и благословлены отъ Бога, то я съ радостію вижу ея приближеніе, желая открытъ тайну своего сердца. Знайте же, что я ни-

когда не любила никого, кромѣ васъ. Меня увѣряли, что вы измѣяете, что вы заняты другою; мало того: напечатали даже въ газетахъ о вашей женишьбѣ; но всѣ подобныя покушенія были неудачны: я объявила, что ваша измѣна не можетъ быть извиненіемъ для моей. Наконецъ рѣшились на послѣднее, ужасное испытаніе. Отецъ мой объявилъ мнѣ, что онъ раззорится, если я не выду замужъ за Г. Десмонда; что онъ ему долженъ большія суммы денегъ и одно согласіе мое можетъ уничтожить сей долгъ. Сперва не вѣрила я, но онъ представилъ мнѣ доказательства; показалъ даже пистолеть, которымъ намѣренъ лишить себя жизни въ случаѣ дальнѣйшаго моего упорства.“

„Подобныя происшествія обыкновенны; они бывали и съ другими. Я вышла замужъ, виновная въ вашихъ глазахъ, но невинная въ душѣ. Судите о чувствахъ моихъ, когда я получила отъ васъ любимую мою пѣсню, напомнившую мнѣ о счастливомъ минувшемъ времени. Въ первомъ движеніи я хотѣла писашь къ вамъ, оправдашъ себя; но подумавъ гѣсколько, удержалась отъ сего виновнаго и опаснаго намѣренія. Нѣтъ! говорила я самой себѣ: если онъ считаешь меня недостойною любви своей, пусть забудеть меня и сдѣлается счастливъ. Когда же онъ узнаешь,

что я вышла замуж по принужденію, что я передъ нимъ невиновна, что будете любить меня по прежнему, спанеть можете бышь искашь случая меня видѣшь и тогда — буду ли я въ состояніи прощившись влеченію своего сердца?“

„Слѣдуя правилу, что избѣгаешь искушеній есть первая добродѣтель, я къ вамъ не писала. О, любезный Тильке! не должна ли я радоваться теперь, что не довѣрала собственнымъ своимъ силамъ? Одна ваша мысль поддерживала меня въ несчастіи, и теперь, на смертномъ одрѣ, служишь мнѣ утѣшеніемъ.“

„Осчаеши мнѣ прибавить, что супругъ мой, увѣренный въ неискренности моего къ себѣ расположенія и подозрѣвая меня въ постоянной привязанности къ вамъ, обжидая со мною дурно. Разстройство имѣнія нашего меня радовало, потому что принудило насъ къ разлукѣ. Сердце мое день ото дня шерзалось болѣе; я день ото дня приближалась къ смерти, которая наконецъ готовившаяся приняшь меня въ свою обитель.“

„Теперь на душѣ моей стало легче. Въ послѣднія минушы жизни утѣшаюсь надеждою, что вы съ любовію будете вспоминать обо мнѣ. Но требую, чтобы вы для собственного моего спокойствія, почтили до-

брое мое имя. Одна, безъ покровительства, я не могу, не должна приниматьъ вашихъ пощещеній; увѣрена, что вы сами этого не захотите. Когда мы видѣлись въ послѣдній разъ, я замѣтила, что вы просили мнѣ мою ошибку, не выслушавъ еще моего оправданія; воспоминаніе объ этомъ будетъ улаждать мою душу до послѣдняго вздоха.“—

Мери.

Читатель! я не прочелъ этого письма слушавшимъ меня Лорду и Леди Воріенъ; рассказалъ имъ только содержаніе; этого было для нихъ довольно. Однако не скрылъ отъ нихъ, что было далѣе, а продолжалъ рассказъ слѣдующимъ образомъ:

„Дочитавъ письмо, я бросился на лошадь, поскакалъ къ своей мамери и вручилъ ей его, не сказавъ ни слова.

„Чего ты хочешь отъ меня?“ спросила она, прочитавъ со слезами письмо.

„Слѣдуйте влеченію вашего сердца.

„Понимаю себя“ — отвѣчала она, и написавъ нѣсколько спрочекъ, приказала закладывать карету.

„Лордъ Воріенъ! вы помните мамъ мою“ — сказала я, не много помолчавъ.

— Какъ не помнить? я спыдился бы, еслибъ забылъ женщину, бывшую честию и украшеніемъ своего пола. О, какъ бывало мы,

молодые люди гордились другъ передъ другомъ, когда она брала кого нибудь изъ насъ къ себѣ въ карету! Какъ почишали себя счастливыми, когда находили случай оказашь ей дань должнаго уваженія! —

„Благодарю васъ, Милордъ — опивчалъ я съ глубокимъ чувствомъ — за такую ласку о несравненной моей матери. И такъ, Милордъ, добрая мать моя взяла на себя попечение о бѣдной моей Мери и, по прѣздѣ нашемъ въ Клифтонъ, отправила къ ней записку, чшобъ предупредить ее о своемъ посвщеніи. Мери, несказанно благодарная за такую честь, послужившую ей припомъ лучшимъ доказательствомъ того, что я прости и уважаю ее, приняла мать мою и согласилась на всѣ ея желанія.

„Того же вечера перевезли больную, укутанную одеялами и обложенную подушками, въ лучшій домъ въ Клифтонъ. Тамъ мапушка осмалась съ нею и ходила за Мери, какъ за дочью. Зная, что невозможно самой клеветъ сказать что нибудь противъ женщины, находящейся подъ покровительствомъ Леди Ольдвортъ, Мери позволила тогда и мнѣ посвщашь себя раза два въ недѣлю въ присутствіи моей матери. Здоровье ея часъ ошъ часу смало поправляшьяся, и въ

впо время получено было извѣстіе о смерти ея мужа.

„Какое благополучіе меня ожидало! — Мери, услаждаемая надеждою, выздоравливала, и добрая мать моя упѣшчалась будущимъ нашимъ счастьемъ. Но въ то время, когда Мери спало, казалось, гораздо уже лучше, вдругъ однажды начала она дышать тяжелье обыкновеннаго. Еще въ разговорѣ со мною произносила она слова: „Мы будемъ наконецъ счастливы, послѣ такихъ спраданій!“ какъ внезапно занялось у нея дыханіе, сдѣлались судороги и —она умерла, не испустивъ ни одного жалобнаго вздоха.“

Тутъ я вышла въ другую комнату, чтобы на свободѣ предаться чувствамъ, которыхъ, думаю, не были раздѣлены. Впрочемъ можешь быть я несправедливъ на счетъ Лорда Воріенъ, потому что раза два замѣшилъ на лицѣ его участіе, и не безъ основанія заключалъ, что онъ никогда не любилъ своей Леди.

„Теперь, Милордъ, — сказала я, возвращаясь назадъ — вы увидите изъ окончанія моего разсказа, для чего я беспокоилъ васъ вѣщими подробностями.

„Сполъ неожиданный ударъ былъ слишкомъ для меня чувствительенъ; однако испылавъ уже чувство ошчаянія и привык-

нубъ къ той мысли, что не могу владѣть предметомъ своей любви, я не такъ былъ пораженъ поперекъ Мери, какъ того ожидали. Припомъ упѣшала меня мысль, что богатство мое нѣкоторымъ образомъ способствовало къ облегченію ея участи; что моя мать ходила за нею и была для нея Ангеломъ - утѣшителемъ въ послѣдніе часы ея жизни; а болѣе всего, что она умерла счастливою. Увлекаясь сими сладостными чувствами, я дѣлалъ различные планы, которые были одобряемы машушкой. — Но я вижу, что на лицѣ Леди Воріенъ написаны скука и неперпвніе.“

— О, нѣтъ! я принимаю полное участие въ вашемъ разсказѣ; сдѣлайте одолженіе, продолжайте. —

„Въ числѣ сихъ плановъ былъ слѣдующій: предохранить какую нибудь добродѣтельную чепу отъ несчастія, могущаго постигнуть ее отъ корыслолюбивыхъ видовъ родителей, несчастія, испытаннаго моею возлюбленною Мери отъ брака, въ которомъ сердце ея не имѣло никакого участія. Значительную денежную сумму опложилъ я для того, чтобы опдать ее первой чепъ, связанной взаимною склонностію, но не могущей, по бѣдности, утвердить сей связи узамъ брака; я хотѣлъ опклонить такимъ об-

разомъ, гибель двухъ существъ, которыя безъ того были бы принуждены всупити въ свѣзи, пагубныя для нихъ и проотивныя Господу Богу нашему.

„Эта сумма такъ теперь возрасла, что можно обогатить ею не одну невѣсту. Я полагаю, что употребивъ ее сходно съ моимъ назначеніемъ, воздамъ лучшую дань праху несчастной моей Мери. И такъ послушайте меня, Лордъ и Леди Воріенъ! Повторяю торжественно обѣщаніе, что устрою судьбу прехъ вашихъ сыновей; но бытъ супругомъ Леди Мери не соглашаюсь. Нѣшь, Милордъ, пусть она отдастъ руку чловѣку, котораго сама выберетъ, а я дамъ ей достаточное приданое.“

— Онь души согласенъ! — вскричала Лордъ Воріенъ; но Леди, помолчавъ, сказала: „Однако, сударь, у Г. Мершала ничего нѣшь.“ —

„Онь владѣетъ сердцемъ Леди Мери; припомъ, говорятъ, онъ имѣетъ дарованія и хорошо ведетъ себя.“

— Правда, сударь, но эпитмъ жить нельзя. Воспитаніе Мери стоило намъ большихъ издержекъ. . . . —

„Хорошо, сударыня; Г. Мершаль на дняхъ всупитъ во владѣніе имѣніемъ, которое будѣтъ ему приносить ошь 12 до 15

тысячь фуншовъ сперлингговъ въ годъ. Довольны ли вы эшимъ?“

— О, конечно! и если уже вы не хопите на ней жениться. . . . —

„Мнѣ, сударыня, взяшь ее за себя послѣ того, что я знаю! За кого вы меня принимаете? Стыдишесь, Леди, я краснѣю за васъ!“

— И я также — сказала мужъ — я душевно радъ благополучію милой дочери. Скажише какимъ образомъ изъявишь вамъ нашу благодарность? —

„Не называя меня; да, вы обяжете меня, сказавъ просто Леди Мери, что я сдѣлалъ вамъ предложеніе взять ее за себя и что оно принято. Предоставъше мнѣ открышь ей истину.“

Они дали мнѣ слово и я, какъ женихъ Леди Мери, приглашенъ былъ къ обѣду.

День эшопъ былъ конечно счастливейшимъ въ моей жизни. Я сдособснвовалъ соединенію двухъ вѣрныхъ и спраспныхъ сердець и чувснвовалъ, что живу на свѣшъ не даромъ.

Отъ Лорда Воріенъ я повѣхалъ къ Меришалу, а на случай, если не застану его дома, заготовлено у меня было письмо, въ которомъ объяснивъ все происшедшее, приглашалъ я его пріѣхать въ шопъ же вечеръ къ Лорду Воріенъ и приказашъ меня вызвашъ.

Однако я заспаль его — вошелъ къ нему въ комнату съ письмомъ своимъ въ рукъ, попому чшо не зналъ, какъ начашъ разговоръ. Думаю, чшо на лицъ моемъ было чшо нибудь странное, попому чшо на его лицъ изобразилось большое удивленіе и онъ казался, пакъ встревоженнымъ опъ сего неожиданнаго посѣщенія, чшо даже не попросилъ меня сѣсть.

„И пакъ, сударь“ — сказала я самымъ недовкимъ образомъ — „вы говорили мнѣ, чшо не женишесь, а я думаю, чшо вы ошиблись.“

— Какъ, сударь, развѣ слова мои не заслуживаютъ довѣрія? — вскричалъ онъ гордо, какъ бы позабывъ, чшо недавно вспунилъ въ духовное званіе. —

„Напрошивъ, сударь; однако я увѣренъ, чшо вы должны скоро женишесь.“

— Пустое! вы сами знали, по крайней мѣрѣ догадывались. . . —

„Зналъ и догадывался, но несомнѣнно пакже знаю, чшо вы женишесь на Леди Мери Ловели.“

— Милоспивый государь! — вскричалъ Мерипаль, поблѣднѣвъ — такога оскорбленія, такой жестокой шушки, такой насмѣшки надъ моими чувспвами, я опъ васъ не ожидалъ. —

„Вы правы — сказала я — это похоже на насмѣшку, и я старый пуспомѣля; но какъ вы хотишите, чшобъ я дѣйствовала не безразсудно: я такъ счастлива! такъ рада! Между шѣмъ прочишите это и вы, можете быть, извишите меня.“ При сихъ словахъ вручила я ему письмо свое, Счастливыи юноша! какъ я ему завидовала. Я не могъ не вспомнить разлуки моей съ бѣдною Мери. Не дочитавъ, еще письма, онъ воскликнулъ: „О, милосливый государь, этого слишкомъ много!“ бросился въ другую комнату и заперъ за собою дверь. Черезъ нѣсколько минутъ онъ возвратился и, схвативъ мою руку, сказалъ: Что я долженъ говорить? какъ изъяснить вамъ мою благодарность?

„Вы мнѣ ничѣмъ не обязаны. Я отдаю вамъ Леди Мери, чшобъ самому ошъ нее избавишься.“

— Какъ, сударь? —

„Точно такъ; если бѣ не вы, то мнѣ пришлось бы на ней женишься. Чшобъ ошдѣдалась ошъ Лорда Лодесса, она мнѣ предложила свою руку, и я для собственной обороны принужденъ былъ искать средствъ къ вашему браку.“

— Вы шушите, сударь! —

„Нимало. Она думала, что вы ей изменили и желая выдти замужъ, чшобъ избѣ-

жашь гоненій мапери, она предпочла меня Лорду Лолессу.“

— Я этому не удивляюсь; но въ шакомъ случаѣ желалъ бы лучше, чѣтобъ она вышла за Лорда Лолесса, пошому чшо васъ она полюбила бы. —

Эшо комплиментъ, кошорымъ молодой человекъ въ немногихъ словахъ отблагодарилъ мнѣ, какъ нельзя лучше, за всѣ мои услуги.

„Благодарю васъ“ — отвѣчала я; — „но мнѣ здѣсь нельзя оставаться долго: зайдите сегодня вечеромъ къ Лорду Воріенъ — шамъ увидимся. Предоставьте мнѣ все устроить.“

Я повхалъ домой, чѣтобъ въ уединеніи собраться нѣсколько съ духомъ; пошомъ одѣвшись, отправился обѣдать къ Лорду Воріенъ. Но какой ударъ для моихъ пламенныхъ чувствъ ожидалъ меня здѣсь. Леди Мери, казалось, съ такимъ же отвращеніемъ взирала на меня, какъ и на Лорда Лолесса. Чувствуя, что шого не заслуживаю, я разсердился, вздумалъ наказать ее, а вмѣстѣ и приготошить къ происшествіямъ приближающагося вечера. Ведя ее къ сполу, сказалъ я: „Г. Мерипаль, кажешся, не женился.“

— Я уже слышала эшо ошъ сестры моей — сказала она.

Тутъ я понялъ причину холодности Леди Мери, но все таки думалъ, что она поступаетъ со мною нехорошо, тѣмъ болѣе, что въ обращеніи своемъ съ нею я совсѣмъ не предспавлялъ изъ себя страшнаго любовника и слѣдовательно ей не за-что было неодовашъ на меня. Я рѣшился продолжить срокъ ея страданій до прибытія Мерипала.

Въ девять часовъ доложили мнѣ, что кто-то желаетъ меня видѣть. Тогда подошедъ къ Леди Мери, сказалъ я, что Лордъ и Леди Воріенъ, какъ ей извѣстно, согласились на мое предложеніе и потому мы думаемъ, что чѣмъ скорѣе свадьба, тѣмъ лучше.

Леди Мери, смущенная и блѣдная, отвѣчала: я не вижу причины спѣшить; чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ. . . .

„Нѣсколько мѣсяцовъ! Жестокая Леди! взгляните на мои сѣдые волосы; или вы хотите пообождашь, не послѣдуетъ ли со мною между тѣмъ какой нибудь рѣшительной перемѣны?“

Леди Мери вспревожилась и чувствуя, что сказала нѣчто, весьма для меня не лестное, отвѣчала: Очень хорошо, сударь; и шакъ чрезъ нѣсколько недѣль. —

„Я думалъ, что вы скажете дней“ — продолжалъ я. Отецъ и мать подтвердили шожу, но Леди оспавалась шверда въ своей рѣ-

шимости. Тогда сказала я, что меня въ приемной ждешь человекъ, котораго я хотѣла предсавить въ ихъ домъ, какъ избраннаго мною для совершенія брачнаго обряда; а теперь и ксшапи — прибавилъ я — пошому что въ день свадьбы совсѣмъ не время знакомиться. Пошомъ примолвилъ я съ улыбкою: „Если онъ при этой церемоніи не будетъ играть главной роли, то не бывашь и свадьбъ.“

Лордъ и Леди Воріенъ поняли меня и усмѣхнулись; но Леди Мери такъ была разспроена, что не обратила вниманія на сказанное мною. Она слышала шодько, что я намѣревался привесити человекъ, назначеннаго для совершенія брачнаго обряда — и одна мысль о томъ казалась ей несперпимою.

Я вышелъ изъ комнашы и возвратился съ Мерисалемъ. Увидѣвъ своего любезнаго, Леди Мери вскрикнула, хотѣла броситься къ нему и упала въ обморокъ въ объятія своего ошца. Тушь увидѣлъ я, что сдѣлалъ глупость, вздумавъ шумить чувстввами которыя заслуживали большаго уваженія. Но скоро Мери оправилась и скоро узнала свое благополучіе, пошому что тогда все объяснилось. Одинъ взглядъ на это благополучіе, произведенное мною, былъ драгоцѣннѣйшимъ бальзамомъ для моего сиропспвующаго сердца.

Короче сказать: Леди Мери согласилась выдти замужъ за Мерипала спустя *нѣсколь-ко дней*, тогда какъ за меня не хотѣла выдти прежде *нѣсколькихъ недѣль*. Такимъ образомъ она совершенно погасила во мнѣ искру самолюбія, которую зажгла сама, и теперь такъ довольна своею судьбою, что я тщетно ожидаю: чшобъ когда нибудь сказала она мнѣ: „Ахъ, Г. Трегошинъ, если бѣ вы сами на мнѣ женились!“

Тильке Трегошинъ.

А Н Е К Д О Т Ъ.

Во Французской Академіи дѣлали сборъ въ пользу бѣднаго семейства. При перечетѣ денегъ не оказалось полу-луидора. Пало подозрѣніе на одного члена, известнаго своею скупостью, въ томъ, что онъ не положилъ своей части; однако же тотъ утверждалъ, что дѣйствительно положилъ. „Я не видалъ этого“ — сказалъ собиравшій деньги — „но охотно вамъ вѣрю“ — „А я видѣлъ“ — приподвигъ Фоншенель — „но испинно не вѣрю.“

М Ш Е Н І Е.

Первые лучи восходящаго солнца оспра-
зидись въ водахъ Ніагары. Въперъ воздымалъ
волны, едва освободившіяся ошъ ледянаго по-
крова, когда Иллина возспала съ одра своего,
на кошоромъ шщепно искала покоя. Уже на-
ступило шрешіе утро съ шого дня, какъ су-
пругъ ея, вооруженный лукомъ, стрѣлами и
оспкою шомогавкой, сокрылся за холмомъ,
въ шой споронѣ, ошкуда лились спруи Ніа-
гары и гдѣ — Иллина знала шо — рѣка да-
леко высшупила изъ береговъ и всѣ окреш-
ноши были покрышы льдомъ и водою. Не-
рѣдко проводилъ Машонаба цѣлые дни и ночи
на звѣриной ловлѣ: когда искалъ онъ оленя
или пшицъ на пищу своего семейшва, или
черныхъ лисицъ, медвѣдей, рысей и другихъ
звѣрей, кошорыхъ кожи промѣнивалъ Ан-
гличанамъ на водку, шабакъ, порошокъ и по-
добныя надобности. Но шеперь, когда вся
земля крutomъ была подъ водою, когда по-
всюду разрушающійся, рыхлый снѣгъ и самыя
лѣса дѣлались непроходимыми, нельзя было и
думашъ объ успѣшной ловлѣ. Къ шому же въ
послѣднее время случилось многое, чшо по-
гружало въ печаль бѣдную Иллину. Уже нѣ-
сколько дней былъ Машонаба врачень и не-

дослупень : казалось , какое-то враждебное намѣреніе возмущало его душу. Тщательно вычисливъ онъ свое оружіе, изоспривилъ тяжелую помогавку и во время работы проносилъ непонящныя слова. Иллина не смѣла спросить о причинѣ его неудовольствія, еще менѣе объ его намѣреніи; ибо Канадецъ жестокъ и обходился съ женою не такъ, какъ съ другомъ и помощникомъ, но какъ съ рабою, кошорая должна служить ему и избавляетъ его отъ хлопотъ хозяйственныхъ, для него непріящныхъ и пятгоспныхъ.

Не взирая на то, любила она суроваго мужа, и сердце ея было полно благодарности къ Великому Духу, Который указалъ ей Машонабу на одномъ празднествѣ усопшихъ, въ собраніи цѣлаго поколѣнія. Въ это время, по обычаю предковъ, кости умершихъ родственниковъ и друзей были вырыты изъ могилъ и, облеченныя въ новыя шкани, перенесены на общее кладбище. Между ними находились и шѣла обоихъ родителей Иллины. Бѣдная дѣвушка была тогда еще очень молода и одинока въ мірѣ: при взглядѣ на исплѣвшіе останки любезныхъ ея сердцу, горестъ такъ овладѣла ею, что она не въ состояніи была исполнить своей обязанности при печальной церемоніи. Тутъ увидѣлъ ее Машонаба, въ то время одинъ изъ прекраснѣйшихъ и хра-

брѣйшихъ воиновъ своего поколѣнія, почувствовавъ сожалѣніе къ безпомощной, пособилъ ей окончишь начашое и попомъ почти безчувственную проводилъ въ бѣдную ея хижину, спараясь влишь ушѣшеніе въ душу несчастной.

„Здѣсь живешь ты?“ спросилъ онъ, войдя въ двери и увидя, что въ хижинѣ не было никакой домашней ушвари, кромѣ одной полуразбитой кружки для черпанія воды и нѣсколькихъ изорванныхъ рогожъ. — „Здѣсь живешь ты, дѣвушка? Кшо же кормишь себя? Кшо служишь тебѣ защитникомъ?“

— Великій Духъ — отвѣчала Илина. — Онъ питаешь меня съ тѣхъ поръ, какъ скончалась мать моя — отецъ умеръ гораздо ранѣе — и вопъ уже тридцать разъ измѣнился образъ луны, какъ я одна въ мѣрѣ: Онъ засѣваетъ мансомъ маленькое мое поле; Онъ указываетъ мнѣ рыбу, плоды и коренья, когда я шерплю голодъ.

„А ты вѣрно часпо шерпѣла голодъ, бѣдная дѣвушка?“

— Ахъ, часпо! — отвѣчала Илина — но я здорова и живу еще.

„Ты не будешь впередъ шерпѣшь голодъ и собираешь коренья“ — воскликнулъ Машонаба и съ сердечнымъ чувствомъ прижалъ къ груди своей дѣвушку. — „Ты должна жить

*

въ моей хижинѣ, раздѣлять со мною плоды полей моихъ и добычу моей охоты. Я богатъ, ты знаешь это, и мечь мой спрашенъ врагамъ. Хочешь ли быть моею женою? Я вонзаю проси въ эту землю; что сдѣлаешь ты?“

Илина пренетала, какъ лисъ пополя: яркій румянецъ разлился по блѣдному лицу ея, на которомъ до сихъ поръ видны были только слѣды печали. Украдкою осмѣлилась она бросить взоръ на спройнаго юношу. Ахъ! Матонаба былъ прекрасенъ, храбръ, и одинъ изъ отличнѣйшихъ воиновъ поколѣнія. Какъ могло ей, когда либо придти въ мысль, что онъ обратитъ на нее свое вниманіе! Слезы выступили изъ глазъ ея; съ спѣшеннымъ сердцемъ искала она бамбуковой проси, коштра лежала во внутренности хижины и шрепещущими руками вошкнула ее въ землю подлѣ проси молодого воина. — Такъ Индѣецъ сватаеця за дѣвушку и шакъ опвѣщаетъ невѣста, если женихъ ей нравиця.

Такимъ образомъ Матонаба нашелъ себя жену и никогда еще не раскаявался въ томъ, что избралъ блѣдную, но прекрасную и скромную Илину; потому что она любила его нѣжно и уже родила ему чешырехъ здоровыхъ, пригожихъ мальчиковъ. И она могла счищать себя счастливою передъ другими жен-

щинами своего поколѣнія: хопя Машонаба, какъ и большая часть его единоплеменъ, былъ суровъ, дикъ и мстительнъ прошивъ враговъ своихъ; но жену любилъ онъ искренно и обходился съ нею нѣжнѣе, нежели прочіе воины.

Уже нѣсколько лѣтъ провели они въ пакомѣ супружествѣ. Машонаба началъ приучать старшаго сына натягивать шепиву, управляя удою и ловить маленькихъ пшичекъ; иногда бралъ его съ собою и въ лѣсъ. И пренѣягодня Міами хотѣлъ идти съ ошцомъ; но Машонаба сурово ошполкнулъ ласкавшася къ нему мальчика, такъ что онъ со стономъ упалъ у порога хижины, и Иллина не осмѣлилась поднять и ушъшишь малюшку, пока мужъ ея совсѣмъ не скрылся изъ виду.

Такимъ видала она рѣдко своего супруга, и подобные случаи никогда не предвѣщали добраго. Это значило, что Машонаба отпра-влялся на какое нибудь важное дѣло: на опасную охоту или другое смѣлое предпріятіе. Трепеща, собрала она вокругъ себя дѣтей и заспавила ихъ молишься Великому Духу, чтобы Онъ ниспослалъ ошцу ихъ успѣшную ловлю и возвратилъ его счастливо домой. Но уже два раза восходило и заходило солнце, а Машонабы не было. Невѣдомое безпокойство овладѣло душою Иллины; воображе-

ніе ея было наполнено различными опасностями, копорыя угрожали отважному охотнику: ея устрасали и разлившаяся рѣка, и непроходимыя дороги, и обманчивый ледъ, покрывавшій еще нѣкошорыя мѣста. Такъ встрѣшила она прешіе устро, какъ вдругъ маленькой Міами, выглянувъ въ дверь, закричала: „Башюнка идешь! вонъ спускается онъ съ холма!“ — и безпокойство Иллины исчезло; она забыла негодование свое на суроваго мужа, побѣжала съ дѣшми къ нему на встрѣчу и обвилась около его шеи. Но Машонаба обнявъ ея молча, едва приласкавъ дѣшей, поставилъ помагавку свою, на рукояшкѣ кошорой Илина примѣтила слѣды крови, въ уголь, гдѣ было обыкновенное ея мѣсто, снялъ съ плеча лукъ и колчанъ, повѣсилъ ихъ на спѣну и съ трубкою во рту, не говоря ни слова, разпростерся на рогожѣ передъ дверьми хижины.

Машонаба никогда не открывалъ женѣ своихъ намѣреній и поступковъ, а поному ей не приходило и на мысль спросить его, гдѣ онъ былъ и ошъ чего шакъ мраченъ. Нѣсколько часовъ прошекло. Илина сидѣла и плела рогожу, маленькія дѣшми играли на полу, Машонаба вошелъ въ хижину и исправлялъ охотничій свой снарядъ; старшій сынъ помогалъ ему. Вдругъ зашумѣло въ ближнемъ

кустарникъ — и Тонго, могучій вождь, живущій по ту сторону холма, вышелъ изъ чащи, въ полномъ вооруженіи, съ подъяпою съкирою, перешелъ черезъ садъ, окружающій хижину, и молча оспановился въ дверяхъ ея.

Видъ война не предвѣщаль ничего добраго. Иллина ужаснулась, какъ бы злое предчувствіе объяло ея душу. Но она молчала. Матонаба взглянулъ, увидѣлъ Тонго, и Иллина примѣтила, что мужъ ея невольно содрогнулся. Эшо умножило спрахъ ея; — но и Матонаба безмолвствоваль. Такое молчаніе продолжалось нѣсколько минушь, въ печеніи копорыхъ пришлецъ мрачнымъ, грознымъ взоромъ осматриваль всю внутренность хижины, какъ бы искалъ въ ней чего нибудь, и пошомъ спросиль: „Эшо швои дѣши?“ — Да — ошвѣчаль Матонаба. — „И у себя нѣтъ сына старше эшого?“ — Нѣтъ — сказалъ мрачно Матонаба, и Тонго началъ снова: „Вчера ты убилъ моего брата; ты знаешь эшо, и я шакже. Не хочу изслѣдовашь, имѣль ли ты причину напасъ на него, — пошому что вы издавна были враги другъ другу; но кровь моего брата вопіеть о мщеніи и я пришелъ для шого сюда.“

При сихъ словахъ Иллина съ ужаснымъ крикомъ вскочила съ своего мѣста; маюнки, не понимая ж сами, чего хотѣль незна-

комецъ, подняли сильный вопль; одинъ только Машонаба стоялъ недвижимъ и безъ боязни смотрѣлъ въ лице пришлеца.

„Успокойтесь“ — сказала сей — „и укротите ваши сненанія. Я вижу, Машонаба, что дѣти твои еще малы и не въ силахъ прѣкормить мать свою. Оплагаю минушу мщенія за кровь моего брата и ожидаю, когда твой старшій сынъ низложитъ перваго оленя и будешь въ соспояннн заспутишь твое мѣсто въ семействѣ. До тѣхъ поръ прощай!“ — Съ сими словами Тонго обратился назадъ и вышелъ изъ хижины. Илина, сильно объятая разнородными чувствами, возродившимися въ душѣ ея, не могла въ ту же минушу принести благодарности великодушному врагу, и когда, пришедъ въ себя, побѣжала съ дѣтьми за нимъ, онъ уже исчезъ въ чащѣ лѣса.

Машонаба былъ безмолвнымъ, мрачнымъ свидѣтелемъ сего происшествія. Въ твердой душѣ его угрозы мстителя не произвели ни малѣйшаго страха, послѣдній благородный опзывъ Тонго не возбудилъ никакого радостнаго чувствованія. Когда Илина со слезами бросилась на шею къ своему мужу, онъ уклонился отъ нее съ важнымъ, но не суровымъ видомъ, схватилъ лукъ и колчанъ, бросилъ взглядъ на бѣдную жену, кошорая съ

безпокойствомъ смотрѣла на него, позвала старшаго сына, отдала ему колчанъ, и сказала: „Вставайше, молодые пшеницы, чшобы мать могла пригошовишь вамъ сегодня сыпный обѣдъ!“

Такъ оставилъ онъ съ Міами хижину и уже подъ вечеръ, когда солнце почти совсемъ сокрылось за лѣсомъ, возвратился весело домой. Міами бѣжала впереди отца, еще издали показывала добычу: нѣсколько убитыхъ пшеницъ, и вручила ихъ матери съ условіемъ, чшобы самая лучшія перья отдала она ему для украшенія праздничнаго его наряда. Съ охотою согласилась Илина на все — и могла ли она отказать въ чемъ нибудь? Любезный ей сердцу, отецъ дѣшей ея, возвратился здоровъ и весель послѣ такой большой опасности!

Ошнимъ жизнь сего семейства шекла по прежнему. Хотя въ первое время въ груди Илины и не угасало еще безпокойство, произведенное угрозою Тонго; хотя мысль объ ея исполненіи, какъ бы поздно оно ни случилось, оправляла горестію одинокіе часы ея; но мало по малу человекъ привыкаетъ къ самымъ ужасамъ, и шоска, кошорая сначала не даетъ покоя, не впускаетъ ни малѣйшей радости въ сердце, дѣлается наконецъ привычнымъ жаломъ въ груди на-

шей, кошораго уязвленія уже не споль чув-
спвишельны. Со временемъ прокрался и лучъ
надежды въ душу Иллины. Тонго, одинъ изъ
опваживъйшихъ воиновъ, могъ погибнуть въ
сраженіи прежде, нежели успълъ бы совер-
шить кровавое свое намѣреніе, или какой
либо благопріятный случай могъ примирить
его съ Машонабою и шѣмъ опвратить гро-
зящее послѣдному мщеніе: — о, на что не на-
дѣешься нѣжное сердце, препещущее за свое-
го любезнаго — и мать, любящая въ супругъ
своемъ опца и хранишеля милыхъ дѣшей ея?

Годы приходили и уходили, жапы маи-
са мѣнялись съ зимними морозами, войны на-
чинались и оканчивались, и примиренные вож-
ди не разъ курили вмѣспѣ изъ калюмеша ми-
ра. Въ шакихъ бишвахъ Машонаба часпо сра-
жался подлѣ храбраго Тонго, часпо въ ноч-
ныхъ нападєніяхъ совершалъ съ нимъ опваж-
нѣйшіе подвиги и не одинъ скаल्पъ былъ
ихъ добычею. Дома училъ онъ сыновей сво-
ихъ напягивашъ лукъ, управляшъ дрошикомъ,
и старшій уже приносилъ иногда машери
пшиць и бѣлокъ, убишыхъ его рукою или
рыбъ, обманушыхъ его удою.

Уже принадлецашъ разъ видѣлъ онъ цвѣшъ
маиса, и послѣ осеняго равноденшвіа, ког-
да природа дала лѣснымъ звѣрямъ зимнюю ихъ
одежду; когда лисица и рысь, медвѣдь и кунница

покрылись красивыми мѣхами, опець взялъ его съ собою въ полуобнаженные лѣса, чѣобы принести домой хорошую добычу, и драгоценныя кожи промѣнялъ въ ближайшей Англійской колоніи на необходимыя зимнія по потребности. Еще позднее осеннее солнце не показалось изъ за холма, какъ веселый мальчикъ оставилъ свое ложе и съ немеркнѣющимъ ожидалъ минушы, когда опець пойдетъ съ нимъ на охоту и онъ въ первый разъ опвѣдаетъ силы свои, свое искусство на большемъ, способнѣйшемъ къ защитѣ звѣрь.

Цѣлый день пробыли они въ лѣсу, и тогда, какъ уже мѣсяцъ споялъ высоко на небѣ и сквозь густыя облака слабо освѣщала имъ дорогу, возвратились домой. Міами поржесствовалъ: на плечахъ его висѣла кожа прекрасной лисицы, копорую онъ самъ убилъ съ дерева, гдѣ подсперегалъ ее, и съ копорую онъ долженъ былъ долго бороться, пошому чшо не умершвилъ ее съ перваго раза.

Иллина съ меньшими сыновьями вышла къ нимъ на встрѣчу. Старшій съ радостію прибѣжалъ къ ней, показывая красивую кожу лисицы и опець съ одобряющимъ видомъ сказалъ, чшо онъ былъ сегодня доволенъ своимъ Міами. „О мапушка!“ — воскликнулъ мальчикъ: „ны увидишь, я буду шакой же

славный охошникъ, какъ и бапюшка, и весною навѣрно убью для себя перваго оленя.“

При сихъ словахъ Иллина поблѣднѣла. Роковое условіе, которое нѣкогда споль долгое время перзало ея душу, опозвалось снова въ ухахъ ея, и укрѣпляющіяся силы Міами, его близкій къ юношескому возрастъ, срокъ, назначенный Тонго, съ ужасомъ предстали ея воображенію. Но она не сказала ни слова о томъ, чѣмъ угрожало отцу его, и Машонаба безъ сомнѣнія былъ бы недоволенъ, если бы узналъ причину ея печали.

Съ сей минушы спокойствіе, мало по малу распространившееся въ душѣ Иллины, снова исчезло. Съ горестію встрѣчала она каждое ушро, ибо каждое болѣе и болѣе приближало эпоху возмужалости Міами и ея величайшаго несчастія. О, какъ часто, когда Машонаба, въ полномъ вооруженіи, собирався на охошу, и она съ нѣжностію смотрѣла на мощнаго, прекраснаго воина, мысль: долго ли еще? немовѣрною тяжестію подавляла ея сердце! Тогда она должна была уходить, чтобы скрыть слезы, противъ воли вырывающіяся изъ глазъ ея.

Но какъ ни старалась она погребсти въ груди своей перзающую ея печаль, Машонаба примѣшилъ грусть ея, ибо и онъ помнилъ, чѣмъ его ожидало. Такъ, по общи-

венному чувству, узналъ онъ причину скрытой скорби жены своей, и это чувство сдѣлало его мягче и нѣжнѣе, нежели какъ онъ былъ обыкновенно. Чаше прежняго взоръ его покоился на ней и на дѣтяхъ съ выраженіемъ сожалѣнія и горести; иногда внезапно, съ жаромъ прижималъ онъ ее къ груди своей и ласкалъ сыновей. Илина отвѣчала на его поцѣлуи сердечною нѣжносцію, не рѣдко и слезами, которыхъ не въ состояніи была удержашь. Но она и теперь молчала: если бы даже и не удерживала ее боязнь раздражить мужа, гдѣ бы наша она слова, способныя выразить неизяснимую шокку, раздражающую ея сердце?

Такъ пропекла зима. Снѣгъ стаялъ съ горъ, ледяные оковы рѣкъ распались, зелень начинала покрывать широкія поля, и справа роскошно выбивалась изъ земли, которой не воздѣлывала еще рука человѣческая. Мало по малу лѣса одѣлись; шюльпанное дерево развернуло свои свѣтлозеленые, ошупленные листья; лианы оплели зеленою сѣтью дубъ и плашаны, и появленіе дичи въ такое время, когда земля не даетъ еще пышительныхъ расцвѣтій, щѣмъ болѣе призывало охотника къ обыкновенному его занятію.

Съ каждымъ днемъ Илина спрашивалась насупленія ужасной эпохи, грозящей разру-

шеніемъ всего земнаго ея счастія. Она чувствовала это теперь болѣе нежели прежде, ибо нѣжное обхожденіе Машонабы во время зимы привязало ея сердце еще пѣсивѣйшими узами къ отцу дѣшей ея, къ собственному ея хранищелю, который возбудилъ въ ней первый прѣпетъ любви.

Четырнадцатая весна Міами совершилась; онъ раздѣлялъ уже всѣ пруды, всѣ занятія отца своего. Однажды вечеромъ, возвращаясь съ нимъ съ охоты, принесъ онъ на плечахъ своихъ тяжелаго оленя и сбросивъ его у дверей хижины, съ гордостію возвѣстивъ машери о первомъ мужественномъ своемъ поступкѣ.

Крикъ отчаянія былъ отвѣтомъ на слова его. Теперь совершилось то, чего Иллина споль долго спрашивалась! — „Несчастный!“ воскликнула она: „что ты сдѣлалъ?“

Съ гнѣвомъ возразилъ Міами: „А ты, машушка, что дѣлаешь ты? Такъ ли принимаешь сына, который въ первый разъ предсталъ предъ шебя, какъ мужъ и воинъ? — Баляшка!“ — присовокупилъ онъ, обращаясь къ отцу, который медленно за нимъ следовалъ: „изъясни мнѣ это; я не узнаю моей машери.“

Мрачно посматрѣвъ Машонаба на умерщвленнаго оленя, положилъ руку на главу сына, и сказалъ: „Ты поступилъ мужественно“

попомъ прижалъ Иллину къ своему сердцу и безъ гнѣва взиравъ на горячія слезы, текущія ручьемъ на грудь его. Лаская ее, призывалъ онъ къ себѣ сына, котораго съ неудовольствіемъ хопѣлъ отойти прочь, и сказалъ ему: „Эшо машъ швоа; съ забошою возрасшила она тебя; почиай и люби ее, и будь ея подпорою, когда меня не станешъ на свѣвѣ!“

Міами подавъ руку машери: „Клянусь Великимъ Духомъ — произнесъ онъ — я буду ея подпорою. Но машушка должна также радоваться, когда я поспуцаю какъ мужъ и воинъ.“

Прошело нѣсколько дней. Машонаба провелъ ихъ въ мрачномъ расположеніи духа, но спокойно. Иллина не осушала слезъ своихъ, не могла изгнать изъ груди шомишельной скорби. Міами не понималъ странности своихъ родителей, но мало заботясь ошомъ, продолжалъ обыкновенныя свои занятія.

Въ одно утро, когда все семейство сидѣло вмѣстѣ подлѣ хижины, подлѣ пѣвнью плановаго дерева, и Міами исправлялъ свои сѣщи, чтобы на другой день отправишься на рыбную ловлю — вдругъ предсталъ предъ ними вооруженный воинъ. — Эшо былъ Тонго. Иллина съ ужасомъ вскочила съ своего мѣста, Машонаба молча вспалъ и пошелъ на встрѣчу пришлецу. Міами съ радостнымъ

взоромъ разсматривалъ прекрасное оружіе война: его блестящую шомогавку, ярко свѣтящійся ножъ, красивыя перья на поясъ, отличной работы лукъ. Тонго, посмошрѣвъ нѣсколько минушь важно, но безъ гнѣва, на собравшуюся группу, сказалъ: „Я далъ тебѣ долгій срокъ. Теперь не могу болѣе прощивишься гласу моего брата. Онъ громко пребуешь швоей крови. Сынъ швой въ состояніи прокормишь швое семейство; и ты долженъ заплащивъ мнѣ долгъ свой.“

— Гоповъ умереть — ошвѣчалъ Машонаба — и благодарю тебѣ за швое долговременное снисхожденіе. —

Вопль Иллины и меньшихъ сыновей заглушилъ слова его. Но Міами съ гордымъ видомъ подошелъ къ Тонго и сказалъ ему: „Не осмѣйся прикоснуться къ опцу моему, или ты будешь имѣть дѣло со мною.“

— Безумный! — воскликнулъ Машонаба. — Береги на другой разъ швое мужество и рвеніе! Теперь Тонго имѣешь дѣло только до меня, и исполняя обычай и законы предковъ, я не уклоняюсь смерши.

Когда Міами услышалъ слова сіи и увидѣлъ рѣшимость опца, тогда и онъ не могъ удержаться болѣе, и со слезами упалъ между имъ и Тонго. Но опецъ упрекнулъ его въ малодушіи. „Почему“ — сказалъ онъ —

„не плакалъ ты, когда умертвилъ оленя? И если ты безъ слезъ могъ взирань на его послѣднiя спраданiя, почему плачешь теперъ обо мнѣ, когда я охотно принимаю смерть, которой столь справедливо подвергаюшь меня наши обучаи?“

Такъ говорилъ Машонаба, вырвался изъ объятий рыдающаго семейства, далъ знакъ Тонго слѣдовать за нимъ въ ближайшiй лѣсъ, сказала, чтобы онъ исполнялъ долгъ свой, и съ непоколебимою швердосшiю принялъ смертельный ударъ.

Каролина Пихлеръ.

Д О М О В Ы Е.

Послѣ взятiя Парижа, войска начали возвращаться изъ Францiи. Одинъ отрядъ шелъ черезъ Графство Клевское, и у Везеля и Рее-са переправлялся черезъ Рейнъ. Но какъ въ это время по рѣкѣ шелъ сильный ледъ, то и переправа происходила медленно. Къ намъ на кварширу поставили одного Капитана и двухъ Офицеровъ. Ввечеру носъшили насъ нѣкоторые изъ сосѣдей съ женами и еще одинъ сержантъ, попавшiй на построй въ крестьянскiй домъ. Такимъ образомъ составилось весьма прiятное общество. Между многи-

ми рассказами и анекдотами, въ которыхъ у людей военныхъ никогда не бываетъ недоспашка, разговоръ коснулся духовъ и привидній. Одинъ изъ гостей увѣрялъ, что въ близъ-лежащемъ замкѣ должны непременно водиться домовые. „Около полуночи“ — говорилъ онъ — „въ одной части замка обыкновенно поднимается страшный шумъ, какъ бы нѣсколько людей собравшись вмѣстѣ дрались и кричали. Хотя многіе пышались узнать, отъ чего это происходитъ; но большая часть отъ страха пошла же часъ разбѣгалась; другимъ, которые были похрабрѣе, доставалось на ихъ долю. Нѣтъ, что ни говори; а это неспроста.“

„Вошь, что за вздоръ!“ сказалъ старый Капитанъ — „бабьи полки. Слава Богу, я довольно пожилъ на свѣтѣ, а со мной ничего подобнаго не случилось.“

— Какъ хотите — возразилъ первый — а это совершенная правда. — При сихъ словахъ обратился онъ къ управителю замка, шепотомъ же случившемуся. — Вы вѣрно подтвердите истину.

„Къ сожалѣнію, нѣтъ ничего справедли-
вѣе“ — отвѣчалъ управитель. „Я бы очень желалъ, чтобы кто нибудь взялся поближе разыскать это; теперь большая часть замка сподитъ пуста и никто не хочетъ въ ней

жить, хотя я и отдаю ее за самую низкую цену.”

— Так пусть же гуда меня — сказала сержантъ, видный молодой человек. — Далеко ли отсюда до замка?

„Совсѣмъ недалеко; въ четверть часа вы тамъ.“

— Ну, такъ я эту же ночь отправляюсь гуда, Согласны ли вы?

„Весьма охотно; я велю приготовить все, что вамъ нужно.“

— А мы — присовокупили все проче — проводимъ васъ гуда.

Это была темная, бурная осенняя ночь: дождь и снѣгъ попеременно падали на землю. Мы скоро однакоже добрались до замка, окруженнаго широкими рвами, которые Рейнъ во время своихъ разливовъ размылъ очень глубоко. Строеніе образовало четырехугольникъ и заключало въ себя болѣе тридцати комнатъ, большихъ и малыхъ. Широкая покойная лѣсница вела вверхъ въ обширныя выложенныя мраморомъ сѣни. За ними слѣдовала огромная зала, изъ которой вправо и влево шли ряды комнатъ.

Мы все вошли въ залу. „Здѣсь“ — сказала управитель—, бываетъ главный шумъ. Обыкновенно начинается онъ съ послѣдней комнаты, что на правой сторонѣ, сперва

пихо, попомъ сильнѣе, пока наконецъ въ
 вшой залѣ достигаешь высочайшей степени
 и напоследокъ такимъ же образомъ мало по
 малу исчезаетъ.“

Сержантъ оглядѣлъ все какъ можно поч-
 нѣе. По окончаніи осмотра, управитель ска-
 залъ ему: „Если вы послушаешь меня, то
 я посоветовалъ бы вамъ занять кабинетъ,
 здѣсь въ лѣвой сторонѣ, позади эфтѣхъ двухъ
 комнатъ. Опшуда вы лучше всего можете
 дѣлать ваши наблюденія; тамъ найдете вы
 постель; шуда же велѣлъ я принести и все,
 въ чемъ вы можете имѣть нужду.“

— Весьма согласенъ — отвѣчалъ сер-
 жантъ. — Только объ одномъ прошу васъ,
 господа: не дѣлайте со мною никакихъ про-
 казъ. У меня писюлеты, и за вашу шушку
 можете вы заплашить очень дорого.

„Сохрани Боже“ — отвѣчали всѣ мы.
 „Съ нашей стороны вамъ нечего бояться.“

Пожелавъ ему доброй ночи, мы отпра-
 вились по домамъ.

Легко себѣ представивъ, съ какимъ не-
 терпѣніемъ спѣшили мы на другой день въ
 замокъ. Сержантъ встрѣпилъ насъ на лѣсни-
 цѣ; онъ показался намъ нѣсколько распроеенъ
 и серъезенъ, однако жъ здоровъ и бодръ. Молча
 кивнулъ онъ намъ головою и мы отправились
 за нимъ къ управителю, которъй былъ чрез-

вычайно радъ, что гость его такъ благополучно выдержалъ испытаніе. За завтракомъ разсказалъ онъ намъ слѣдующее:

„Когда вы ушли, отправился я въ свой кабинетъ, зажегъ свѣчи и три изъ нихъ поставилъ въ ближнюю большую комнату. Какъ двери въ кабинетъ, такъ и всѣ двери до большой залы, оставилъ я отворенными. Потомъ взялъ книгу и спалъ чашать, чтобы какъ можно болѣе развлечь себя. Сначала это мнѣ и удалось; но чѣмъ ближе подходило къ полуночи, тѣмъ болѣе овладѣвало мною безпокойство, такъ что наконецъ никакъ не могъ я чашать книги съ надлежащимъ вниманіемъ. Я вспалъ, закурилъ трубку, выпилъ стаканъ вина, которое, мимоходомъ сказавъ, пришлось мнѣ очень по вкусу, и началъ прохаживаться взадъ и впередъ. Въсперъ ревѣлъ, дождь стучалъ въ окна, а въ замкѣ царствовало глубокое молчаніе. Въ полномъ ожиданіи того, что случится, я все еще ничего неслыхалъ и принялся снова за книгу. Едва началъ я чашать, какъ въ ближней комнатѣ послышался шорохъ и одна изъ трехъ свѣчей опрокинулась. Спокойно пошелъ я туда, поставилъ свѣчу на мѣсто, и не замѣтя ничего болѣе, отправился опять въ кабинетъ. Я еще разсуждалъ о причинахъ этой странности, какъ вдругъ раздалъ

ся пронзительный крикъ и всѣ подсвѣчники полетѣли на полъ. Въ изумленіи вскочилъ я, схватилъ нисподеть и вошелъ въ темную комнату. Но въ ней снова было все спокойно; я не нашелъ ничего даже и тогда, когда со свѣчою въ рукахъ тщательнѣе осмопрѣлъ какъ эту комнату, такъ слѣдующую за ней и большую залу. Безъ страха ходилъ я въ послѣдней взадъ и впередъ и только слышалъ какъ собственные шаги мои раздавались подъ высокими сводами. Съ досадою на неудачу возвратился я назадъ, опять поставивъ свѣчи на мѣста и прибавилъ къ нимъ еще двѣ, такъ что изъ своего кабинета могъ я свободно видѣть до самой двери, ведущей въ залу. Самъ я сѣлъ напротивъ двери, придвинулъ къ себѣ столъ и не спуская глазъ, смотрѣлъ черезъ отвѣтъ комнаты въ залу. Въ этомъ положеніи пробылъ я вѣрно съ четверть часа, между тѣмъ какъ въ головѣ моей возрождались тысячи мыслей и догадокъ на счетъ случившагося. Наконецъ услышалъ я какъ бы изъ отдаленія вой, къ которому присоединился другой подобный, но нѣсколько грубѣе. Оба усиливались и, казалось, приближались; но вскорѣ спали ослабѣвать и превратились въ стонъ и рыданіе. Попомъ опять все умолкло. Вдругъ въ большой залъ поднялся шумъ; казалось, нѣсколько людей

шаркали ногами по полу. Въ это же время услышалъ я ворчанье и шопошъ, какъ бы кнопихонько разговариваль. — Тушь вѣрно бывающъ ночныя сходыбища — думаль я самъ въ себя. Шумъ увеличивался; слышны были нѣсколько голосовъ, били въ ладоши, хлопали по споду, кричали, и наконецъ поднялась некая суматоха, такой ужасный вой и крикъ, что у меня невольно волосы стали дыбомъ. Я дрожалъ и не зналъ что начать. — Право — думаль я — это не люди; вѣрно самъ сатана со всемъ своимъ причномъ изволишь тушь забавляться. Но что бы ни было, я рѣшился узнать истину, хотя бы мнѣ это и жизни стоило. Съ голою саблею подъ мышкой, съ пистолетомъ въ правой и свѣчою въ лѣвой рукѣ, пошелъ я медленно къ дверямъ большой залы. Я уже былъ близко къ нимъ, какъ вдругъ получаю сильную пощечину и свѣча угасаетъ. — Чортъ меня возьми! — вскрикиваю я въ досадъ, снова зажигаю свѣчу и скорыми шагами иду къ двери. Едва вхожу въ залу, при ужасномъ вое, какъ спая нечиспыхъ кидается на меня. Спрѣляю изъ пистолета, но мимо, поскользываюсь и падаю на полъ. Однако сей же часъ вскакиваю опять и начинаю во всѣ стороны рубить саблею. Наконецъ уставши и измучась, перестаю и къ немалой радости замѣчаю, что шумъ уже

пропалъ и только еще слабо слышенъ въ отдаленіи. Мало по малу стихъ онъ совершенно и глубокое молчаніи воцарилось въ залѣ. Я ободрился, опираясь въ кабинетъ, зажегъ свѣчу, возвратился назадъ и увидѣлъ. . . .

„Что увидѣлъ ты, любезный Каллаушъ?“ воскликнулъ нещерблицыи Капишанъ.

— Вы это сами сейчасъ узнаете — оповѣчалъ сержантъ — спускайте только за мною.

Всѣ мы бросились вонъ и уже были вверху у дверей залы прежде, нежели успѣлъ придти шуда сержантъ. „Погодите, погодите“ — сказалъ онъ — „я заперъ дверь на замокъ.“ — Онъ подошелъ, опперъ ее и мы, къ величайшему нашему удивленію, увидѣли на полу — чепырехъ обыкновенныхъ совъ и одного огромнаго филина. — „Вошь домовые“ — сказалъ онъ — „которые нынѣшнюю ночь надѣлали мнѣ столько спреха. Съ тѣхъ поръ, какъ перестали жить въ замкѣ, они такъ расплодился, что здѣсь собралась ихъ страшная стая.“

Не нужно было другихъ доказательствъ въ истинѣ словъ его. Мы всѣ порадовались ечастливой развязкѣ этого приключенія.

Съ Нѣмецкаго К — а П — а,

ПРИМѢРЫ ДНЕЙ. *)

(Изъ Гердера.)

ОТЧАЯННЫЙ.

Когда Кунг-Тзее (Конфуцій) въ своей цвѣтущей младости, сопровождаемый множествомъ юныхъ учениковъ, достигъ предѣловъ государства Тзи, куда онъ почтительно приглашенъ былъ; услышалъ онъ голосъ опчяннаго, который, сидя подъ деревомъ, хотѣлъ лишиться себя жизни. Онъ сошелъ съ колесницы своей и привѣтствовалъ его дружески: „Сынъ злополучія! — сказалъ онъ — „открой мнѣ, чѣмъ щерзаешь себя; можешь быть я въ состояніи помочь тебѣ. Везь сомнѣнія и респерпѣль ты много бѣдствій.“ —

„Много бѣдствій, — отвѣчалъ опчаянный и безмолвно посматрѣлъ на него. — Хорошо; швоей сострадательности расскажу я все, а попомъ умру.“

„Въ юности моей учился я; попомъ захотѣлъ странствовать. Я странствовалъ — оставилъ свой опческій домъ, блуждалъ по

*) Такъ называютъ Китайцы свои повѣсти, которыя часто бывають исполнены поучительнаго остроумія и проницательности. Одна изъ нихъ была уже помѣщена въ 1-й части сего изданія.

всѣмъ государствамъ между четырьмя морями, возвратился назадъ; путь умерь мой отецъ, умерла моя мать, для которыхъ мною не было ничего сдѣлано. — Первое бѣдствіе.“

„Въ своихъ странствіяхъ старался я постигнуть мудрость, узнать людей. Я почиталъ себя уже въ состояніи руководить собою и другими. Когда время плача миновалось, я поѣхалъ — Царю Тзіюскому предложи свои услуги; онъ пренебрегъ ихъ; онъ не хотѣлъ даже меня выслушать. — Второе бѣдствіе!“

„Я имѣлъ друзей въ своемъ отечествѣ и въ чужихъ странахъ; я думалъ, что могу на нихъ *положиться*. Пренебреженный Царемъ, обратился я къ нимъ и нашелъ у нихъ, вмѣсто сострадательнаго дружества, равнодушіе и презрѣніе. — Третье бѣдствіе.“

„Наконецъ всѣхъ жесочайшее. Я имѣлъ сына, первый плодъ моего, въ юности совершеннаго, брака; и эщомъ сынъ, вмѣсто исполненія дѣйскихъ своихъ ко мнѣ обязанностей, блуждаетъ въ свѣтѣ, говоря, что у него нѣтъ ни отца, ни матери.“ —

„Все это предсѣвилось шакъ ирочно душѣ моей въ прошедшую ночь. Какъ? — говорилъ я въ самомъ себѣ — ты хотѣлъ бышь мудрымъ и другихъ вести къ мудрости. Ты

полагалъ поспавать себя выше обязанностей обыкновенныхъ людей, и не былъ ни добрымъ сыномъ, ни добрымъ подданнымъ; ты ничего не сдѣлалъ ни для своихъ родителей, ни для своихъ Государей, ни для своего отечества, ни же для общества. Ты не былъ даже добрымъ отцемъ, ибо пренебрегъ воспитаніемъ сына и сдѣлалъ его дурнымъ человекомъ. — Все это швердилъ я себя, возненавидѣлъ жизнь и пришелъ въ это уединенное мѣсто. Дай мнѣ умереть!“ —

„Другъ мой, сказала Кунг-Тзее, ты не правъ. Величайшее зло жизни есть *отчаяваться* въ жизни; этошъ вредъ ничѣмъ не ошврашимъ. Съ перваго шага швоей жизни ты заблудился; ты захотѣлъ сдѣлаться *мудрымъ прежде, нежели былъ человекомъ*. Ближайшія около себя обязанности долженшводить ты исполнишь прежде, нежели пускаешься въ дальнѣйшія; отсюда все швое злополучіе.“

„Однако, другъ мой, не считай всего погибшимъ. Одно священное сказаніе написано въ груди всякаго живущаго и сбереглось чрезъ всѣ шысшцельшія : ему вѣрь! „*Пока живѣ, не долженъ ни въ чемъ отчаяваться.*“ „Ободрись, другъ! печаль обращается въ радость. Возвратись къ жизни и познай ошнынь ея цѣну. Пользуйся каждымъ ея мгновемъ“

ніемъ и ты, наученный собственными ошибками, будешь мудръ и счастливъ.“

Въ умиленіи обратился Кунг-Тзее къ толпѣ юныхъ учениковъ своихъ, которые всѣ хотѣли сдѣлаться мудрыми, и сказалъ: „Научись изъ чужаго злополучія.“

Онъ взошелъ въ колесницу свою и вскорѣ число учениковъ его уменьшилось придесятью. Они удалились — пошла сдѣлаться людьми, прежде чѣмъ сдѣлались мудрецами и прежде, чѣмъ сдѣлались учеными. И опечаленный ободрился, и вкусилъ, вновь оживленный, опъ крѣпительнаго питія жизни.

П т и ц е л о в ь .

Прогуливаясь однажды съ учениками, подошелъ Кунг-Тзее къ пшичьему шоку; они смотрѣли, какъ пшичеловъ сажалъ пойманныхъ пшицъ въ разныя кѣпки. Это были молодыя пшицы; шоскливо искали онѣ вольности, но шщечно.

„Я вижу однихъ только молодыхъ пшичниковъ, сказалъ Кунг-Тзее пшичелову, гдѣ же старыя?“

—Старыя?—ошвѣчалъ сей;—они слишкомъ умны и оспорожны — не дадутъ поймать себя. Они оглядывающся на всѣ стороны и не приближашся ни къ одной сѣши, ни къ одной кѣпкѣ. Тѣ изъ молодыхъ, которые

ихъ придерживаются, дѣлають поже какъ они и избѣгають всякой опасности. Попадающіе же только самыя большіе головорѣзы и развѣ немногіе изъ шарыхъ, которые гоняются за молодыми.“

Кунг-Тзее поглядѣлъ на учениковъ своихъ: „Слышали ль вы, что говоритъ человекъ сей? Какъ у пшиць, такъ и у людей. Дерзость, чрезвычайная самонадвѣянность, тщеславіе въ небольшихъ свѣденіяхъ, въ небольшихъ заслугахъ — вотъ что ввергаетъ непредусмотрительное юношество въ погибель. Оно все понимаетъ, ни въ чемъ не затрудняется. Никогда у старшаго себя не попребуетъ совѣща, потому что все лучше знаешь, нежели старшіе. Такимъ образомъ летишь оно своимъ лушемъ, въ первую лучшую сѣнь, которая поймаетъ его.“

„Нѣкоторые изъ шариковъ удивляющіеся вспыхивающимъ искрамъ юношей, повѣряють себя имъ, послѣдуютъ имъ даже, говорятъ и поспуають какъ они, и подъ конецъ находятъ себя изловленными въ одной сѣни сѣни; безумная старость подлѣ безумной юности. Помните, друзья мои, что говорилъ пшицеловъ.“

А Д М И Р А Л Ъ Б О М Б Е Л Ъ .

Нисъ Ипсень было настоящее имя этого славнаго мореходца. Онъ родился въ

Шлезвигскомъ Герцогствѣ, и нѣсколько лѣтъ служилъ простымъ работникомъ у одного помѣщика въ Бомбелъ въ Роденесскомъ приходѣ. Во время Шведской войны, ошъ послѣдствіи ссоры съ однимъ солдатомъ Шшейнбокова полка будучи принужденъ бѣжать, ушелъ онъ въ Голландію, нанялся мажорсомъ и нѣсколько разъ былъ въ Остѣ Индіи. Мало по малу начали его оплечать какъ дьявольскаго молодого человека, одареннаго природными способностями, шакъ что напослѣдокъ сдѣлался онъ Капитаномъ купческаго корабля. Генеральные Штабы узнавъ объ его необыкновенныхъ свѣдѣніяхъ по морской части, наименовали его Капитанъ - Лейтенантомъ своего флота, и благопріятствующее ему счастье довело его наконецъ, чрезъ всѣ Офицерскія степени, до званія Адмирала. — Въ это время написать онъ къ одной бѣдной дѣвушкѣ въ Эмерлестѣ, съ которою онъ въ Бомбелѣ вмѣстѣ служилъ, слѣдующее письмо:

„Любезная Грета! *)

*) Сокращенное имя Маргареты. Вотъ подлинникъ письма:

Min Grethe!

As du nog van de Gesynnung bist, t'welck du wirst, do ick mit dy taglick op Bombel dende; so kam to my na der Haag wat war myn Frōw. Jck bin tegenwōrdig Hollāndiche Admiral.

Nil de Bombell,
vormalen Nis Jansen,
dun getreue Brydigom.

Если ты все еще шѣхъ же мыслей, какъ и тогда, когда мы вмѣстѣ служили въ Бомбелъ, то призжай ко мнѣ въ Гагу и будь моею женою. Я теперь Голландскій Адмиралъ.

Ниль де Бомбелъ,

прежде Нисъ Ипсень,

швой вѣрный женихъ.“

Дѣвка была еще не замужемъ и по сему нисъму отправилась въ Гагу, гдѣ въ самое дѣль сдѣлалась его женою.

РАЗНЫЯ МЫСЛИ И ПРЪВЧЕНІЯ.

У человека два уха и одинъ языкъ, зашѣмъ чшобъ онъ больше слушалъ, а меньше говорилъ.

Кшо научаешь дѣшей своихъ бышь довольными малымъ, шощъ оспавляешь имъ больше нежели богатштво.

Лучшая добродѣшель въ счасшіи естъ умвренность; въ несчасшіи — швердось.

Тощъ шеряешь много, кшо шеряешь богатштво; еще больше, кшо шеряешь друга; всего больше, кшо шеряешь мужеспво.

Мы часно прощаемъ шѣмъ, которые насъ обидѣли, но никогда шѣмъ, кошорыхъ мы обидѣли.

Наслажденіе, а не обладаніе дѣлаешь счасшливымъ.

Кто въ счастьи поднимаетъ носъ слишкомъ высоко, тотъ въ несчастіи опускаетъ его слишкомъ низко.

Гордость лучше сходитъ съ дороги, нежели даетъ опередить себя.

Кого несчастія не дѣлають *лучшимъ*, того дѣлають они *худшимъ*.

Гдѣ полезно говоришь, тамъ грѣшно молчать. *)

Неблагодарности не прощаемъ мы другимъ никогда, но какъ легко прощаемъ ее себѣ!

Сохранить славу труднѣе, нежели *приобрѣсти*.

Лучше взять богатство *въ* супругъ, нежели *за* супругою.

Кто найдетъ себѣ *хорошаго* зятя, тотъ найдетъ сына; кто *дурнаго*, тотъ потеряетъ дочь.

Нынѣ ничего удивительнѣе того, что старые люди еще чему нибудь дивятся.

Не слушай дурнаго, что говорятъ про твоего друга, не говори дурнаго про твоего врага. Не вѣрь всему, что слышишь, не рассказывай всего, чему ты вѣришь.

*) Золотое правило, которое всего рѣже исполняется.

А Н Д Р Е Й и М А Р О А.

Дѣла давно мнѹвшихъ лѣтъ,
Преданъ старины глубокой.

А. Пушкинъ.

Еще Новгородъ именовался Великимъ *) и заключалъ договоры съ Королями Шведскими; еще все въ немъ напоминало прежнее величїе Республики — и остатокъ довольствїя, и домъ Ярославовъ, и врата храма Святыя Софїи. Умолкъ въчевой колоколь, но еще съ гордостїю указывалъ Новгородецъ по мѣсто, гдѣ висѣлъ оный. Не было посадниковъ, не было Борецкихъ, но они жили въ памяти народной, украшенные всѣми прелестями воображенїя; они и въ могилахъ еще своими именами возвышали духъ согражданъ, и Новгородцы гордились. Забывъ бѣдствїя свободы, они помнили выгоды оной. Сами избирали своихъ присяжныхъ и наказывали виновныхъ. Ганзейскїе товары пестрѣлись на площадяхъ Новгорода. Волховъ шумѣлъ подъ веслами барокъ, и торговля цвѣла, какъ и прежде. Дѣвы въ пѣсняхъ народныхъ славили могущество города великаго; юноши величаво ходили

*) 1569 года, во время царствованїя Іоанна Васильевича Грознаго; смотри Исторїю Г. Р. Карамзина, томъ IX.

по его улицамъ, гдѣ каждое мѣсто говорило имъ о дѣлахъ знаменимыхъ ихъ предковъ. Часто еще повторялась пословица: *кто противъ Бога и Новгорода великаго?* и сладостно отзывались слова сіи въ душахъ Новгородцевъ, какъ отголосокъ времени счастливыхъ и прошедшихъ.

Среди сихъ остатковъ прежняго величія Андрей родился и выросъ. Ощецъ его торговалъ съ гостями иностранными и слылъ купцемъ честнымъ, надежнымъ и богатымъ. Но не богатство веселило старца Дружинина; юный Андрей былъ его единственнѣмъ утѣшеніемъ, оправдоу старости и одиночества. Дружининъ не могъ налюбоваться милостивостью сына, не могъ нахвалиться его знаніями въ Нѣмецкомъ языкѣ; не могъ надивиться пріятности и сладости рѣчей Андрея. Но Андрей былъ задумчивъ, любилъ мѣста уединенныя, любилъ сидѣть на крутомъ берегу Волхова и читалъ иноземныя книги. Часто старый Дружининъ смотрѣлъ на сына и качалъ съдую свою голову, часто спрашивалъ его съ участіемъ: „Отъ чего ты не радосень, Андрей? или какая нибудь кручина лежитъ у тебя на сердцѣ?“ — Но Андрей бросался на шею родителю, цѣловалъ его и отвѣчалъ: „Пока ты живъ, родимый, не узнаешь сынъ пивой кручины злой.“ — Тогда

у добраго спарика показывались слезы и онъ въ душѣ своей благодарилъ Создашеля за сына, сподоль милаго, нѣжнаго и прекраснаго.

И почно во всемъ Новѣгородѣ не было юноши прекраснѣе Андрея. Красныя дѣвушки заглядывались, вспрѣчаясь съ нимъ на улицѣ; но Андрей не примѣчалъ ихъ взоровъ; не зналъ, какъ любовались онъ его спройнымъ спаномъ, его русыми кудрями. Никогда алая лента не украшала шляпы его. Молчаливый, задумчивый, онъ рѣдко бывалъ на хоровахъ праздничныхъ. Можешь быть шайное предчувствіе бѣдспвій, его ожидающихъ, жило уже въ душѣ юноши; можешь быть воспоминація упраченной славы Новгорода великаго, наполняли груспію его сердце. Часпо, смотря на бѣгушіе спруи Волхова, Андрей думалъ: „Также быспро шекушь воды швоей; но не шопъ уже Новгородъ украшается ими. Зачѣмъ не родился я во время славы швоей, городъ великій? — и я бы умеръ за Свяшую Софію, и мое бы имя было въ пѣсняхъ народныхъ, какъ имена Твердиславовъ и Борецкихъ.“ Видѣлъ ли Андрей закашь солнца за черную шучу, онъ восклицалъ: „Такъ закашилось швое величіе, о родина! за шучу грозную, кошорая скоро, скоро, надъ шобой распадеши!“ —

Дружининъ не переспавалъ молишься о возвращеніи вестіа снѣну любезному. Не погасала лампада предъ образомъ Свяшителя Николая; не отходили безъ милосшныи убогіе ошъ воротъ дома его. Но Андрей недѣлалъ веселье. Пимень былъ тогда Архіепископомъ въ Новгородѣ. Всѣ граждане любили и почитали его, какъ ошца. Дружининъ пошелъ къ нему и просилъ его молишвы и его совѣта. „Ошпусти Андрея“ — сказалъ ему Архіепископъ — „сѣгоспьми иносшранными въ города дальніе; пусть шамъ побываешь, пошпоргуешь нѣсколькo времени: тогда веселье возвратишся на родину. Сердце юноши пребываетъ двѣшельности, безъ нее оно поскуетъ и мершвѣетъ, какъ вода безъ шеченія.“ —

Родшшелю печальна была мысль ошпустишъ Андрей, единшвенную ушѣху шарошши, за моря синія, въ землю далекую; но довольштво сына было Дружинину дороже собшвеннаго, и онъ, шарядивъ его въ дальній лупъ, препоручилъ шарому знакомому купцу Нѣмецкому, благословишъ образомъ Спасштеля и словами: „Молишъ Богу православныхъ и Топъ нигдѣ не оставишъ шебя; веселишъ, гдѣ будешь; но не забывай, что здѣсь на Руси шы выросъ и взелѣянъ.“ Андрей залился слезами и у добраго шарика навер-

нулись слезы. — „Даспъ Богъ, мы опяшь свидимся, родимый!“ сказалъ онъ, прижавъ къ груди сына, и улыбка надежды блеснула сквозь слезы, какъ блеснишь яркая звѣзда сквозь туманъ осенней ночи.

Быспро неслась ладья внизъ по Волхову; Андрей сидѣлъ пригорюнясь — смопря на бѣгущіе берега родины. Еще блеспѣлъ вдаль крестъ Святыя Софіи, еще всѣ мѣста были ему знакомы. Здѣсь часто ходилъ онъ въ мечшахъ своихъ; здѣсь часто, смопря на несущееся облако, думалъ: ты лежишь въ спраны далекія, можешь быть шуда, гдѣ веселье было бы моему сердцу; здѣсь часто, слѣдуя взоромъ за быспрыми спруями Волхова, говорилъ имъ: „Куда вы бѣжише, спруи чистыя? не шуда ли, гдѣ живешь моя радость?“ — А теперь? — и онъ павешъ въ спрану дальнюю, неизвѣстную; но, казалось, въ Новгородѣ осшавляешь свое сшаспіе.

Андрей перекрестился, поднялъ глаза къ чистому небу, произнесъ молишву о родителѣ и родинѣ, и ошеръ слезу горячую.

Время свѣало грушь съ лица спараго Дружинина. Онъ получилъ о сынѣ добрыя вѣсти; самъ Андрей писалъ ему изъ Любека; былъ здоровъ и съ любопышшвомъ разсма-

привалъ городъ знаменишый. Во всѣхъ городахъ Ганзейскихъ извѣстна была честность и надежность купца Дружинина; пошому вездѣ съ дружбою принимали сына его, прекраснаго и знающаго языкъ Нѣмецкій. Торговая Дружинина шла своимъ порядкомъ; дни, мелькая однообразно, приближали его къ желанной цѣли — снова обнявъ любезнаго сына и услышавъ его рассказы о спрѣспованіяхъ далекихъ.

Въ Новѣ городѣ все было спокойно — а Грозный царсповалъ. Мрачнымъ окомъ взиралъ Іоаннъ на гордоспъ и высокомеріе Новгородцевъ; воспоминаніе ихъ прежней непокорности и буншовъ наполняло гнѣвомъ его душу; гошова имъ казнъ, онъ ждалъ шолько предлога для совершенія оной.

И наконецъ по нелѣпому доносу на Архіепископа Пимена *) онъ пошелъ съ смерпоноснымъ легиономъ своимъ къ Новугороду. Шеспъ недѣль продолжалось раззореніе города великаго, шеспъ недѣль длились ужасныя, неимовѣрныя мученія его гражданъ. Опъ нихъ хотѣли муками вывѣдашь объ измѣнѣ Пимена, никому незвѣстной — никогда небывалой. Такъ погнбло около 60,000 невинныхъ. Кро-

*) Смощр. Исторію Г. Р. Карамзина, шомъ ІХ, стр. 145.

савый Волховъ, запруженный тѣлами истерзаннхъ людей, долго не могъ пронести ихъ въ Ладожское озеро *). И спарецъ Дружининъ былъ одною изъ безчисленныхъ жертвъ. Въ мукахъ окончилъ онъ жизнь. Богатство, накопленное многолѣтними трудами, въ одну минушу было расхищено и домъ спарца превращенъ въ пепель. Наконецъ Юаннъ оставилъ Новгородъ и медленно пошелъ по дорогѣ ко Пскову, сопровождаемый спомомъ несчастныхъ. Блѣдные какъ шѣни, бродили Новгородцы по спогнамъ города, прежде державнаго. Каждый оплакивалъ кого нибудь изъ любезныхъ. Сѣшваніе было общее и долго плачь не умолкалъ на родинѣ Андрея; а онъ беззаботно жилъ въ Ригѣ, оканчивалъ дѣла шорговья и ждалъ зимняго пуши, чшобы спѣшишь къ нѣжному родителю.

Но слухъ, подобно эху, пропекаешъ проспранства — и въ Ригѣ заговорили о несчастьи Новгородцевъ. Андрей вострепеталъ, сѣлъ на коня и съ сжатымъ сердцемъ поскакалъ на родину. Чѣмъ ближе подъѣзжалъ онъ къ Новгороду, шѣмъ досповѣрнѣе спановились рассказы о убійствахъ Юанновхъ и шѣмъ болѣе спѣснялось сердце юноши. —

*) Смолр. знаменишаго Исторіографа, томъ IX, стр. 152.

Но еще надежда, какъ дрожашій свѣтъ угасающей лампы, мелькала изрѣдка въ душѣ его — еще онъ не вѣрилъ въ все ужасамъ, о коихъ говорили — еще думалъ обънять родителей и съ нимъ вмѣстѣ горевать о будущемъ отчизны. Надежда всегда подруга несчастія; она поддерживаешь чловѣка въ буряхъ жизни, она и при послѣднемъ шагѣ въ гробъ свѣтлой звѣздой сіяешь еще, сквозь крепкую завѣсу неизвѣстности.

Приготовленный уже разказами ко всемъ ужасамъ опалы Иоанновой, Андрей не вѣрилъ еще глазамъ своимъ; увидѣлъ невеличье Новгорода; спѣшилъ къ дому — тамъ печально чернѣлись обгорѣлыя бревна; спросилъ о родителяхъ — и узналъ о несчастной его кончинѣ. Замерло сердце осиротѣвшее; какъ подъ тяжелымъ камнемъ, съ трудомъ подымалась грудь подъ кручиною. Ни одного слова не вымолвилъ Андрей. Ни одной слезой не облегчилъ носку сердечную: мраченъ и печаленъ безъ отца и родныхъ, одинъ, какъ дубъ среди зыбей несчанныхъ, стоялъ онъ среди развалинъ своего счастья.

Но будущія сближаютъ смертныхъ; а добрыхъ людей искони было много въ Новгородѣ. Они пріютили безкровнаго; ошогрѣли сердце оледѣвшее. Василій Собакинъ, купецъ Новгородскій, торговалъ прежде въ до-

лъ со старымъ Дружининымъ. Онъ принялъ и сына его, какъ роднаго; пустилъ въ торгъ небольшой капиталъ, Андреемъ изъ Любека привезенный, и взялъ его въ поварищи. Андрей жилъ въ домъ Собакина, помогалъ веши счеши, ѳздилъ за старика въ Москву и Псковъ и переписывался съ госпями иностранными. Дѣяшельность и время разсѣяли немного мрачную кручину Андрееву и огонь жизни снова заблесталъ въ потухшемъ взорѣ.

И на развалинахъ растутъ цвѣты красивые; и въ печальномъ Новѳгородѣ блистала красоною дочь Васильева. Каждый день видѣла Марѳа печальнаго Андрея. Доброе, чистое сердце ея желало утѣшить несчастнаго, облегчить грусть его — и любовь слѣдовала за нѣжнымъ состраданіемъ, какъ пылающее солнце слѣдуетъ за денницей.

Марѳа была прелестна, какъ чистая радость. Жемчугъ ли блисталъ въ каштановыхъ волосахъ ея, или простая повязка скрывала ихъ — Марѳа была прекрасна, — прекрасна и въ сарафанѣ бархатномъ и въ одеждѣ всеневной. Но душа ея была прекраснѣе и ея прелестной наружности. Последнія бѣдствія родины дали ей опшѣнокъ тихой грусти; но окруженная сълѣшъ младенческихъ воспоминаніями прежняго величія, нося имя зна-

менишой Борецкой, Марѳа чувствовала, что родилась въ Новгородъ Великомъ; кровь слившись съ молокомъ, украсилалице ея румянцемъ несравненнымъ; мужество героини, соединясь съ крошестію дѣвы, образовало въ ней душу прекрасную.

Андрей полюбилъ Марѳу со всею горячностію души пылкой. Въ несчастіи чловѣкъ добрѣе, въ несчастіи сильнѣе умѣетъ любить. Одна Марѳа услаждала жизнь Андрея; объ ней онъ только мыслилъ. Всѣ ближніе и родные его лежали въ сырой землѣ. Далеко въ полѣ развѣялъ вѣспрь пепель дома опцовскаго; мечпы прежнія исчезли; — но Марѳа любила Андрея — и сердце Андрея снова забилось для счастья. И могъ ли Андрей не любить Марѳы, прелестной, доброй, чувствительной? Говорилъ ли онъ о своихъ несчастіяхъ, всегда видѣлъ слезы на глазахъ Марѳы; рассказывалъ ли прежнее величіе и славу Новгорода — выше воздымалась грудь прекрасной, ярче блиспалъ огонь въ черныхъ глазахъ ея. Она слушала и — на миломъ лицѣ ея отражалось каждое чувство душевное, какъ въ чистомъ зеркалѣ вода отражается каждое облачко голубаго неба. Всѣ ихъ мысли, всѣ ощущенія были, шакъ сказать, близнецами одного сердца. Какъ дѣв спруны, одинаково наспроенныя, ошъ прикосновенія

къ одной, препенушь объ, шакъ были души ихъ: чшо шрогало Андрея, не было чуждо Маревъ; чшо любила Маревъ, шю восхищало Андрея. Въ пишинв созрвла любовь ихъ, и чеспный Василій, обязанный многимъ спарому Дружинину, швшился и веселился ею. „Когда Небо поможетъ тебв“ — говорилъ онъ Андрею — „и шы разживешся хопянвсколька, шогда поспрой себв домикъ и возми съ Богомъ мою Мареву.“

Андрей былъ въ восшоргв. Съ какимъ нешпервннемъ ожидалъ онъ перваго жаворонка, какъ ввсшника своего благополучія; ибо съ весною должны были прибышь и суда съ шоварами. Съ какою радоспю говорилъ онъ Маревъ: „Скоро ошець швой благословишь насъ и шы наввкъ будешъ моею.“ Умильно взглядывала Маревъ на юношу, нвжнымъ голосомъ шептала: „Развв шеперь я не швоя, Андрей? — шы одинъ вся моя радоспъ, все мое шчаспие!“ Часшо она улыбалась, шотря на Андрея или слушая пылкаго юношу, и думала: не я ли одна съ его лица сввзяла кручину, не моя ли любовь подружила его съ жизнью и веселиемъ? Мысль сія наполняла чиспвйшею радоспю прекрасную душу Маревы, и Андрей ей двлался дороже. Такъ шропекали дни ихъ въ безпрерывномъ восшоргв, — но шуча собиравалась надъ главою безпечныхъ.

Іоаннъ захопѣлъ искашь благополучія въ прѣпьемъ супружествѣ. Онъ помнилъ еще добродѣтельную Анаспасію, помнилъ счастливые дни, съ нею проведенные — и хопѣлъ воскресить оныя. Но тогда Іоаннъ былъ еще непричастень крови безвинныхъ, онъ былъ отецъ своихъ подданныхъ — и сердце его было спокойно и тихо. Съ душою порочной Іоаннъ хопѣлъ насладиться счастьемъ невинныхъ.

Во всѣ края пространныго Царства Русскаго поскакали гонцы Грознаго. Ошвсюду свозили красавиць всякаго званія и рода, дочерей Боярскихъ и простыхъ крестьянокъ, богатыхъ и убогихъ. И Марѳу, цвѣшущую юностию и красотою, повлекли съ двумя подругами изъ Новагорода.

„О, не плачь, Андрей любезный!“ говорила Марѳа, прощаясь съ другомъ: „я не буду женою Іоанна: что во мнѣ можешь прельстить его? Долго не увижу тебя — и глаза мои отъ слезъ померкнутъ, щеки пожелтѣютъ, я вся изсохну, какъ сохнетъ былинка на солнцѣ безъ росы прохладной. Выбереть ли Іоаннъ, среди красавиць цвѣшущихъ, несчастную?“ — Но могли ли слова сіи успокоить Андрея? Онъ зналъ, что краше Марѳы нѣтъ на свѣш — нѣтъ ее привлекашельнѣе.

Марѳу повезли въ Москву. Опець увѣхалъ съ нею, оставя все хозяйство и торговлю на рукахъ печальнаго Андрея. Безупрѣшенъ, одинокъ, оспался онъ въ домѣ, гдѣ все напоминало ему прежнее благополучіе. Тамъ все было какъ прежде: также пріятно пѣла малиновка въ клѣткѣ надъ окошкомъ; также чистю доснился споль дубовый — все было какъ прежде; но не было Марѳы — и веселый домъ Собакина казался Андрею мрачнымъ гробомъ.

Не веселила Марѳу новый для нея видъ пышной столицы; разнообразіе, песпроша, шумъ на улицахъ не занимали печальную. Она думала о другѣ — и тяжелый вздохъ изрѣдка облегчалъ тоску сердечную. Ее привезли въ Кремль, привели въ комнашу, ей назначенную, разлучили съ родителемъ. Одна Ксенія, любимая подруга Марѳы, привезенная вмѣстѣ съ нею изъ Новагорода, оспалась при ней. Ей-то повѣрила Марѳа любовь свою, ей описывала своего Андрея, ей говорила о счастіи, ихъ ожидающемъ, и шѣмъ дѣлала сноснѣ для себя разлуку.

„Ты еще не любила, Ксенія — часто говорила ей Марѳа — „ты еще не знаешь сладостнаго чувствва — любишь друга болѣе всего на

свѣшъ. О Ксенія! Какъ одна нить держишь
всѣ бусы своего ожерелья, такъ мысль объ
Андрѣ связываетъ для меня все прекрасное во
вселенной. О немъ молюсь, стоя предъ иконою,
о немъ мыслю и засыпая, и встрѣчая ран-
нюю денницу. Свѣшишь ли ясное солнце —
думаю: оно грѣшъ и Андрея; въперокъ ли
дышешъ прохладой — говорю себѣ: можешъ
бышъ, онъ игралъ съ его русыми кудрями. Ра-
зорви, Ксенія, нить своего ожерелья и всѣ
бусы упадутъ на землю: опними у меня
Андрея — и свѣшъ бѣлый мнѣ будешъ могила.“

Добрая Ксенія обнимала свою подругу и
вмѣстѣ съ нею молила Бога, да отвратишъ
опъ ихъ взоръ Иоанновъ.

Никогда Москва не видала въ нѣдрахъ
своихъ сполько красавиць. Болѣе двухъ ты-
сячъ *), привезенныхъ изъ разныхъ городовъ
Россійскихъ, были заключены въ черпогахъ
Царскихъ.

Наконецъ время избранія наступило и
сердца красавиць забились сильнѣе, иное опъ
спраха, другое въ радоспной надеждѣ. Въ
баняхъ кипѣла вода съ аромашными зельями
и опышныя спарушки суешились, омывая
юныхъ красавиць. Ихъ нарядили въ одинакѣ
сарафаны, красные камчатные, обшишые зо-

*) Смотри Историю Г. Р. Карамзина, томъ IX.

лопою шесьюмой; жемчужная повязка покрывала волосы и русые и черные; на шею бѣлоснѣжной свѣшила запонка изумрудная. Всѣ были равно одѣшны, какъ сестры родныя, ч. тобы одежда не могла возвыситься красошъ природной.

Множество каретъ Царскихъ съ дѣвами Русскими попянулось длинной цѣпью къ слободѣ Александровской, гдѣ жилъ тогда Іоаннъ Грозный.

Въ пространной свѣшлицѣ, на возвышенномъ мѣстѣ, сидѣлъ Царь въ бархатномъ, дорогими камнями унизанномъ кафтанѣ. По обѣимъ сторонамъ его спояли Рынды, лицомъ прекрасные, въ одеждахъ бѣлоснѣжныхъ. Золотая цѣпь висѣла на шею у споящаго на правой сторонѣ шрона, серебряная оплечала юношу на лѣвой. Въ нѣкошоромъ опдаленіи сидѣлъ Дьякъ Царской за споломъ, парчею покрытымъ, имѣя предъ собою списокъ всѣхъ привезенныхъ Россіянокъ. Онѣ входили, одна послѣ другой, и Дьякъ чиналъ громко имя, родину и лѣша каждой. Приближаясь къ Царю, онѣ преклоняли колѣна, клали къ ногамъ его платокъ златошканный съ жемчугомъ, каждый съ особенной примѣшью и по данному Царемъ знаку удалялись. Ежели нравилась Іоанну опшедшая, онѣ давалъ знакъ правому Рындѣ и

шошь бразь оставленный плашокъ; ежели не нравилась, шо поднималъ лѣвый по его же знаку. Дьякъ, наблюдая повелѣнія Грознаго, по онымъ опмѣчалъ у себя въ спискѣ.

Явилась и Марѳа. Блѣдная, съ пошуплен-нымъ взоромъ, предспала она предъ Иоанна Грознаго; преклонила колѣна и дорогѣй плашокъ невольню ускользнулъ изъ дрожащей руки. „Марѳа, дочь Василя Собакина, купца Новгородскаго, опъ роду осьмнадцашъ лѣтъ“ — прочелъ Дьякъ, ожидая знака руки Иоанновой; но Царь въ безмолвіи любовался красотою Марѳы, смотрѣлъ съ удивленіемъ на крошкю дѣву — и все еще медилъ, хошя давно уже юноша съ златою цѣпью поднйялъ бога-шый плашокъ красавицы.

Много являлось и послѣ Марѳы дѣвъ цвѣ-пущихъ; но рѣже поднималъ плашокъ правый Рында. Недовѣрчивѣ сдѣлался взоръ Иоанновъ. Блестящіе очи, яркій румянецъ, пышная краса — его не пѣняли; ибо онъ видѣлъ уже красоту необыкновенную, видѣлъ крошкю пре-леснню Марѳу. Удалилась и послѣдняя дѣва изъ красавиць привезенныхъ. Пересчитали плашки. Болѣе двухъ шьсячь лежало на лѣ-вой споронѣ; на правой было только двад-цашъ чешыре. Избраннымъ опвели покои въ шеремя Царскомъ; прочихъ опдали на руки родспвенникамъ, наградивъ ихъ и богатыми

плашками, съ коими подходили къ шрону, и са-
рафанами съ жемчужными повязками, въ ко-
шорыхъ являлись.

На другой день продолжался выборъ
пѣмъ же порядкомъ; изъ оспавшихся выбралъ
Царь половину — шолько 12, но въ шомъ
числѣ была и Марѣа. Долго сравнивалъ кра-
сошю ихъ и пріашность, долго не могъ рѣ-
шишься — наконецъ, ошпусшивъ всѣхъ, удер-
жалъ двухъ: Евдокію Сабурову и Марѣу Со-
бакину.

Нужно ли говоришь, что происходило
въ сіе время въ душѣ Марѣы, какъ пренеша-
ла она при каждомъ появленіи Грознаго, при
каждомъ приходѣ кого нибудь изъ его царе-
дворцовъ; ибо выбранныхъ содержали уже
какъ Царицъ, не зная кошора изъ нихъ удо-
стоишь сего сана. По просьбѣ Марѣы, Ксе-
ніа оспалась съ нею. Ея дружба ушѣшала пе-
чальную. Медленно шекло для нее время въ
ожиданіи и спрахѣ. Царь все еще медлилъ;
каждый Божій день видѣлъ Евдокію, видѣлъ
Марѣу; каждый день сравнивалъ ихъ — и не
могъ выбрашь.

Трудно сравнивать прекрасный лѣшній
день съ шихою лунною ночью; блестящій
разноцвѣшный водопадъ съ свѣшлымъ спокой-
нымъ испочникомъ — но еще шруднѣе сра-
внишь обѣихъ красавицъ.

Евдокія была прекрасна. Казалось, она рождена бытъ Царицей: шакъ высоко носила голову, шакъ величественно было каждое движеніе ея прекраснаго спана. Подъ тонкими черными бровями быспро двигались глаза огненные; каждой взглядъ ихъ былъ молніей; каждое движеніе прелестно. Всегда розы пылали на щекахъ Сабуровой, всегда легкая улыбка носилась на устахъ коральныхъ.

Марѳа не имѣла блистательной красоты Сабуровой. Не огонь страсти выражалъ глазъ ея, но крошечность душевную; не яркимъ румянцемъ рисовались щеки прелестной, но румянцемъ едва занимающейся денницы. Рѣдко мелькала улыбка на блѣдныхъ устахъ и густая длинная рѣсница почти всегда прикрывала глазъ спокойный. Онъ открывался только по приказанію Царя и часомъ Іоаннъ заспавалъ въ немъ слезу, еще неопершую.

Но сіи заплаканные глаза, сіи блѣдныя щеки, сія опшѣнка грусти на лицѣ прекрасномъ, прельстили Грознаго. Блестящая, цвѣтущая Евдокія хотѣла нравиться Царю; но взоръ его пльнился Марѳой, томной и блѣдной. Радуясь жершвѣ невольной, Іоаннъ, казалось, хотѣлъ и съ наслажденіями супруга соединить ушихи Грознаго — и выбралъ Марѳу.

Свершилось! — гдѣ швое счастье, Мар-
еа? — гдѣ шѣ мечпы, коими шѣшила шебя
надежда? — гдѣ шѣ слезы, кои такъ часто
наполняли задумчивыя швои очи? Одно слово,
одинъ мигъ — и шѣ всего лишилась, и все
вокругъ шебя чуждо и хладно. Ошкрытый
глазь швой безъ жизни, неподвиженъ, тускль,
какъ блѣдная луна, восшедшая при свѣтѣ
солнца. Хладный ужась оковаль чувшшитель-
ное сердце, какъ морозъ оковываетъ влаж-
ную каплю, въ кошорой прежде такъ пре-
красно отражались всѣ цвѣты неба.

Нѣсколько разъ хотѣла Марѣа бросить-
ся къ ногамъ Иоанновымъ, признаться ему
въ невинной любви къ Андрею, и умолять,
чтобы оппустилъ ее въ Новгородъ. Но мра-
чный взоръ Иоанновъ удерживаль робкую дѣ-
ву. Мысль, симъ признаніемъ погубишь Ан-
дрея, ушрашала ее. — Теперь свершилось.
Марѣа нарѣчена невѣстой Царской; молишва
была единшвеннымъ ушвшеніемъ Марѣы. Ча-
сто по цѣлымъ часамъ распросшершая предъ
образомъ Пречистой, она моленіемъ облег-
чала стѣсненную грудь свою. Ксенія пеклась
о подругъ, лелѣла ее, какъ младенца, хотѣла
ласками и словами ушвшить несчастную. Въ
одно ушро вошедшая Ксенія удивилась, увидѣвъ
Марѣу. Алый румянецъ покрываль щеки ея,
прежде блѣдныя; въ пошухшемъ взорѣ блискала

*

огонь небесной радости. Никогда столь прекрасною не была Марѳа. Ксенія смошрѣла на нее, какъ на существо неземное.

„Ксенія!“ — воскликнула Марѳа, увидѣвъ подругу и бросилась къ ней на шею: — „какой сонъ я видѣла въ эту ночь. Вчера долго молилась предъ образомъ Богородицы. Съ упованіемъ въ сердце, съ молитвою еще на устахъ, закрыла я глаза свои — и вдругъ узрѣла Пречисную. Неплачь Марѳа, сказала она мнѣ, исполни долгъ твой — награда тебя ожидаетъ; скоро, скоро ты покинешь землю. Я преклонила колѣна, — хотѣла говорить — не могла, не отъ страха, но отъ какого-то сладостнаго чувства, которое описать тебѣ не въ силахъ. Не ослѣплялъ меня блескъ лица ея, нѣтъ! какое-то спокойствіе было на немъ, которое переливалось и въ мою душу. Чѣмъ болѣе смошрѣла на ликъ Небесный, тѣмъ долѣе желала зрѣть его, и тѣмъ свободнѣе и радостнѣе чувствовала себя. — Я проснулась; сердце мое было спокойно; мнѣ было шакъ легко, какъ будто другая жизнь началась для меня; какъ будто я не та уже Марѳа, которая прежде изнемогала подъ кручиной шяжкой.“ —

Ксенія слушала съ изумленіемъ и шрепешала. — Въдь это одинъ только сонъ, возразила она. —

„Сонъ, Ксенія; но такіе сны утѣшительны! О, не опшмай у меня надежды, что онъ исполнится, что я умру прежде, чѣмъ буду супругой Іоанна *)!“

Съ эпѣхъ поръ Марѳа перемѣнилась; казалась покойнице; не рыдала уже о дняхъ прошедшихъ; но часто говорила съ Ксеніей о скорой своей смерти; надежда на оную дала новыя силы душѣ ея — переносишь кратковременную горестъ земную.

И между шѣмъ не прельщало Марѳу ни богатство, ни пышность Двора Царскаго; не веселило величіе родныхъ; она болѣла и сохла какъ цвѣшокъ осенній. Хладнымъ окомъ смощрѣла на богатые подарки Іоанна, кощорые каждое утро приносили невѣстѣ; украшала ими монастыри и церкви и ежедневно раздавала милосщыни нищимъ. Іоаннъ съ прискорбіемъ видѣлъ болѣзнь своей нарѣченной, съ неперпвнѣемъ ожидалъ ея выздоровленія, и наконецъ, наскучивъ ожидать, назначилъ день свадьбы. — „Уповаю на Бога“ — сказалъ онъ; — „Богъ одинъ исцѣлишь Марѳу; пусть именемъ Его благословишь насъ Митрополишь — и сіе доказательство любви моей, можешь бышь, послужишь въ пользу болящей“ — Назначень день свадьбы; черезъ недѣлю послѣ

*) Все сіе говоришь одно старинное преданіе.

оной должна была праздноваться и свадьба старшаго Царевича съ прекрасною Евдокією Сабуровой.

Начались пригошювленія къ пышнымъ празднествамъ. Вся Россія радовалась, ожидая новыхъ милостей Царскихъ; одна Марѳа шрепешала, какъ осина передъ грозою. Въспысія поразила ее громовымъ ударомъ. Все забытое, прощедшее, невозвращное, снова воскресилось въ сердцѣ несчастной. Дни невинной радости еще разъ пролетѣли легкой пѣнью. Еще разъ счастье, коего ожидала съ Андреемъ, мелькнуло молніей въ душѣ мрачной.

Марѳа бросилась на шею подругѣ своей. „Ты опять возвращишься въ Новгородъ,“ — сказала она ей — „оняшь увидишь Андрея; люби его, Ксенія, утѣшь несчастнаго. Скажи, что мое послѣднее желаніе, моя послѣдняя просьба, чтобы онъ жилъ и былъ счастливъ. Пусть соединятся два сердца, которые были мнѣ такъ близки. Обѣщай, Ксенія, быть женою Андрея.“ — Ксенія залилась слезами. „Не плачь обо мнѣ, Ксенія, и я буду счастлива, счастливейше васъ обоихъ. Меня ожидаетъ вѣчность — и въ гробъ опдохну я отъ спрдацій и горести. Такъ, Ксенія, я чувствую, что ношу смерть въ груди своей, и Грозный обниметъ не супругу, а плечо холодный.“

Пышно праздновали свадьбу Иоаннову. Безпрерывно сѣдовали празднества; вся Москва пиrowала во дворцѣ его, Узниковъ освободили изъ шемницы; виновныхъ простили. Ежедневно давали милосшыню нищимъ, одарили церкви богатыми сосудами, а царедворцевъ богатыми кафшанами.

Не умолкали моленія въ храмахъ о возвращеніи здравія Царицъ; горы золоша обѣщали искусному врачу, который исцѣлишь Марѳу. Но искусство врачей не помогало. Марѳа шаяла, какъ воскъ ирый; съ каждымъ днемъ слабѣла, и черезъ двѣ недѣли послѣ свадьбы опошла въ вѣчность. Ангелъ непорочности передалъ ее Ангелу смерти, и дѣвой скончалась Марѳа, хопя въ вѣнцѣ Царскомъ *). Тѣло ея положили въ дѣвичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, подлѣ двухъ первыхъ супругъ Иоанновыхъ,

И смерть Ангела сего послужила Иоанну поводомъ къ казнямъ. Грозный объявилъ, что Марѳу извели, отправили недоброжелатели и завистники его счастья. Подозрѣніе пало на родшвенниковъ первыхъ двухъ Царицъ, Ана-

*) См. И: Г; Р: шомъ IX: стр. 194. Иоаннь, прося у Свяшителей разрѣшенія на четшвертый бракъ, говоритъ: „Но зависть, вражда, погубили Марѳу, только именемъ Царицу: еще въ невѣстахъ она лишилась здравія и черезъ двѣ недѣли супружества преславилась дѣвой.“ Пр. Соч.

спаси и Маріи. Множество бояръ знаменитыхъ, даже прежнихъ любимцевъ Царскихъ, погибло въ мукахъ. Иоаннь, по видимому, хотѣлъ облегчить скорбь свою — спрэданиемъ невинныхъ.

Весна возвратилась, запѣли жаворонки; Волховъ сбросилъ лдяныя цѣпи; суда пришли съ товарами; но ихъ не встрѣшилъ радостный взоръ Андрея. Ксенія пріѣхала въ Новгородъ; первый ея вопросъ былъ объ Андрѣ. Ей указали могилу въ березовой рошѣ. Тамъ покоились оспатки спрэдальца; онъ умеръ, свѣдавъ о выборѣ Марѣы.

И старый Собакинъ не переславалъ оплакивать злосчастную судьбу своей дочери. Не прельщалъ его санъ знаменитаго боярина; онъ удалился отъ Двора, гдѣ все напоминало ему крошкку Марѣу.

При концѣ жизни старца, Грозный гошовидъ ему новый ударъ: онъ казнилъ единспвеннаго его сына Калиста и брата Григорія *). Неизвѣстень предлогъ сей казни.

Прошekli спольшія. — Новгородъ забылъ казни Грознаго, забылъ, подь счастливымъ скипетромъ Романовыхъ, и свои бѣд-

*) См. И с ш. Г. Р. томъ IX, стр. 269.

ствія и свою бурную свободу; но еще долго вспоминали о злополучи Дружинина и Собакиной. Часто рассказывали памь ихъ исторію. Часто пылкій юноша, описывая спрасть свою, говорилъ любезной, съ копорою желалъ соединишь на вѣки свою судьбу: „Я люблю шебя, какъ Андрей любилъ Марѳу.“ *)

П. Д.

А Н Т О Н І Я.

(П о в ѣ с т ь.)

„Да, милая племянница!“ — сказалъ Полковникъ — „я ушверждаю, что для васъ, молодыхъ женщинъ, *быть* добродѣтельною не довольно; надобно шакою и *казаться*.“

*) Такъ говоритъ объ Андрей и Марѳѣ преданіе изустное, копорому вѣришь или недовѣришь, писатель сей народной повѣсти оставляетъ совершенно на волю читателя. Исторія же повѣстивуетъ о Марѳѣ слѣдующее: Между шѣмъ Царь женился (28 Октября) на большой Марѳѣ, надѣясь, по его собственнымъ словамъ, спасти ее симъ дѣйствіемъ любви и довѣренности къ милости Божей; чрезъ шесть дней женилъ и сына на Евдокии; но свадебные пиры заключились похоронами: Марѳа 13 Ноября скончалась, бывъ или дѣйствительно жершвою человеческой злобы или только виновницею казни безвинныхъ. Во всякомъ случаѣ Царственный гробъ ея, споящій подлѣ двухъ супруговъ Иоанновыхъ, въ двѣичьемъ монастырѣ Вознесенскомъ, есть предметъ умиленія и горестныхъ мыслей для попомощва. Смолр. Истп: Г: Р: томъ IX, стр: 188.

— Это были бы еще новья для насъ оковы — возразила съ неудовольствіемъ племянница. —

„Оковами назвать нельзя, другъ мой! — цѣпи, цѣпочныя цѣпи, если ты хочешь, но необходимыя для того, чтобы сдѣлать васъ ограниченнѣе въ вѣсшупкахъ вашихъ. Мужчина можешь иногда пренебречь общественное дѣлніе; женщина — никогда. Повѣрь мнѣ, что много въ свѣтѣ было несчастій единственно ошъ исполненія на оборотѣ этого правила.“

Августа покачала сомнительно головой. — У всякаго свои правила, любезный дядюшка, и это. . . . —

„Самое справедливое. Такова судьба твоего пола, что злыя язычки, копорые надъ мужчиной прищупляютъ свое ядовитое жало, вамъ часто могутъ наносить смертельные раны.“

— Завидна же наша судьба! сказала съ досадою Августа.

„Почему жъ и не такъ, милая? хотя я вижу, что ты совсѣмъ прошивное думаешь. Скажу тебѣ еще болѣе: это есть тонкая нить, на копорой держатся всѣ ваши гражданскія права, все ваше счастье.“

— Конечно, дядюшка — потому, что господа мужчины однажды навсегда присвоили себѣ право давать законы цѣлому свѣту.

Но если бы эти суровые властелины сделали кой-гдѣ посвободнѣе суровыя оковы, въ кошорыхъ держащъ они женщинъ. —

„Нѣтъ!“ — прервалъ съ жаромъ Полковникъ — „нѣтъ, недолжны того дѣлать, если бы даже и могли. Ты все называешь желѣзными оковами пираншва то, что есть только шелковая песьма, сотканная по самымъ снисходительнымъ законамъ жидейской Философіи. Разорвать ее значило бы дѣйствительно сдѣлать васъ несчастными. Вы снова лишились бы своей свободы: вамъ бы должно было опять сдѣлаться невольницами, какъ вы были за двѣ тысячи лѣтъ.“

Августа посмотрѣла на него пристально, съ недоувѣрчивымъ взглядомъ.

„Ты удивляешься, другъ мой. Но хотѣ бы ты еще десять разъ стала покачивать головку свою — это дѣйствительно такъ. Соловъ Аенскій законодатель, постановилъ за правило, что добродѣтельнѣйшая женщина есть та, о кошорой менѣе всего говорятъ — и всѣ Греки согласились съ нимъ; а чтобы доказать на самомъ дѣлѣ справедливостъ того, они чрезмѣрно унизили женъ своихъ, держа ихъ въ плѣну въ опдаленнѣйшихъ покояхъ дома и не позволяя имъ участвовашъ въ связяхъ общеспвенныхъ. . . . Солоново правило, хотѣ и не въ столь суровомъ

смыслъ, есть и нынче наше; но мы даемъ женщинамъ благороднѣйшую, а потому и болѣе строгую спражу: уваженіе къ обществу и мнѣнію.“

— Хорошо же, любезный дядюшка: такъ если эша спража не вовсе безъ глазъ, она легко различитъ, что кажешся и что есть дѣйствительно, а если она —

„Слыхала объ Аргусѣ, что этому бѣдняку, и при сомнѣннѣ глазъ, все еще было ихъ мало, то по своей Логикѣ — справедливо или нѣтъ, эшо теперь при нашемъ спорѣ, все равно — сдѣлаешъ такое заключеніе, что женщина, которая имѣла неразсудительность возбудитъ подозрѣніе, его заслуживаетъ . . . И мы шѣмъ кончимъ!“ прибавилъ Полковникъ, схватившись за свою шляпу. „Вечеръ прекрасный; не хочешъ ли сомной немного прогуляться? я же давно не посѣщаль своего любимаго мѣстечка: мнѣ хочется шуда.“

Вблизи городскихъ воровъ находилась ограда; за кошкою ошаткѣ опшедшихъ въ лучшей свѣтѣ съ миромъ покоились подъ высокими липами, среди благоухающихъ цвѣтовъ и распѣній. Надъ входомъ въ ограду изображены были два Генія: Сонъ и родная сестра его, Смерть, рука въ руку, склоненные на мхъ и цвѣтахъ: одинъ спалъ, другая казалась спящею. Никог-

да не проходилъ Полковникъ мимо сего припняго символа чловѣческаго бытія безъ того, чшобъ не бросишь на него гореспнаго, но вмѣстѣ и опраднаго взгляда. Когда же приближался онъ къ могиламъ, гдѣ почши всѣ шѣ, копорые сопутствовали ему въ его счастливой и безмятежной жизни, положили уже свой спранническій посохъ, то съ упованіемъ и умиленіемъ возводилъ взоры свои къ небу. И шеперь благородный спарець направилъ сюда стопы свои, и дошедши до дерновой скамы надъ копорою печальная ива наклонила развѣсисшыя свои вѣшви, съль, попросилъ съспѣ и Августу, но долго еще не оцвращаль лица своего ошъ заходящаго солнца, кошораго послѣдніе лучи исчезали надъ гробами его любезныхъ.

„Слыхала ли шы когда нибудь объ Аншоніи фонъ Зильбургъ?“ сказалъ онъ пошомъ.

— Да, любезный дядюшка — ошвѣчала Августа — я слышала, что она сдѣлала несчастнымъ благороднаго чловѣка, своего мужа, и сама повергла себя въ раннюю могилу.

„Правда, милая, она скончалась во цвѣшѣ лѣтнѣ. Здѣсь, подъ эшимъ кипарисомъ покоишся прахъ ея, прахъ добродѣшельнѣйшей женщины, какая шолько можешъ бышь на земль.“

Августа въ изумленіи обратила вопрошающій взоръ на своего дядю.

„Я знаю, что говорю — продолжалъ Полковникъ; она была сама добродѣтель: съ эпою клятвою готовъ я предсказать каждую минушу передъ судомъ Всевышняго; но она не знала свѣта. Нрава дѣтскаго, или, можетъ быть лучше сказать, младенческаго; она недовольно мыслила о томъ, что молодая особа своего пола не имѣетъ надъ собою судьи; строже и неумолимѣе общественнаго мнѣнія. Неосторожность ея непринужденной, безпечной души; маленькое легкомысліе въ ея пошупкахъ, возбудили сначала клевету, которая, какъ жужжащая муха, острѣмъ жаломъ прививаетъ свои зародыши къ юному еще плоду. Конечно, рана бываетъ сперва мала, почти незамѣтна, но когда мѣлкія насѣкомыя расплодятся и возрастутъ, тогда и самый плодъ, едва наполнившійся, разрушается . . . Послѣ двухлѣтняго, счастливейшаго брака погибла Антонія, опягченная проклятіемъ своего мужа и презрѣніемъ свѣта, жр-твю жесточайшаго посрамленія. Смерть, какъ истинная благодѣтельница, приняла непорочную подъ кровь свой.“

— Непорочную? — возразила Августа, — когда цѣлый свѣтъ изрѣкъ приговоръ ея. —

„О любезное дитя! ты не знаешь, как поспѣшенъ и дѣятеленъ эшошь свѣшь на шо, чтобы заблуждагося предашь осужденію. Чѣмъ завиднѣе участь счастливаца, тѣмъ лдовнше жало злоязычія, съ которымъ на него нападаюшь въ тѣ минушы, когда онъ увлеченъ и собственнымъ своимъ предопредѣленіемъ. О, дай Боже, чтобы твое невинное сердце ни когда не имѣло такого опыта! — Будь пакъ добродѣтельна, какъ Антонія, но будь предумошрительнѣе!“ прибавилъ съ сильнымъ внутреннимъ движеніемъ Полковникъ, схвативъ руку племянницы и сжимая ее въ своихъ рукахъ. „Да, мнѣ кажешся, всякая молодая женщина должна бышь очень внимательна къ эшому совѣшу.“

Яркій румянецъ выступилъ на лицѣ Августы; крупная слеза выкашилась на плачущую ланишу. „Бѣдное твореніе!“ сказала она съ глубокимъ вздохомъ. „Такъ жестоко наказана за какой нибудь одинъ безразсудный поступокъ.“ —

„За нѣсколько, изъ которыхъ каждый назвала бы ты незначительнымъ; но припомни по нѣжное распнѣ, которое вчера видѣли мы у нашего пріятеля. Легчайшее прикосновеніе моего пальца, едва замѣнное для осязанія, заставило его свернуть топчасъ свои джесты. — Точно также сравниваюшь

добрую славу женщины съ зеркаломъ, кошораго чистый кристалль пускнешь ошь самаго легкаго дыханія: но это сравненіе не совсѣмъ вѣрно: стеклo мгновенно очищается и получаешь прежній блескъ свой, а пятна, нанесеннаго чеспи, ничѣмъ уже не смоешь.“

— Что жь Антонія, любезный дядюшка?
— прервала Августа.

„Готовь начашь ея испорію, другъ мой; сказанное мною послужитъ ей введеніемъ. Худо было по, что самъ мужъ положилъ первое основаніе ея несчастью — тѣмъ, что онъ и послѣ брака не переставалъ еще бытъ ласкашелемъ ея паланшовъ и прелесшей. Ласпное обхожденіе любовника никакъ не можешь бытъ соединено съ достоинствомъ супруга. Конечно, ничто не обольщаетъ столько молодую неопытную женщину, сколько шриумфъ — видѣшь такъ называемаго власшедина у ногъ своихъ — слышаешь, какъ онъ призываетъ Небо и землю въ свидѣтели вѣчной любви и вѣрности, что значитъ по вашему словарю: вѣчнаго подданства; — иногда шщеславіе, это самое легковѣрное швореніе подь луною, считаешь себя даже въ правѣ пребовашь такой неограниченной покорности: — но рано или поздно окажущся непременно послѣдствія этой слабости. Не помышляя о шомъ, что кто унижаетъ знаки супружеской

привязанности до мѣлочныхъ изъясненій чувственности, шонъ легко прослывешь или пуснымъ человекѣмъ или обманщикомъ. Антонія прежде всего имѣла безразсудность писать свое щеславіе воскуряемымъ ей фіміамомъ, и находила въ томъ сладость неограниченную, подавляющую прочія чувства.

„При неумѣренной склонности ко всѣмъ удовольствіямъ свѣта, Антонія имѣла и всѣ средства пользоваться ими. И пакъ не было ничего страннаго, что она вполне, какъ говоришься, наслаждалась своею юностью. Былъ когда-то взыскательный папѣрь, Авраамъ де Сень-Клара, думавшій, что женщина должна быть подобна улипкѣ, которая всюду носить съ собою домъ свой; но Антонія, никогда неслыхавшая объ этомъ папѣрь, гораздо охотнѣе перелетала, какъ бабочка, съ цвѣтка на цвѣшокъ. Одною изъ любимѣйшихъ забавъ ея была верховая ѣзда. Ты знаешь мои мысли на счетъ этого упражненія: оно, мнѣ кажется, не только не прилично женщинѣ, но даже вопіетъ противъ ея напуры. Если нѣжныя руки дѣйствуютъ такъ несообразно своему назначенію, что б. рупса укрощаетъ буйнаго коня, то мужчина не осмѣется уже ничего другаго, какъ развѣ свѣсть между шѣмъ за прялку или качаетъ колыбель.“

— А что, любезный дядюшка — спросила Августа лукаво — если и эта слабая рука также иногда почищает за удовольствия управлять уздой? . . . —

„Эпо ни мало не переменишь моего мнения, племянница. Правда — вы всему, что только на себя берете, умнете дать какую то очаровательность, как будто сами Грации содействуют вам; но как можете Амазонка приобретать сердца, эпо до сих пор остается для меня загадкою: до сих пор не слышал и не читал я, чтобы Грации когда нибудь ѣзжали на конь и, как я представляю себя их напугу, эпо совершенно прошивно ея законамъ. Тебя, Августа, я не видалъ еще на конь, и скажешь правду — совсемъ не любопытствую видѣть; но если ты недовольно еще успѣла въ эпомъ искусствѣ, то не много и пищи для своего самолюбія, потому что худой верховой ѣздокъ играетъ самую жалкую роль въ свѣтѣ; если же ты приобрѣла въ эпомъ мужскомъ упражненіи большой навыкъ, то никто не будешь оспаривать у тебя славы, что ты значительную часть своей жизни провела съ лошадьми. Посуди же теперь сама, то или другое тебѣ прилично.“

— Посмотримъ, какъ судила объ эпомъ Антонія, — возразила Августа.

„Антонія до тѣхъ поръ любила сѣдло и стремена, пока не излечилась оной эпшой спрасши однимъ несчастнымъ случаемъ. Однажды приглашена она была въ общесіево друзей своего мужа на охоту, въ которой участвовало множество верховыхъ: въ число попала и она. Я стоялъ у окна въ шпакширъ, когда веселая кавалькада возвращалась назадъ. Одинъ изъ верховыхъ скакалъ опрометью впередъ; Антонія близко за нимъ. Не знаю, хотѣла ли она перегнать его, или, что мнѣ върояшнѣе казалось, не могла справиться съ лошадыю — только она не вѣдала, а летѣла, какъ самая неукротимая Амазонка. Въ въ комнатахъ бросились поспѣшно къ окну. „Посмотрите—сказалъ мнѣ соедѣ мой—эша дама хочеть, кажеться, поймать бѣглеца. Еслибъ я былъ на мѣстѣ этого измѣнника, те можеть бышь она бы меня и догнала, но уловить себя ни за что бы ей не далъ, хотя бы она скакала и на дромадерѣ.“ — „Славно! славно! — вскричала другой: — недоспаешъ только сабли къ бедру, да чубука ко рпу, а шо бы драгунъ хотъ куда!“

„Я схватилъ свою шляпу и пошелъ удвоенными шагами въ городъ. Еще въ воротахъ встрѣтила меня печальная вѣспъ, что Антонія упала съ лошади и опасно ушибен-

ная, безъ чувствъ опнесена домой. — Хотя молодость ея и врачи возвратили ее снова къ жизни, но она не прежде могла приобрести опять здоровье, какъ по долгомъ и тяжкомъ спаданіи. При томъ же эпюшь случай похипилъ лучшія надежды ея супружества.“

Августа казалась погруженною въ глубокоѳ размышленіе: едва замѣтные вздохи вырывались изъ ея груди.

„Вскорѳ послѳ ея выздоровленія“ — продолжалъ Полковникъ — „Зильбургъ долженъ былъ отправиться въ дальній путь. Антонія, болѳе и болѳе привыкавшая въ замужствѳ къ разсѳянности, почувствовала тупь какую-то пустоцу въ своемъ сердцѳ, копторой не могла преодолѳть, шѳмъ болѳе, что сама не постигала настоящей причины маленькихъ причудъ своихъ. То, что легко можно ей было найти въ глубинѳ своего сердца, искала она въ позлащенныхъ залахъ большаго круга своихъ знакомыхъ. Музыка — такъ старалась она убѳдить себя — прогонишь мрачность, заставляющую меня хмуриться, Шотландскій танецъ сократитъ скучные часы вечера; или считая въ бастонѳ карты, забуду я считать медленный ходъ лѳнивой минупной стрѳлки. — Антонія играла и любила играть въ большую игру. И

въ впомъ находить безразсудство особенное удовольствіе! Однажды вечеромъ проиграла она всѣ наличныя свои деньги; но продолжала игру еще съ большею горячностію и когда парнія кончилась, то принуждена была оспашься въ долгу на значительную сумму. Молодой человекъ, которому она задолжала, считалъ себя уже въ правѣ — какахъ правѣ не присвоивающъ себѣ пустые вершопрахи! — явившя на другой день къ ея шуалешу. Эшо, по его увѣренію, едѣлалъ онъ единственнo въ шомъ намѣреніи, чтобы прелестная дама извинила неумышленное разсрой шво, причиненное ей наканунѣ, не имѣ, а несчастною звѣздою, подѣ которою онъ родился. Антонія хотѣла шотчасъ заплашть ему деньги — онъ не бралъ, не смотря на всѣ наспоянія. Наконецъ сказала она, что только шѣмъ онъ и можеть примирить ее съ своимъ каршочнымъ счастиемъ, когда приметъ деньги, и хитрый господчикъ, который боялся разсердить свою даму и въ шо же время хотѣлъ соединить свое посѣщеніе со всѣми спрогими шребованиями приличія, къ выигрышу своему приложилъ шакую же сумму денегъ, запечаталъ въ пакетъ и послалъ въ пособіе одному бѣдному семейшву. Послѣ шого онъ очель пер-

вымъ долгомъ своимъ, благодарность сихъ несчастныхъ повергнушь къ споцамъ ихъ покровительницы — по крайней мѣрѣ имъ такъ названной. Что это доброе дѣло служило поводомъ ко второму и прешьему посвященію, нѣтъ ничего натуральнѣе. . .“

— О, милый дядюшка — прервала Августа — ужь это, кажешься, все равно, что высасывашь ядовитую каплю изъ цвѣшка. . .—

„Ты забываешь, что супругъ Антонія былъ въ ошесушенвіи; къ тому же, чтобы остаться при своей аллегоріи, вспомни, что рѣчь идетъ о десяти ядовитыхъ капляхъ изъ десяти цвѣшковъ. — Но теперь объ этомъ полно; молодой господчикъ явился еще разъ въ продолженіи моей повѣсти.

„Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Зильбургъ возвратился и привезъ съ собою одного шариннаго пріятеля, сотоварища своей юности. Этого шишула было очень достаточ-но, чтобы Антонія приняла новаго знакомаго со всею ласкою непринужденнаго обхожденія. Природа поступила съ тѣлеснымъ образованіемъ Арлштейна какъ мачиха; за то наградила его съ нѣжнѣйшею попечительностію матери почти всѣми умственными способностями и дарованіями, которыя столько же служатъ къ наслажденію собственному, какъ

и для общественнаго круга. Вскорѣ былъ онъ принятъ въ большомъ свѣтѣ, какъ лучшій собесѣдникъ; не говорю уже о томъ, что всѣ домашніе прильпились къ нему душою. — Антонія не только любила изящныя искусства, но была почтительница ихъ, исполненная вкуса и знанія, между тѣмъ какъ мужъ ея, при своемъ странническомъ посохѣ, обладалъ только змѣиснымъ жезломъ Меркурія. Молодая женщина, увидя въ Арльштейнѣ генія, кошораго, казалось, самъ Аполлонъ послалъ къ ней, избрала его въ спутники при своихъ выѣздахъ къ публичнымъ увеселеніямъ, и въ повѣренныя чувствъ своихъ при домашнемъ уединеніи. Могла ли она находить въ томъ что нибудь неприличное, когда онъ во всякое время сопровождается былъ девятью сесрами, кошорыхъ слава уважается болѣе двухъ тысячъ лѣтъ цѣлымъ свѣтомъ!

„Арльштейнъ попросилъ позволенія Антоніи срисовать портретъ ея для своей маленькой галлерей, и она охотно на то согласилась. Не хочу спавить того въ вину доброй женщинѣ, но долженъ себя признавать, что несомнѣнно одобряю назначеніе этого портрета. Къ тому же, можешь быть проси изъ прихожи, но я дѣлаю большое раз-

личіе между живописцемъ по ремеслу и вольнымъ практикомъ. Кпо даешь себя срисовывать живописцу, долженъ уже предоставишь ему всё, неразлучная съ искусствомъ его права, хотя бы они и въ шомъ только сосполяли, что онъ можеть успремить на оригиналь взоръ свой такъ долго и такъ внимательнo, какъ ему разсудится; при чемъ также имѣешь онъ полную власть удовольствовишь и тщеславію, которое при каждомъ списываніи портрета, больше или меньше, но существуешь навѣрное . . . Этому ты, кажешся, не совсѣмъ вѣришь, племянница. Какъ ты хочешь; я предоставляю каждому свое мнѣніе; но мимоходомъ сообщу тебѣ маленькую шайну. Одинъ старый живописецъ мой искренній другъ, нѣсколько разъ увѣрялъ меня, что для женщинъ слишкомъ раздражительнаго темперамента, весьма чувствительнo по мгновеніе, когда рисовщикъ снимаетъ черты ошличнѣйшей красоты, особливо же когда наводишь на щекахъ румянецъ . . . Но возвратимся опять къ Антоніи. Какъ далеко опсупилъ я опъ своего предмета, а хошьль только сказашь тебѣ, что молодая женщина не должна позволять снимашъ съ себя портретъ никому изъ молодыхъ людей, кромѣ своего мужа.

„Въ другой разъ Антонія съ Арлштейномъ стояла у окна; она не давала ему какой-но маленькой бумажки, которую онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ спарался вырвать. Между шупками она такъ сильно шодкнула его, что онъ головой ударился въ оконницу и разбитыя стекла полетѣли на улицу. Это обратило вниманіе всѣхъ сосѣдей и на другой день окровавленный лобъ Арлштейна служилъ предметомъ насмѣшекъ и оспрошъ для его знакомыхъ. Антонія съ своей спорной поддерживала вѣсь оспрошы своими, весьма замысловатыми, такъ что для нихъ единственно рассказывалось все происшествіе при каждомъ удобномъ случаѣ, а особливо шѣми, которые, какъ говорится, въ своемъ глазу не видяшь бревна, а у сосѣда замѣчающъ и соломенку.“

При этомъ Августа немного нахмурилась; Полковникъ, какъ будто не примѣчая этого, продолжалъ: „Маленькія семейственныя размолвки подобны пучамъ въ знойную пору; онѣ освѣжаютъ воздухъ и даютъ пріятнѣйшее благоуханіе цвѣтамъ; но надобно, чтобы эти громовыя облака пронеслись тихо и незамѣтно по небу семейственной жизни. Антонія позволяла иногда Арлштейну всмащиваться въ свои омраченныя печалью глаза; по изъявленному имъ уча-

стію розказывала ему о мнимыхъ несправедливостяхъ своего мужа и слухала охотно его рѣшишельные приговоры. Ахъ, она не помышляла, что женщина не можетъ повѣрять кому нибудь претъему свое домашнее разстройство, безъ того, чтобы не предославишь ему такого права на свое сердце, какое принадлежитъ единственно мужу. Добродѣшельная жена должна и казаться счастливою.“

— О, опять казаться! — воскликнула, вздыхая, Августа.

„Арлштейнъ, почитая Антонію своимъ другомъ, привыкъ называть ее по дружески, просто однимъ именемъ. „Съ вами я никакъ не въ силахъ упошреблять вшихъ церемоніальныхъ обрядовъ“ — говорилъ онъ ей: „мнѣ кажется, что называя васъ: *милостивая государыня* *), я ошпалкиваю себя на десять шаговъ отъ своего друга.“ Антонія была не слишкомъ внимательна къ этому небольшому пришизанію, но въ кругу знакомыхъ ея говорили о томъ очень много, а думали еще болѣе. Человѣку врожденна уже такая слабостъ, или лучше скажешь такая злоба, что мы охотно вѣримъ дурному о другихъ и любимъ

*) *Gnädige Frau* — такое названіе упошребляется Нѣмцами всегда въ общежитіи.

это рассказывать. Попытайся узнать от подруг своих, или, если ты хочешь еще более в шомь удостовериться, спроси собственное свое сердце: когда ты видишь, что обхождение молодого мужчины съ молодой женщиной пресупаешъ границы строгаго приличія . . . “

Августа хотѣла шуть что-то сказать; Полковникъ приложилъ палець къ губамъ ея.

„Ни слова, другъ мой; я не хочу слышать швоего ошвѣща, пошому что на этошъ разъ не повѣрилъ бы ему. Поспѣшимъ лучше къ разсказу самаго печальнаго случая.

„Между прівзжавшими въ городъ ежегодно на ярмарку, бывало много и знакомыхъ Зильбургу. Однажды вечеромъ, когда у него было многочисленное собраніе, Арцшпейнъ гдѣ-то замѣшкался и пришелъ уже, когда сидѣли за обѣдомъ. Зильбургъ вспаль, взялъ его за руку и оборошась къ госпямъ, сказала шупочнымъ шономъ: „Имѣю честь предшавишь вамъ, милоспивые государи, любовника моей жены.“ Аншонія вдругъ почувшвовала, что краска вышупида на щекахъ ея; но чтообы не подшвердишь сказаннаго шакою невольною прошивъ себя самой измѣною, она мгновенно избрала самое несчастное средство: показала Арцшпейну мѣсто подѣв себя и чрезмѣрною веселостію хотѣ-

да, казалось, придашь справедливость словам своего супруга. „Я не желалъ бы, чтобъ меня такъ представили обществу“ — сказала между тѣмъ одинъ изъ присущесвующихъ на ухо своему сосѣду — „добрый муженекъ долженъ быть очень увѣренъ въ своемъ дѣлѣ, когда онъ такимъ образомъ оппдаешь на жершву своего пріятеля.“ — Почему жъ не такъ — прожужжалъ другой — посмотрише только поприспальнѣе на этого молодца.

„Какъ ни тихо было говорено это, но достигло до шонкаго слуха Арлштейна, и каждое слово было для него кинжаломъ въ грудь. Онъ принуждалъ себя быть, какъ и всегда, веселымъ собесѣдникомъ, но такъ дурно удавалось ему на сей разъ, что на многія остропы гостей онъ вовсе не находилъ какъ оппвѣчать. Это довершило его досаду. Цѣлую ночь провелъ онъ безъ сна: адскіе планы вершались въ головѣ его. Должно оппмстить, жестоко оппмстить — это было рѣшено; но какъ, гдѣ, когда — въ помъ не могъ онъ согласиться съ самимъ собою. Такъ заспало его ушро.“

— О, я уже препену за Антонію! — сказала Августа.

„Сспрасшь, дремавшая дошолъ во глубинѣ души, вдругъ съ неодолимою силою овладѣла

всемъ вошепавомъ его, и въ ухо нашептывались ему самыя дерзкія, самыя гнусныя предпріятія. Самой Антоніи надлежало быть жертвою; это льстило его желаніямъ, удовлетворяло вполнѣ его обиженному самолюбію и мстительности. Еще злоумствовалъ онъ надъ своими планами, какъ одинъ несчастный случай представился ему на помощь. Зильбургъ получилъ извѣстіе о банкротствѣ одного торговаго дома, ошъ котораго зависѣла значительнѣйшая часть его состоянія. Это заставило его шотчасъ ухватъ. Тупѣ созрѣли планы Арлшшейна.

„Спальня Антоніи и его кабинетъ находились по угламъ главнаго строенія, раздѣленные между собою длиннымъ рядомъ пріемныхъ комнатъ, въ которыхъ никто не жилъ, и вообще слуги помѣщались большею частію во флигеляхъ. Арлшшейнъ обо всемъ уже старательно развѣдалъ; прибралъ себѣ двойные ключи; замки и задвижки были внимательно имъ осмошрѣны; каждую петлю у дверей, могущую измѣнить своимъ скрипомъ, заставилъ онъ благовременно стихнуть; все было готово, кромѣ случая. Представился и онъ. Антоніа праздновала именины своего мужа въ кругу искреннихъ пріятелей; шутки и пѣсни занимали пирующихъ, стекло звѣзло, вино пѣнилось, бокалы ходили кругомъ . .

Арлштейнъ упошребилъ все коварное искусство свое, чшобы прекрасную хозяйку, въ кошорой находилъ онъ въ эпошъ вечеръ тысячу новыхъ предеспей, вводилъ въ соблазмъ однимъ изъ любимыхъ ей напишковъ. — Въ часъ по полуночи — мертвая пишина царспивовала вездъ въ домъ — беретъ онъ лампаду, крадешся черезъ комнашы, отворяешъ тихо дверь спальни и замкнувши ее опяшь, предспаешъ предъ ложе Антониѣ, покоящейся въ сладкомъ снѣ. Опъ легкаго прикосновенія руки она въ испугъ пробудилась; смощрипъ на него неподвижными глазами, безмолвно — ужась оковалъ языкъ ея. „Выслушайте меня покойно, любезная Антонія“ — сказалъ Арлштейнъ ешоль тихо, сколько въ эпо мгновеце соспоало въ его силахъ; „прежде всего помыслише, что съ вашей спороны крикъ, созвавъ людей, нанесешъ шолько неизгладимое пяшно вашей чести.“ Антонія пошянула снурокъ, чшобы зазвонилъ въ колокольчикъ, но снурокъ остался въ рукъ ея: и объ эпошъ постарался злодѣй! „Еще разъ говорю вамъ Антонія“ — произнесъ онъ съ сверкающими глазами — „вы погибли, если хопъ чшо нибудь узнающъ объ эпошъ въ свѣтѣ.“

Августа, нѣма и блѣдна, вскочила съ своего мѣсна; Полковникъ легонько посадилъ се

опяшь. „Десница вездѣсущаго Провидѣнія“ — продолжалъ онъ — ослѣпляетъ глаза дерзновеннаго и вооружаетъ руку невинности. Въ спальнѣ была дверь, непримѣтная за обоями и ведущая шайнымъ переходомъ изъ дома. Опчаяніе вложило въ Аншонію мужество и силы; она твердою рукою опшполкнула Арлаштейна, и когда онъ, пошатнувшись, ударился головой объ спѣну — опшворила скрытую дверь и исчезла.“

Тутъ Августша свободнѣе вдохнула въ себя воздухъ. „Аншонія спасена!“ — воскликнула она въ восторгъ — „Благодареніе Господу!“ —

„Да, она спасена; она избѣгла опасности, къ копорой первымъ поводомъ было одно безразсудное слово. Какъ счастлива, другъ мой; та жена, копорой мужъ не только неспособенъ къ такому безумству, но и попечитель о томъ, чтобы опклонялъ его скромною рукою опъ домашнихъ своихъ.“

Августша щипала розу, приколотую на груди ея.

„Не трудно было Аншоніи“ — продолжалъ Полковникъ — „выдумать для легковѣрныхъ служителей сказку, будто какое-то сновидѣніе разбудило и испугало ее; по сей причинѣ никому не показалось и спраннымъ, что она спальню свою перевела въ боковое

спроектъ и приказала одной изъ горничныхъ ложиться въ той же комнатѣ. Что касается до Арашпейна, онъ боялся выдать себя на позоръ и посрамленіе свѣту, если узнають хитря по виду ихъ размолвку, и потому оставался еще въ домѣ; Антонія также была довольно разсудительна, чтобы невдругъ оставить свое прежнее съ нимъ обхожденіе. Она видала злодѣя, говорила съ нимъ, однако всегда въ присутствіи прещяго, а припомъ умѣла щонкимъ образомъ еще болѣе завлечься въ общественыя связи. Такъ прошло нѣсколько времени. Наконецъ Арашпейнъ, получивъ однажды письмо, понялъ сдѣланный ему неявный намекъ: распустилъ слухъ о необходимости немедленнаго отъѣзда, и уѣхалъ.

„Антонія долго была въ нерѣшимости, открытъ ли эпозъ гнусный поступокъ своему супругу или хранить вѣчно тайною въ груди своей. Съ одной стороны долгъ и искренность, съ другой страхъ и деликатность колебали всы недоумѣнія. — Однажды была она въ театръ. Играли Эмилию Галопши. Въ томъ дѣненіи, гдѣ смиренная Эмилиа рассказываетъ своей маперн, какъ попалъ на нее въпрѣдъ Принцъ, сердце Антоніи начало сильно биться. Известно, что Эмилиа насмѣивается, чтобы Графу, ея жениху, открытъ все это происшествіе, но мать силь-

но шену прѣспившися. „Ни за что въ свѣ-
шъ, милая дочь!“ — восклицаетъ она: „неу-
жели хочешь ты каждою малостью раздра-
жать его? знай, дитя мое, что ядъ, кошо-
рый невдругъ дѣйствуетъ, все таки ядъ, не-
менѣе опасный.“ — Эти слова рѣшили. Ан-
шонія думала, что самъ Ангель-хранишель
ей подаетъ ей совѣтъ, и положила молчать.

„Не прошло еще и нѣсколькихъ недѣль
по отъѣздѣ Аралштейна, какъ Зильбургъ, на
обратномъ пути, принужденъ былъ для по-
чинки своего экипажа, опрокинувшись пе-
редъ швъ на дорогѣ, оспашься переночевать
въ небольшомъ городкѣ, за нѣсколько миль
отъ резиденціи. Большую госпиную комна-
ту въ пракширѣ нашель онъ наполненною
людьми; закушанный въ своемъ плащѣ, не
снявъ и фуражки, пошому что голова его бы-
ла ушибена и обвзана, сѣлъ онъ на скамью
у печки. Никто не замѣшилъ его. За однимъ
опдаленнымъ споломъ, гдѣ гости были осо-
бенно веселы и разговорчивы, услышалъ онъ
вдругъ вопросъ: „Нѣтъ ли чего новаго изъ
столицы?“

— Ничего — отвѣчалъ одинъ изъ моло-
дыхъ людей, который объяснялся громче и
рѣшительнѣе другихъ — ничего особеннаго,
кромѣ развѣ шого, что прекрасная Аншонія

фонъ Зильбургъ вздумала обратиться на пушью истинный.

„Пора! мужъ ея, какъ говорящъ, ноже на обрашномъ пуши!“ примолвилъ прежній, сопровождая оспрошу свою коварнымъ смѣхомъ.

— Ахъ, у бѣднаго муженька давно бы должны были открыться глаза — сказалъ шощъ, — но шакова участь несчастныхъ мужей: они всегда посавдніе замѣчаютъ подобныя вещи. —

„Зависшь, брашь, говоришь изъ тебя“ — закричалъ одинъ изъ сидѣвшихъ за ближнимъ столомъ; — шы, кажешся, по пословицѣ: не солоно хлебать.“

— О, я давно уже опспалъ! въперъ подуль на удалаго Арлаштейна: что жъ шуниъ было дѣлать! Однако свой карточный долгъ — прибавилъ дерзкій съ двусмысленною миною — я получилъ. —

„Такъ Арлаштейнъ шеперь счасливецъ?“

— Былъ. И онъ ужъ въ опспавкъ: уѣхалъ, и пришомъ внезапно. Теперь она, голубушка, сидишь одна дома, повѣся головку, и шомипся. —

„Пусть она здравшвуенъ до лучшихъ временъ“ — вскричалъ одинъ и чокнулся бокаломъ съ своимъ сосѣдомъ.

— Да здравшвуешь прелестная! — опвѣчалъ другой и опрокинулъ бокаль.

„Да здравешвуешь и да пошелся ей у-
пѣвшипель!“ — воскликнул претій.

„Пупешеспвенникъ у печки горѣлъ, какъ
на огнѣ. Помедля еще немного, онъ вышелъ
украдкою въ свою комнату. Цѣлую ночь
сонъ не смыкалъ ни на одну минушу глазъ
его; ложе казалось ему сопканнымъ изъ шп-
повъ и шернїй; какъ полусумасшедшїй, бѣгалъ
онъ по комнатѣ изъ угла въ уголь. На раз-
свѣтѣ дня, когда онъ сидѣлъ опяшь въ ко-
ляскѣ своей, кровь его не такъ уже волно-
валась: онъ могъ разсуждать. Видя, что недо-
вѣрчивость и упреки не поведутъ его ни къ
какому открытію, рѣшился онъ явиться къ
женѣ съ веселою миною, а потомъ развѣды-
вать и подслерегать. Антонїя въ восторгѣ
прибѣжала къ нему на встрѣчу, когда онъ
прїѣхалъ; нѣсколько разъ бросалась ему на
шею; смѣялась, плакала отъ радости, какъ
ребенокъ. Какъ твердо ни предпринимала
она открытъ ему прїятныя свои надежды
на другой день, въ день его рожденїя, но шумъ
не могла превозмочь себя: сказала ему, что
носишь младенца у груди своей. Это извѣ-
стіе было кинжаломъ въ сердце для встре-
воженнаго супруга; досада и огорченїе грози-
ли подавить его. Неумѣренную радость доб-
рой жены принялъ онъ за дѣйствїе от-
мщающей совѣсти; въ слезахъ ея думалъ ви-

дѣшь тайное признаніе вины. Потому-шо улыбка, къ кошорой спарался онъ прину- дѣшь себя, спановилась насмѣшкою; слова, долженствовавшія звучать нѣжностію, упо- доблялись брани. Антонія испугалась; она удалилась въ свою горницу и заплакалась шамь досыща. Если бъ и шупъ возбудились въ ней сомнѣнія о томъ, можеть ли она по справедливости скрывать ошъ своего мужа несчастную шайну, шо это мгновение ко- нечно ошвращило бы еще послѣдующее.

„Чрезъ нѣсколько времени по врѣздѣ Зильбурга, шель онъ вечеромъ по улицѣ и вдругъ слышала, что его зовуть изъ окна одного дома. Онъ подошелъ и узналъ быв- шую свою кормилицу, кошорая просила его войти къ ней на одну минушу. Послѣ пер- выхъ привѣтствій, начала она изливать предъ нимъ душу свою. „Нѣтъ!“ — сказала она въ своемъ добродушномъ усердіи — „я не мо- гу и не должна еще долѣе смотрѣть хладно- кровно на шо, какъ дурно поступають съ почтеннымъ моимъ господиномъ и благодѣ- телемъ. Не разъ случалось, что я качала сѣдую свою голову, когда видѣла, какъ напро- шивъ меня, въ домъ вашемъ, молодая барыня изволишь свободно обращаться съ чужимъ господиномъ: бѣгають, играютъ передъ окна- ми; но я думала все: если самъ баринъ это

шершншь, шо другимъ вступаншься шумъ не должно. Однако съ того времени, какъ вы уѣхали . . . о, почтенный мой благодѣтель, мнѣ жаль васъ, но передъ Богомъ и передъ своею совѣстію должна бы я опвѣчать, если бѣ молчала долѣе. Однажды ночью мнѣ не спалось и я видѣла ясно, какъ свѣтъ, являсь въ комнату чужаго господина, перешелъ всѣ прочія горницы и въ спальнѣ госпожи сокрылся. Чрезъ толстыя гардины конечно не могла я узнать, кто это былъ; но по крайней мѣрѣ въ томъ удостовѣрилась своими глазами, что кто-то шелъ съ огнемъ и черезъ нѣсколько времени возвратился назадъ тѣмъ же путемъ. Небомъ свидѣтельствуюсь, что я говорю сущую правду.“

„Зильбургъ зналъ всегда эту спарушку за честную и скромную женщину; зналъ, что она предана ему всею душею. „Далье, далье!“ вскричалъ онъ.

— Больше я ничего не знаю, сударь — опвѣчала она; — по слѣдующимъ ночамъ я тоже караулила, но все было тихо и покойно, а черезъ нѣсколько дней чужой господинъ уѣхалъ.

„Въ бѣшенствѣ выбѣжалъ онъ спарухи Зильбургъ. Возвратясь домой, нашелъ онъ у себя на столѣ записку отъ неизвѣстнаго . . .“

— О, милый дядюшка! — прервала Ав-

гусша: — шакія записки мнѣ всегда спрашнѣе шѣхъ, кошорыя присылаюся изъ спранъ, зараженныхъ моровою извою. —

„Правда швоя, другъ мой“ — ошвѣчала Подковникъ — „подобныя бумаги мало прокадывашъ въ нѣсколькихъ мѣсцахъ, въ нихъ должно бы исколошь каждую лишеру по пысятъ разъ, или выкуривашъ и коншишь до шѣхъ поръ, пока онѣ сдѣлаюся шакже черны, какъ буквы, кошорыми исписаны, и какъ сердце, кошорое ихъ дикшвало. Эши ядовишые прислужники, подъ личиною дружештва, спараюся увѣряшь, что ничшо въ свѣшѣ имъ шакъ не дорого, какъ наше благо; а между шѣмъ имъ полько шо важно, чтошбъ шихомолкомъ вонзишь кинжалъ въ бокъ врага своего.“

— Такъ эша записка ошъ неизвѣснаго, любезный дядюшка? . . .

„Повергла бѣднаго, обманушаго мужа совершенно въ изрышую для него яму. Въ первомъ припадкѣ своего бѣшенства, бросился онъ, какъ безумный, въ коляску и, не оставя по себѣ ни слова, нусшился мыкать горе по бѣлу-свѣшу.“

Авгусша прижала сложенные руки къ груди своей и со слезами на глазахъ смопрѣла на могилу, на кошорую съ вѣшвей печальной ивы сцашилось нѣскольکو капель вечерней росы.

„Поспѣшимъ къ концу“ — продолжала Полковникъ — „эпопѣ горестный разсказъ еще болѣе давишь грудь мою, нежели сырой воздухъ ночи. Наступило для Антоніи время родинъ; новорожденный сынъ ея, по несчастному ли шолько случаю, или опъ прежняго чрезмѣрнаго ея испуга, имѣлъ на щекѣ родинку, такую же шочно, какая была на лицѣ Арлштейна . . . Такую шочно! говорю я, другъ мой, пошому, что шакъ говорилъ свѣшь, а у него все шочно и все правда, что близко къ обстоятельству, о которыхъ ему полковашъ хочешся! Такому пошраменію опъ штысячезычнаго зорвчія, которое со всѣхъ споронъ накинудось на Антонію, не могла она ничего прошивупоспавишь, кромѣ увѣренности въ своей невинности и слезъ; она молила Небо о помилованіи, и правосудный Богъ услышалъ мольбы ея, избавя ее опъ оправданій предъ людскимъ злоязычіемъ. Чувствуя приближеніе кончины своей, послала она за мной. Я нашелъ ее въ смиренной молишвѣ, съ маленькимъ ангеломъ у груди. „Г. Полковникъ“ — сказала она мнѣ — „спрогая добродѣшель, въ кошорой ошдаешъ вамъ справедливостъ свѣшь, пусть послужитъ залогомъ послѣднихъ моихъ словъ. Я вамъ поручаю увѣреніе въ моей невинности, какъ вещь священную, копорую нѣког-

да потребую изъ рукъ вашихъ. Смерть не шерпишь неправды; я ошхожу къ ней съ недорочнымъ сердцемъ. Когда не спанешъ меня, передайше эту бумагу моему' супругу; въ шо время, какъ онъ будешъ ее чшашъ, мой опвшъ въ ишнинъ каждого слова будешъ уже опданъ на судъ Бога. Умираю вѣрною женою; мой Вильгельмъ шакже шочно сынъ Зильбурга, какъ и мой.“

„Смерть грозида уже изъ каждой черты лица ея. Я видѣла, какъ шоска о судьбѣ дышши ея снѣдала въ ней всю внушренность; но несправедливое подозрѣнiе въ любви и вѣрности еще не допускало ея умереть. Вдругъ приподнялась она и просперла передъ собою руки, какъ бы видѣла призракъ своего мужа. „Мой Вильгельмъ иштинно сынъ швой!“ произнесла она напряженнымъ голосомъ и упала опять бездыханная.“

Тутъ Полковникъ умолокъ и оперь слезу, выкашвшуюся изъ подъ сѣдой рѣсницы его; Августа схватила руку дяди и въ умилениі сердца прижала ее къ устамъ.

„Послѣ шого — началъ опять Полковникъ по краткомъ молчаніи — „почель я важнѣйшею для себя обязанностію опкрышь мѣспопребываніе Зильбурга. Нѣсколько времени не могъ ничего узнать; наконецъ напечаталъ въ газетахъ убѣдительнѣйшую къ

нему просьбу и это подвѣствовало. Однажды вечеромъ входилъ онъ въ мою комнату; я узналъ его только, когда онъ сказалъ свое имя: такъ измѣнила его горесть. Тутъ вручилъ я ему завѣщаніе Антоніи, прогашельное изліяніе ея растерзаннаго сердца, казавшееся писаннымъ въ другомъ, лучшемъ свѣтѣ. Безмолвно и холодно взялъ онъ бумагу, спряшалъ ее у себя и удаился. Въ слѣдующіе два дня я не видалъ его. На третью утро, весьма рано, вбѣгаетъ онъ ко мнѣ въ комнату; щеки его горѣли, глаза сверкали. Онъ просилъ меня проводить его въ деревню его сестры. Коляска стояла уже у воротъ, мы отправились. Пріѣхавши, взялъ онъ ребенка, положилъ его на руки сестры своей и умолялъ голосомъ, словами, раздирающими сердце, чѣмъ она призрѣла младенца, какъ собственнаго его сына. Потомъ просилъ онъ меня опять подарить ему еще нѣсколько дней, какъ послѣдній знакъ дружества. Я согласился; мы взяли курьерскихъ лошадей и прискакали къ Аршштейну. Съ хладнокровнымъ безмолвіемъ положилъ Зильбургъ завѣщаніе Антоніи передъ глазами его. На щекахъ преступника явилась смертельная блѣдность, руки его тряслись, когда онъ бралъ бумагу. „Правда ли это?“ спросилъ жестоко оскорбленный другъ его. Аршштейнъ хо-

шъль еще оприцать, но языкъ измѣнялъ ему. — „Слѣдуй за мною!“ воскликнулъ Зильбургъ и пошпциль препеншнаго грѣшника въ близълежащій лѣсокъ. Тушъ вынулъ онъ пару заряженныхъ пистолешовъ. „Арлшшейнь!“ — вскричалъ онъ — „заклинаю себя эшимъ рубцомъ на щекъ моей, которая за тебя была окровавлена: правда ли, чшд шущъ написано?“ — Къ чему эшопъ учипельскій, шонъ? — возразилъ шопъ съ насмѣшливою миною, имѣвши время выдши изъ своего замѣшашельсшва. — Если ты жаждешъ шакъ крови, шо поскорѣ къ дѣлу. — Они выспутили; Арлшшейнь выспрѣлилъ — мимо. Зильбургъ проспрѣлилъ грудь своего прошивника. Мгновенно подбѣжалъ онъ къ нему, успѣлъ подержашъ падавшаго и легонько опуспилъ его на землю у близъспюящаго дуба. „Не ошходи изъ свѣша лжецомъ“ — вскричалъ онъ опяшь, спавъ на колѣна предъ умирающимъ: — „примири съ собою вѣчность и дай мнѣ вѣру въ добродѣшель жены моей.“ — Голова Арлшшейна, полумертшвая, склонилась на грудь его, уша шрепеншали, но ни одинъ звукъ не вышешалъ изъ нихъ. . . „Арлшшейнь!“ — закричалъ ему въ ухо Зильбургъ опчаяннымъ голосомъ: „другъ мой, брашъ! при лицъ опкрышаго Неба заклинаю себя: сушдая ли правда въ словахъ сихъ?“ — Да! — захрипѣлъ

голосъ умирающаго: — Проспи мнѣ. . . —
 Тупъ Ангель смерти принялъ послѣднія сло-
 ва съ успѣ его.

„Такъ несчастный мужъ умертвилъ соб-
 ственною рукою жену и друга: что остава-
 лось ему еще въ жизни? — Въ это время
 загорѣлась война; Монархъ сзывалъ вѣрныхъ
 своихъ подданныхъ къ ушесняемымъ знаме-
 намъ. Умереть за отечество — вошь одинъ
 жребій, кошорый могъ примирить спрдадаль-
 ца съ самимъ собою. Съ радостию отправил-
 ся онъ на сраженіе и на шомъ самомъ полѣ,
 гдѣ въ первый разъ привѣщивовалъ нѣкогда
 свою любезную Антонію, палъ безъ гореспи
 и жалобъ подъ ударами непріятельскихъ са-
 бель.

Съ Нѣмец. Вл.

БРАЧНЫЙ ДОГОВОРЪ.

„Вошь шакъ-шо! Нынѣче все идетъ на
 изворощъ!“ — воскликнулъ Аспенъ и бро-
 силъ изъ рукъ дымящуюся шрубку. — „Отцу,
 желающему добра для дѣшей своихъ, никакъ
 нельзя иначе вшолкнушь ихъ въ руки счастья,
 какъ шолько силою и бранью! Однимъ сло-
 вомъ, Фердинандъ, скажу тебѣ корощко, да яс-
 но: ты женишься на избранной мною для тебя

невѣстѣ и сегодня же ввечеру подписываешь свадебный договоръ.“ —

Фердинандъ снова хотѣлъ возражать; но ошець вскочилъ съ гнѣвомъ со стула; не шеля болѣе словъ, вышолкнулъ сына обѣими руками за дверь и заперъ ее на замокъ.

Съ горестію возвратился бѣднякъ въ свою комнашу и написалъ длинное, прогашельное письмо, въ которомъ ошкрылся ошцу своему въ шомъ, чего до сихъ поръ не смѣлъ сказашь ему: что его сѣрдце уже не свободно, что оно принадлежишь навѣки одной бѣдной, но благородной дѣвушкѣ. — Напрасный шрудъ! Аспень ошослалъ письмо назадъ нераспечатанное, еще прилежиѣ принялся за пригошовленія къ сегодняшнему сговору и къ вечеру собрались къ нему приглашенные госпи, въ праздничныхъ нарядахъ. Между ними Тоахимъ Ольфень и его, невѣстой разряженая, дочка Дорошея — были главными дѣйшвуками лицами.

Аспень и Ольфень въ продолженіи шрицати лѣтъ ежедневно видались и бесѣдовали другъ съ другомъ на биржѣ, заключили между собою не одинъ прибыльный шорть и шакимъ образомъ мало-по-малу сѣмались королшкими шрѣтелями. Побуждаемые наступившими смупными временами, въ одинъ день прекрашали ош шорговлю и ушупили

коншоры свои другимъ. Къ тому же у Ольфена была одна только дочь, а единородный сынъ Астена съ самаго младенчества показывалъ такое непреодолимое отвращеніе отъ торговыхъ дѣлъ, что отецъ его, послѣ продолжительныхъ, бесплодныхъ споровъ и ссоръ, принужденъ былъ дозволишь ему совершенно предаться любимой его склонности къ наукамъ и искусствамъ. Увидясь въ послѣдній разъ на биржѣ, рѣшились они заключишь условіе о соединеніи дѣшей своихъ взаимнымъ бракомъ, и съ купеческимъ хладнокровіемъ, какъ бы дѣло шло о грузѣ шерсти, ударили по рукамъ. Ни одному изъ нихъ не пришло въ голову, что у молодыхъ людей можетъ бышь совсѣмъ другое на умѣ. И потому Астень не мало изумился, когда Фердинандъ рѣшительно отказался отъ исполненія заключеннаго на биржѣ торговаго. Напрошивъ того Дорошея безъ малѣйшаго прекословія согласилась акцептовать выданный на сердце ея вексель; но это дѣлское повиновеніе и не стоило ей большаго труда, потому что Фердинандъ былъ шлоемъ и умомъ достойный любви молодой человекъ и, замѣшимъ мимоходомъ, наследникъ имѣнія котораго далеко превышало и значительное богатство отца ея.

Дорида Ольфенъ (такъ называла она себя, попому что имя Доротея неприятно отзывалось въ ухахъ ея) незадолго передъ тѣмъ съ большою пышностію праздновала вступленіе свое въ двадцать третій годъ оупъ рожденія. Число XXII блистало сахарными цифрами на шортахъ, горѣло пламенными чертами въ ярко освѣщенномъ саду, повпорялось нѣсколько разъ въ приемахъ стихотворныхъ поздравленій заказныхъ пошовъ и видно было еще во многихъ другихъ мѣстахъ, только для того, чтобы уличить во лжи метрическую книгу, которая никакъ не хотѣла уступить царицѣ празднества ни одного дня изъ полныхъ трехъ десятокъ лѣтъ. Но кто только отшвращалъ глаза оупъ высшавленныхъ повсюду цифръ и обращалъ ихъ на Доридино лице, пошъ никакъ не могъ усомниться въ справедливости метрики и даже охотно повѣрилъ бы ей, если бы она прибавила и еще десятокъ лѣтъ. Судите же, каково было видѣшъ, какъ и шеперь оупцвѣшшая дама, у которой осень жизни видными чертами напечатлѣла на лицѣ слѣды оупустошенія, рядилась еще какъ едва разцвѣшшая дѣвушка и представлялась невиною и просподушною. Одно это смѣшное жеманство въ состояніи было бы отшвращить оупъ нее прямого, скромнаго Фердинанда.

да, если бы онъ даже и могъ дать свое согласіе на соединеніе съ нею.

Оба старика условились уже между собою о главнѣйшихъ пунктахъ брачнаго договора, а облеченіе ихъ въ законную форму предоставлено было искусному нотаріусу Киліану. Эпошъ добрый, довольно уже пожилой человекъ былъ обыкновеннымъ посредникомъ въ подобныхъ случаяхъ, и въ продолженіи своей некрашкременной прудолубивой жизни заключилъ уже около тысячи такихъ брачныхъ, хотя и не всегда удачныхъ условій. Но и не его была вина, если иногда ушверждаемые имъ договоры вѣчнаго союза имѣли послѣдствіемъ непрерывную домашнюю войну. Онъ писалъ, что ему приказывали; онъ себя не прибавлялъ и не убавлялъ ни одной буквы. Съ такою же точностію исполнилъ онъ и порученіе господъ Аспена и Ольфена, и принесъ теперь съ собою изготовленный документъ, который большимъ сверткомъ торчалъ изъ праваго кармана его широкаго праздничнаго кафтана.

Общество съло около круглаго стола, уставленнаго разными плодами и сластями. Недоставало только — жениха. Онъ не являлся. Съ безпокойствомъ поглядывалъ Аспень на дверь, наконецъ вскочилъ и скорыми шагами пустился во флягель, гдѣ были

комнаты его сына. Бѣднякъ сидѣлъ въ креслѣ, въ большихъ креслахъ, подперши рукою голову.

„Ну, это что значитъ?“ — загремѣлъ отецъ. „Зачѣмъ нейдешь ты къ гостямъ? Невѣста ужь прѣехала, ношариусъ тоже, договоръ готовъ.“

— Я не могу подписать его — опивчалъ Фердинандъ жалобнымъ голосомъ. — Заклинаю васъ, бабюшка, не пребудьте отъ меня невозможнаго; не заставляйте меня явно отказать вамъ въ повиновеніи въ этомъ случаѣ, тогда какъ во всякомъ другомъ я готовъ безпрекословно исполнять ваши приказанія. Скорѣе по одному знаку вашему киусь я въ огонь, нежели въ объятія женщины, которую вы хотите навязать мнѣ.

„Спиранный человекъ!“ — сказалъ отецъ съ принужденною холодностію: „какъ будто тебя ведутъ на вшафъ.“

— Вы требуете того, что выше силъ моихъ; я не могу раздѣлить своего сердца. О, если бы вы прочли сегодняшнее письмо мое! Оно заключало въ себѣ признаніе, котораго не могу долѣе скрывать отъ васъ. Я люблю добродѣтельную дѣвушку, бѣдную дочь одного покойнаго живописца: Софія Виспъ ея имя.

Спарикъ всныкнулъ. Для него ничего не было ненавистнѣе *бѣдной* невѣстки. Фердинандъ, не нарушая почтенія, должнаго опцу, съ твердосію выдержалъ бурю и не поколебался. Аспень долженъ былъ возвратишься къ гостямъ своимъ одинъ, не успѣвши ни въ чемъ. Передъ дверью гостиной прицвель онъ, сколько могъ, въ порядокъ, разспроенныя черпты своего лица, съ притворною непринужденностію вошелъ къ своимъ посѣпителамъ и сказалъ: „*чилоспиные* государи и государыни! Я долженъ протситъ у васъ извиенія въ томъ, что сынъ мой не можетъ сюда явишься. Повѣса, провзжаясь сегодня поуспру, верхомъ въ легкомъ плашь, такъ простудился, что вѣроапно принужденъ будетъ нѣсколко дней пролежать въ постель.“

Въ прагическихъ словахъ и жестахъ общешво изьявило свое сожалѣніе о такомъ депріатномъ происшествіи; а Дорида бросилась даже съ воплемъ къ двери, чтобы навѣснить больнаго. Но отецъ остановилъ ее и съ сердитною миною посадилъ опять на спудъ. Его поразило слово: *простудился*, и напомнило, что онъ не замѣнилъ еще въ молодомъ Аспень *теплой* любви къ своей Доропеъ. Конечно теперь, въ минушу совершенія сва-

дебнаго договора, такое замѣчаніе было довольно поздно; но въ оправданіе Ольфена надобно сказать, что почши и невозможно было сдѣлать его ранѣе. До сихъ поръ Дорида и Фердинандъ видались только изрѣдка на большихъ обѣдахъ, едва сказали другъ другу нѣсколько словъ и никогда не воображали, чтобы имъ привелось заключить между собою брачный союзъ. Сдѣланное на биржѣ условіе узнали они только въ шопъ день, въ вечеру кошораго, послѣ крашкаго предисловія, опредѣлено было положить передъ ними свадебный контрактъ и всунуть въ руки перо для подписи. Такимъ-то образомъ шаррики, кошорымъ обыкновенный прологъ любви казался пуснымъ, вовсе излишнимъ церемоніаломъ, хотѣли окончить дѣло безъ дальнихъ хлопотъ.

Что въ шопъ прекрасный планъ, по крайней мѣрѣ на сей разъ, не удался, очень превозжило Ольфена, потому что безъ сомнѣнія всего болѣе потеряла отъ того его дочь. Насупившись сидѣть онъ, не принимая никакого участія въ происходящемъ вокругъ разговорѣ, и безпрестанно посматривала то на часы, то на уголь, гдѣ была его шляпа и протѣшь. Такое неблаговидное окончаніе бесѣды начинало уже весьма беспокоить шѣхъ изъ ея членовъ, кошорые никакъ не хотѣли

лишишься пріятной надежды на лакомый ужинъ. Но хозяинъ шутя сгладилъ морщины съ чела нахмурившагося своего друга и съ возможною веселостію объявилъ, что непріятное приключеніе съ его сыномъ отнюдь не должно нарушить радости этого дня. „Напрошивъ“ — присовокупилъ онъ — „теперь еще нужнѣе остаться намъ вмѣстѣ и общими силами опорожнить нѣсколько бутылокъ за здоровье больного.“

Ольфенъ успокоился и вино полилось, если не рѣкою, то ручьемъ; но Фердинандовы мысли опъ этого нисколько не перемѣнились. Взбѣщенный отецъ не велѣлъ ему на другой день являться къ столу, ни даже казаться на глаза, наконецъ грозилъ лишить наследства. Это послѣднее средство считалъ онъ самымъ дѣйствительнѣйшимъ, и не взирая на то, къ величайшему его удивленію, оно не произвело ни малѣйшаго впечатлѣнія на Фердинанда, который любимую имъ дѣвушку не хотѣлъ промѣнять ни на какое Перу или Эльдorado. Но несогласіе, происшедшее между нимъ и дѣтски почитаемымъ отцомъ, само по себѣ уже было такимъ ударомъ для нѣжнаго его сердца, что онъ занемогъ. „Скажи объ этомъ доктору!“ сказалъ холодно разгнѣванный отецъ, когда

слуга принесть ему извѣстіе о томъ. Болѣе не заботился онъ о спраждающемъ.

Умный докторъ скоро увидѣлъ, что все искусство Иппократа шуть ничего не поможетъ. Надобно было лѣчить больную душу, а не шѣло. Будучи домашнимъ лѣкаремъ и вмѣстѣ другомъ, взялся онъ извлечь изъ каменной груди опца лекарство, кошорое одно только могло бытъ въ семъ случаѣ дѣйствительно: прощеніе и снисхожденіе.

Трудное предпріятіе удалось; только въ это лѣкарство вмѣшаны были и горькія частицы. „Я прощаю безумца; пусть женился на комъ хочетъ! только чтобы никогда не смѣлъ казать мнѣ на глаза жены своей и, при жизни или по смерти моей, чтобы ничего не ожидалъ ошъ меня.“ Вотъ что, послѣ продолжительныхъ переговоровъ, было послѣднимъ рѣшительнымъ опредѣленіемъ стараго Аспена.

Фердинандъ, успокоенный уже и шѣмъ, выздоровѣлъ и спѣшилъ благодарить опца своего. „Ты можешь теперъ дѣлать что хочешь“ — сказалъ ему старый Аспенъ. — „Только одинажды навсегда говорю тебѣ, что я опнюдь не намѣренъ мое, шрудомъ и подшомъ пріобрѣтенное имѣніе опдать на расшоченіе безумцамъ.“

— Съ радостію ошказываюсь ошъ него — ошвѣчалъ сынъ, — Возвращеніе родительской любви вашей дѣлаешъ меня богатымъ.

„Эшо прекрасно на словахъ! Съ коншракшомъ, кошорый лежалъ въ карманъ у нотаріуса, было бы шебъ лучше. Сшупай-ка шеперь къ нему съ швоею предешною невѣсною и вели написашъ себъ договоръ, какъ умѣешъ. Я чаю, голову ломашъ шущъ не надъ чѣмъ: все будешъ чешшо и гладко.“

— Вы шущите, бапюшка — сказаль съ добродушешемъ Фердинандъ — но я исполню ваше приказаніе.

Онъ поклонился почшительшо и вышелъ. За дверьми услшшалъ, какъ захохошаль его ошець.

Нѣскольго дней спущя, явился нотаріусъ Киліанъ, весь запыхавшешъ. — „Почтеннѣйшій господинъ Ашшенъ“ — началъ онъ, едва переводя духъ — „я почель обязанношю увѣдомешъ васъ, что сынъ вашъ сію минушу былъ у меня и спрашиваль, когда можешъ онъ придши ко мнѣ съ своею невѣсною, какою-шо дѣвицею Софіею Вистъ, чшобы заключишь брачный договоръ. Я изушился, и какъ ни за какую цѣну не соглашлся бы сдѣлашь что либо прошивъ вашего желанія, ше. . .“

— Пишите смѣло, чего хочешь эштошь
глупецъ! — сказалъ Аспенъ. — Онъ вынудилъ
изъ меня согласіе. Впрочемъ дѣвку хвалить.
Не принимаю пошько, что эши бѣдняки
хотяшь упрочить другъ другу: сыну своему
я начисно отказалъ ошь наследства.

„Отказали?“ — спросилъ правовѣдецъ
пробияжнымъ пономъ. „Вы дали свое согласіе
— про дѣвушку не слышно ничего дурнаго
— и не смолря на шо отказали ошь
наследства? — Знаете ли, что при такихъ
обстоятельстввахъ отказъ вашъ будешь
отвергнушь законами?“

— Пущое! Богатый самъ себѣ законъ.

„Не будемъ объ эшомъ много спорить,
почтенивѣйшій г. Аспенъ. Для меня довольно
вашего дозволенія на заключеніе договора.
Въ эшомъ предположеніи я даже велѣлъ
молодой чешѣ придти ко мнѣ сегодня послѣ
обѣда въ чепыре часа.“

— Съ Богомъ! — сказалъ Аспенъ, и
нотаріусъ откланялся.

Слова юриста на счетъ предположеннаго
Аспеномъ лишенія наследства заставили
его призадуматься. Онъ пошелъ къ другому
законоискуснику, рассказалъ ему обстоятель-
ства дѣла и получилъ такой же отвѣтъ.
„Гм, гм!“ — разсуждалъ онъ, возвращаясь
домой. „Такимъ образомъ я же попалъ въ про-

сакъ. Какъ честный человекъ, не могу я взять назадъ своего согласія; да если сообразить все хорошенько, такъ надобно признаться, что я и самъ не рѣшился бы жениться на глупой Доридѣ. Про живописцову же дочь, напрошивъ, гдѣ ни послышишь, все говорить хорошее. — Ахъ, если бы только не была она такъ бѣдна! — А хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть ее. Вѣдь за показъ, говорящъ купцы, денегъ не берутъ.“

Этотъ разговоръ Асшена съ самимъ собою происходилъ на улицѣ послѣ обѣда, въ исходѣ четвертаго часа. Уже онъ былъ близко своего дома, какъ вдругъ поворотилъ назадъ, прокрался въ заднюю дверь жилища Киліана и изумилъ публичнаго Королевскаго нотаріуса внезапною просьбою: „Позвольте мнѣ, любезный другъ, занять мѣсто въ вашемъ альковѣ. Мнѣ хочется изъ за занавѣса на этой стеклянной двери подглядѣть Дульцинею моего сына.“

— Будешь, какъ дома — отвѣчалъ нотаріусъ — и въ эту самую минуту зазвѣлъ колокольчикъ у его двери. Старый Асшень прыгнулъ поскорѣе за стеклянную дверь, и расположился шамъ дѣлать свои наблюденія.

Право, ремесло нотаріуса было бы самое пріятнѣйшее въ свѣтѣ, если бы только

ежедневно являлись къ нему такія прелестныя дѣвушки, какова была вошедшая теперь съ скромными, пошупленными въ землю глазами. Софія, въ полномъ цвѣтѣ оснадцатидѣтняго возраста, была такое нѣжное, милое существо, что при взглядѣ на нее даже и въ груди сѣдаго законовѣдца пробудилось давно уснувшее чувство изящнаго. Съ прояснѣвшимся лицомъ, съ котораго въ одинъ мигъ исчезли мрачныя облака, накопившіяся въ печеніи сорока проведенныхъ за бумагами лѣтъ, вскочилъ онъ съ своего стула, ошвысилъ десятокъ пренизкихъ поклоновъ, съ сердцемъ сбросилъ съ софы старую моську, которая спокойна спала на ней всю свою жизнь, и какъ самый почтительный кавалеръ, едва касаясь концами пальцевъ нѣжной ручки Софіи, довелъ ее до софы.

Но и позади стеклянной засады прибытіе прелестной дѣвушки произвело почти громкое изъявленіе одобренія. Собственно относилось оно не столько къ самой красавицѣ, какъ къ чрезвычайно чистому, но съ шѣмъ вмѣстѣ и весьма простому ея платью, которое для сѣраго Аспена служило пріятнымъ удостовѣреніемъ, что его будущая невестка не модная кукла и неумѣренновспрасшью къ нарядамъ не доведешь своего мужа до нищенскаго посоха.

„Мы пришли, г. Нопариусъ“ — началъ Фердинандъ — „чтобы представилъ вамъ на утверженіе уже написанное нами брачное условіе. Боюсь только, что вы будете надъ нимъ смѣяться, потому что по своему тону и содержанію оно не совсѣмъ принадлежитъ вашему разсмотрѣнію. Но особыя причины побуждаютъ меня просить вашего утвержденія на документъ, въ которомъ изложены мысли и правила, съ какими идемъ мы къ алтарю.

„Съ величайшимъ удовольствіемъ говорю къ вашимъ услугамъ“ — отвѣчалъ нопариусъ и началъ искать по карманамъ необходимыхъ для него очковъ, которыя спарый глупецъ почти спыдился надѣсть въ присутствіи прелестной дѣвушки. — Времена переходчивы: нынче и самые молодые глупцы спыдяшся почти показаться на улицѣ или передъ своею любезною безъ очковъ.

— Не угодно ли вамъ будетъ прочесть заготовленный нами проектъ? — сказала Фердинандъ, вынимая изъ кармана листъ бумаги.

Килианъ откашлялся хорошенько, чтобы слова его могли проникнуть и въ альковъ; потомъ громогласно прочелъ слѣдующее:

С ш а п ъ л ѣ :

Мы любимъ другъ друга искренно ; чувствуемъ, что одинъ безъ другаго не можемъ быти счастливы, и потому соединяемъ насъ въ бракъ, чтобы жить вѣрными супругами.

С п . 2 .

Фердинандъ посвящаетъ все бытіе свое Софіи, чтобы неутомимымъ прилежаніемъ доставилъ ей спокойную и беззаботную жизнь.

С п . 3 .

Софія напрошивъ будетъ стараться разумнымъ хозяйствомъ содержать себя и мужа на заложенной дорогѣ посредственности, равно удаленной отъ изанщества и недостатка.

С п . 4 .

Такъ какъ въ супружествѣ часто малѣйшія бездѣлицы бывають источникомъ большихъ несогласій, то обязываемся въ маловажныхъ вещахъ уступать другъ другу безъ всякаго прекословія.

С п . 5 .

Въ одеждѣ, напримѣръ, каждый соображается со вкусомъ другаго. Фердинандъ бу-

дешь осперегаешься небрежности, чтобы Софія ничто не могло казаться въ немъ неприятнымъ; Софія будешь избѣгаешь излишества въ нарядахъ, дабы свѣшь не могъ подумашь, что она ищешь нравиться другимъ мужчинамъ. Главнѣйшимъ наружнымъ нашимъ украшеніемъ будешь опрятность, по тому что пропивное пому, въ людяхъ, живущихъ между собою въ корешкомъ обращеніи, неминуемо влечешь за собою отвращеніе.

С ш. 6.

Слова: *хочу, требую, приказываю* — навсегда исключаются изъ нашего домашняго словаря.

С ш. 7.

Въ обществвахъ Софія никогда не допусишь себя ни до малѣйшаго знака неуваженія къ своему супругу. Ничто не ободряешь сполько молодыхъ вертопраховъ, какъ презрѣніе къ мужу, кошорое можешь дозволить себѣ легкомысленность жены.

С ш. 8.

Фердинандъ будешь почишашь Софію, чтобы и другіе почишали ее. Никогда ласкашельствами, выходящими за предѣлы обыкновенной учтивости, не досхавишь онъ по-

споронней женщинъ торжества, оскорбительнаго для его супруги.

С п. 9.

Въ выборѣ знакомыхъ будемъ мы оба поступать со всевозможною осмотрительностію и ошнюдь не спанемъ шерсть ложныхъ и коварныхъ друзей, кошорые, подобно змѣ, опогръшой у груди, могли бы нарушить мирныя удовольствія нашего союза.

С п. 10.

Между *моимъ* и *твоимъ* не будетъ у насъ никакого различія. Главнѣйшую нераздѣльную нашу собственность составляетъ взаимная любовь, и это сокровище, которое въ другихъ сердцахъ быспрошекущее время часто уносишь съ собою, должно, подъ его покровомъ возрастать и укрѣпляясь въ насъ болѣе и болѣе до нашей кончины. —

„Благородныя сердца!“ воскликнулъ нашаріусъ по окончаніи чтенія, и слезы умиленія прошивъ воли выкапились изъ глазъ его. „Ручаюсь вамъ, любезный молодой человекъ, что это письменное доказательство превосходства души вашей будетъ самымъ пріятнѣйшимъ подаркомъ для вашего родителя.“

— „И смѣло можете ручаться“ — сказала Аспень, выходя изъ алькова. Молодая чепа въ недоумѣннн смотрѣла на него. — Мой добрый Фердинандъ! — продолжалъ ошець и прижалъ его къ груди своей — прекратимъ и забудемъ всякое между нами несогласіе! Благословляю счастливый швой выборъ и съ удовольствіемъ признаю эту прекрасную, скромную дѣвушку милою моею дочерью.

Воспоргъ благодарности и радостныя слезы были наградою этой неожиданной снисходительности.

Фердинандъ хотѣлъ взять назадъ проектъ своего договора, какъ уже не нужный болѣе; но нопаріусъ удержалъ его. „Позвольте мнѣ“ — сказалъ онъ — „приложитъ къ нему дарованную мнѣ Его Королевскимъ Величествомъ печать: я всегда буду хвалиться утверждѣніемъ такого истиннаго брачнаго договора, кошорый да послужитъ образцомъ для всѣхъ прочихъ.“

Лангбейнъ.

Н П Ц І Й.

(Изъ записокъ Графа Л—ма).

За десять лѣтъ предъ симъ, когда я былъ въ Парижѣ, г-жа К* считалась одною

изъ прелеснѣйшихъ женщинъ въ городъ; шеперь я нашель ее пользующеюся всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Если наружная красота ея и лишилась прежней свѣжести, то сего никакъ не замѣчалъ при прелестяхъ ея ума и души; а ея сердце было и всегда чисто и непорочно.

Нѣсколько дней тому назадъ засталъ я ее въ слезахъ: на столѣкъ передъ нею лежало нѣсколько исписанныхъ листковъ, которые она, какъ видно, только передъ эшимъ читала. — „Вѣроятно“ — сказалъ я — „пришелъ я къ вамъ не во-время и вы будете мнѣ очень благодарны, если я сей же часъ уйду.“

— Напробивъ — отвѣчала она, подавая мнѣ руку — въ эту минушу я имѣю нужду въ другѣ, которому бы могла открышь свое сердце; и со всею смѣлою боюсь признашь вамъ, что меня шеперь такъ встревожило. Мнѣ будешь очень больно, если вамъ покажешся смѣшнымъ то, что желаю сообщить вамъ.

„И вы такъ обо мнѣ думаете? — Что бы васъ ни спрогало, для меня всего пріятнѣе будешь узнать причину вашей печали, раздѣлишь ее и, если можно, подашь вамъ утѣшеніе.“

— Вы очень добры, Графъ; это я знаю, и пошому увѣрена, что не будете слишкомъ

спрого судишь заблужденій сердца или во-
ображенія. Но не для себя прошу васъ о сни-
схожденіи — причиною слезъ моихъ — не-
счастія другаго; не сшыжусь однако же при-
знаться, что они очень чувствительнo ме-
ня пронули.

„Ввѣрьте же ихъ мнѣ.“

Тутъ г-жа К* рассказала мнѣ слѣдую-
щее :

„За годъ предъ симъ маленькая моя Адель
такъ разнемоглась, что доктора присовѣшо-
вали мнѣ переселиться въ деревню и шамъ
какъ можно болѣе держашь ее на чистомъ
воздухъ. Чтобы однако жъ не слишкомъ уда-
лилась отъ своего лѣкаря, я рѣшилась на-
нять на лѣпо небольшой домикъ на буле-
варъ Мон-Парнасъ. Положеніе его было пре-
дешно, воздухъ чистъ; вокругъ находили мы
въ поддень шѣнь, для которой не нужно бы-
ло напередъ подвергаться пыли и зною. По-
святивъ себя дочери, я никого почти не
принимала и большею часпію проводила
время въ прогулкахъ съ нею по бульвару.

„Между нищими, копорыхъ обыкновен-
но встрѣчали мы на дорогъ и копорымъ
Адель съ радостію раздавала карманныя свои
деньги, одинъ привлекъ на себя особенное ея
вниманіе. Это былъ молодой, весьма блѣд-
ный мужчина, копорый въ половину высо-

вываясь изъ-за кушмовъ, болзливо и безмод-
вно протягивала свою шляпу, чшобы обра-
тишь на себя состраданіе проходящихъ.
Плашье его совсѣмъ не показывало нищаго:
оно было сшито по модѣ; сукно тонкое,
только поношеное. Адель невольно обвинила
су, который хотѣла бросить ему въ шляпу,
на серебряный франкъ, для нее особенно дра-
гоцѣнный, и также невольно, подавая милос-
сердїю, наклонила голову какъ бы хотѣла
ему поклониться.

„Несчастный возвелъ на насъ черные
глаза свои; они были полны слезъ, и сердеч-
ная благодарность изображалась въ его взо-
рѣ. Когда онъ опомелъ, мы увидѣли, что у
него одна только нога: другая была опинята
выше колѣна. Адель цѣлый день говорила
объ немъ одномъ; ей казалося, что, не смо-
тря на блѣдность, онъ имѣлъ прекрасную и
необыкновенную наружность. Я должна была
объщать ей освѣдомиться о судьбѣ его и
сколько можно помочь ему. На другой день
привѣхалъ ко мнѣ дядя, жившій обыкновенно
въ Сен-Клу; съ нимъ была дочь, малютка од-
нихъ лѣтъ съ Аделью: дѣши такъ полюбили
другъ друга, что не хотѣли разстаться и я
позволила Адели проводить свою кузину и
остаться у ней цѣлую недѣлю. При отъѣздѣ,
она опять напомнила мнѣ о блѣдномъ ни-

щемъ и я на слѣдующій день нарочно пошла прогуливаться въ ту сторону бульвара, гдѣ мы видѣли его въ первый разъ.

„Онъ показался мнѣ еще печальнѣе, нежели тогда. Я подала ему милостыню, прежде нежели онъ спалъ просишь о помѣ, и изъясненіе благодарности его еще болѣе подтвердило мое мнѣніе, что онъ родился въ лучшемъ состояніи и получилъ хорошее образованіе. Въ настоящемъ его положеніи, это безъ сомнѣнія еще увеличивало его несчастіе; съ состраданіемъ спросила я о судьбѣ его.

„Онъ покраснѣлъ, а какъ мы женщины всегда любимъ романическое, то я и пригодились уже услышать самую интересную и трагическую исторію; но ожиданія мои не сбылись. Алексисъ — такъ звали нищаго — сказалъ мнѣ, что онъ каменщикъ, что однажды, работая, упалъ съ подмостковъ, былъ перенесенъ въ госпиталь, и тамъ опрѣли ему ногу. Не имѣя болѣе способовъ доспавать себѣ хлѣбъ, увидѣлъ онъ себя въ необходимости испрашивать его у милосердія проходящихъ.

„Къ стыду своему должна признаться, что это простое описаніе судьбы его примѣрно уменьшило мое въ немъ участіе; вмѣсто того, чтобы быть довольною лю-

бовью къ справедливости челоуѣка, кошо-
рый не рѣшился обмануть меня какимъ ни-
будь вымысломъ, а думала сама въ себѣ: про-
стой работникъ, переломившій себѣ ногу,
опиюдь не шакъ несчастливъ, какъ бы дру-
гой на его мѣстѣ; врежде работалъ онъ для
хлѣба; теперь выпрашиваетъ его, и кто зна-
еть, не находишь ли онъ послѣднее ремесло
гораздо спокойнѣе перваго. Если онъ и чув-
ствуетъ несчастіе своего положенія, но
по крайней мѣрѣ не чувствуетъ униженія,
съ нимъ сопряженнаго, и шакимъ образомъ
недостатокъ, а не душевная скорбь дѣлаеть
его несчастнымъ.

Какъ много теперь укоряю себя въ
эпомъ жестокомъ, неумѣстномъ мнѣніи на
счетъ бѣднаго! Почему могла я думать, что
честный и прилежный ремесленникъ не мо-
жеть имѣть въ душѣ своей пого^ннѣжнаго
чувства, которое составляетъ несчастіе
людей вышшаго состоянія, когда бѣдствія
повергають ихъ въ униженіе? Какъ чувстви-
тельно должна бышь для бѣднаго перемѣна
въ моемъ обхожденіи, кошорой онъ, со вре-
мени разговора своего со мною, не могъ не
замѣтить! Правда, на другой день я оцпшь
прошла мимо его и не дожидаясь просьбы по-
дала ему милосшыню; но вмѣсто цѣлой мо-
нешы, кошорую обыкновенно давала ему, бро-

сила впошъ разъ въ шляпу его нѣсколько мѣлкихъ денегъ. Они соспавляли, я думаю, сполько же; но онъ покраснѣлъ, принявъ ихъ, и я ошощла ошъ него недовольная сама собою.

„Я поняла его почно шакже, какъ и онъ меня понялъ; чувствовала, что оскорбила его, и чтобы поправить вину свою, рѣшилась на другой день вступишь съ нимъ въ разговоръ. Онъ сказалъ мнѣ, что ошася сиропшоу на десятомъ году и что шеперь ему двадцашъ шри года ошъ роду. „Въ цѣломъ мѣрѣ“ — присовокупилъ онъ — „не имѣю ни одного существа, привязаннаго ко мнѣ узамъ родства или дружбы; единшвенную связь между мною и чедовѣчествомъ соспавляетъ соспрананіе душъ благородныхъ къ моей безпомощности.“ — Скажише лучше — возрази-ла я — учасшіе добрыхъ людей, которые безъ сомнѣнія считающъ себя счасшливѣе, имѣя возможность помочь вамъ, нежели вы, принимаая ошъ нихъ помощь.

„Я не въ соспояніи передашь вамъ поллученнаго мною ошвѣта: онъ заключался не сполько въ словахъ, сколько въ нѣмомъ выраженіи лица, во взорѣ: я снова ободрила оскорбленную его душу, влила бальзамъ въ чувшвишельнѣйшую рану его сердца. Съ этого дня понимали мы другъ друга совершенно;

подавала ли я ему цѣлую монету или нѣсколько мѣлкихъ денегъ, это ни мало не оскорбляло его. Съ удовольствіемъ замѣтила я, что онъ скоро началъ поправляться: здоровье и свѣдешъ молодости снова возвратились къ нему и въ короткое время сдѣдался онъ совсѣмъ другимъ человекомъ.

„Онъ одѣвался всегда опшвно чисто: никогда невидно было на немъ этой ливреки нищеты, которая такъ часто бываетъ причиною, что мы гнушаемся бѣдности. Я рассказала многимъ изъ знакомыхъ о своемъ нищемъ — такъ называла я Алексиса — и его молодость, пріятная наружность и деревянная нога такъ сильно говорили въ его пользу, что онъ началъ получать очень значительныя подаванія. Для меня вошло уже въ привычку вручать самой назначаемую ему милостыню, при какомъ нибудь масковомъ словѣ; и — для чего скрывать? — эта привычка была для меня очень пріятна.

„Около этого времени навѣстила меня сестра моя; я пошла съ нею на бульваръ и показала ей своего нищаго. Она согласилась, что черты лица его благородны, что меланхолическое выраженіе его взгляда прогашельно; но, не смотря на то, утверждала, что онъ негодяй. „Какъ не стыдно себя осуждать такъ поспшно?“ сказала я ей съ

видомъ упрека. — Конечно — ошвѣчала она, улыбаясь — я не имѣю воображенія, которое бы любило накидывать на обыкновенныя вещи покровъ романизма; но именно пошуму-то и можешь ты мнѣ вѣрить. Напримѣръ, въ эпоху нѣшь уже ни малѣйшаго сомнѣнія, что швой господинъ Алексисъ сплелъ тебѣ сказку, и что онъ никогда не бывалъ каменщикомъ. — „А почему же не могъ онъ имъ быть?“ — Пошуму, что руки его слишкомъ нѣжны и бѣлы; шакія руки не управляющъ ломомъ или молотомъ. — „Что жъ заключаешь ты изъ эшого?“

— Что онъ вѣроятно молодой человекъ хорошей фамилии, и что проступки, а можешь быть и преступления, ввергли его въ это несчастное положеніе. Не удивительно ли, что его никто здѣсь не знаетъ, что никто не принимаетъ въ немъ участія? Я почти увѣрена, что узнавши его короче, вмѣсто состраданія, которое онъ тебѣ внушаетъ, ты будешь имъ гнушаться.

„Нѣшь, Горшензія“ — ошвѣчала я съ важностію— „онъ не можешь быть прешупникомъ, и никогда — по однѣмъ только неосновательнымъ догадкамъ — не произнесу я надъ нимъ осужденія и не лишу его своихъ благодѣяній.“

— Кто жь этого пребуешь? Хошя я и позволяю себѣ иногда позабавишься на счетъ пылкаго твоего воображенія; но всегда опдамъ должную справедливостъ добротѣ твоего сердца. И пошому хочу доказать тебѣ, что принимаю въ судьбѣ покровительствуемаго твоею такое же участіе, какъ и ты, шолько не желаю, вмѣсто несчастнаго, обратишь свои благодѣлія на негодая. У меня естѣ одинъ знакомый фабрикантъ соломенныхъ шляпокъ: онъ живешъ въ чепырехъ миляхъ отъ Парижа. Имѣвъ однажды случай сдѣлать ему добро, я увѣрена, что онъ не откажешся принять рекомендованнаго мною къ себѣ въ ученики. У него твоей нищій, хошя и калѣка, будешъ въ состояніи доставать себѣ хлѣбъ легкою, пріятною работою, и мы посшараемся, чшобы ему, шомъ же часъ, назначили жалованье, которое — если шолько онъ порядоченъ и воздерженъ — будешъ досташочно для его прокормленія.

„На такое предложеніе сестры моеѣ нельзя было ничего возразишь: и въ самомъ дѣлѣ, чшд могла я пожелать Алексису лучше такой дѣяшельной жизни, которая посшавила бы его въ возможностъ зависѣшь впредь собшвенно отъ себя, отъ своего прилежанія и шрудолюбія, а не отъ произвола другихъ людей? При всемъ шомъ, я пред-

чувствовала, что это огорчитъ его, и просила Горшензію, чтобы она сама сообщила ему извѣстіе о предназначаемой перемѣнѣ судьбы его, какъ скоро узнаешь навѣрное, что его примутъ на фабрику. — Съ обыкновенною дѣшельностью своею принялась она за это, и на третій уже день отправились мы съ нею къ Алексису, чтобы объявить ему о успѣхѣ ея стараній. Сердце мое скалось, когда начала она говорить съ нимъ; но Горшензія, увѣренная, что онъ долженъ принять съ благодарностію ея предложеніе, если только нравственность его не совсѣмъ испорчена, сказала безъ всякаго приговора, что намѣрена была для него сдѣлать.

„Съ примѣшно-возрастающимъ безпокойствомъ слушала ее Алексисъ; нѣсколько разъ краска на щекахъ его измѣнялась и черты лица выражали болѣе скорбь, нежели радость. Наконецъ собрался онъ съ духомъ и почтительно изъяснилъ свою благодарность; но присовокупилъ, что никакъ не можешь оставить Парижа. — „Ну, видишь ли“ — сказала съ сердцемъ сестра, оборотясь ко мнѣ — „что это за человекъ. Ему больше нравится просить милостыню, нежели работать. По крайней мѣрѣ мы знаемъ теперь, что намъ надобно, и увѣрились, что онъ не заслуживаетъ никакого сожалѣнія.“

„При этихъ словахъ она почти насильно увела меня съ собою. Невольно взглянула я назадъ на Алексиса. — „Ахъ!“ — воскликнулъ онъ, поднявъ взоры къ небу съ неизъяснимымъ выраженіемъ: „я былъ слишкомъ счастливъ! Я предугадывалъ, что это будетъ не продолжительнo!“

Горшензія не слыхала этихъ словъ, сдѣлавшихъ на меня глубокое впечатлѣніе. Однако чѣмъ болѣе соспранданія чувствовала я къ несчастному, тѣмъ болѣе утверждалась въ намѣреніи настоятельно требовать его удаленія. На другой день рано поутру пошла я одна къ тому мѣсту, гдѣ обыкновенно онъ меня дожидался. Въ чертахъ лица моего не замѣтно уже было того участія, которое привыкъ онъ прежде находить въ нихъ; я съ строгимъ видомъ спросила, обдумавъ ли онъ хорошенько предложеніе, сдѣланное ему вчера моею сестрою. — Онъ смотрѣлъ на меня шакъ печально, что я уже гораздо мягче присовокупила: „можешъ быть причины, по которымъ вы не хошите согласишься, и уважительны; я бы хотѣла судить о томъ, если только вы рѣшишесь мнѣ объявить ихъ.“ — Скорѣ умру — отвѣчалъ онъ. — Ни одинъ смертный не имѣетъ права на мою независимость. Она одна осталась мнѣ ото всѣхъ благъ земныхъ, и я сохраню ее вѣ

груди своей до послѣдняго вздоха. — „Развѣ можно назвать независимостию настоящее ваше положеніе: бытъ безъ крова, безъ помощи, жершвою непогодѣ, и пишатся милоспынею проходящихъ? Такое соспояніе заслуживаетъ участіе только тогда, когда бываетъ свидѣствіемъ необходимости; но когда избирають его добровольно и не желаютъ даже промѣнятъ на лучшее, тогда оно безчестно и унизишельно, и я должна сожалѣть, что ошиблась въ васъ.“ — Мрачное опчаяніе изобразилось въ его взорахъ; но онъ не желалъ оправдываться. — „Мой приговоръ произнесенъ“ — сказалъ онъ глухимъ голосомъ: „я долженъ молчать и покоряться.“ — Еще разъ обернулась я къ нему: „Если вы перемѣните свое намѣреніе“ — сказала я — „шо уввдомъше меня о шомъ черезъ недѣлю.“

„Съ эшъхъ поръ я не ходила болѣе гулять на бульваръ; однако жъ узнала, что Алексисъ исчезъ. — Сегодня по утру принесли мнѣ эти листки изъ городской богадѣльни. Бѣдный Алексисъ!“

Глаза г-жи К⁴ наполнились слезами. Я взяла листки и прочела слѣдующее:

„Есть существа, кошорья съ самой минушы ихъ рожденія, кажется, обречены на несчастіе; кошорья, при переходѣ въ по-

слѣднее жилище, въ мрачный, уединенный гробъ, могутъ предстать предъ Судію Вѣчнаго съ вопросомъ: для чего я, всѣми отверженное, всѣми преслѣдуемое существо, поставленъ въ ряду Твоихъ созданій? Чѣмъ заслужилъ бѣдствія, въ коихъ былъ низвергнутъ? *) —

„Только одинъ свѣпый лучъ озарилъ мрачную ночь моей жизни — и далъ мнѣ почувствовать ея цѣну. Съ сердечною зашо благодарностію осмѣливается предстать предъ вами, милостивая государыня, бѣдный Алексисъ: безмолвно, безъ малѣйшаго ропоса принялъ онъ изъ рукъ вашихъ смертоносную стрѣлу и глубоко, глубоко вонзилъ ее себѣ въ сердце.

„Такъ, я обманулъ васъ — все, что я ни сказалъ вамъ о моей прежней жизни, было вымышлено. Но не имѣя возможности представить вамъ доказательства справедливости приключеній моей жизни, я боялся объявить ихъ, чтобы вы не сочли меня за бродягу, коихъ чрезвычайностию вымышленныхъ происшествій желалъ выманить у васъ большую милостыню, нежели какая дается обыкновенному нищему.

*) Странный вопросъ! Здѣсь, какъ увидимъ въ послѣдствіи, разрѣшается онъ вѣною истиною, что ошъ зла всегда происходитъ зло.

„Теперь я смѣю говорить. Смерть непричастна лжи, и въ послѣднія минушы своего существованія бѣдный Алексисъ льстилъ себя надеждой, что вы посвяшите вздохъ судьбы его и слезу ранней его могилы. Онъ осмѣливается просить васъ—бросишь взглядъ на сія листки. — Когда они дойдушь до рукъ вашихъ, спраданія его уже прекрашились.

„Я родился въ Австріи и до десяти лѣтъ воспитывался въ одной деревнѣ, въ восьми миляхъ отъ Вѣны. Потомъ отдали меня, подъ именемъ Алексиса, въ одинъ изъ лучшихъ пансіоновъ столицы, и хотя око, надзирающее надо мной, и оставалось для меня невидимо, но нельзя было не признашь, что обо мнѣ пекались съ мѣжною заботливостію. Очень часто спарался я проникнуть въ тайну семейственныхъ своихъ обстоятельствъ, и спрашивалъ моихъ учителей ошкрыть ихъ. Мнѣ говорили, что я вѣроятно сирота; но что при вступленіи моемъ въ пансіонъ внесена за меня значительная сумма за нѣсколько лѣтъ впередъ и что неизвѣстные покровители мои безъ сомнѣнія не откажутся принимать во мнѣ участіе и послѣ, если только я своимъ прилежаніемъ и поведеніемъ окажу себя достойнымъ ихъ милостей.

*

„Больше не могъ я узнатьъ ничего, попому что шъ, къ кошорымъ обращался съ вопросами, и сами не знали подробносней судьбы моей. Свойшвенная юности беззаботность, надьянность на себя и на будущее, были причиною, что я не чувствовала своего несчастія, и всѣ мои спаранія были обращены къ тому шолько, чтобы оправдать попеченія, кошорыя принимали о моемъ воспитаніи и образованіи.

На семнадцатомъ году получилъ я позволеніе выходить прогуливаться съ своими шоварищами или даже и одинъ. Будучи особенно привязанъ къ Ботаникѣ, пользовался я шъими прогулками, чтобы собирать растѣнія въ окрестносшяхъ Ввны, и однажды, вовсе неожиданно, получилъ объясненіе важнѣйшей, священнѣйшей для меня шайны.

„Въ одинъ прекрасный весенній день съ пяти часовъ утра бродилъ я по горамъ. Уже было близко полудня, какъ, ушавъ и проголодавшись, рѣшился я подкрвпшть себя пищею въ одномъ креспьянскомъ домѣ, кошорый стоялъ опдѣльно на большой дорогѣ, шагахъ въ пяти спяхъ отъ деревни. Приходъ мой однако же не обрашилъ на меня ни малѣйшаго вниманія; хозяева были въ большой шревогѣ: неподалеку отъ нихъ опрокинулась кареша; даму, сидѣвшую въ ней, вы:

несли безъ чувствъ въ садикъ, прилегающій къ дому, а карету, которая была повреждена очень мало, отправили въ ближнюю деревню, чтобы поскорѣе исправить.

„Я попросилъ хлѣба и молока; но никто не слушалъ меня, пока не попалъ я на глаза одной крестьянской дѣвкѣ, которая въ большихъ суетахъ безпрестанно бѣгала взадъ и впередъ. „Ахъ!“ — сказала она мнѣ: „вы вѣрно ищете свою мамушку; ну, правда, вамъ и нельзя оппереться, чтобы вы не были ей сынъ: ужь шакъ но ней и вылипы, какъ двѣ капли воды. Слава Богу! госпожа только что испугалась; а больше ей ничего не сдѣлалось; теперь уже она опять пришла въ себя.“

„Слова этой дѣвки сдѣлали во мнѣ сильное впечатлѣнiе; я почувствовалъ непреодолимое желанiе видѣть незнакомую даму, и съ шрепетомъ приблизился къ скамьѣ, на которой еще издали увидѣлъ ее. Она сидѣла ко мнѣ спиною; но при шумѣ шаговъ моихъ вспала и оборотилась. Не могу описать вамъ, что почувствовалъ я при ея взглядѣ: это дѣйствiе волшебной силы природы, неизобразимой языкомъ человѣческимъ. Черты и форма ея лица, глаза, цвѣтъ волосъ — были шакъ сходны съ моими, что при первомъ взглядѣ, брошенномъ другъ на друга, тайное

предчувствие овладело нами. — „Кто это ты молодой человек?“ спросила она несколько дрожащим голосом у следовавшей за мною дьвки. — Развѣ это не сынъ вашъ? — былъ отвѣтъ. — Незнакомая дама бросила на меня неизъяснимый взглядъ. „Оставь насъ однихъ, милая“ — присовокупила она спуская несколько минутъ.

„По ея уходѣ, каждый изъ насъ хотѣлъ начать говорить; но слова замирали на губахъ нашихъ. Побуждаемый непреодолимою силой, упалъ я къ ногамъ ея, и обливая горячими слезами ея прекрасныя руки, прижималъ ихъ къ своему сердцу и губамъ. „Такъ!“ — воскликнулъ я наконецъ: „вы мать моя! Душа моя меня не обманываетъ; шакъ сердце мое можетъ биться только для матери!“ — И изъ ея глазъ выкатились слезы; она прижала меня къ своей груди: „Съ такою же силою“ — сказала она — „природа говоришь и въ моемъ сердцѣ. Кто ты? Какъ тебя зовушь?“

— Алексисомъ; я живу у Профессора Г*, къ которому неизвѣстно кто отдалъ меня, когда не было мнѣ еще десяти лѣтъ.

„Сынъ мой!“ — воскликнула она: „мой милый, единственный сынъ!“ — Слезы наши смѣшались — это были слезы чистѣйшаго, неизъяснимаго блаженства.

„Въ немногихъ словахъ мать моя разсказала мнѣ главнѣйшія происшествія своей жизни. На пашьнадцатомъ году выдала ее замужъ за Князя П*, шестидесятидвѣтицего старика, съ которымъ однако же соединяло ее одно только имя. Я былъ сынъ любви; отецъ мой, знаменитѣйшій герой своего времени, до рожденія моего, палъ въ сраженіи, въ которомъ пріобрѣлъ новыя лавры для своего отечества. Матери моей удалось скрыть мое рожденіе; но она должна была всего ожидать отъ мщенія своего супруга и корыстолюбія его фамиліи, если бы только существованіе мое сдѣлалось какимъ-либо образомъ извѣстно. Жизнь моей матери зависла отъ добраго ея имени и я, столько же какъ и она, чувствовала всю важность сохраненія тайны.

„Это неоспоримое, разительное сходство лицъ нашихъ“ — сказала она мнѣ — „заставляетъ меня требовать своего удаленія изъ Вены. Сподишь только увидѣшь себя одному изъ шпионовъ моихъ преслѣдователей и сейчасъ начнешь розыски: всего болѣе боюсь ихъ за тебя, Алексисъ; попомни что за вину матери не преминушь наказывать и сына. Надѣюсь, что уже недалеко время, когда мнѣ дозволено будетъ призвать тебя къ себѣ; до тѣхъ поръ оставь опече-

ство и отправься во Францію. Я дамъ тебѣ рекомендабельное письмо, которое хотя и не откроешь нашей шайны; но доставишь тебѣ въ Графъ Адрианъ В' мощнаго друга и покровителя. Графъ очень много мнѣ обязанъ; во время революціи я спасла жизнь его матери и благородная душа его будетъ рада случаю отплатить мнѣ въ швоемъ лицѣ то, что я для него сдѣлала. Ты можешь быть спокоенъ на счетъ будущей швоей жизни; только объшай никогда не пишай ко мнѣ и никогда безъ моего позволенія не возвращайся въ Германію или кому нибудь во Франціи названъ мое имя.

„Она говорила мнѣ еще многое, что было бы излишне повторять здѣсь, и помощью пренеющими устами произнесла приказаніе удалиться. Но я не имѣлъ для того довольно силъ; не могъ опвлечь отъ нея своихъ взоровъ; мнѣ казалось, что я долженъ неизгладимо напечатлѣть въ душѣ своей ея образъ; чувствовалъ, что ея голосъ никогда болѣе не отзовется въ моемъ слухѣ. Я вырвался изъ ея объшій; но непреодолимая сила влекла меня къ ней, къ моей матери....

„Она была распрогана не менѣ меня; но боясь возвращенія своихъ людей, боясь, чтобы они не увидѣли меня, не заспали насъ вмѣстѣ, собрала всѣ свои силы. Въ послѣд-

ний разъ прижала она меня къ своему сердцу — взоръ ея, казалось, призывалъ на меня благословеніе Неба — попомъ вырвалась изъ моихъ объятій.

„Ахъ! Кто бы могъ сказать мнѣ тогда, какая цѣпь злополучій послѣдуешь за блаженными минушами этого часа?

„Спустя нѣсколько дней послѣ нашего свиданія, получилъ я ошъ машери моей, черезъ неизвѣстнаго, паспортъ до Парижа, письмо къ Графу В* и кошелекъ съ деньгами. Мнѣ не стоило большого труда уйши ошъ своего Профессора. Я оставилъ письмо, въ кошоромъ просилъ его извинить мой побѣгъ и не приписывать его моему легкомыслию, а необходимости повиновашься священной для меня обязанности.

„Безъ всякихъ приключеній добрался я до Парижа. Здѣсь первую мою заботою было приспойно одѣшья; второю, нанять себѣ кварширу въ частномъ домѣ. Помомъ отправился я къ Графу В*. Людей его нашелъ я въ примѣтномъ замѣщацельствѣ, а ошъ камердинера получилъ корошкій отвѣшъ, что Графъ уѣхалъ въ деревню и ранѣе осьми или десяти дней не возвратишья.

„Считая необходимо нужнымъ видѣшья и поговорить съ Графомъ самому, я не рѣшился оставишъ людямъ письма моей маше-

ри, а счесть за лучшее придти понавѣдаться опять черезъ недѣлю. Но въ слѣдующій разъ нашедъ я уже домоу пуопыръ; прибишое на дверяхъ объявленіе показывало, что онъ ошдаеня въ наймы. Безпокоѣство мое возрасло, потому что я не зналъ ни одного чедовѣка, котораго бы могъ распросить о Графѣ. Дочь придверника увидѣла мое смущеніе и при выходѣ шепнула мнѣ на ухо: „Графъ убилъ на поединкѣ племянника Министра и потому принужденъ былъ бѣжать.“

„Что теперъ оставалось мнѣ дѣлать? Мать моя запретила мнѣ писать къ ней; никакого другаго рекомендабельнаго письма у меня не было; во всемъ необъятномъ гоуродѣ не зналъ я ни одного чедовѣка. Что начать, когда выдушъ всѣ данныя мнѣ деньги? За что приняшься, чтобы прокормить себя? Къ счастью, былъ я еще въ шакхъ лѣтахъ, когда чедовѣкъ хопя и легко бываетъ опечаленъ, но ничто не доводитъ его до отчаянія. Я сославлялъ тысячу плановъ, какими бы образомъ жить самому на свѣтѣ, и можеть бытъ они бы мнѣ и удались, елибы только съ вшой минушы несчастіе не начало преслѣдовать меня съ неимовѣрною жеснокостію и поспѣшностію.

„Въ слѣдующій день было публичное празднество и въ Поршъ-Родѣ великомъ

ный сейсерверкъ. Мнѣ было только осмнадцать лѣтъ: я еще ничего не видѣлъ въ свѣтъ и горѣлъ отъ любопытства посмотрѣть такое зрѣлище. Уже было нѣсколько поздно, когда я пришелъ: не заснавъ болѣе мѣсяцъ въ окошкахъ, помѣстился я на одномъ изъ сдѣданныхъ вокругъ подмосшковъ, откуда мнѣ было хорошо видно.

„Мало по-малу набралось на эти подмосшки чрезвычайное множество народа: они начали шрещаться. Многие изъ боязни сошла и смѣлся и съ безразсудною дерзостію возвратя еще выше. Вдругъ подо мною подлоиндось. Безъ чувствъ выпалили меня изъ подъ раздвинъ; правая нога моя была переломлена въ шрехъ мѣсяцъ, а сильный проломъ въ головѣ лишилъ меня памяти на нѣсколько дней.

„Тадъ какъ въ карманахъ моихъ не нашли ни иномы, ни паспорта, ничего совершенно, чшобъ могло открышь мое имя или жилище, по и перенесли меня въ госпиталь. Я не въ соседніи описашъ чувствительному сердцу вашему всѣхъ мученій, которыя долженъ былъ здѣсь вышерѣшь. Совсѣмъ одинокъ въ мѣрѣ, безъ ушѣшенія, безъ надежды, долженъ я былъ подвергнушь жесточайшей операции, и ни одинъ медовѣкъ не принялъ на себя шрудъ вдохнушь въ меня мужество,—

ни даже замѣшивъ, что я дѣйствительно имѣлъ его.

„Человѣколюбіе сохранило жизнь мою и пеклось о моемъ выздоровленіи; но ни одна слеза не была посвящена сожалѣнію о моихъ страданіяхъ, о несчастной участи, мнѣ предстоявшей: въ самыхъ цвѣшущихъ лѣтахъ сдѣлашья на вѣки калѣкою.

„Пришедъ въ чувство, послалъ я къ хозяевамъ своей кварширы и просилъ ихъ принести мнѣ кошелекъ, который оставилъ я въ своей комнатѣ въ письменномъ столѣ, и въ которомъ было еще 52 лудора. Хозяинъ въ самомъ дѣлѣ пришелъ ко мнѣ, но только для того, чтобы поднять ужасный шумъ объ оставленныхъ мною у него деньгахъ. По его словамъ нашелъ онъ въ столѣ моемъ только шесть франковъ, нѣсколько бѣлья и другихъ бездѣлицъ, которыя и гошовъ ошдашъ мнѣ, если только заплачу я должныя ему за кварширу деньги или по крайней мѣрѣ представляю поручителя въ уплатѣ.

„И то и другое было для меня равно невозможно. Когда же узнали о томъ въ госпиталѣ, я лишился и послѣдняго права на лучшее призрѣніе. Уже и то сочтено было за особую милость, что мнѣ позволили оспашья въ немъ до совершеннаго выздоров-

вленія, а не выполнили вонъ, какъ подозрительнаго бродягу.

„Въ этомъ ужасномъ положеніи рѣшился я, со всевозможною предосторожносью, обратишься къ моей мамери, будучи увѣренъ, что она простишь мнѣ нарушеніе даннаго мною обѣщанія, какъ скоро узнаешь о моемъ несчастіи и объ опсуствіи Графа В*.

„Надежда на любовь мамери шакъ подкрѣпила меня, что я могъ съ твердосію переносить спраданія. Съ неперпѣніемъ считалъ я часы и минушы до шого дня, когда долженъ былъ получить опвѣшь. — Почта пришла — сердце мое билось сильно, когда я распечашывалъ письмо: оно заключало въ немногихъ словахъ извѣстіе, что Княгиня при недѣль шому назадъ скоропесивно скончалась.

„И шеперь еще не понимаю, какъ могъ я прочесть это письмо — и не умереть въ ту же минушу. Сколь же велика должна быть сила юности и жизни, когда она въ состояніи выдержашъ шакія пошрясенія! — Я сокращу описаніе моихъ спраданій, милоспивая государыня, шѣмъ болѣе, что изобразить все, что я перпѣлъ и чувшвовалъ съ этого времени, превосходитъ мои силы.

„Безъ денегъ, безъ пристанища, безъ покрова оспавилъ я госпшпалъ. Два дня и двѣ

ночи проведъ я безъ пищи и пипья, подъ открытымъ небомъ, потому что не могъ рѣшишься пропянуть руку для испрошенія милосщныи. Наконецъ голодъ и жестокая необходимость принудили меня къ тому. — Въ это время Небо послало мнѣ своего Ангела: небесная доброта изображалась въ чертахъ ея — небесное утѣшеніе ниспосылалъ взоръ ея — я слышалъ ея голосъ — онъ проникъ душу мою новымъ, мнѣ впервые извѣстнымъ чувствомъ—мнѣ казалось, что я оставилъ землю, что Небо, сжалясь надъ моими спраданіями, переселило меня въ жилище блаженныхъ!

„Уже давно исчезли вы изъ глазъ моихъ, а я все еще споялъ неподвиженъ на томъ же мѣстѣ, погруженный въ самага себя. Съ этой минушы я ничего сполько не боялся, никакое злополучіе не казалось мнѣ такъ великимъ, какъ несчастіе лишиться когда нибудь наслажденія этого небеснаго явленія.

„Солнце давно уже было за горою, когда я отправился въ мрачное убѣжище, гдѣ обыкновенно проводилъ свои ночи: теперь оно не было для меня жилищемъ опчаянія—душа моя была превыше всѣхъ земныхъ спраданій — этошь день священъ, какъ тошь, въ кошорый узрѣлъ я машь свою — но сча

сплавѣ того, потому что за нимъ слѣдовалъ день новаго свиданія.

„Не могу пріискакать названія для чувства, которое овладѣло всемъ бытіемъ моимъ: оно было нераздѣльно, могущественно и при томъ такъ спокойно, такъ чисто. — Желанія мои были пламенны и при томъ такъ ограниченны. Одинъ мигъ, одинъ только мигъ, въ который бы я могъ видѣть васъ — и они были удовлетворены.

„Жизнь моя имѣла теперь цѣль — я не оставлялъ дерева, къ которому почти ежедневно привлекала васъ ваша благопріятельность, ваша небесная доброта; я не чувствовалъ болѣе ни свирѣпости времени, ни вліянія непогодъ, ни жесткости ложа, которыми служила мнѣ голая земля. — Никогда не обманывался я въ часъ, въ которомъ вы являлись, ни въ споронъ, откуда вы приходили; глаза мои лепѣли къ вамъ на встрѣчу; я чувствовалъ ваше приближеніе прежде, нежели могъ видѣть васъ, слышать шорохъ вашихъ шаговъ. Нѣсколько разъ начинали вы говорить со мною, освѣдомаясь о моихъ спраданіяхъ, о моихъ нуждахъ: въ такіе дни былъ я неизъяснимо счастливъ. Но и тогда, когда вы были не одни, когда, не останавливаясь, проходили мимо меня, я видѣлъ васъ — и уже былъ счастливъ.

„Какой неприязненный дух внушилъ вашей сестрицѣ состраданіе къ судьбѣ моей, заботу о моей участи? Я не желалъ ничего, кромѣ того, что милосердное Небо уже даровало мнѣ. — Бѣдный Алексисъ имѣлъ счастье привлечь на себя ваше вниманіе, заслужишь ваше участіе — я слышалъ, какъ однажды назвали вы меня своимъ бѣднякомъ — о, какъ я былъ счастливъ!

„Такъ, милосивая государыня! Я былъ вашимъ бѣднякомъ, вашимъ швореніемъ, вашей собственностію! Это несчастное, искаженное существо скрывало въ себѣ душу и то, что было въ ней искрою вѣчнаго, чистѣйшаго Свѣта, дѣлало меня достойнымъ бытъ и называться вашимъ бѣднякомъ.

„Что значило для меня лучшее одѣяніе, лучшая пища и жилище? Что было бы для меня мѣсто, гдѣ я не могъ видѣть васъ? — Вы сославляли душу моего существованія — вдали отъ вашего взора былъ я мертвъ и нечувствителенъ ко всему прочему.

„Я отвергнулъ ваши предложенія — это навлекло на меня ваше неудовольствіе; съ презрѣніемъ отвратились вы отъ меня, и я удался — чтобы умереть.

„Три дня жесточайшая горячка распяла и пожирала мою внутренность; на четвертый опнесли меня въ гошпиталь. Мои

дурно залеченная рана снова открылась; къ ней присоединился Ангионовъ огонь и мнѣ остается жить только нѣсколько минутъ.

„Не сожалѣйте о вашемъ бѣдномъ Алексѣ — онъ жилъ, потому что любилъ; но простите его и не вспоминайте о немъ съ презрѣніемъ.“ —

Я не могъ не уважить слезъ г-жи К* и угадалъ ея желаніе. Карета моя сподяла еще у подъезда, я бросился въ нее и носкалъ въ богадѣльню. — Спразанія Алексиса кончались — его уже не было!

Францъ Тарцовъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ.

	Стран.
✓ 1. Узникъ пюръмы Нью-Йоркской	3
✓ 2. Сирфанное сваповство (<i>Повѣсть</i>)	73
3. Анектошь	112
4. Мщеніе	113
5. Домовые	129
6. Примѣры дней	137
7. Адмираль Бомбель	141
8. Разныя мысли и изрѣченія	143
✓ 9. Андрей и Мареа (<i>Повѣсть</i>)	145
✓ 10. Анпонія (<i>Повѣсть</i>)	169
11. Брачный договоръ	201
12. Нищій	219

MAR 20 1957

